

А.Е. СУПРУН

**ВВЕДЕНИЕ
В СЛАВЯНСКУЮ
ФИЛОЛОГИЮ**

80-923

с 89

А.Е.СУПРУН
А.М.КАЛЮТА

ВВЕДЕНИЕ В СЛАВЯНСКУЮ ФИЛОЛОГИЮ

Допущено Министерством высшего
и среднего специального образования БССР
в качестве учебного пособия
для студентов филологических факультетов
университетов

736/5

МИНСК
«ВЫШЭЙШАЯ ШКОЛА»
1981

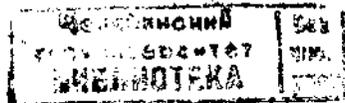
Ш1 27

ББК 81я73
С89 9

Рецензенты

Кафедра общего и славянского языкознания Одесского государственного университета.

Н. И. Толстой, доктор филологических наук, профессор, старший научный сотрудник Института славяноведения и балканистики АН СССР.

Супрун А. Е., Калюта А. М.

С89 Введение в славянскую филологию: [Учеб. пособие для филол. фак. ун-тов].— Мн.: Выш. школа, 1981.— 432 с., ил.

В пер.: 1 р. 10 к.

Даются сведения о славянских языках в современном мире и их носителях, о жизни славян в древности, о возникновении славянской письменности; сведения по истории славянской филологии; краткие сведения о современной проблематике славистики. Пособие снабжено картами, библиографиями при разделах, именным указателем.

С 70101—056
М 304(05)—81

ББК 81 я 73

4

© Издательство «Вышэйшая школа», 1981.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Приступая к изучению русского языка и литературы, белорусского языка и литературы, студент-филолог получает в курсах введения в языкознание и литературоведение необходимую теоретическую установку. Курс введения в специальность дает ряд полезных для студента-новичка и будущего специалиста практических установок. Но успешная работа по филологии требует еще и того, чтобы объект изучения — словесное творчество народа — представал на фоне других языков, прежде всего ближайше родственных. Еще Ф. Энгельс писал, что для того, чтобы разобраться в родном языке, необходимо обращаться к живым и мертвым родственным языкам. Такое обращение имеет смысл лишь при условии, что известны хотя бы элементарные сведения об этих языках и созданных их носителями культурах, их распространении, развитии. Поэтому ознакомление студентов с совокупностью родственных языков является важной частью теоретической подготовки к восприятию всего историко-лингвистического цикла дисциплин. То обстоятельство, что все славянские народы встали на путь социализма, определяет повышенный к ним интерес и свидетельствует о важности введения в славянскую филологию в общеобразовательном плане. Курс «Введение в славянскую филологию», призванный решить указанные задачи, включен в типовые университетские учебные планы с 1973 г. На состоявшемся тогда же в Минске заседании секции славянской филологии Совета по высшему филологическому образованию Министерства высшего и среднего специального образования СССР был обсужден опыт различных университетов по чтению этого курса и приняты рекомендации о его про-

грамме, представленной Московским университетом, которая и была утверждена в 1974 г.

Курс введения в славянскую филологию должен дать студентам сведения о славянских языках в современном мире и их носителях с элементарными историческими справками; о жизни славян в древности; о возникновении славянской письменности; сведения по истории славянской филологии; краткие сведения о современной проблематике славистики. Эта информация может даваться студентам по-разному. Так, например, в Московском университете традиционно много внимания уделяется славянским древностям, в Ленинградском университете больше всего внимания уделяется истории славянской филологии. И в том и в другом случае, получая часть информации на лекциях, студенты могут пополнить ее путем чтения вспомогательной литературы. Однако общего и доступного пособия для студентов по введению в славянскую филологию пока что не существовало. Между тем без пособия изучение этой дисциплины, в частности, студентами, занимающимися без отрыва от производства, крайне затруднительно.

Опираясь на опыт преподавания курса в Белорусском государственном университете, можно высказать предположение, что по одним разделам студент может получить больше материалов из лекций, по другим — в ходе семинарских занятий, а по третьим — ему лучше воспользоваться печатными пособиями. Так, предполагается, что на лекциях могут менее подробно характеризоваться отдельные языки и история славянской филологии, а более подробно, в соответствии с новейшими исследованиями, освещаться такие проблемы, как «Славяне в древности» и «Возникновение славянской письменности»; материалы пособия по этим разделам могут быть использованы для работы на практических занятиях (фрагменты старых текстов) и для внеаудиторной самостоятельной работы (фрагменты из научных и учебно-популярных работ). На этапе углубления, систематизации знаний, повторения можно воспользоваться справочным аппаратом пособия — библиографиями при разделах, указателем, а также картами.

Авторская работа при составлении пособия распределена следующим образом: разделы I, IV и заключение написаны А. Е. Супруном, материалы для разделов

II и III подготовлены и подобраны А. М. Калютой; общее руководство принадлежит А. Е. Супруну. Авторы глубоко благодарны коллегам, взявшим на себя труд прочтения всего пособия или отдельных параграфов. Сделанные ими замечания позволили улучшить пособие, хотя авторам ясно, что в первом опыте такого рода трудно полностью избежать недочетов и промахов.

А. Е. Супрун

Раздел I

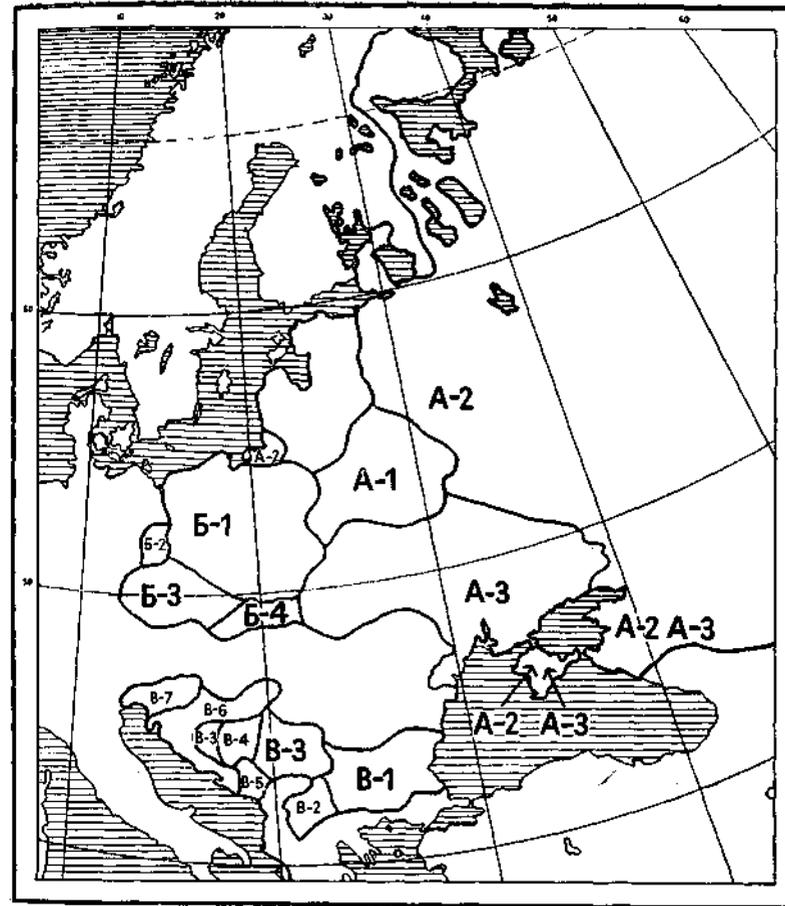
СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

Славянские языки — пятая в мире (после китайской, индийской, германской и романской) по распространенности группа языков. К современным славянским языкам относятся (в порядке убывания числа носителей этих языков): русский, украинский, польский, сербскохорватский, чешский, белорусский, болгарский, словацкий, словенский, македонский, серболужицкий, а также некоторые микроязыки узкого распространения (например, язык югославских русинов). Кроме этих, живых славянских языков, зафиксированы еще некоторые ныне не используемые (мертвые) языки.

Славянское население составляет три четверти населения СССР. Славянские языки — наиболее распространенные в Европе (около 210 млн. говорящих, в то время как на германских языках в Европе говорит порядка 175 млн., а на романских — 155 млн.). Общее количество носителей славянских языков в мире составляет 275—280 млн. человек. Точные данные привести затруднительно из-за неполноты данных по неславянским странам, в частности по США.

Славяне представляют собой группу народов, объединенную общностью происхождения и близостью языков. (Следует вместе с тем отметить определенную роль в этногенезе славян представителей других этнических групп: балтийцев, тюрков и др.) Несмотря на то, что уже полторы тысячи лет назад славяне расселились по различным территориям и в их языках выработались определенные различия, несмотря на то, что в течение столетий славяне жили в разных государствах, нередко в угнетенном положении, они сохранили память о единстве своего происхождения, близость своих языков и в той или иной мере чувство славянской общности. Если Руси (затем России) и Польше на протяжении длитель-

Современные славянские народы

А-1. Белорусы. А-2. Русские. А-3. Украинцы. В-1. Поляки. В-2. Серболужицкие. В-3. Чехи. В-4. Словаки. В-5. Болгары. В-6. Македонцы. В-7. Сербия. В-8. Боснийцы. В-9. Черногорцы. В-10. Хорваты. В-11. Словенцы

ного периода удавалось сохранить свои национальные государства (хотя и в истории этих славянских стран были тяжелые периоды, обусловленные татаро-монгольским нашествием на Русь в XIII—XV вв. и разделами Польши в конце XVIII в.), то другие славянские народы

Таблица 1
Славяне в начале XX в.
(По данным на 1911 г. в кн.: Флоринский Т. Д. Этнографическая карта западного славянства и Западной Руси. Киев, 1911)

Названия народов	Количество (в тыс. чел.)	По государствам и странам (в тыс. чел.)										Итого . . . ***												
		Российская империя	Болгарское царство	Сербское королевство	Черногорское королевство	Австро-венгерская империя	Турция	Германия	Румыния	Италия	Прочая Европа и Азия		Америка											
Белорусы (русские)	69 400																							
Малорусы (украинцы)	33 100	28 200				4500																		
Белорусы	7400	7400																						
Болгары	5700	226	3400																					
Сербы и хорваты	9773	2																						
Словенцы	1500																							
Чехи	7500	65																						
Словаки	2740	2																						
Серболужичане	157																							
Поляки	21 700	9800				4900																		
Кашубы	370																							
Итого . . . ***	159 420	115 100	3400	2800	260	25 600	2450	4500	130	50	600	4500												

* Саксония.

** Пруссия.

*** Суммарные цифры у Флоринского учитывают, видимо, небольшие группы, которые фигурируют иногда в графе «Америка и другие страны», «Россия и другие страны», а также произведенные им округления и потому не являются простой суммой столбца.

в течение длительных периодов не имели своей национальной государственности: южные славяне на протяжении столетий (XIII—XIX вв.) были под тяжелейшим турецко-османским игом; чехи, словаки, словенцы, хорваты, а частично также поляки и украинцы оказались в рамках Австрийского и Венгерского государств, а затем Австро-Венгрии; серболужичане находились в Германии; украинцы и белорусы длительное время были на подчиненном положении в составе Речи Посполитой. Многие славянские народы в течение длительного времени оказывались разорванными в составе различных государств. Так, к примеру, только после второй мировой войны, в 1945 г., после тысячелетнего перерыва, все украинские земли были объединены в единое Украинское Советское государство (перед второй мировой войной Западная Украина была в составе Польши, Северная Буковина и Южная Бессарабия — в составе Румынии, Закарпатская Украина — в составе Чехословакии; в начале XX в. значительная часть Украины была в составе Австро-Венгерской империи). Польша в XIX в. была разорвана между Россией, Австро-Венгрией и Пруссией (Германией). Даже небольшой народ лужичан не только жил среди немцев, но и был разделен между Саксонией и Пруссией. В табл. 1 приведены данные о распределении славян по государствам в 1911 г.

Разобщенность славян усиливалась религиозными различиями. Если основная масса восточного и южного славянства была в прошлом православной, т. е. принадлежала к восточному крылу христианской церкви, то большинство западных славян, а также словенцы и хорваты были католиками. Некоторая часть украинцев и других славян была униатами, занимавшими промежуточное положение между этими церквями. Протестантское движение, которое имело в прошлом немалое распространение среди славян (гуситы в Чехии, кальвинисты в Польше и Белоруссии и др.), утратило свое значение, однако в XIX в. большинство серболужичан и значительная часть словаков и поляков были протестантами. Некоторая часть южных славян оказалась вынужденной принять в период турецкого господства мусульманство. В табл. 2 представлено распределение славян по религии в середине XIX в. В наше время, разумеется, для очень многих славян бывшая религиозная принад-

Таблица 2

Славяне в середине XIX в.
(по данным «Славянского народоописания» П. Шафарика, 1849 г.)

Название народа (по современной терминологии)	Количество (в тыс. человек)	Религиозная принадлежность (в тыс.)				
		православные	униаты	католики	протестанты	мусульмане
Русские	35 314	35 314				
Украинцы	13 144	10 154	2990			
Белорусы	2726	2376		350		
Болгары	3587	3287		50		250
Сербы, хорваты, боснийцы, черногорцы	6095	2880		2665		550
Словенцы	1151			1138	13	
Поляки	9365			8923	442	
Чехи	4414			4270	144	
Словаки	2753			1953	800	
Серболужичане	142			10	132	
Всего . . .	78 691	54 011	2990	19 359	1531	800

лежность уже утратила актуальное значение, но еще сто и даже пятьдесят лет назад она была довольно существенным фактором в духовной жизни народов.

Использование той или иной разновидности письменности у разных славянских народов связано с их былой религиозной принадлежностью: латинская письменность принята у народов, где господствовала католическая религия или протестантство, а славянская (кирилловская, русская гражданская) письменность распространена среди православных христиан. Появление славянской письменности вообще, а следовательно, и древнейшей славянской азбуки — глаголицы, связано с принятием славянами христианства. Переход части южных славян в мусульманство, а татар-мусульман в Белоруссии и Литве на славянскую (белорусскую или польскую) речь обусловил использование для передачи славянских текстов средств арабского алфавита. В табл. 3 и 4 показаны основные способы передачи славянских звуковых систем средствами различных письменностей.

Таблица 3

Передача звуков на письме
в славянских языках

звук	Глаголица	Кириллица	Гражданская азбука	Латиница	Белорусские кириллицы
1	2	3	4	5	6
<i>Гласные</i>					
а	Ɑ	А	а	а	Ɑ
ја	Ɱ	Я	я—р, у, бел, бол		
ѡ			— " —	ǫ—сц	
о	Ɱ	О	о	о	Ɱ
јо, ѡ			ѡ—р, бел		
ѣ	Ɱ	Ѧ		ѣ—п	
е	Ɱ	Е	э—р, бел е—у, бол, с, м	е	Е
је, ѡ		Ю	е—р, бел е—у		
ѣ	Ɱ	Ѧ		ѣ—п	
і	Ɱ, Ɱ, Ɱ, Ɱ	И, И, У	и—р, бол, с, м і—у, бел	і—п, х, сн, сл і, у—ч, сц	И
ји			і—у		
у	Ɱ, Ɱ	У, У	ы—р, бел у—у	у—п, сл	
и	Ɱ	ОУ	у	и	Ɱ
		Ѹ		Ѹ—п	

1	2	3	4	5	6
ju, u	Ю	Ю	ю—р, у, бел, бол		
ÿ; ô				ÿ—ч, ô—сц	
ÿ			ÿ—бел	ÿ—п, сл	
ÿ	А	Б		(ÿ—ч, сл)	
ъ	Ѡ	Ѣ	ъ—бол		
ь	Ѡ	Ѣ			
Согласные					
л	Ѡ	Л	л	л	ل
л'			л'—с, м	л'—сц	
р	Б	Р	р	р	ر
р'				р'—ч, сл	
т	Ѡ	М	м	т	م
п	Р	Н	н	п	ن
н'			н'—с, м	н'—п, сл, ÿ ч, сц	
ј		І	ÿ—р, у, бел, бол	ј	س
			ј'—с, м		
			(ъ—р; ѡ—у, бел		
			ь—р, бел)		
б	Б	Б	б	б	ب
п	Р	П	п	п	پ
v, w	Ѡ	В	в	v—ч, сц, х, сн	و
				w—п, сл	

1	2	3	4	5	6
f	Ф	Ф	ф	f	ف
g	Г	Г	г—р, бол, с, м	g	ع
h			г—у, бел	h—ч, сц, сл	ه
x	Х	Х	х	ch—п, ч, сц, сл	ح
				h—х, сн, п	ح
к	К	К	к	к	ق
к'			к'—м		
г'	М	Д	г'—м		
d	Ѡ	Д	д	d	د
d'				d'—ч, сц	
t	Т	Т	т	t	ت
t'				t'—ч, сц	
s	С	С	с	s	س
с'				с'—п, сл	
z	З	З	з	z	ز
з'				з'—п, сл	
dz	ДЗ	ДЗ	s—м		
dž			д—с	d—х	
c	Ц	Ц	ч	c	چ
с'			ч—с	с'—п, сл, х	
dž			ч—с, м		
č	Ч	Ч	ч	č—ч, сц, сл, х, сн	چ
				cz—п	

1	2	3	4	5	6
ž	Ѣ	Ж	ж	ž--Ч, Сц, Сл, Х, Сл ž, rz--П	ژ
š	Ш	Ш	ш	š--Ч, Сц, Сл, Х, Сл sz--П	ش
št	Щ	Щ	щ--Бол		
š			щ--Р		
šc			щ--У		
Мягкость	◌̣		ь--Р, У, Бел, Бол	(j--Х, Сл; i--П, Сц)	

Примечание. В таблице не отмечаются диграфы, обозначающие аффрикаты типа *дж*, а также не указываются позиционные варианты обозначения звуков, не оговариваются специально различные позиции, в которых используются те или иные буквы. Не указаны заглавные и рукописные варианты букв. Сокращенные обозначения современных славянских алфавитов: Р—русский, У—украинский, Бел—белорусский, Бол—болгарский, С—сербский, М—македонский, П—польский, Ч—чешский, Сц—словацкий, Сл—серболоужицкий, Нл—нижнелужицкий, Вл—верхнелужицкий, Х—хорватский, Сл—словенский.

Арабские написания «белорусских китабов» даются по кн.: Антонович А. К. Белорусские тексты, писанные арабским письмом, и их графико-орфографическая система. Вильнюс, 1968, с. 192—194. Приводятся обособленные написания.

Сравнивая данные табл. 2, 1 и 5, можно увидеть, как значительно выросло «славянское племя» за последние полтора столетия. По сравнению с 40-ми гг. XIX в., когда Шафарик насчитывал менее 80 млн. славян в мире, теперь количество славян выросло в три с половиной раза и достигает почти 280 млн. человек. Особенно значительно выросло количество русских, поляков, украинцев, белорусов. Уменьшилось количество серболоужичан,

Таблица 4

Алфавиты на кириллической основе	Алфавиты на латинской основе
ŷ — Бел i, e — У h, h — С s, k, r — М ь — Р, Бол (в разн. знач.) ě, ы, э — Р, Бел i — У, Бел j, њ, њ, њ — С, М	a, e, z — П ŷ — Ч ā, ō, ō — Сц f — Нл d (Đ) — Х n, z, i — П, Сл s — П, Нл ě — Ч, Сл r — Ч, Вл t', d', n — Ч, Сц

Примечание. В таблицу включены буквы, встречающиеся только в одном или двух современных славянских алфавитах; архаичные буквы, а также дополнительные надстрочные знаки, обозначающие долготы, интонацию и ударения, не учитывались (но ср. польские и словацкие знаки над *o*, обозначающие, однако, не ударение и не долготу). Серболоужицкие алфавиты учтены и как алфавит одного народа (Сл), и отдельно (Нл, Вл). Более чем в двух славянских алфавитах, на латинской основе встречаются буквы с дополнительными знаками: š, š, ž, ě.

что связано с их расселением среди немцев и замкнутым небольшим коллективом.

Языковой характер славянской общности виден из данных табл. 5, где указано количество лиц, принадлежащих к тому или иному славянскому народу, и количество лиц, пользующихся тем или иным славянским языком. Как правило, некоторая часть представителей того или иного народа, проживающая в других странах, продолжая сознавать себя частью данного народа, вместе с тем уже не считает язык своего народа родным, а иногда даже не знает его. Этим объясняется некоторое уменьшение цифр второго столбца по сравнению с первым. Но русский язык, являющийся языком межнационального общения в нашей стране, а также выдвигающийся на положение одного из мировых языков, оказался родным для значительной части представителей нерусских народов СССР (14 млн. чел.), в связи с чем и общее количество носителей славянских языков даже превысило количество людей, относимых к числу славян по этнической принадлежности. В целом, однако, данные

ным пребыванием под турецким гнетом (XIV—XIX вв.). Имеются общие лексические элементы у поляков, украинцев, белорусов в связи с тем, что Украина и Белоруссия находились в составе Польского государства (XV—XVII вв.). Выработался общий фонд лексики у славянских народов Советского Союза, связанный с общностью экономики, культуры всего советского народа, ставшего новой исторической общностью людей; вырабатывается и общий фонд лексики в языках народов Югославии.

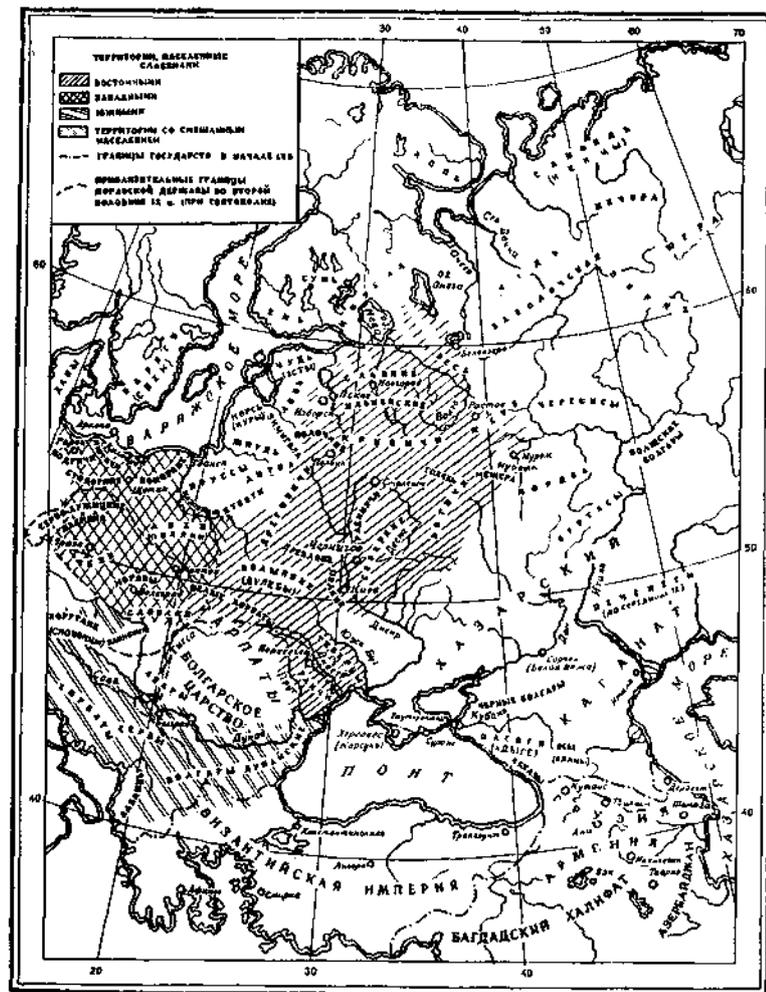
Литература*

- Кондрашов Н. А. Славянские языки.— М.: Учпедгиз, 1962.
 Трофимович К. К. Практикум з порівняльної граматики слов'янських мов.— Львів: Вид-во Львівськ. ун-ту, 1960.
 Энциклопедия славянской филологии. Издание Отделения русского языка и словесности Имп. Академии наук под ред. орд. акад. И. В. Ягича.— Спб.— Пг., 1908—1915. Вышли тома: 1, 2, 3, 4.1, 4.2, 5.2, 10, 11.1, 12.
 Мокиенко В. М. Славянская фразеология.— М.: Высш. школа, 1980.
 Нидерле Л. Обзорение современного славянства.— Спб., 1909 (вып. 2 «Энциклопедии славянской филологии»)
 Флоринский Т. Д. Этнографическая карта западного славянства и Западной Руси.— Киев, 1911.
 История южных и западных славян.— М.: Изд-во Моск. ун-та, 1957.
 Георгиев Е. Очерки по истории на славянските литератури. Ч. 1-2.— София: Наука и изкуство, 1958—1963.
 Hogałek K. Úvod do studia slovanských jazyků.— Praha, 1955.
 Lehr-Splawinski T., Kuraszkiewicz W., Sławski F. Przegląd i charakterystyka języków słowiańskich.— Warszawa, PWN, 1954.
 Safárik P. J. Slovanský národopis.— Praha, 1955.
 Калоева И. А. Советское славяноведение. Литература о зарубежных славянских странах на русском языке. 1918—1960.— М.: Изд-во АН СССР, 1963.
 Славянское языкознание. Библиографический указатель литературы, изданное в СССР. Ч. 1, 1918—1955; ч. 2, 1956—1960.— М.: Изд-во АН СССР, 1963; 1961—1965.— М.: Наука, 1969; 1966—1970.— М.: Наука, 1973. Издание продолжается.
 Sadnik L., Aitzetmüller R. Vergleichendes Wörterbuch der slavischen Sprachen. Bd. 1 (издание продолжается).— Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1975...

* В дальнейшем при пользовании библиографиями в конце разделов следует иметь в виду, что указания на те или иные работы не повторяются, а потому книги, приведенные в разделах более общих (например, характеризующих подгруппы языков), следует учитывать и при подборе литературы по отдельным славянским языкам (народам, литературам).

Термин «праславянский язык» используется для обозначения языка древних славянских племен, на базе которого возникли в результате ряда преобразований отдельные славянские языки. Термин «праславянский» соотноситель с немецким термином «*ur-slavisch*». Во французской литературе принят другой термин — «*slave commune*», который у нас принято переводить как «общеславянский». Для нас этот термин представляется менее удачным, потому что он не содержит указания на происхождение; явление может быть общеславянским по распространению, но не по происхождению. В английской литературе иногда употребляется термин «*proto-slavic*»; в соответствии с нашей практикой этот термин следовало бы использовать для обозначения дославянского состояния. Используемый у нас в 50-х гг. термин «славянский язык-основа» неудобен из-за громоздкости и невозможности образования от него прилагательного для обозначения принадлежащих этому языку фактов, а потому и не принят в научной практике. Термин «праславянский язык» равнозначен сочетанию «славянский праязык».

Древние славяне составляли определенную историческую общность. Показателем общности славянских племен была относительная общность диалектов, которыми пользовались эти племена, что в какой-то степени сохранилось и в более позднюю пору, когда отдельные группы славян оказались достаточно далеко друг от друга территориально, в рамках разных государственных образований. Однако следует отдавать себе отчет также в том, что праславянский язык никогда не был абсолютно единым: диалектное членение в нем ощущалось достаточно сильно. Так, к числу довольно древних диалектных различий в праславянском языке можно отнести качество ξ — взрывной (как в северновеликорусских говорах, польском, кашубском, нижнелужицком, а также в южных славянских языках) или фрикативный (как в южновеликорусских говорах, украинском, белорусском, чешском, словацком, верхнелужицком языках). С течением времени, по мере расселения славян на все больших территориях, возникали новые диалектные черты и уси-

Народы Восточной Европы в середине IX в.

ливалась обособленность отдельных праславянских диалектов.

Сведения о праславянском языке мы черпаем прежде всего путем сравнения славянских языков между собой, а также путем сравнения с другими родственными индоевропейскими языками. Те факты, которые засвидетель-

ствованы различными славянскими языками, могут отражать древние славянские явления, особенно если это подтверждается явлениями других индоевропейских языков. Так, например, русскому и белорусскому *e* в слове *лето* и подобным в украинском соответствует *i* (*літо*), в болгарском — *'a* (*лято*), в польском — тоже (*lato*), в то же время в других случаях во всех этих языках выступает *e* или *o*: рус. и укр. *озеро*, польск. *jezioro*, болг. *ezero* и т. д. Отсюда делается вывод, что на месте этих теперь совпавших в части славянских языков в *e* звуков были две разные праславянские фонемы **e* и **ě*; сравнение с другими индоевропейскими языками подтверждает такое предположение, поскольку на месте **e* там выступает краткий гласный или его нынешнее отражение (рефлекс), а на месте **ě* — долгий гласный или его рефлекс.

Некоторые сведения о праславянском языке выявляются в процессе внутренней реконструкции на основании структурного анализа такого языкового состояния, которое характеризуется как праславянское. Если собственно славянские факты скорее указывают на поздний праславянский язык, а сравнение с другими индоевропейскими — на ранний праславянский, то его история в значительной мере восстанавливается путем установления относительной хронологии: такое-то явление *A* произошло после такого-то явления *B*, так как лишь условия, возникшие после явления *B*, обеспечивали возможность явления *A*: так, например, вторая палатализация заднеязычных, т. е. переход *g, k, x* в *z, s, š* перед передними гласными дифтонгического происхождения, могла произойти только после того, как дифтонг **oi* превратился в передний гласный *ě* или *i*. Вспомогательные данные о праславянском языке можно почерпнуть в словах, заимствованных из праславянского и в праславянский, в некоторых местных названиях (топонимах), изредка — в прямых сообщениях представителей других народов о жизни древних славян.

Исследования праславянского языка занимали славяноведение на протяжении всей его истории. По сути дела восстановление праславянского языка составляет одну из центральных задач сравнительной грамматики славянских языков. Эта проблематика занимала

А. Х. Востокова и И. Добровского, А. Шлейхера и Ф. Миклошича, Ф. Ф. Фортунатова и А. А. Шахматова, Я. Розвадовского и А. И. Белича, И. Зубатого и В. Поржезинского, Э. Бернекера и М. Фасмера. Из ученых нашего столетия, создавших обобщающие труды по проблемам праславянского языка, следует назвать А. Мейе, Р. Нахтигала, Н. Ван-Вейка, Р. Якобсона, Т. Лера-Сплавинского, Г. А. Ильинского, Л. А. Булаховского, В. Вондрака, И. Микколу, Й. Коржинека, К. Горалека, И. Лекова, В. Георгиева, В. Махека, С. Б. Бернштейна, А. Вайана, З. Штибера и др.

Праславянский язык не был зафиксирован на письме. В памятниках первого славянского письменного языка — старославянского — отразились многие черты звукового и особенно грамматического строя праславянского языка позднего периода его существования, хотя некоторые языковые явления в старославянском не совпадают с праславянским: от времени расселения славян и распада праславянского языка (середина I тысячелетия н. э.) до возникновения старославянского языка (IX в.) и создания на нем дошедших до нас письменных памятников прошло несколько столетий.

Для передачи звуков, форм слов праславянского языка в науке выработана транскрипция, в основу которой положен латинский алфавит с внесенными в него дополнительными знаками, передающими специфические славянские звуки. В табл. 6 представлены знаки праславянской транскрипции и русские обозначения или описания звуков, обозначаемых этими знаками. В скобках приводятся некоторые встречающиеся в практике варианты обозначений. Встречаются и некоторые другие обозначения, которые, однако, обычно специально объясняются. Для того чтобы обозначить гипотетический характер восстанавливаемых звуков, форм, слов, перед ними ставят астериск (звездочку; от греч. *αστήρ* 'звезда'). Иногда бывает целесообразным передать не целое слово, а только его часть, например корень или основу, тогда после нее ставится дефис, чтобы обозначить незаконченность слова.

Когда речь идет о происхождении праславянских звуков, форм или слов, приходится использовать также индоевропейскую транскрипцию. В этом случае знаки обычно используются в том же значении, что и в пра-

Таблица 6

Праславянская транскрипция

Знак	Русское обозначение или толкование	Знак	Русское обозначение или толкование
a	а	o	о
b	б	ȯ(o)	о носовое
c(ć)	ц (мягкое)	p	п
č(č̣)	ч (мягкое)	r	р
d	д	ř	р мягкое
e	э (краткое)	ṛ̌	р слоговое
ě(ǣ)	«ять» (долгий передний открытый)	s	с
ė(ė)	э (носовое)	š	с мягкое
(i)	ф (в заимствованиях)	ṣ̌(ṣ̌)	ш (мягкое)
g	г (взрывное)	t	т
(h)	г (фрикативное, диалектное)	u	у
i	и	v(w, u)	в (в скобках даны знаки, подчеркивающие билабиальность)
j	й («йот»)	x(ch)	х
k	к	y	ы
l(l)	л (указывающий на твердость знак)	z	з
l'	л мягкое	ž	з мягкое
ḷ	л слоговое	ẓ̌(ẓ̌)	ж (мягкое)
m	м	ь(i)	краткий гласный и
n	н	ь(u)	краткий гласный у
ṇ	н мягкое		

славянской транскрипции, однако существуют некоторые дополнительные обозначения. Долгота гласных обозначается черточкой над буквой, а краткость — дужкой. Дужка под буквой обозначает ее неслоговой характер, а кружок (под знаками сонорных) — их слоговой характер. Мягкий характер заднеязычных обозначается апострофом (или его видоизменением) после знака согласного: лабиализованный характер этих согласных передается малой надстрочной буквой *w* или *u*, например: *k^w* или *k^u*. Придыхательный характер согласного обозначается постановкой *h* после знака соответствующего согласного (например, *dh*).

Хронологические рамки существования праславянского языка определяются не очень точно. По-видимому, около рубежа III и II тысячелетия до н. э. уже происхо-

дли процессы, ведущие к формированию праславянской языковой общности, к выделению ее среди других индоевропейских племен. Есть основания полагать, что в обо-
 близких отношениях были носители славянских диалектов с носителями балтийских. Возможно, что в течение некоторого, скорее, не очень продолжительного времени существовало такое их единство, которое позволяет говорить о балтославянском праязыке или балтославянском периоде в развитии славянских и балтийских языков; этот вопрос, однако, еще требует дальнейших исследований. Общими балтославянскими языковыми процессами являются: 1) переход индоевропейских смягченных заднеязычных *g, *k в славянские свистящие *ž, *š (балтийские ž, š): греч. δεκα, слав. desetъ (рус. десять), балт. лит. dešimt (процесс этот происходил также в других индоевропейских языках); 2) совпадение, как и в некоторых других индоевропейских языках, придыхательных и непридыхательных взрывных звонких согласных (ср.: рус. дом и дым из и.-е. *dom- и *dhūm- при лат. domus и fumus); 3) некоторые сходства в изменениях морфологии (в частности, в спряжении) и словообразований, а также в лексике. К концу II тысячелетия до н. э. происходит формирование собственно праславянских языковых черт. К этим чертам относятся: 1) преобразования в соотношении *o и *a, связанные с утратой их противопоставления по лабиальности (с этим связана и особенность, указанная в п. 3): совпадение долгих *ō, *ā в звуке *a, который в большинстве славянских языков отражен в виде a, а кратких *a, *o в звуке *o, который отражен в большинстве славянских языков в виде o, например: лат. dō(num), праслав. *da(rъ) 'дар', лат. māter, праслав. *mati, 'мать', лат. hostis 'чужеземец', праслав. *gostъ 'гость', лат. mare, праслав. *morje 'море'; 2) сокращение (редукция) индоевропейских кратких закрытых гласных *u, *i, превращение их в праслав. *ъ, *ь: греч. λιχον, лит. linai, праслав. *lъnъ 'лен'; лат. muscus, лит. musai, праслав. *mъxъ 'мох'; 3) утрата лабиализации губным гласным *ū и превращение его в *y: санскр. sūnūš, лит. sūnūs, праслав. *synъ 'сын'; 4) переход *s после *i, *u, *r, *k в *x: лит. teisūs, праслав. *lixъ 'тихий'; 5) постепенное преобразование глагольной системы, приведшее к выработке нового славянского имперфекта.

Важнейшими процессами, которые происходили в системе праславянского языка, были звуковые изменения, связанные с тенденцией к превращению слога в основную звуковую единицу языка. Эта тенденция так и не осуществилась до конца. Она конкретизировалась в тенденции к восходящей звучности слога и тенденции к гармонии (сингармонизму) слога. Первая из названных тенденций проявилась в утрате конечных шумных согласных в слогах и преобразованиях в слоговой структуре, направленных на то, чтобы звуки в слоге располагались в направлении от менее звучных к более звучным (установились четыре ступени звучности: проточные, смычные, сонорные и гласные), в монофтонгизации закрытых дифтонгов, в появлении носовых гласных вместо нарушавших указанную тенденцию сочетаний гласных с носовыми согласными, в преобразованиях сочетаний типа *torъ и др. Вторая тенденция проявилась в изменениях непередних гласных после *i в передние, в смягчении (палатализации) заднеязычных согласных перед передними гласными, в преобразованиях согласных в сочетаниях с *i и других явлениях. Изменения в звуковой системе привели к перестройке в системе склонения: вместо единых окончаний, которые присоединялись к разным типам основ имен, путем переразложения основ и окончаний выработались различные типы окончаний, а следовательно, различные типы склонения. Этот процесс протекал параллельно с процессом формирования трехродовой системы имен. В праславянском языке имена постепенно разделялись на два типа — существительные и прилагательные, окончательно выделившиеся в связи с развитием местоименного (членного) склонения, семантическая база которого закладывалась еще в балтославянскую эпоху. В глагольной системе происходило формирование категории вида, одной из наиболее характерных для славянского глагола, при преобразовании залоговых отношений. Получило большое развитие префиксальное словообразование у глаголов, в то время как у имен развивалась система словообразовательных суффиксов. Закладывались семантические основы и возникали грамматические противоречия, обусловившие в будущем выделение числительных как особой части речи. Формировался и обогащался лексический фонд наречий, а семантическая структура местоимений подверглась

преобразованиям. Закреплялись основные присущие славянским языкам модели простых предложений действительного (активного) типа и создавались предпосылки для развития сложного предложения.

Не все процессы, начинавшиеся в праславянскую эпоху, завершились в рамках праславянского языка. Некоторые из них протекали уже в отдельных группах славянских диалектов, хотя толчок для их развития был дан именно в праславянском языке. В области фонетики первым таким звуковым процессом, захватившим своими преобразованиями и последствиями всю звуковую систему, был процесс падения *ъ, *ь: их утраты в слабой позиции и преобразований в нормальные гласные — в сильной. Этот процесс протекал уже по-разному в разных славянских языках. С ним коррелируют и другие преобразования в системе гласных: утрата во многих языках противопоставления долгих и кратких гласных, имевшихся в индоевропейском и сохранившихся в праславянском, утрата в большинстве языков носовых гласных, сокращение числа элементов в системе гласных, развитие во многих языках мягкости согласных и т. п. Для многих славянских языков оказался характерным путь преобразования трехчленной системы числа в двухчленную (утрата двойственного числа), упрощение в системе прошедших времен, связанное с развитием категории вида, кристаллизация в особую часть речи числительных, развитие гипотаксиса (сложноподчиненных предложений) и некоторые другие грамматические процессы, хотя конкретные их формы неодинаковы в различных славянских языках.

Если первоначально праславянский язык был распространен на сравнительно ограниченной территории (крайние границы — между Одером и Днестром по 50—55 параллелям), то постепенно в I тысячелетии н. э. происходит расселение славян по более обширному пространству Восточной Европы и Балканского полуострова, завершившееся в основном к VI—VII вв. Эту дату и следует признать верхней хронологической границей существования праславянского языка. Уже в последние столетия существования относительно единого праславянского языка некоторые звуковые и грамматические процессы протекали по-разному в различных диалектных зонах. Наиболее яркими показателями древнейших раз-

Таблица 7

Важнейшие фонетические различия групп славянских языков

Праславянские формы	Восточно-славянские формы	Западно-славянские формы	Южнославянские формы
*dl, *tl	l	dl, tl	l
*e-	o-	je-	e-
*bj, *pj, ...	bl', pl', ...	b', p', ...	bl', pl'; b', p', ...
*gvě-, *kvě-	zvě-, cvě-; kvě-	gvě-, kvě-	zvě-, cvě-
*fort, ...	torot, ...	trot, trat, tort, ...	trat, ...
*dj, *tj(*kt)	ž, č	dz/z, c	žd, dž, g, j
*ъ, *ь (сильн.)	o, e	e	št, č, k
*o	u	u; o, e	ъ, o, a; a, e
*e	'a	e; e, o	a, ь, o, u
*ě	e, č, ie, i	e, 'a	e
*x(ě ₂)	s(ě ₂)	š(ě ₂)	e, 'a, ije
*ort-, *olt-	rot-, rat-, lot-, lat-	rot-, rat-, lot-, lat-	s(ě ₂) rat-, lat-

личий славянских диалектно-языковых зон являются преобразования в звуковой системе. Совокупность различий в преобразованиях звуковой системы славянских языков позволяет наметить три группы будущих славянских языков, возникших на базе древних диалектов: восточную, западную и южную. По результатам изменений древних сочетаний *bj и подобных; *dl, *tl; *gv-, *kv-; второй палатализации x праславянский язык делят на две диалектные области: западную и восточную, которая затем разделяется на собственно восточную и южную. С другой стороны, некоторые явления, например судьба начальных сочетаний *ort-, *olt-, объединяют восточные и западные славянские языки в северную подгруппу, противопоставляемую южной. Для обозримости некоторые древние звуковые различия представлены в табл. 7, которая, таким образом, дает характеристику древнейших звуковых различий групп славянских языков и некоторых позднейших звуковых инноваций (нововведений).

Литература

- Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков.— М.: Изд-во АН СССР, 1961; он же. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Чередования. Именные основы.— М.: Наука, 1974.
- Вступ до порівняльно-історичного вивчення слов'янських мов. За ред. О. С. Мельничука.— Київ: Наукова думка, 1966.
- Гаспаров Б. М., Сигалов П. С. Сравнительная грамматика славянских языков. 1—2.— Тарту, 1974.
- Гуйер О. Введение в историю чешского языка.— М.: Изд-во иностр. лит., 1953.
- Кузнецов П. С. Очерки по морфологии праславянского языка.— М.: Изд-во АН СССР, 1961.
- Мейе А. Общеславянский язык.— М.: Изд-во иностр. лит., 1951.
- Нахтигал Р. Славянские языки.— М.: Изд-во иностр. лит., 1963.
- Нидерле Л. Славянские древности.— М.: Изд-во иностр. лит., 1956.
- Stieber Z. Zarys gramatyki porównawczej języków słowiańskich. Fonologia; II.1: Fleksja imienna; II.2: Fleksja werbalna.— Warszawa: PWN, 1969 — 1973.
- Vaillant A. Grammaire comparée des langues slaves. I—V.— Lyon—Paris: IAC — Klincksieck, 1950—1978.
- Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков.— М.— Л.: Соцэкгиз, 1938.
- Порциг В. Членение индоевропейской языковой области.— М.: Прогресс, 1964.
- Савченко А. Н. Сравнительная грамматика индоевропейских языков.— М.: Высш. школа, 1974.
- Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. /Под ред. О. Н. Трубачева. Вып. 1 (издание продолжается).— М.: Наука, 1974...
- Berneker E. Slavisches etymologisches Wörterbuch. I (издание не завершено).— Heidelberg: Carl Winter, 1908—1913.
- Etymologický slovník slovanských jazyků. I (издание продолжается).— Praha: Academia, 1973...
- Słownik prasłowiański. Pod red. F. Stawskiego. I (издание продолжается).— Wrocław — Warszawa — Kraków: Ossolineum, 1974...
- Trautmann R. Baltisch-Slavisches Wörterbuch.— Göttingen, 1970.
- Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. I—II.— Bern—München: Francke Verlag, 1959 — 1969.
- Słownik starożytności słowiańskich. Encyklopedyczny zarys kultury Słowian od czasów najdawniejszych do schyłku wieku XII. I (издание продолжается).— Wrocław — Warszawa — Kraków: Ossolineum, 1961...
- Mały słownik kultury dawnych Słowian. Pod red. L. Leciejewicza.— Warszawa: Wiedza Powszechna, 1972.

В. М. СТАРОСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК

Под старославянским языком в восточнославянской, чехословацкой, югославской и французской (*vieux slave*) лингвистике принято понимать язык древнейших славянских письменных памятников, появившихся на свет в X и частично XI вв. В них в основном правильно

употребляются буквы, обозначающие носовые гласные (юсы): для их переписчиков носовые гласные еще были реальностью. По большей части это памятники, созданные во второй половине IX в. создателями славянской письменности Константином Философом (Кириллом) и Мефодием и их непосредственными учениками, дошедшие в более поздних копиях.

В болгарской науке, а также в трудах некоторых немецких ученых этот язык называют староболгарским. Хотя теперь и установлена болгарская, или, если учитывать, что родина Константина и Мефодия Солунь — Салоники находится в Эгейской Македонии, болгаромакедонская народная основа старославянского языка, в советской науке традиционно закрепилось название «старославянский язык». Это название имеет глубокие исторические корни, так как еще в Житии Мефодия в сообщении о том, как византийский император предлагал Константину и Мефодию отправиться с проповеднической миссией в Моравию, записано: «Вы бо еста селуняне, а селуняне вси чисто словѣнски глаголять». Очевидно, в пору создания первого письменного языка славян еще очень живо было представление об их, славян, языковом единстве, в том числе и на родине славянских первоучителей. В дореволюционной России старославянский язык называли староцерковнославянским. Так же его называют и теперь частично в Германии, в англоязычных странах, в Польше. Это название нельзя считать точным, поскольку сфера применения первого славянского письменного языка выходила за церковные рамки: язык этот использовался и в юридических актах, и в сфере тогдашней науки, например истории.

Количество старославянских памятников довольно ограничено. Это несколько библейских текстов: четыре относительно хорошо сохранившихся списка Евангелия (Мариинский, Зографский, Ассеманиев кодексы и Саввина книга) и отдельные листки с евангельскими текстами, плохо сохранившийся текст части Нового завета, содержащей историю и послания учеников Христа, — Апостол — Эникий апостол, текст сборника духовных гимнов Псалтыри (Синайская и, возможно, фрагменты Слуцкой). Крупнейшим по размеру памятником является Супрасльская рукопись — сборник проповедей, житий, предназначенных для использования в церкви в марте

(мартовская минея). Подобный характер имеет и Сборник Клоца, от которого до нас дошла лишь небольшая часть, содержащая, кроме прочего, проповедь, авторство которой приписывают Мефодию. Синайский требник (евхологий) содержит молитвы. Киевские листки — памятник с явными моравскими языковыми чертами — представляет собой текст обедни. Остальные старославянские памятники — это сохранившиеся отдельные листки богослужбных книг, а также несколько небольших надписей, сделанных на камне (такова, например, известная надпись царя Самуила 993 г. — древнейший славянский датированный письменный памятник).

Эти памятники входят в так называемый узкий канон старославянских текстов. Наряду с ними существует еще большая группа памятников, дошедших до нас в более поздних копиях — XII—XV вв., однако написанных или переведенных в кирилло-мефодиевский период или непосредственно после него. Таковы, например, «Проглас» (предисловие) к Евангелию, приписываемый Константину, древнейший славянский юридический памятник «Закон судный людям», возможно, составленный Мефодием, сочинение монаха-черноризца Храбра «О письменах», древние славянские переводы византийских хроник (летописей) Георгия Амартола и Иоанна Малалы и др. Отбирая источники для своего старославянского словаря, чехословацкие специалисты включили в их число более семи десятков памятников. Такой состав памятников опирается на широкое понимание старославянского языка как «раннего древнеславянского литературного языка».

Памятники старославянского языка не идентичны по языку. В языке этих памятников обнаруживаются диалектные различия, а также отражение исторических изменений за два столетия. Так, к примеру, в разной мере в памятниках отразились изменения в употреблении редуцированных гласных *ѣ* и *ѥ*. Имеются лексические и грамматические варианты в аналогичных по содержанию старославянских текстах. Поэтому можно говорить о том, что отраженный в указанных памятниках язык также не отличается единством.

Памятники старославянского языка написаны двумя совершенно различными азбуками — кириллицей и глаголицей (Марининский, Зографский, Ассеманиев кодексы,

Синайские псалтырь и требник, Сборник Клоца и Киевские листки написаны глаголицей; Саввина книга, Супрасльская рукопись — кириллицей). Хотя глаголицей пользовались в печати еще в XIX в., большее распространение получила кириллица и ее трансформация — русская гражданская азбука с вариантами (например, сербская вуковица). Поэтому глаголические памятники обычно издаются в кириллической транскрипции. Глаголица и кириллица помещены в табл. 3; вопрос об их происхождении и относительной древности, до конца еще не разрешенный современной наукой, освещается в разделе III этого пособия. Из особенностей старославянских азбук следует отметить наличие специальных букв для носовых и редуцированных гласных, для *ѣ* (в кириллице), для шипящих согласных, *б*, *ц*, *з*, отсутствующих в греческом, который был бесспорным источником большинства букв кириллицы, а также букв для звуков, специфичных для греческого языка (*ф*, *Ѡ*, *Ѥ*, *Ѧ*), двухбуквенную передачу *ѢГ* (*ы*), *ОУ* (в глаголице *ОУ*) и др.

Существует несколько видов чтения старославянских букв (и текстов). Один из них — в максимальном приближении к тому предполагаемому звучанию, которым обладали эти буквы в кирилло-мефодиевский период: чтение *ѣ*, *ѥ* как кратких *у* (*ü*) и *и* (*i*), *ѣ* как открытого долгого переднего *ä* и т. п.; другой — чтение на церковнославянский манер с приближением к современному, но с сохранением прочтения носовых гласных. Последнее чтение преобладает в нашей практике. Но так или иначе следует учитывать, что любое чтение старославянских текстов, конечно, условно, так как точно знать, каково было старославянское произношение, мы не сможем никогда.

Для памятников старославянского языка характерен ряд специфических языковых особенностей: 1) сохраняются, как уже отмечалось, носовые гласные; 2) в основном сохраняется, хотя и с нарушениями, особенно в некоторых памятниках, употребление редуцированных *ѣ* и *ѥ*; 3) на месте праславянских сочетаний **aj*, **ij* выступают *жд*, *шт* (*щ*): *межда*, *сѣща*; 4) сочетания губных согласных с **j* дают сочетания с *л*: *земля*, *любльж*; 5) *ѣ* (*ѣ*) имеет открытое произношение, поскольку в глаголице есть единый знак для *я* и *ѣ*; 6) развита система прошедших времен глагола: аорист (*несохъ*), имперфект

(*несѣхъ*), перфект (*несѣ есмь*), плюсквамперфект (*несѣ обахъ*); 7) сохраняется двойственное число: *дѣвъ жєнѣ* 'две женщины'; 8) сохраняется склонение, включающее также звательный падеж, имеющий особые формы в единственном числе.

Первоначальные сведения о старославянском языке содержались уже в основополагающих трудах первых исследователей славянских языков в начале XIX в. — И. Добровского и А. Х. Востокова. Последний блестяще издал древнейший датированный (1056/57 г.) славянский памятник русского извода старославянского языка — Остромирово евангелие. К тому времени уже был открыт И. Ассемани Ассеманиев (Ватиканский) кодекс. Е. Копитар издал Сборник Клоца. В. И. Григорович разыскал Зографский и Мариинский кодексы. И. И. Срезневский нашел и описал Саввину книгу и Киевские листки. На Синае были обнаружены Синайские псалтырь и требник.

Появляются на более солидной фактической базе описания старославянской фонетики и грамматики, сделанные великим немецким языковедом А. Шлейхером, а также А. Лескином, В. Вондраком, Ф. Ф. Фортунатовым, а позже Н. С. Грубецким и другими учеными. Ф. Миклошич создает первый старославянский словарь. В. Ягич образцово издает Мариинский и Зографский кодексы и создает капитальный труд по истории возникновения старославянского языка. В начале XX в. В. Н. Щепкин исследует и издает Саввину книгу, С. Северьянов — Супрасльскую рукопись и Синайскую псалтырь; эти издания позволяют более широкому кругу ученых исследовать факты старославянского языка (заменяя частично менее совершенные издания прошлого века). Позже, в середине нашего века, прекрасные издания старославянских памятников подготовили И. Вайс и И. Курц (Ассеманиев кодекс), Р. Нахтигал (Синайский требник), А. Достал (Сборник Клоца).

Споры о происхождении глаголицы, начавшиеся еще в прошлом веке, в частности, в исследовании П. И. Шафарика, уступают место основательным исследованиям старославянской графики (В. Ягич, Е. Ф. Карский, В. Н. Щепкин, С. М. Кульбакин и др.). Осуществляется широкое фундаментальное исследование старославянского языка. Большой вклад в это исследование вносят крупнейшие слависты разных стран: французские уче-

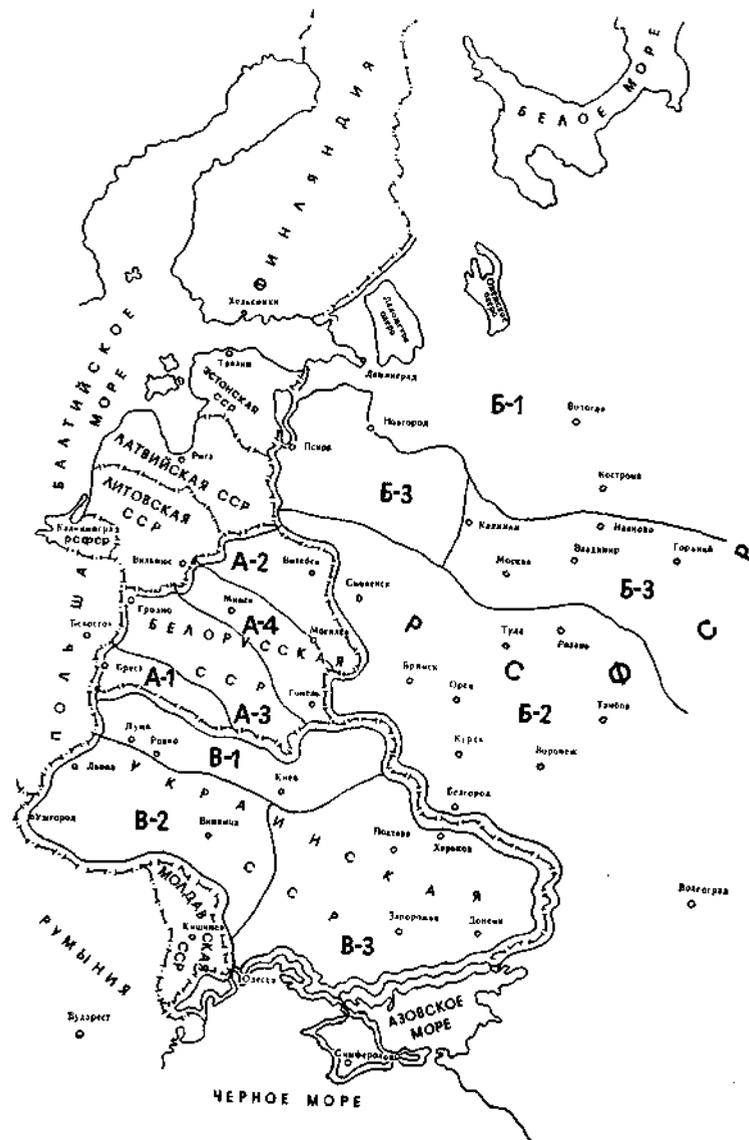
ные великий французский лингвист А. Мейе, А. Вайан, Ж. Леписье, немецкие слависты П. Дильс, Г. Бильфельдт, И. Ружичка и др., американец Г. Лант, голландец Н. Ван-Вейк, австрийцы Р. Айтцетмюллер и Л. Садник, швед А. Шёберг. После некоторого перерыва активные исследования по старославянскому языку ведутся в нашей стране (С. Б. Бернштейн, Н. И. Толстой, А. С. Львов, Е. М. Верещагин, Р. М. Цейтлин, Л. П. Жуковская, К. И. Ходова, Б. И. Скупский и многие другие); активно изучается старославянский язык в Чехословакии (кроме названных уже ученых, в частности И. Курца, — К. Горалек, В. Мареш, Э. Благова, Р. Вечерка и др.), в Польше (С. Слоньский, Л. Мошиньский, М. Хоновска, Ф. Славский и др.), в Болгарии (К. Мирчев, Э. Георгиев, К. Куев, И. Дуйчев, Д. Мирчева, И. Гылыбов, Х. Кодов и многие другие), в Югославии (А. И. Белич, О. Неделькович, И. Хамм, Я. Зор и др.). Таким образом, те результаты, к которым мы теперь пришли в изучении старославянского языка, — итог труда ученых разных стран, результат длительного международного сотрудничества славистов.

Литература

- Вайан А. Руководство по старославянскому языку. Пер. с франц. В. В. Бородич. — М.: Изд-во иностр. лит., 1952.
Горшков А. И. Старославянский язык. — 2-е изд., доп. — М.: Высш. школа, 1974.
Хабургаев Г. А. Старославянский язык. — М.: Просвещение, 1974.
Ван-Вейк Н. История старославянского языка. — М.: Изд-во иностр. лит., 1957.
Diels P. Altkirchenslavische Grammatik. 2. Auflage. — Heidelberg, Carl Winter — Universitätsverlag, 1963.
Sadnik L., Aitzetmüller R. Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten. — Heidelberg - s-Gravenhage, Carl Winter — Universitätsverlag — Mouton, 1955.
Slovník jazyka staroslovenského. 1 (издание продолжается). — Praha: Academia, 1959...

30p 14
ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ

Русский, украинский и белорусский языки составляют восточную группу славянских языков, наиболее многочисленную по количеству говорящих. Носители восточнославянских диалектов в середине I тысячелетия н. э. стали распространяться на значительных территориях

Восточной Европы, обособляясь от носителей других групп славянских диалектов. На базе восточнославянских диалектов в XI в. возник древнерусский литературный язык. Примерно до XIV в. сохранялась значительная степень общности восточнославянских диалектов, а также письменного языка. С течением времени в силу сложившейся исторической обстановки произошло обособление носителей возникавших восточнославянских языков. С XV в. в письменных памятниках уже довольно ярко отражаются черты, характерные для формировавшихся русского (великорусского), украинского и белорусского языков. На Украине и в Белоруссии в письменности отражались как общие формировавшимся языкам черты, так и специфические их особенности. Но в XVII—XVIII вв. здесь этот процесс замедляется, почему и говорят иногда о перерыве в традиции развития белорусского и украинского литературных языков. В литературе новый украинский и белорусский языки закрепляются лишь в XIX в., причем в силу отталкивания от письменной традиции они больше ориентируются на народно-разговорную речь. В развитии русского (великорусского) литературного языка перерыва в развитии письменной традиции не наступило. В памятниках письменности XVI—XVII вв. все большее отражение находит живая речь. Разрыв с церковной традицией в светской письменности, появление на русском языке текстов самых разнообразных по содержанию и стилевой принадлежности ведут в XVIII в. к возникновению стремления более четкого стилевого размежевания и упорядочения. Но лишь в начале XIX в. происходит формирование нового русского литературного языка.

Диалектологическая карта восточнославянских языков

А. Белорусские диалекты:

А-1. Полесский диалект. А-2. Северо-восточный диалект. А-3. Юго-восточный диалект. А-4. Среднебелорусский диалект

Б. Русские диалекты:

Б-1. Северное (северновеликорусское) наречие. Б-2. Южное (южновеликорусское) наречие. Б-3. Среднерусские говоры

В. Украинские диалекты:

В-1. Северные (полесские) говоры. В-2. Юго-западные говоры. В-3. Юго-восточные говоры

Взаимные отношения русского (великорусского), украинского и белорусского языков довольно сложны. Так, белорусский и русский языки объединяет значительная степень развития мягкости согласных: белорусский язык (в основной его массе) объединяется с южновеликорусскими говорами аканьем; южновеликорусские говоры, белорусский и украинский языки объединяются характерным фрикативным г, которому противопоставлено северновеликорусское (и русское литературное) взрывное г. В украинском языке, а также в северновеликорусских говорах распространено оканье. На пограничных территориях между белорусским и русским языками, между белорусским и украинским языками, а также между русским и украинским языками встречаются говоры, совмещающие в себе свойства соседних языков, так называемые переходные говоры. В украинском и белорусском языках, особенно в литературных их вариантах, значительное место занимает общая лексика (нередко польского происхождения), вместе с тем во всех трех восточнославянских языках имеется значительный общий лексический фонд, сложившийся в результате общего происхождения и параллельного развития, а также в результате параллельного развития при ведущей роли русского языка в наше время. Занимающая немаловажное место в русском лексиконе старославянская по происхождению лексика находит несколько больше соответствий в украинском, чем в белорусском языке. В то же время в области фонетики украинский, пожалуй, имеет больше новых явлений, чем более близко стоящие в этой области друг к другу белорусский и русский языки. Таким образом, можно в сумме говорить о примерно одинаковых отношениях между восточнославянскими языками. Базой близости восточнославянских языков является как общий фонд, унаследованный из правосточнославянского (древнерусского) языка, так и общность многих позднейших изменений, связанная с общностью судеб восточнославянских народов. По-видимому, восточнославянские языки представляют собой наиболее тесно родственную группу славянских языков.

Литература

- Языки народов СССР. Т. 1. Индоевропейские языки.— М.: Наука, 1966, с. 44—193; Восточнославянские языки. Введение (П. С. Кузнецов); Русский язык (М. В. Панов); Украинский язык (И. К. Белолел, М. А. Жовтобрюх); Белорусский язык (Н. В. Биралло, М. Г. Булахов, М. Р. Судник).
- Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. /Под ред. В. И. Борковского (М.: Наука): Типы простого предложения, 1968; Члены предложения, 1968; Бессоюзные сложные предложения, сопоставляемые со сложноподчиненными (авт. В. И. Борковский), 1972; Сложноподчиненные предложения, 1973.
- Гурский М. I. Параунальная граматыка рускай і беларускай моў.— Мінск: Вышэйш. школа, 1972.
- Ломтев Т. П. Сравнительно-историческая грамматика восточнославянских языков.— М.: Высш. школа, 1961.
- Очерки по сравнительной грамматике восточнославянских языков.— Одесса, 1958.
- Брицин М. Я., Жовтобрюх М. А., Майборода А. В. Порівняльна граматики української і російської мов.— Київ: Вища школа, 1978.
- Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков.— Л.: Наука, 1972.
- Хабургаев Г. А. Становление русского языка.— М.: Высш. школа, 1980.

Древнерусский язык

Термин «древнерусский язык» употребляется в двух близких, но не тождественных значениях. С одной стороны, древнерусский язык — это восточнославянский праязык, язык восточных славян до периода их распада на три отдельных восточнославянских народа, т. е. примерно до XIII—XIV вв. Возникновение древнерусского языка в этом смысле слова относится к периоду распада праславянского языка и расселения восточных славян на более широкой, чем это было первоначально, территории. С другой стороны, термин «древнерусский язык» используется для обозначения письменного (литературного) языка восточных славян с периода его возникновения (XI в.) до распада (XIV в.), а иногда и до XVII в. С XIV, а особенно с XV в. в письменных памятниках уже достаточно ярко проявляются черты русского (великорусского), украинского и белорусского языков.

Древнерусский язык — язык восточнославянских племен — не мог быть абсолютно единым, как не были абсолютно едиными и другие распространенные на значительных территориях языки в те далекие времена. Вместе с тем можно говорить о ряде очень существенных

языковых признаков, характерных для древнерусского языка в целом: 1) полногласие, т. е. появление на месте праславянских сочетаний типа **torf* сочетаний с двумя гласными: *торот, толот, терет, телет (телот): борода, голова, береза, шеломъ*; 2) в группах **dl, *tl* выпадает *d* и *t*, остается *l*: *плель, шило*; 3) носовые гласные *ę, ǫ* утрачивают ринезм (носовой характер), заменяясь *я/a, у*: *пять, часть, путь*; 4) сочетания **dj, *tj* дали *ж* (укр., белор. также *дж*), *ч*: *межа*, белор. *сяджу*, укр. *роджу* 'рожу', *свеча*; 5) сочетания губных согласных с **j* дали их сочетания с *л*: *гублю, ловлю, кормлю, терплю*; 6) в древнерусском языке вплоть до XII в. сохранялись еще редуцированные *ѣ, ѥ* как особые фонемы: переписчик «Остромирова евангелия», например, употреблял их совершенно безошибочно как в сильной, так и в слабой позиции; в дальнейшем в слабой позиции *ѣ, ѥ* выпали, а в сильной превратились соответственно в *о* и *е*; 7) начальные сочетания **gvě-, *kvě-* превратились в *звѣ-, цвѣ-*: *звезда, цветок*; но укр. и белор. формы *квітка, кветка* допускают двойное объяснение: и как польские заимствования, и как отражение каких-то местных особенностей восточнославянского языка; 8) начальному *е* западнославянских и южнославянских языков соответствует начальное *о* в словах, следующий слог которых содержит *и, е* или *ѣ*: *один, озеро, олень* (при болг. *един, езеро, елен* и т. п.); 9) начальные сочетания **ort-, *olt-* у восточных и у западных славян в определенных условиях (под древним нисходящим ударением) превращались в *rot-, lot-*: *рост, лодка*; 10) в древнерусском хорошо сохранялось «ять» (*ѣ, ѣ*), которое в дальнейшем в украинском превратилось в *і*, в белорусском и в южновеликорусских говорах — в *е*, в северновеликорусских говорах — часто в закрытое *ѣ* (в переходных украинско-белорусских диалектах Полесья нередко — дифтонг типа *иѣ*): *хлеб, сено; хліб, сіно; хлѣб, сиѣно*.

Письменный язык Древней Руси существовал в двух вариантах. Эти варианты четко различались в полярных случаях. С одной стороны, это религиозная литература, сочинявшаяся (или переписывавшаяся) на разновидности старославянского языка с некоторыми русскими элементами (так, например, хотя в соответствующих рукописях и применялись знаки для носовых гласных —

юсы, употребляли их неверно, так как здесь написание не опиралось на живое произношение: неверное употребление юсов и является русизмом в старославянской речи). С другой стороны, это деловая и частная переписка, которая велась на языке, близком к живому народному языку восточных славян, хотя и сюда могли проникать элементы старославянские. Между этими двумя полюсами — множество переходных случаев, представленных, в частности, юридическими документами типа сборников законов («Русская правда»), художественными произведениями, среди которых жемчужина древнерусской литературы — «Слово о полку Игореве», историческими сочинениями («Повесть временных лет» и другие летописи). Степень насыщенности их восточнославянскими или старославянскими элементами не только различна, но и варьируется внутри текста в зависимости от содержания данного текста, от стиля автора и т. п. Поскольку между двумя вариантами древнерусского литературного языка имелись значительные общие черты, существовала возможность понимания книжниками обоих вариантов.

Книжнославянский вариант литературного языка, оторванный от живительных соков своей народной основы, не имел значительного внутреннего развития: он лишь усваивал вносившиеся в него элементы, возникавшие внутри других источников. Развитие книжнославянского варианта сводится в значительной мере к освоению им народных восточнославянских элементов и развитию стилистических приемов на базе сочетания собственно книжнославянских и народных восточнославянских элементов. Внутреннего фонетического и грамматического развития в книжнославянском варианте не наблюдается. Иначе обстояло дело с народно-восточнославянским вариантом древнерусского литературного языка. Впитывая в себя необходимые лексические, синтаксические и стилистические средства книжной речи, этот вариант языка не был вместе с тем закрыт для влияния устной разговорной и устнопоэтической речи. Но самое главное, он отражал внутреннее самодвижение древнерусского языка как языка восточнославянской (древнерусской) народности.

Именно своеобразное двуязычие (диглоссия) древнерусских книжников наряду с наличием иностранных слов

вызвало к жизни появление ряда своеобразных словарных пособий, в которых толковались непонятные (разного происхождения) слова церковных книг, в частности «Толкование неудобь познаваемым речам». Такого рода пособия были необходимы и в более поздний период, когда в письменной речи как Западной Руси, так и Москвы все еще очень большое место занимали тексты, ориентированные на книжнославянскую традицию. И в первых грамматических пособиях у восточных славян отражалась эта потребность в обучении носителей народно-разговорного языка книжнославянскому варианту литературного языка: это были грамматики церковнославянского языка.

Древнерусский письменный язык пользовался, как правило, лишь одной из славянских азбук — кириллицей, хотя, как показывают некоторые данные, древнерусским книжникам была известна и глаголица. Древние книги писались и переписывались на специально выделанных кожах животных — пергамене (от названия г. Пергам в Малой Азии, откуда пергамен ввозился в Европу). Кроме того, на Руси получили распространение грамоты на бересте — березовой коре; в основном, это письма частного содержания, найденные в 1951 г. и позже при раскопках Новгорода, Смоленска, Пскова, Старой Руссы, Витебска. Позже из этого материала изготавливались и книги. Но параллельно с пергаменом известна была в Европе (с X—XI вв.) бумага, которая стала господствующим писчим материалом на Руси с XV в. и особенно распространилась, естественно, с развитием книгопечатания. Краткие надписи делались также на камнях, процарапывались на стенах (граффити), выполнялись на монетах, вещах и т. д.

Исследованием древнерусского языка занимались многие выдающиеся отечественные ученые филологи. В XIX в. один из создателей славянской филологии А. X. Востоков опубликовал древнейший памятник древнерусского языка — «Остромирово евангелие». Ф. И. Буслаев, а позже И. И. Срезневский, А. А. Потебня, Е. Ф. Карский, А. И. Соболевский изучали язык и письмо древнерусских памятников. Огромный вклад в анализ древнерусского языка был сделан гениальным русским лингвистом А. А. Шахматовым. Среди советских ученых, много сделавших для изучения древнерусского языка,

следует назвать С. П. Обнорского, В. В. Виноградова, Л. П. Якубинского, Ф. П. Филина, Б. А. Ларина, В. И. Борковского, Л. А. Булаховского, Т. П. Ломтева, П. С. Кузнецова, Н. Н. Дурново, Р. И. Аванесова, А. С. Львова и др. Изучение древнерусского языка является фундаментом для построения истории каждого из восточнославянских языков.

Литература

- Якубинский Л. П. История древнерусского языка.— М.: Учпедгиз, 1953.
- Шахматов А. А. Очерк древнейшего периода истории русского языка (Энциклопедия славянской филологии, вып. 11.1) — Пг., 1915.
- Шахматов А. А. Введение в курс истории русского языка. Ч. 1. Исторический процесс образования русских племен и наречий.— Пг., 1916.
- Шахматов А. А. Историческая морфология русского языка.— М.: Учпедгиз, 1957.
- Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка.— М., 1907.
- Дурново Н. Н. Введение в историю русского языка.— М.: Наука, 1969.
- Щепкин В. Н. Русская палеография.— М.: Наука, 1967.
- Лихачев Д. С. Возникновение русской литературы.— М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1952.
- Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1—3.— М.: Гос. изд-во словарей, 1958.
- Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 1 (издание продолжается)— М.: Наука, 1975...
- История культуры Древней Руси. В 2-х т.— М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1948—1951.
- Дробленкова Н. Ф. Библиография советских русских работ по литературе XI—XVII вв. 1917—1957.— М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1961.
- Дробленкова Н. Ф. Библиография работ по древнерусской литературе, опубликованных в СССР. 1958—1967 гг. Ч. 1. (1958—1962 гг.), ч. 2 (1963—1967).— Л.: Наука, 1978—1979.
- Будовниц И. У. Словарь русской, украинской, белорусской письменности и литературы.— М.: Изд-во АН СССР, 1962.

Вопрос

Белорусский язык

Белорусский язык — национальный язык белорусов, наиболее распространенный язык в БССР. По данным переписи населения 1970 г., в СССР проживало 9052 тыс. белорусов, из них 7963 тыс. владели белорусским языком; кроме того, 613 тыс. небелорусов в БССР знают белорусский язык как второй. Общее количество носителей белорусского языка (как первого и второго)

составляло в СССР 8533 тыс. чел., в том числе белорусским как родным языком владели 7630 тыс. чел. В СССР белорусский язык — четвертый по числу говорящих (после русского, украинского и узбекского). В БССР белорусским языком владело 7505 тыс. чел., т. е. 83,4 % (белорусы составляют в республике 81 % населения). По переписи населения СССР 1979 г., количество белорусов в стране составляет 9463 тыс. чел., а количество говорящих на белорусском языке, по-видимому, — около 8,8 млн. (Население БССР в 1979 г. — 9560 тыс. чел.) За пределами Белоруссии наиболее значительные группы белорусов проживают в РСФСР, УССР, Казахстане и в прибалтийских республиках. За пределами СССР, по данным Белорусской Советской Энциклопедии, проживает около 1 млн. белорусов: около 200 тыс. в Польше, а кроме того — в США, Канаде, Аргентине и других странах. Часть из них, например в Польше, сохраняет свой родной язык.

Как и русские и украинцы, белорусы происходят из древнерусской народности. Еще в рамках Полоцкого и Туровского княжеств начинали складываться факторы, обособлявшие население этих и других территорий нынешней Белоруссии от остальной Киевской Руси. Эти черты, находившие отражение и в диалектных особенностях древнерусского языка, стали усиливаться с ростом феодальной раздробленности, приведшей в конечном счете вместе с другими социально-экономическими факторами к тому, что белорусские земли в XIII—XIV вв. вошли в Великое княжество Литовское. Отделение от Московской Руси и обособление от ряда украинских территорий вело к усилению диалектных черт, характерных для жителей белорусских земель. На базе древнерусского письменного языка в Великом княжестве Литовском вырабатывается западнорусский письменный язык, бывший официальным государственным языком, в памятниках которого с большей или меньшей ясностью проявлялись белорусские или украинские черты. Памятники с более яркими белорусскими чертами относят к числу памятников старобелорусского языка. Это — варианты так называемого Литовского Статута (1529, 1566, 1588 гг.), летописи Авраамки и Быховца, Баркулабовская летопись, переводная Александрия, переводные повести о трех королях, о Тристане и др. С XV в. в Бело-

русии открываются первые школы. В 1517 г. в Праге белорусский первопечатник Ф. Скорина из Полоцка издает первую белорусскую печатную книгу («Псалтырь»); в течение ближайших лет Скорина печатает библейские книги, а также «Малую подорожную книгу» в Праге и Вильно. В языке Скорины наряду с книжнославянскими элементами значительное место заняли народные элементы белорусской речи.

В середине XVI в. на территории Белоруссии (в Бресте, Несвиже, Заславле и в других местах) появляются первые печатные станки. Печатающиеся здесь книги все больше отражают народный белорусский язык. Интересно, что если первая напечатанная в виленской типографии грамматика братьев Мамоничей «Граматыка словенскаго языка» (1586) была ориентирована на книжнославянский язык, то уже в изданной в Вильно в 1596 г. «Грамматике словенской» Лаврентия Зизания даются толкования с применением элементов живого народного языка. В 1619 г. в Евье под Вильно (ныне Вевис в Литве) была издана грамматика Мелетия Смотрицкого, переиздававшаяся потом неоднократно. Во второй половине XVI в. в Белоруссии появляются и первые словари, в частности первый печатный словарь — «Лексис» уже упомянутого Лаврентия Зизания, в котором переводится более тысячи церковнославянских слов на тогдашний белорусский язык.

Однако в конце XVII в. белорусский язык утрачивает свои позиции в печати и образовании. Разумеется, народные массы продолжают пользоваться народным языком, но применение его в сфере литературы и деловой письменности падает: вместо него употребляется главным образом польский язык. Падение роли белорусского языка было связано с экономическим упадком Белоруссии, оказавшейся в результате Люблинской унии 1569 г. в составе Речи Посполитой. В результате длительного господства польских феодалов в Белоруссии значительная часть местного населения приняла католичество. Борьба за воссоединение с Россией не принесла успеха. Многочисленные войны, сопровождавшиеся к тому же эпидемиями, приводили к разрушению многих деревень и к уменьшению населения. Так, если в 1650 г. в Белоруссии жило 2,9 млн. чел., то уже около 1670 г. население составило 1,4 млн. К 1700 г. население воз-

росло до 2,2 млн., но в результате Северной войны снизилось до 1,5 млн. Лишь к концу XVIII в. население вернулось к прежней цифре и превзошло ее: в 1791 г. здесь проживало 3,6 млн. чел. Перерыв в развитии белорусского литературного языка связан и с замедлением развития национальной литературы и культуры.

После трех разделов Речи Посполитой в конце XVIII в. Белоруссия воссоединилась с Россией. В условиях царского режима это не означало расцвета национальной культуры, но влияние передовой русской литературы, получившей благодаря близости белорусского и русского языков большое распространение в Белоруссии, готовило почву для создания новой белорусской литературы. Вместе с тем возникли более благоприятные условия для развития хозяйства, что тоже способствовало в дальнейшем формированию национальной культуры и языка. Видным центром культурного развития был Виленский университет, находившийся в непосредственной близости от Белоруссии.

В первой половине XIX в. появляются собрания белорусского фольклора и первые произведения письменной литературы (Я. Чечот, В. Дунин-Марцинкевич, анонимные поэмы «Гарас на Парнасе» и «Энеида наизнанку»). Во второй половине XIX в. К. Калиновский и его соратники издают белорусскую газету «Мужицкая правда», появляются новые художественные произведения (Ф. Богусевич, Я. Лучина). Но решающий шаг в развитии белорусской литературы, а вместе с тем и литературного языка был сделан великими белорусскими поэтами Янкой Купалой и Якубом Коласом, а также М. Богдановичем и другими авторами в начале XX в.

Еще во второй половине XIX в. были собраны некоторые словарные материалы живого белорусского языка, а «Словарь белорусского наречия» И. И. Носовича, ориентированный в значительной мере на могилевские говоры, был премирован и издан Петербургской Академией наук. В начале XX в. появляется доскональное описание звуков и грамматики белорусского языка с обращением к памятникам, народно-диалектной речи, а также к литературным источникам, созданное крупнейшим белорусским ученым-лингвистом Е. Ф. Карским (второй том его капитального филологического и этнографического труда «Белорусы»).

Великий Октябрь принес Белоруссии невиданные до того возможности социально-экономического и культурного развития. Белорусские дети получили возможность учиться на родном языке. Язык, использовавшийся до этого преимущественно лишь в повседневном обиходе и в художественной литературе, получил широкое функциональное развитие — стали нужны учебники и газеты, деловые документы и театральные представления на белорусском языке. В 1921 г. открыт созданный по ленинскому декрету Белорусский государственный университет, а в 1929 г. Академия наук БССР. В это время в Белоруссии значительный вклад в развитие белорусской литературы внесли вместе с продолжавшими работать Янкой Купалой и Якубом Коласом Кузьма Чорный, Змитрок Бядуля, Эдуард Самуйлёнок и другие писатели. Вслед за первой скромной белорусской школьной грамматикой, подготовленной Б. Тарашкевичем, развернулась работа белорусских языковедов по собиранию материалов и подготовке словаря и грамматики белорусского языка. Выдающуюся роль в этой работе сыграли П. А. Бузук и Т. П. Ломтев. В 1939 г. в состав БССР вошли западнобелорусские земли, находившиеся в 1920 г. в составе панской Польши; таким образом, БССР объединила в своем составе все территории с преимущественно белорусским населением.

В 1941 г. мирный труд советских людей был прерван нападением на нашу страну фашистской Германии. Белоруссия была оккупирована фашистскими захватчиками. Белорусский народ встал на защиту завоеваний Октября. В республике возникло и окрепло сильнейшее партизанское движение, не дававшее захватчикам покоя в тылу. Борьба с фашистскими оккупантами была тяжелой. Каждый четвертый житель Белоруссии сложил голову в этой жестокой войне за свободу своего народа, народов нашей страны, всей Европы и всего человечества от коричневой чумы фашизма. С лица земли были стерты сотни деревень, разрушены города, уничтожена построенная нелегким трудом в советское время промышленность, разорено сельское хозяйство. Летом 1944 г. Белоруссия была освобождена. Республика стала заживать тяжелые раны, нанесенные войной. Лишь спустя 25 лет после войны уровень населения достиг довоенного.

В послевоенные годы был осуществлен мощный индустриальный подъем республики, рост ее аграрных потенций. Белорусская культура достигла небывалой высоты. Успешно работают белорусские писатели — К. Крапива, И. Мележ, П. Глебка, П. Бровка, М. Танк, В. Быков, Р. Бородулин и другие, развивается театр, кино, наука.

Крупными достижениями может гордиться белорусское языкознание. Выпущен диалектологический атлас, первый из завершенных атласов славянских языков, над созданием которого работал большой коллектив филологов, собиравших полевой материал, анализировавших и картографировавших его. Эту работу возглавляли московский лингвист Р. И. Аванесов, белорусский писатель К. Крапива, языковеды Ю. Ф. Мацкевич, Н. В. Бирилло, А. А. Кривицкий и др. Создатели атласа были удостоены Государственной премии СССР. Была создана академическая грамматика белорусского языка, в работе над которой активное участие принимали М. Г. Булахов, П. П. Шуба, А. И. Наркевич и др. Созданы капитальные работы по истории белорусского языка (Л. М. Шакун, А. И. Журавский, Ф. М. Янковский, А. П. Груцо и др.), его современному состоянию (Н. В. Бирилло, П. П. Шуба, А. Е. Михневич, М. Е. Тикоцкий и др.). Завершается работа над толковым словарем белорусского языка (М. Р. Судник, Н. П. Лобан, А. Е. Баханьков и др.). Изданы морфемный (А. М. Бордович и Л. М. Шакун), фразеологический (Ф. М. Янковский и др.) словари. Создаются этимологический (В. В. Мартынов, Р. В. Кравчук, А. Е. Супрун, Г. А. Цыхун и др.), частотный (А. Е. Супрун, Н. С. Можейко и др.), исторический (А. И. Журавский, А. М. Булыка и др.) и другие словари белорусского языка. Под руководством П. У. Бровки создана двенадцатитомная «Белорусская советская энциклопедия». Ведется широкое и глубокое исследование диалектной лексики и фразеологии (Ф. М. Янковский, П. В. Стецко, Т. Ф. Шешкович, Г. Ф. Юрченко, А. А. Кривицкий, Е. С. Метельская, Е. М. Комаровский и др.). Проведено и ведется далее лингвистическое изучение Полесья (Н. И. Толстой, В. В. Мартынов и др.) и белорусско-украинских языковых отношений (В. В. Аниченко). Начато изучение особенностей русского языка в Белоруссии (А. Ф. Манаенкова). Создано и успешно

развивается общее и славянское языкознание в республике. Все эти успехи являются показателем того внимания, которое уделяется развитию науки и культуры белорусского народа, создающего вместе с другими народами нашей страны свое настоящее и свое будущее.

В период возникновения новой белорусской литературы и современного белорусского литературного языка для письменной фиксации белорусской речи использовалась как славянская графика в форме русской гражданской азбуки с некоторыми видоизменениями, так и латиница в ее польском варианте. Так продолжалось вплоть до Октябрьской революции, когда с нормированием правил белорусской графики и орфографии закрепилось использование кириллицы в русском гражданском варианте. Важнейшей особенностью белорусских текстов на новом белорусском языке явилась их запись, ориентированная на фонетику; записанный таким способом текст сразу же отличался от польского или русского. Ориентация на фонетику соблюдалась при этом прежде всего в передаче системы гласных: отражались на письме аканье и яканье, т. е. произнесение безударных *o* и *e* как *a*. Вероятно, не без воздействия польского образца этимологические *г* и *д*, получавшие при смягчении характер аффрикат (смычно-проточных), стали на письме отражаться как в латинице, так и в кириллице в виде *ць* (*с*) и *дзь* (*дз*). Неслоговое *й*, произносимое на месте этимологического *в* или *л* не перед гласным (т. е. в конце слова или перед согласным), также обозначалось специальным знаком (лат. *ij*, кириллич. *й*). Из вариантных обозначений русской дореволюционной азбуки для звука *и* была выбрана буква *і*. Ориентировка на произношение привела к фонетическому написанию *жы, чы, шы* (в соответствии с польским и в отличие от русского традиционного, подкрепляемого тем, что в русском написание *чи* является не только традиционным, но и фонетическим), соответственно используются и написания *жэ, шэ, чэ*, а также *цэ* (на месте этимологического *це* при написании *це* на месте этимологического *те*). Вместо русской буквы *щ* выступает сочетание *шч* с соответствующим твердым произношением. Разделительную функцию отсутствующего *ъ* в белорусской графике несет апостроф (*'*).

Интересной страницей в истории белорусской графики является использование белорусскими (литовскими, польскими) татарами — потомками крымско-татарских пленников и переселенцев в Великом княжестве Литовском — арабской графики для передачи белорусских текстов. Аналогичное использование арабского алфавита для передачи славянской речи известно еще в Боснии. В настоящее время — главным образом вильнюсским профессором А. К. Антоновичем — описано и введено в научный оборот свыше двух десятков сборников и отдельных документов, выполненных арабской графикой на белорусском (а частично и на польском) языке белорусскими татарами в период XVII—XX вв. (см. табл. 3).

Белорусский язык имеет ряд отличительных черт в звуковой и грамматической системе, совокупность которых является специфичной по сравнению с другими восточнославянскими языками. В области фонетики: 1) дзеканье и цеканье, т. е. появление аффрикат вместо мягких *д* и *т*: *дзецi* 'дети', *цiха* 'тихо' и т. п.; 2) твердое *р*; мягкое *р* совпадает с твердым: *бура* 'буря', *гарачы* 'горячий'; 3) фрикативное *г*, как и в украинском языке, а также в южновеликорусских говорах: *гара*, *горад*; 4) аканье, отражаемое к тому же на письме: *нага* 'нога', слова 'слово'; 5) неслоговое *й* на месте *л*, *в* и *у* после гласных: *писаў* 'писал', *дзяўчо* 'девочка', *перанесці ўдар* 'перенести удар'; 6) твердое *ч* (как и в украинском): *чысты*, *чорны*; 7) сочетание **dj* дает в белорусском (как и в украинском) *дж*: *гляджу*, *асуджанне*; 8) сочетания согласных с *j* дали (как и в украинском) во многих случаях долгие (первоначально — мягкие) согласные: *з саллю* 'с солью', *жыццё* 'жизнь' (ср. *жизнь*); 9) как и в украинском, губные согласные в конце слова отвердели: *сем*, *голуб*; 10) довольно часто выступают протетические звуки: *в-* перед губными гласными: *вуха* 'ухо', *вока* 'глаз' (ср. *око*); *а-, i-* перед сочетаниями согласных: *аржаны* 'ржаной', *ільняны* 'льняной'; внутри слова также встречаются вставные звуки, например *j* между гласными: *радыё* 'радио', *пiянер* 'пионер', *е-* между согласными: *карабель* 'корабль'; 11) в некоторых случаях старые *ѣ*, *ь* дали *е*, *о*, *е*, *а* *ы*, *i*: *блoхi* — *блыха* (др.-рус. *блѣха*); редуцированные *ы*, *и* (на месте *ѣ*, *ь* перед *i*) перешли в *ы*, *и*, а не в *о*, *е*: *мяю* 'мою', *лi* 'лей'; 12) *й* после *ы*, *i* в конце слова в

прилагательных и повелительной форме глагола утрачивается: *стары* 'старый', *бi* 'бей'.

В области грамматики отличия белорусского языка от других восточнославянских касаются не столько грамматических категорий и даже не столько грамматических форм, сколько особенностей их употребления: частоты применения или сочетаемости. Из более общих грамматических отличий, а также из отличий более частных, но бросающихся в глаза можно указать: 1) редкость кратких форм прилагательных; 2) неупотребительность причастий настоящего времени страдательных, и меньшее, чем в русском, использование причастий настоящего времени действительных, образуемых суффиксами *-уч-*, *-ач-* (*гаворачы*); 3) наличие так называемого сложного прошедшего, обозначающего обычно давно прошедшие действия (плюсквамперфект): *писаў быў*, *прыносіла была*; 4) наличие в склонении мужского и женского рода чередований заднеязычных со свистящими: *луг* — *на лузе*, *мука* — *у мiцэ*, *муха* — *аб мiсе*; 5) упрощение склонения на *-мя*: возможность форм без наращения *-ен-*: *пoльмя* — *пoльмю*, *пoльмём* и т. д. (ср. рус. *пламя* — *пламенем* и т. п.); 6) различие в склонении родовых форм числительного *два*: *два* — *двух*, *двум...*, *дзве* — *дзвюх*, *дзвюм...*; 7) особые формы существительных при числительных *два*, *тры*, *чатыры*, не всегда совпадающие с множественным числом по ударению: *тры гады*; 8) своеобразные местоименные формы *зэты* 'этот', *зэны* 'тот'; 9) отсутствие элемента *н-* в местоимениях 3-го лица при склонении: *пра яго*, *пра iх*; 10) отсутствие, как и в украинском, конечного *т* (*тѣ > цѣ*) в глаголах I спряжения: *ён пиша* 'он пишет'; 11) некоторые специфические конструкции, например *большы ад* (или *за*) *яго* 'больше его', 'больше чем он', *захварэць на што* 'заболеть чем' и т. п.; 12) некоторые отличия в распределении слов по грамматическим (морфологическим) классам: например, *сабака* (как и в укр. *собака*), *боль*, *цень* 'тень' — мужского рода; *чарніла* (как и в укр. *чорнило*) — ед. ч. ср. р., а *дзверы* 'дверь' — только мн. ч. и т. п.

На основе материалов белорусского диалектологического атласа имеется возможность теперь получить довольно ясную картину территориальной группировки белорусских говоров. Прежде всего от основного массива

белорусских говоров отделяется небольшая полесская группа говоров на крайнем юго-западе, для которой характерно в отличие от других белорусских говоров оканье, твердость согласных перед *e* и *и*, реализация былого *ѣ* в виде *и*, произнесение *e*, *o* в закрытом слоге как *и* и некоторые другие фонетические и морфологические черты. Основной диалектный массив белорусского языка выделяет четко два полярных диалекта — северо-восточный и юго-западный. Для северо-восточного диалекта характерны некоторые особенности произношения безударных гласных, односложное окончание творительного падежа женского рода на *-а: сцяной, жаной; дательный падеж множественного числа на -ам* и местный — на *-ах: к лясам, на нажах; местный падеж прилагательных мужского и среднего рода на -ым: аб маладым* и др. Для юго-западного диалекта характерны другие особенности произношения безударных гласных; на месте *ѣ* выступает закрытое *e* или дифтонг *ие* (*хліеб* и т. п.); двусложное окончание типа *жаную, сцяную; дательный и местный падежи множественного числа на -ом, -ох: лясом, гарадох; прилагательные в местном падеже единственного числа мужского и среднего рода на -ом: аб маладом*. Разумеется, могут быть названы и многие другие особенности этих двух диалектов. Наряду с указанными двумя диалектами несколько позднее их выработался третий — среднебелорусский диалект, в говорах которого совмещаются отдельные черты, присущие юго-западным или северо-восточным говорам. Среднебелорусским говорам присущи и некоторые черты, отсутствующие в других группах говоров: окончание творительного падежа множественного числа *-мы: дамамы, старымы; безударное окончание -аць* в 3-м лице множественного числа у глаголов I спряжения: *яны кажаць, сьпяць* и некоторые другие. Основой белорусского литературного языка стали среднебелорусские говоры.

Литература

- Ломтев Т. П. Грамматика белорусского языка. — М.: Учпедгиз, 1956.
Кривичкий А. А., Михневич А. Е., Подлужный А. И. Белорусский язык для небелорусов. — 2-е изд. — Минск: Вышэйш. школа, 1978.
Граматыка беларускай мовы. Т. 1—2. — Минск: Навука і тэхніка, 1962—1966.
Курс сучаснай беларускай літаратурнай мовы. У 3-х кн. — Минск: Выд-ва АН БССР, 1957—1961.

- Карский Е. Ф. Белорусы. Язык белорусского народа. Т. 1—3. В 2-х кн. — М.: Изд-во АН СССР, 1955—1956.
Гісторыя беларускай літаратурнай мовы. Т. 1—2. — Минск: Навука і тэхніка, 1967—1968 (авт. 1-го т. А. И. Журавский, авт. 2-го т. И. И. Кремко, А. К. Юревич, Е. И. Янович).
Шакун Л. М. Гісторыя беларускай літаратурнай мовы. — Минск: Выд-ва МВ СС і ПА БССР, 1963.
Янкоўскі Ф. М. Гістарычная граматыка беларускай мовы. Ч. 1—2. — Минск: Вышэйш. школа, 1974—1977.
Дыялекталогічны атлас беларускай мовы. У 2-х кн. — Минск: Выд-ва АН БССР, 1963.
Блінава Э., Мядзельская Е. Беларуская дыялекталогія. — 2-е выд. — Минск: Вышэйш. школа, 1979.
Беларускае мовазнаўства. Вібліяграфічны ўказальнік (1825—1965). — Минск: Навука і тэхніка, 1967 (издание продолжается).
Тлумачальны слоўнік беларускай мовы. Т. 1 (издание продолжается). — Минск: Галоўная рэдакцыя БелСЭ, 1977...
Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Т. 1 (издание продолжается). — Минск: Навука і тэхніка, 1978...
Белорусско-русский словарь. / Под ред. К. К. Крапивы. — М.: Госиздат иностр. и нац. словарей, 1962.
Русско-белорусский словарь. / Под ред. Я. Коласа, К. Крапивы и П. Глебки. — М.: Госиздат иностр. и нац. словарей, 1953.
История белорусской дооктябрьской литературы. — Минск: Наука и техника, 1977.
История белорусской советской литературы. — Минск: Наука и техника, 1977.
Лойка А. А. Гісторыя беларускай літаратуры: Дакастрычніцкі перыяд. Ч. 1—2. — Минск: Вышэйш. школа, 1977—1980.
История Белорусской ССР. — Минск: Наука и техника, 1977.
Беларуская Савецкая Энцыклапедыя. Т. 12. БССР. — Минск: Галоўная рэдакцыя БелСЭ, 1975.

Русский язык

В.З

Русский язык — наиболее распространенный из славянских языков, язык межнационального общения народов СССР, один из мировых языков, национальный язык русских. По данным переписи 1979 г., русский язык считали своим родным 153,5 млн. чел. Кроме того, по данным этой переписи населения, 61,3 млн. чел. показали, что они владеют русским языком как вторым; следовательно, по данным переписи, русским языком в СССР владело не менее 214, 8 млн. чел., т. е. 82 % всего населения страны (следует учитывать, что определенная часть людей могла бы указать русский язык в качестве третьего, а часть посчитала свое владение русским язы-

ком недостаточным). Учитывая, что в 1970 г., по данным переписи, русским языком как родным или вторым владеет 183,8 млн. чел., т. е. 76 % населения СССР, доля владеющих русским языком выросла на 6 %. За рубежами СССР русские живут главным образом в США (около 800 тыс.), Канаде, а также в европейских странах (около 200 тыс.). Всего за рубежами нашей страны проживает, видимо, миллион — полтора миллиона русских, часть из которых сохраняет русский язык в качестве родного или второго. По данным переписи 1979 г., количество русских в СССР составило 137 млн. чел. Поэтому общее количество русских во всем мире в настоящее время составляет почти 140 млн. чел. (четвертое место в мире после китайцев, индустанцев, американцев). Оценивая распространенность русского языка, следует учитывать его международное значение. По данным МАПРЯЛ (Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы), в мире около 20 млн. чел. изучает русский язык, а следовательно, несколько десятков миллионов человек на земном шаре неплохо владеет русским языком; общее количество людей, в той или иной мере знакомых с русским языком, составляет на Земле около полумиллиарда человек (В. В. Виноградов).

Как и белорусы и украинцы, русские произошли из древнерусской народности, сложившейся в результате распада родоплеменных отношений в связи с созданием государства вокруг Киева — Киевской Руси. Формирование русской (великорусской) народности происходило в XIV—XV вв., в связи с созданием и развитием централизованного Русского государства, борющегося с монголо-татарским игом. После окончательной победы над татаро-монголами границы Русского государства с центром в Москве расширились в XVI—XVII вв., в частности, на восток — на Поволжье, Урал, Сибирь, а также на Северный Кавказ. На землях, присоединившихся к Русскому государству, происходило расселение русских и следовавшие за тем контакты с местным населением, в ходе которых осуществлялось взаимное обогащение навыками хозяйствования и культурными достижениями. Распространение русских происходило и далее, с возникновением и развитием капиталистических отношений в России в XVIII—XIX вв. В этот период происходит становление русской нации.

Русский (великорусский) язык выделяется из древнерусского языка в связи с усилением роли Владимирско-Суздальской и Новгородской Руси, а затем и с возникновением Московского государства, а также в связи с происшедшим государственным отделением Западной Руси. В XV—XVII вв. происходит усиление разговорно-народных элементов в книжнославянской речи, поскольку становится более распространенной и престижной деловая речь, базировавшаяся на народно-разговорной. Распространяется грамотность, появляется книгопечатание. Иван Федоров вместе с Петром Мстиславцем выпускают в 1564 г. в Москве первую русскую датированную книгу — Апостол. Спустя почти сто лет, в 1647 г., выходит первая в Московской Руси книга нерелигиозного содержания — «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей», а спустя два года — «Уложение» царя Алексея Михайловича — памятник юридического характера. В этих книгах, а также в художественных произведениях, дошедших до нас из XVII в., речь достаточно близка к разговорной, хотя и включает некоторые книжные элементы. В 1648 г. в Москве переиздается церковнославянская грамматика М. Смотрицкого. «Лексикон трехязычный» Ф. Поликарпова, изданный в Москве в 1704 г., включал уже многие собственно русские элементы.

В рамках своих реформ Петр I осуществляет резкое разделение между церковной и гражданской печатью: он способствует изданию большого числа книг гражданского содержания, проводит реформу русской гражданской азбуки. На основании употреблявшихся в скорописи начертаний букв, с учетом принятых в то время начертаний латинских букв в Европе, были предложены новые рисунки печатных букв, лично просмотренные и отобранные для внедрения Петром. Эти буквы составили гражданскую русскую азбуку, ставшую основой не только русской азбуки, но и всех славянских азбук, построенных на основании кириллицы: белорусской, украинской, болгарской, сербской, македонской, — а также графики ряда народов СССР (в частности, узбекской, казахской, азербайджанской, таджикской, киргизской, туркменской, молдавской и др.) и монгольской графики. В XVIII в. происходит бурный рост словаря и других выразительных средств русского языка. В связи с этим ощущается ост-

рая потребность в их нормализации. После некоторых предварительных опытов других авторов М. В. Ломоносов создает грамматику живого русского языка (1755—1757) и пытается нормализовать отбор выразительных средств в своей теории трех стилей.

Уже в произведениях писателей конца XVIII — начала XIX в. (Д. И. Фонвизин, Н. М. Карамзин и др.) русский литературный язык приближается к современному. Но в наиболее полном виде новый русский литературный язык получил воплощение в блистательном творчестве великого Пушкина. А. С. Пушкин в своих прозаических и стихотворных произведениях создал не только шедевры русской литературы, но и образцы новой русской литературной речи. В то же время и в том же направлении осуществлялось развитие языка литературы в произведениях И. А. Крылова, В. А. Жуковского, А. С. Грибоедова, Н. В. Гоголь и М. Ю. Лермонтов обогатили русский литературный язык широким отражением элементов живой речи различных сфер носителей русского языка. Немалое внимание вопросам языка уделял замечательный русский критик В. Г. Белинский.

Естественно, что к этому периоду относится и важный этап в развитии описаний русского языка, его грамматики и лексики. В конце 20 — начале 30-х гг. выходят грамматики Н. И. Греча и А. Х. Востокова. Еще в 1789—1794 гг. Академия Российской издала первый русский академический словарь в 6 книгах; в 1806—1822 гг. он был переиздан в исправленном виде. В 1847 г. (2-е изд. в 1867—1868 гг.) выходит «Словарь церковнославянского и русского языка», отразивший более широко богатства русской лексики: если в первом издании академического словаря было 34 237 заглавных слов, во втором — 51 388, то в словаре 1847 г. — 114 749 словарных статей.

Во второй половине XIX в. огромный вклад в художественное развитие человечества и в обогащение русского литературного языка вносят выдающиеся представители русской литературы И. С. Тургенев, Ф. М. Достоевский, Н. А. Некрасов, Л. Н. Толстой, А. П. Чехов, А. Н. Островский, И. А. Гончаров. Значительных успехов достигает и русская наука о языке. Еще в 1852 г. выходит «Опыт областного великорусского словаря», подготовленный Академией наук, вскоре к нему добавляется столь же объемистое дополнение (словарь и дополнение вместе вклю-

чают 31 тыс. диалектных слов). А в 1863—1866 гг. В. И. Даль выпускает свой «Толковый словарь живого великорусского языка» в четырех томах, включающий около двухсот тысяч слов и составляющий по сию пору непревзойденную сокровищницу русской лексики и замечательный памятник русской лексикографии. Словарь Даля неоднократно переиздавался (в частности, в 1978 г. — по второму, последнему прижизненному изданию). И. И. Срезневский собирает «Материалы для словаря древнерусского языка», широко привлекая к этой работе своих учеников (в частности, Н. Г. Чернышевского, составившего и опубликовавшего словарь к Ипатьевской летописи); фундаментальный труд ученого, обессмертивший его имя, вышел уже после его смерти, в 1890—1912 гг., благодаря усилиям дочери ученого О. И. Срезневской, других членов семьи и Отделения русского языка и словесности Академии наук.

Изучение грамматической структуры русского языка также поднимается на новую, более высокую ступень. Ф. И. Буслаев вносит в описание фактов русского языка исторический подход, а А. А. Потебня в своих вдумчивых, глубоких работах стремится проникнуть в содержательную сторону языковых явлений и их изменений. На рубеже XIX—XX вв. в России складывается очень сильная лингвистическая наука, среди представителей которой — Ф. Ф. Фортунатов, своими идеями вдохновивший московскую лингвистическую школу, А. И. Соболевский, внесший крупнейший вклад в изучение истории русского языка, А. А. Шахматов, открывший своими великолепными трудами новый этап в описании современного русского литературного языка и сделавший не менее важный вклад в изучение его истории с учетом как письменных памятников, так и диалектных данных, И. А. Бодуэн де Куртенэ — слава русской и польской лингвистики, не прошедший мимо фактов современного русского языка, оставивший очень важные наблюдения по фонетике и морфологии, но, главное, определивший теоретические искания русских языковедов первой половины нашего века.

1912
После Великой Октябрьской социалистической революции возникли предпосылки для широчайшего распространения норм русского литературного языка, для дальнейшего его развития в тесном единстве живой речи и

сложившихся традиций. Ликвидация массовой неграмотности, всеобщее образование, теперь уже переходящее к среднему, открыли для широких масс русского народа письменную речь как одну из важных разновидностей использования русского языка. В наше время сплошной грамотности и очень высокого образовательного уровня письменная речь вырастает вообще в особую, не вполне соотносимую с устной речью репрезентацию языка. Вместе с тем русский литературный язык усилиями таких писателей, как А. М. Горький, В. В. Маяковский, а также многих других идет навстречу живой устной речи. Советские лингвисты многое сделали для ликвидации вековой культурной отсталости, проявившейся в распространенной неграмотности: ими были созданы учебники и учебные пособия, разработаны научные основы преподавания русского языка как родного, а позже и как второго. Значителен вклад в эту работу А. М. Пешковского, Л. В. Щербы, М. Н. Петерсона и др. Ими были созданы также новые словари русского языка, первый среди которых замечательный «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова, выпущенный в 1935—1940 гг. в ответ на прямое задание В. И. Ленина о создании словаря живого образцового русского языка. Как бы кратким вариантом этого словаря является очень популярный «Словарь русского языка» С. И. Ожегова. А огромные богатства русской лексики получили отражение в большом (семнадцатитомном) академическом «Словаре современного русского литературного языка», в создании которого приняла участие группа советских лингвистов, удостоенных Ленинской премии: С. Г. Бархударов, С. П. Обнорский, Е. С. Истрина, Ф. П. Филин, А. М. Бабкин и др.

Грамматическое описание русского языка значительно продвинулось вперед в советское время. Одной из вершин русской грамматической мысли стала книга В. В. Виноградова «Русский язык», вышедшая в 1947 г. Ее автор внес также огромный вклад в изучение истории русского литературного языка, в историческое исследование русской лексики, в теорию художественной речи, в изучение истории русской науки о языке. Были сделаны новые интересные шаги в изучении русской фонетики (Р. И. Аванесов, А. А. Реформатский, В. А. Богородицкий, М. В. Панов), лексики, словообразования, фразео-

логии, грамматики (В. Н. Сидоров, Г. О. Винокур, Н. М. Шанский и др.), значительные исследования осуществлены в области истории и диалектологии русского языка (В. И. Бorkовский, С. П. Обнорский, Б. А. Ларин, П. С. Кузнецов, Р. И. Аванесов, Ф. П. Филин, П. Я. Черных, Вал. В. Иванов и др.). Развивается славянское (А. М. Селищев, С. Б. Бернштейн, О. Н. Трубачев, Н. И. Толстой и др.), индоевропейское (Вяч. В. Иванов, А. Н. Савченко и др.), общее (И. И. Мещанинов, Е. Д. Поливанов, Б. А. Серебрянников, В. М. Солнцев, И. И. Ревзин, А. А. Леонтьев, Г. П. Мельников и др.) языкознание. В академической «Грамматике русского языка» (в 3-х кн., 1952—1953) был создан подробный свод правил русской грамматики, а «Грамматика современного русского литературного языка» 1970 г. под редакцией Н. Ю. Шведовой осуществила описание грамматической системы русского языка на высоком научном уровне с использованием ряда новых и оригинальных идей. Очень высок теоретический уровень очерка М. В. Панова «Русский язык» в пятитомнике «Языки народов СССР».

Русская гражданская азбука стала образцом для пользующихся кириллицей славянских языков (кроме церковнославянского). В 1918 г. в нее были внесены некоторые упрощения: устранены буквы, затруднявшие освоение грамоты, поскольку они дублировали функции других букв, а следовательно, их написание подчинялось особым правилам или требовало заучивания: ѣ («ять»), дублировавшая е; і, ѵ (ижица), дублировавшие и; ѿ (фита), дублировавшая ф; отменено написание ъ для обозначения твердости согласного в конце слова. Главной особенностью русской графики является ее слоговой принцип: звуковое значение большинства букв существенно уточняется в зависимости от соседних букв. Известно двойное значение букв я, е, ю, ё; двойким значением (мягкость или «разделительность») обладает ь; двойное значение присуще также большинству букв, обозначающих согласные: они могут обозначать мягкие или твердые согласные (б, в, г, д, з, к, л, м, н, п, р, с, т, ф, х). Лишь буквы ч, ц, џ всегда обозначают мягкие, а ж, ш, щ — всегда твердые. Пару букв ы — и можно толковать как обозначение одной и той же фонемы после твердых или после мягких. Для русской орфографии ха-

рактен фонологический принцип: в большей части случаев обозначается фонема, причем так, как она бы звучала в сильной позиции (откуда возможность так называемых «проверяемых» написаний); отступлений от этого принципа не очень много (например, в приставках на з-). По этим признакам русская графика и орфография значительно отличается от сербской и македонской. От белорусской русская система письма более всего отличается тем, что белорусская орфография в передаче гласных базируется не на понимании фонемы в духе Московской фонологической школы, а на понимании фонемы в духе Ленинградской школы или, как обычно считают, на фонетическом принципе, почему в ней отражается аканье. Кроме того, в белорусской, а также в украинской графиках используются некоторые дополнительные к русской знаки (белор. *i*, укр. *i*, *і*, *е*), не используются некоторые русские буквы (белор. — *ц*, *э*, *ш*; укр. — *ы*, *э*, *є*), а некоторые буквы имеют иное звуковое значение (белор. и укр. *з* проточное, *ч* твердое, укр. *е* не йотированное и др.).

Русскому языку присущ ряд черт, совокупность которых отличает его от других восточнославянских и прочих славянских языков: 1) в русском литературном языке и в северновеликорусских говорах *з* произносится как взрывной звук; 2) в русском литературном языке и в южновеликорусских говорах распространено аканье, т. е. неразличение *о* и *а* в безударном положении; 3) *ч* является мягким; *часть*, *чист*; 4) *ц* — только твердый: *целый*, *революция*; 5) сохраняется различие мягкого и твердого *р* во всех положениях: *пар* — *парь*, *рад* — *ряд*; 6) старые редуцированные *ы* и *и* (на месте *ь*, *ь* перед *й*) превратились в русском языке под ударением в *о*, *е*: *мою* (при белорус. *мяю*), *шея* (белор. *шыя*) и т. п.; 7) в отличие от белорусского в мягких *дь* и *ть* не развился проточный исход: *пить*, *дятел* и т. п.; 8) в случаях типа *братья*, *тенью* сохраняется сочетание согласного с *й*; 9) в первом и втором склонении с заднеязычным согласным в конце основы не происходит чередования этого согласного со свистящим: *по дороге*, *о пастухе*; 10) распространилось окончание *-а* в именительном падеже множественного числа слов мужского рода: *берега*, *профессора*, *катера* и т. п.; 11) в склонении прилагательных и местоимений в родительном падеже единственного числа мужского рода *г*

произносится в окончании как *в*: *черного* — читается как *чёрнава*; 12) в инфинитиве *-ти* сохраняется только под ударением: *нести*, *вести*, но *плакать*, *тереть* и т. п.

При диалектном членении русского языка выделяют-ся северное (северновеликорусское) наречие, южное (южновеликорусское) наречие, а также среднерусские говоры, сложившиеся между этими крупными группировками диалектов. В основу русского литературного языка положен московский говор, сложившийся как средневеликорусский. Эти группировки более четко могут быть выделены в Европейской части СССР на территориях, наиболее давно заселенных русскими. За пределами этих территорий, например в Сибири, сложились примыкающие к основным отмеченным диалектные группы, в которых господствующими оказываются те или иные черты, присущие крупным группам поселенцев. Так, при общем северновеликорусском характере речи старого населения Сибири (до второй половины XIX в.) в ней встречаются и некоторые южновеликорусские черты, получившие то или иное распространение. Для севернорусского наречия характерно: а) оканье, т. е. различие в безударных слогах *а* и *о*; б) заударное *е* перед твердыми согласными произносится как *о*: *озёро*, *полё*; в) взрывной характер *з*; г) твердое *-т* в глаголах 3-го лица настоящего времени: *носит*, *носят*; д) постпозитивные частицы *-от*, *-та* и т. п.: *дом-от*, *вода-та* (ср. болгарский и македонский артикль). Южнорусское наречие характеризуют следующие черты: а) аканье, т. е. неразличение безударных *о*, *а*; б) фрикативное (проточное) образование *з*; в) окончание *-е* в родительном падеже единственного числа женского рода: *у жене*, *с работе*; г) окончание *-ы* в именительном падеже среднего рода: *окны*, *пятны*; д) мягкое *-ть* в глаголах 3-го лица: *пишуть*, *чесеть*. Среднерусские говоры характеризуются: а) взрывным характером произношения *з*; б) аканьем; в) совпадением окончаний I и II спряжения: *пишут*, *пробуют*. Среднерусские говоры менее едины, чем северные и южные. Все русские наречия разделяются на довольно разнообразные группы говоров. Так, северновеликорусское наречие включает западную (ладожско-тихвинскую) и восточные (вологодскую и костремскую) группы говоров, а также ряд расположенных между ними межзональных группировок; в южновеликорусских говорах

выделяется западная группа, во многом примыкающая к белорусским говорам, курско-орловская, восточная (рязанская) и ряд других; среди средневеликорусских выделяются псковские и окающие новгородские, окающие владимирско-поволжские, окающие восточные среднерусские говоры, а также некоторые другие группы.

Литература

- Грамматика русского языка. В 2-х т. (3 кн.) — 2-е изд. — М.: Изд-во АН СССР, 1960.
- Грамматика современного русского литературного языка. — М.: Наука, 1970.
- Русская грамматика. В 2-х т. — М.: Наука, 1980.
- Виноградов В. В. Русский язык. — 2-е изд. — М.: Высш. школа, 1972.
- Горшков А. И. История русского литературного языка. — М.: Высш. школа, 1969.
- Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. — М.: Изд-во АН СССР, 1963.
- Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка. — М.: Просвещение, 1964.
- Русская диалектология. / Под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. — 2-е изд. — М.: Наука, 1965.
- Словарь современного русского литературного языка. В 17-ти т. — М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1950—1965.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. Переиздание изд. 2-го (1880—1882). — М.: Госиздат словарей, 1955 (Рус. язык, 1978) (издание продолжается).
- Словарь русских народных говоров. Вып. 1 (издание продолжается). — М. — Л.: Наука, 1965...
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х т. — М.: Прогресс, 1964—1973.
- Этимологический словарь русского языка. Т. 1, вып. 1 (издание продолжается). — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1963...
- История русской литературы. В 10-ти т. (13 кн.) — М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1941—1956. 3 т. библиографии. — М.: Наука, 1962—1968.
- История русской советской литературы. В 3-х т. — М.: Изд-во АН СССР, 1958—1961.
- Большая Советская Энциклопедия. — 3-е изд. Т. 24, кн. 2. СССР. — М.: Сов. энциклопедия, 1977.
- Русский язык: Энциклопедия. — М.: Сов. энциклопедия, 1979.

Украинский язык

38
Украинский язык — язык украинцев, один из наиболее распространенных славянских языков, а также второй по количеству говорящих язык народов СССР. Украинский язык — наиболее распространенный язык в УССР, где им, согласно данным переписи 1970 г., в ка-

честве родного владеют 32 702 тыс. чел. (в том числе 32 257 тыс. украинцев), а в качестве второго показали знание 4431 тыс. чел. (в том числе 1529 тыс. украинцев); таким образом, на Украине украинским языком владело не менее 38 133 тыс. чел., т. е. 80,9 % населения республики. Всего в СССР проживало 40 753 тыс. украинцев, из которых 37 179 тыс. считают украинский язык родным или вторым языком. Знание украинского языка как родного показало в СССР 35 401 тыс. чел., а как второго 5619 тыс., суммарно 41 020 тыс. За пределами УССР украинцы живут в РСФСР (3,3 млн.), Казахстане (930 тыс.), Молдавии (507 тыс.), Белоруссии (191 тыс.), Киргизии (120 тыс.), Узбекистане (115 тыс.). Вне СССР украинцы живут в Польше (ок. 300 тыс.), Чехословакии и Румынии (по 70 тыс.), Югославии (40 тыс.), а также в ряде других стран Европы и Америки: в США (ок. 1 млн.), Канаде (ок. 700 тыс.), Аргентине (ок. 150 тыс.), Бразилии (ок. 100 тыс.), в Австралии (ок. 30 тыс.); это в основном потомки эмигрантов, особенно из западной Украины, выехавших в эти страны в конце XIX — начале XX в. Таким образом, общее количество украинцев превышает 43 млн.

Вместе с русскими и белорусами украинцы происходят из древнерусской народности. В XII—XIV вв. в результате феодальной раздробленности стала складываться специфическая совокупность языковых черт, характеризующая украинский язык. Отдельные такие диалектные черты проявлялись уже в древних письменных памятниках, но комплекс их стал вырабатываться именно в указанный период. Одним из первых крупных письменных памятников, в котором проявились эти черты, является часть Ипатьевской летописи (составлена в первой половине XIV в., переписана ок. 1425 г.). С XIV—XV вв. украинцы выступают как самостоятельная этническая общность со специфическими чертами культуры и быта. В XIV в. большинство украинских земель оказалось под иноземным владычеством: Галицкой землей, а затем и Западной Волынью овладели Польша; Чернигово-Северская земля, Киевщина, Подолия и восточная часть Волыни были включены в Великое княжество Литовское (вошедшее позже в унию с Польшей); Закарпатская Русь еще раньше, в XI в., была захвачена Венгрией; Северная Буковина отошла в Молдавское

княжество, а с XVI в. попала под власть турок. На Юге Украины и в Крыму в XV в. возникло Крымское ханство. В то же время, как показывает уже упомянутая Галицко-Волынская Ипатьевская летопись, украинский народ сохранял идею единства Руси, его представители выступали вместе с другими братскими восточнославянскими народами, отстаивая свободу Руси от тевтонских рыцарей (под Грюнвальдом в 1410 г.), от турецких и татарских завоевателей. Само название «Украина», применявшееся первоначально к юго-западной окраине Руси, с XVI в. стало употребляться в официальных документах для обозначения всей территории украинского народа.

В рамках Великого княжества Литовского употреблялся возникший на базе древнерусского западнорусский письменный язык, являвшийся общим достоянием белорусов и украинцев. В этот язык с большей или меньшей интенсивностью проникали элементы живого белорусского или живого украинского языка, что и дает основания для отнесения одних памятников к истории украинского, а других — к истории белорусского языка. Имелись определенные различия в языке деловых актов и художественных произведений, в летописном и религиозно-полемическом творчестве. Большое количество актов с украинскими языковыми чертами используется в «Словаре староукраинского языка XIV—XV ст.» Примерами оригинальных произведений украинских авторов на рубеже XVI—XVII вв. могут служить произведения Ивана Вишенского, в более поздний период (конец XVII—XVIII вв.) — вирши Климента Зинovieва. Летопись Величко, а затем и произведения выдающегося украинского философа и поэта XVIII в. Григория Сковороды. Речь этих и многих других авторов, переводы произведений европейской литературы, например новелл Боккаччо, отражали определенные черты живого языка, но вместе с тем сильно были связаны с книжнославянской традицией.

Из авторов произведений лингвистической мысли, связанных с западнорусским письменным языком, наряду с названными уже уроженцем Львовщины Л. Зизанием и украинцем же по рождению М. Смотрицким следует назвать создателя интереснейшего памятника восточнославянской лексикографии Памву Беринду с его «Лекси-

коном славеноросским», изданным в 1627 г. в Киеве. Эти и другие памятники западнорусской грамматической традиции оказали значительное влияние на все развитие раннего восточнославянского языковедения. К XVII в. относятся латинско-славянский и славяно-латинский словари Е. Славинецкого и А. Корецкого-Сатановского, остававшиеся, однако, до нашего времени в рукописи (изданы в 1973 г.), что значительно ограничило их влияние. Интерес представляет также «Грамматика славянская» И. Ужевича, сохранившаяся в двух рукописях в библиотеках Франции. Русский первопечатник И. Федоров после Москвы долгое время работал на Украине и стал также основателем украинского книгопечатания. Во Львове в 1574 г. им была напечатана первая восточнославянская печатная азбука-букварь (книжка не имеет заглавия, а потому называют ее по-разному: букварь, грамматика и пр.; сути дела это не меняет — это учебная книга для первоначального обучения грамоте).

Несмотря на тяжелые условия, на раздел между несколькими государственными образованиями, в XIV—XVII вв. происходила консолидация украинского народа, росло стремление к объединению и воссоединению всей Руси. Положение украинского народа ухудшилось после Люблинской унии 1569 г., когда значительная часть Украины была подчинена Польше и польские магнаты стали захватывать земли украинских крестьян, закрепощать их. По Брестской унии 1596 г. (расторгнутой в 1946 г. на церковном соборе во Львове) православная церковь на территории Речи Посполитой была объединена с католической в униатскую и подчинена римскому папе, что вызвало недовольство среди значительной части населения. Всеобщее недовольство различных слоев украинского народа господством польских панов вылилось в 1648—1654 гг. в освободительную войну украинского народа, возглавленную Богданом Хмельницким и приведшую в 1654 г. к воссоединению Украины с Россией. Однако последовавшие затем события, в частности война между Россией и Польшей, привели к тому, что в Галиции и на Правобережной Украине (кроме Киева) продолжалось господство польской шляхты и частично турок. Закарпатье по-прежнему оставалось в составе Венгерского королевства. В результате I раздела Поль-

ши в 1772 г. Австрия получила Галицию и Северную Буковину. По II и III разделам Правобережная Украина и Волынь вошли в состав России.

Укрепление экономических и культурных связей между значительной частью украинских земель, оказавшихся в составе России, способствовало формированию украинской нации. В начале XIX в. в произведениях полтавчанина И. П. Котляревского, в частности в его «Энеиде», получает одно из первых воплощений украинский литературный язык нового времени. В произведениях, по жанру принадлежавших к низкому стилю (в ломоносовской теории), — в травестии (перелицовке) «Энеиды» и в бытовой комедии «Наталка-Полтавка» — живая речь резко прорывается в украинскую литературу. Но лишь Т. Г. Шевченко синтезировал на базе народно-разговорной речи различные достижения словесности предшествующего периода; революционное слово великого Кобзаря стало достоянием мировой литературы, а новый украинский литературный язык, базировавшийся на средненадднепровских говорах, сделался бесспорной реальностью. Он получил дальнейшее развитие в тонких лирических произведениях Леси Украинки, в многообразном творчестве ученого, писателя и поэта Ивана Франко, в прозе М. М. Коцюбинского и др.

Однако ни национальная культура, ни национальный язык не могли получить подлинного развития в условиях царской России и тем более разъединения народа между Россией и Австро-Венгрией. Лишь Октябрьская социалистическая революция открыла путь украинскому языку в школу, лишь после Великого Октября национальная культура украинского народа перестала быть этнографической диковинкой, а стала мощной и всесторонне развитой культурой одного из равных народов Советской страны. В годы Советской власти произошел колоссальный рост национального украинского языка, его разностороннее развитие, сделавшие его вполне соответствующим всем потребностям народа. В творчестве украинских прозаиков — А. Головка, Ю. Смолича, П. Панча, а позже А. Гончара, М. Стельмаха, яркого драматурга А. Е. Корнейчука воплотились значительные преобразования в литературной речи, отражающие рост, расширение сферы духовной жизни народа. Творчество М. Рыльского, П. Тычины, В. Сосюры и других поэтов открыло новые

возможности выражения самых глубинных мыслей и чувств в поэтическом слове.

На примере украинского языка в советское время легко проследить, что перевод не только взаимно обогащает души людские, но и содействует развитию языков. Язык, на который не делается переводов с других языков, оказывается в чем-то ущербным, так как в нем не развиваются некоторые очень важные в целостном ансамбле современного развитого языка явления, передающие коллективный опыт человечества. И потому в политическом и культурном отношении столь важными были не только переводы на украинский язык сочинений Маркса, Энгельса, Ленина, но и превосходные переводы вершин художественной литературы Востока и Запада. Востоковед академик А. Е. Крымский, а позже поэт М. Бажан открыли украинскому читателю многие замечательные строки восточной поэзии; М. Рыльский нашел выразительные средства для того, чтобы по-украински заговорил А. Мицкевич, на украинский язык переведена теперь вся основная мировая классика, и это важно было не только для культурного роста народа, но и для развития его языка.

Дореволюционная украинская лингвистика имела определенные достижения: это и теоретические, а также исторические сочинения великого украинского языковеда А. А. Потемни, диалектологические разыскания К. П. Михальчука, историко-лингвистические работы П. И. Житецкого, это и собрания лексики в словаре Е. Желеховского и словаре под редакцией Б. Д. Гринченко, и работы И. Я. Франко, и работы замечательного русского языковеда А. А. Шахматова по вопросам украинского языка. Но наиболее значительных успехов украинское языковедение достигло в послереволюционное время. Многие сделали для развития науки об украинском языке крупный украинский лингвист, славист широкого профиля Л. А. Булаховский. Успешно работают в области украинистики И. К. Белодед, А. С. Мельничук, М. А. Жовтобрюх, И. А. Дзедзелевский, В. И. Перебийнос, В. М. Русановский и многие другие лингвисты. Орденосный Институт языковедения АН УССР им. А. А. Потемни подготовил пятитомное описание современного украинского литературного языка, завершается издание одиннадцатитомного толкового словаря украинского языка.

ка, изданы многотомные украинско-русский и русско-украинский словари, историческая грамматика, история литературного языка, ряд работ по диалектологии. Ждут публикации диалектологический атлас, частотный и этимологический словари, осуществлены экспериментально-фонетические исследования звуковой системы и интонации украинского языка, изучаются связи украинского языка с другими славянскими языками, и прежде всего с русским.

Украинский язык пользуется вариантом русской гражданской азбуки. Важнейшие отличия этого варианта от русской азбуки следующие. Для обозначения переднего закрытого гласного используется буква *і*; буква *и* обозначает гласный типа русского *ы*. Для обозначения сочетаний *йэ* или *э* после мягкого согласного (что случается в украинском языке редко) используется буква *є*; буква *е* обозначает примерно тот же звук, что русское *э*. Для передачи сочетания *иі* используется буква *и*. В качестве разделительного знака используется апостроф. Буквы *з*, *ы*, *э* в украинском алфавите отсутствуют. Нет также буквы *ѣ*, функции которой переданы сочетаниям букв *йо*, *ьо*: *його* 'его', *льон* 'лен'.

Рядом отдельных черт, а также их совокупностью украинский язык характеризуется среди других славянских языков. Укажем некоторые такие черты в области фонетики: 1) старые *и* и *ы* совпали в одном звуке *и* (типа рус. *ы*): *син* 'сын', *синий* 'синий'; 2) на месте *ѣ* («ять») выступает *і*: *сіно* 'сено', *хліб* 'хлеб'; 3) *е* и *о* в закрытом слоге превратились в *і*: *ріг* 'рог', *сім* 'семь'; 4) сохраняется различие *о* и *а* в безударных слогах; безударное *е* сближается с *и*: *на печі* 'на печи'; безударное *о* может ассимилятивно сближаться с *у*, если в ударном слоге выступает закрытый гласный: *на во́гню* 'на огне'; 5) губные согласные, а также *р* на конце слога (и слова) отвердели: *вісім* 'восемь', *насип* 'насыпь', *цар* 'царь'; 6) *ч* (как и другие шипящие) отвердело: *чистий*, *чорний*; 7) *з* проточное: *гора*; 8) сочетание *рь* дает *ри*: *тривога* 'тревога'; 8) как и в белорусском, сочетание **дј* дало *дж*: *народження*, *ходжу*; 9) редуцированные *и*, *ы* (*ѣ*, *ь* перед *ј*) дают *и*: *шия*, *мию*; 10) сочетание согласных *н*, *д*, *т*, *л*, *з*, *с*, *ц*, *ч*, *ш*, *ж* с *і* дало долгие мягкие согласные: *тінню* 'тенью', *колосся* 'колосья'; 11) согласные не смягчаются перед *е*, *и*: *береза*, *пити* 'пить'; перед *і* согласные (в том

числе шипящие) смягчаются: *піч* 'печь', *літо* 'лето'; 12) *в* — губно-губной, *л* после гласных превращается в *в*: *вовк* 'волк'; мягкий *в* — губно-зубной: *вітер*; 13) после гласных и перед гласными *у*, *і* обычно превращаются в *в*, *и*: *був у нас* — *були в Остапа* 'был у нас — были у Остапа', *вона йде* 'она идет'; 14) старый *ц* сохраняет мягкость, кроме положения перед *е*, *и*: *вулиця* 'улица', *молодець* 'молодец'; но есть и твердое *ц* перед *е*, *и* и в некоторых заимствованиях: *дзеркальце* 'зеркальце', *палац* 'дворец'; 15) звонкие в конце слова, как правило, не оглушаются.

В области грамматики можно отметить такие специфические черты: 1) в склонении существительных перед *і* из *ѣ* заднеязычные чередуются со свистящими: *у книзі* 'в книге', *на лузі* 'на лугу'; 2) сохраняется склонение среднего рода на *-а*, *-я* (слова, обозначающие детенышей, и т. п.): *теля*, *теляти*, *теляті*; 3) имеются особенности в распределении существительных по грамматическим (морфологическим) классам: *степ* 'степь м. р.', *тиша* при рус. *тишь*, *тишина*; распространены существительные только множественного числа, обозначающие эмоции: *радощі* 'радость', *гордощі* 'гордость'; 4) в именительном и винительном падежах прилагательных употребляются для женского и среднего рода, а также для множественного числа стяженные формы: *молода* 'молодая', *веселе* 'веселое' (ср. кратк. рус. *весело*), *добрі* 'хорошие', *велику* 'большую'; 5) унифицируется склонение числительных: *двох*, *трьох*, *п'ятьох*, *десятьох* — род. п.; 6) употребительно будущее синтетическое совершенного вида: *писатиму* 'буду писать' из др.-рус. *писати ими*; 7) употребительно давнопрошедшее (преждепрошедшее): *писав був* 'писал (давно, однажды)'; 8) инфинитив образуется обычно при помощи суффикса *-ти*: *писати* 'писать', *співати* 'петь'; 9) действительные причастия настоящего времени образуются при помощи суффиксов *-ач-*, *-яч-*, *-юч-*: *благаючий* 'вымаливающий', *ваблячий* 'привлекающий'; 10) вставное (эпентетическое) *л* в глаголах 3-го лица множественного числа настоящего времени после губных: *люблять* 'любят', *ловлять* 'ловят'; 11) как и в белорусском, в 3-м лице единственного числа I спряжения *-ть* утрачено: *пише*, *читає* 'пишет, читает'; в 3-м лице II спряжения и множественного числа окончание *-ть* мягкое: *пишуть*, *говорить*; 12) употребительны особые неопределенно-личные формы на *-но*, *-то*: *прочитано*, *на-*

лито; козаченька вбито, книжку написано; 13) указательное местоимение со значением «этот» имеет форму цей (ср. рус. архаичн. сей).

В области лексики украинский язык сближается с белорусским по наличию значительного количества общих «культурных» слов, в основном наследия западнорусского литературного языка, заимствованных из польского или через польский, которые не дошли до русского языка, например: укр. *цегла* 'кирпич', *наприклад* 'например', *окуляр* 'очки'. Вместе с тем в украинский язык проникло больше, чем в белорусский, хотя и меньше, чем в русский язык, старославянизмов (церковнославянизмов): *глас*, *злато*, *благословити*, *властолюбний* и т. п. Разумеется при этом, что основу лексики украинского языка, как и других славянских языков, составляет исконно-славянская лексика и образованные на ее базе слова, присущие разным славянским языкам или данному языку в частности.

Выделяются три группы украинских говоров: северная (полесская), к которой теснейшим образом примыкают крайние юго-западные (полесские) окающие говоры Белоруссии; юго-западная и юго-восточная. Северные украинские говоры не имеют четких границ с белорусскими, черты белорусских говоров проникают на юг, а украинских — на север. Для полесских говоров характерно: а) наличие дифтонгов на месте *ѣ*, а также *е* *о* в закрытом слоге: *дїд* 'дед', *вцол* 'вол'; б) *р* отвердело: *говорю* 'говорю'; в) *ц* твердое: *отец*; г) употребительны нестяженные формы прилагательных: *молодая*, *молодую*. Южная граница северных говоров проходит на западе примерно по параллели Киева, а к востоку от Днепра — севернее Сум. Граница между юго-восточными и юго-западными говорами проходит на севере от Фастова (между Киевом и Житомиром) к Первомайску и Тирасполю в Молдавии. Юго-западные говоры неоднородны: выделяются несколько разновидностей карпатских говоров, в том числе гуцульские, лемковские, бойковские, а также воляньские, подольские, надсанские. Среди более распространенных в юго-западных говорах явлений можно назвать: а) переход мягких *д*, *т* в *к*, *г* (взрывное): *кіло* 'тело', *гіт* 'дед'; б) оглушение звонких согласных: *дуп* 'дуб'; в) утрата мягкого *р* с заменой его сочетанием *рй*: *рйад* 'ряд'; г) творительный падеж женского рода имеет

форму *гоголов* вместо *головою*; д) частица *ся* (*сі*) отделяется от глагола: *сі стало* вместо *сталося* 'произошло'; е) распространены формы будущего времени типа *буду казав* 'скажу' и др. Многие типичные черты, например формы типа *сылза* 'слеза', представлены только в части юго-западных говоров. Среди черт юго-восточных говоров отметим: а) отсутствие оглушения звонких: *дїд*, *мороз*; б) нетипичность *ф* с его заменой через *хв*: *Хведір* 'Федор' и т. п.; в) распространено окончание *-ові, -еві* в дательном падеже: *коневі*, *селові* 'коню, селу'. Среди юго-восточных говоров выделяются надднепровские, полтавские, слобожанские (в районе Харькова), а также распространенные по всему югу Украины степные говоры. Многие черты юго-восточных говоров совпадают с литературными (например, будущее время типа *писатиму*), поскольку они — база литературного языка.

Литература

- Сучасна українська літературна мова. (1) Вступ. Фонетика; (2) Морфологія; (3) Синтаксис; (4) Лексика і фразеологія; (5) Стилїстика./За загальною редакцією І. К. Білодіда.— Київ: Наукова думка, 1969—1973.
- Історична граматика української мови.— Київ: Радянська школа, 1962.
- Курс історії української літературної мови. В 2-х т./За ред. І. К. Білодіда.— Київ: Вид-во АН УРСР, 1958—1961.
- Бевзенко С. П. Українська діалектологія.— Київ: Вища школа, 1980.
- Словник української мови. В 11-ти т. Т. 1 (видання продовжується).— Київ: Наукова думка, 1970...
- Словник староукраїнської мови XIV—XV ст. В 2-х т.— Київ: Наукова думка, 1977—1978.
- Українсько-руський словарь. В 6-ти т.— Киев: Изд-во АН УССР, 1953—1963.
- Русско-український словарь. В 3-х т.— Киев: Наукова думка, 1968.
- Історія української літератури. В 8-ми т.— Київ: Наукова думка, 1967—1971.
- Українські письменники. Біобібліографічний словник. В 5-ти т.— Київ: Держлітвидав, 1960—1965.
- История Украинской ССР. В 2-х т.— Киев: Наукова думка, 1969.

В13 ЗАПАДНОСЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ

К западнославянским языкам относятся: польский, включая кашубский, серболужицкие, чешский, словацкий и мертвый полабский. Западнославянские языки делятся на две группы: чешско-словацкую и польско-полабско-лужицкую (лехитскую), между которыми есть переход-

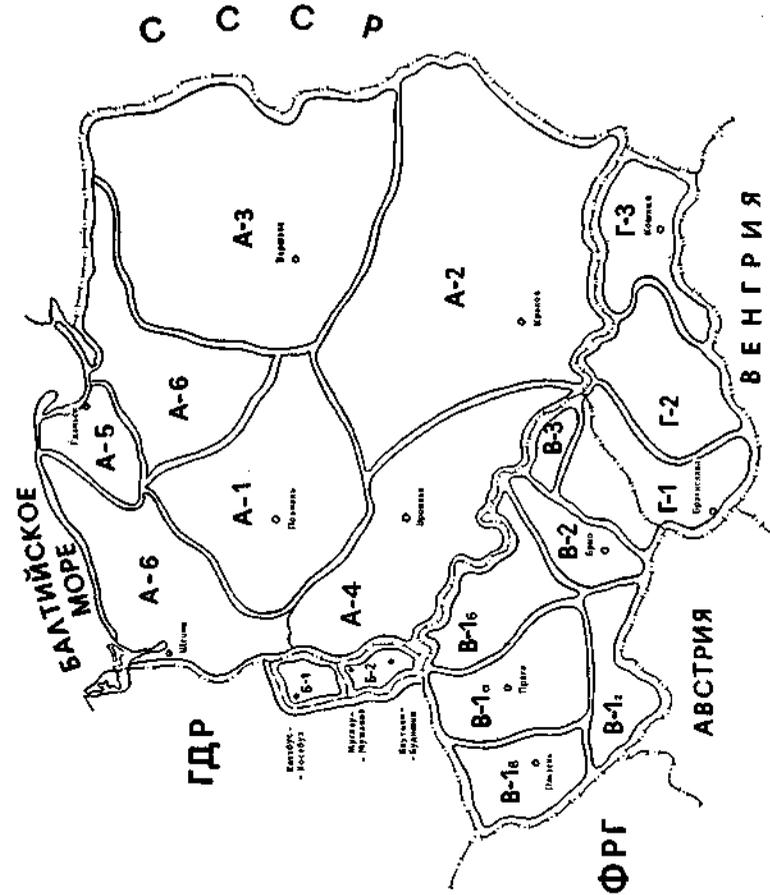
ные говоры. Единого празападнославянского языка сколько-нибудь длительное время не существовало: вскоре после распада праславянского языка сложились отдельные союзы племен — носителей западнославянских наречий, более или менее соответствующие позднейшим отдельным западнославянским языкам. Значительная часть западнославянских племен, проживавших между нынешней Польшей и территорией ФРГ (к югу от Гамбурга), где еще в начале XVIII в. были засвидетельствованы последние остатки языка полабских древян, была онемечена, а от соответствующих славянских наречий сохранились лишь отдельные слова в немецких документах или местные названия (топонимы).

Западные славяне граничат на западе с Германией (ныне ГДР и ФРГ), а на юге — с Австрией и Венгрией. На севере границей западнославянских земель является Балтийское море. На небольшом участке на северо-востоке поляки граничат с носителями языка, принадлежащего к балтийской группе, — литовского, а на востоке западные славяне (поляки и словаки) граничат с восточными славянами — белорусами и украинцами. Переходных говоров между западными и восточными славянскими языками нет; в ходе длительного взаимодействия выработались, однако, в частности на словацко-украинской языковой границе, некоторые говоры смешанного характера, определить языковую принадлежность которых затруднительно. На польско-белорусской языковой границе есть зоны с развитым двуязычием населения, но, как правило, функции каждого из языков разграничиваются, а говоры смешанного характера не возникают.

Можно выделить некоторые существенные общие черты западнославянских языков: 1) постоянное ударение (в чешском, словацком, серболужицких — на первом слоге, в польском — на втором от конца); 2) сочетания *tert, *telt превратились в tret, ilel (в языках, кроме словацкого и полабского, r перед передними гласными изменилось в шипящий): польск. brzeg 'берег', mleko 'молоко'; 3) сохранение сочетаний *kv-, *gv- в начале слова перед старым «ять»: польск. kwiat, gwiazda, чешск. květ, hvězda 'цвет(ок)', 'звезда'; 4) сохранение сочетаний *dl, *tl: чешск. pletl 'плел', польск. mydło 'мыло'; 5) на месте древнего сочетания губных согласных с j в западнославянских языках выступает мягкий губной: польск. ziemia

Западнославянские языки и их основные диалекты

- А. Польский язык:
 А-1. Великопольская группа говоров. А-2. Малопольская группа говоров. А-3. Мазовецкая группа говоров. А-4. Шлезская группа говоров. А-5. Кашубская группа говоров. А-6. Новые смешанные диалекты.
- Б. Серболужицкие языки:
 Б-1. Верхнелужицкое наречие. Б-2. Нижнелужицкое наречие.
- В. Чешский язык:
 В-1. Собственночешские наречия. В-1а. Среднечешские наречия. В-1б. Восточнечешские наречия. В-1в. Западночешские наречия. В-1г. Южночешские наречия. В-2. Моравские (ганцкие) наречия. В-3. Ляшские наречия.
- Г. Словацкий язык:
 Г-1. Западная группа говоров. Г-2. Средняя группа говоров. Г-3. Восточная группа говоров.

'земля' и т. п.; 6) на месте сочетаний *dj, *tj выступает dz (>z), с: словацк. *svieca* 'свеча', *medza* 'межа'; 7) х при смягчении по типу второй палатализации (перел *ě, i* дифтонгического происхождения) превратилось в *š*: словацк. *múse* 'мухе', чешск. *všesek* 'весь'; 8) сильный *z* большей частью превратился в *e* (кроме полабского языка): польск. *sen* 'сон'; 9) местоимения *этот* и *что* имеют соответственно вид *ten* и *co*.

Судьба сочетаний **tort, *tolt* в западнославянских языках сложилась не одинаково. В чешском и словацком языках на их месте выступает *trat, tat, mraz, mlad* 'мороз', 'молод': в польском — *trot, tlot* с возможным преобразованием *o* в *u* (орфографически — *ó*): *mróz, młody* 'мороз', 'молодой': аналогично изменение в серболужнических языках. В кашубском и полабском в определенных случаях перестановка (метатеза) плавного и гласного не наступала; так, например, в полабском *korwo* 'корова', но *młáde* 'молодой'.

Литература

- Селищев А. М. Славянское языкознание. I. Западнославянские языки. — М.: Учпедгиз, 1941.
Славянские языки (очерки грамматики западнославянских и южнославянских языков) / Под ред. А. Г. Широковой и В. П. Гудкова. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977, с. 19—215.
Stieber Z. Zarys dialektologii języków zachodnio-słowiańskich. — Warszawa, PWN, 1956.

В 10 Польский язык

Поляки составляют 98 % населения Польши. По оценке 1976 г., это означает 33,8 млн. чел. Кроме того, около 10 млн. поляков проживает за границами страны: в США, СССР, Канаде, Франции, Англии, ФРГ, Бразилии и т. д.; часть из них сохраняет польский язык. Так, по данным переписи 1970 г., в СССР проживало 1380 тыс. поляков (почти половина из них — в Белоруссии, четверть — на Украине, пятая часть — в Литве, где поляки составляют около 10 % населения, выходит польская газета и функционируют польские школы); 32,5 % из них считали польский язык своим родным. Такое большое рассеяние поляков по свету объясняется событиями истории Польши.

Возникшее более тысячи лет тому назад Польское государство при первом исторически известном польском князе из династии Пястов — Мешке I приняло христианство, что способствовало ускорению развития феодализма. На смену относительно единому польскому государству в XI—XIII вв. пришла феодальная раздробленность с характерными для этого периода противоречиями и междуусобицами. Большую роль в социально-экономической жизни Польши играла католическая церковь с ее крупными владениями. Первым письменным документом, в котором упоминается множество польских названий местностей, была латинская Гнезненская булла 1136 г. папы Иннокентия II, утверждавшая права гнезненского архиепископа на его владения. Феодальные противоречия привели к немецкой колонизации ряда польских земель, татаро-монгольским набегам в XIII в. и агрессии возникшего в Прибалтике немецкого Тевтонского ордена. Объединение отдельных польских княжеств и Кревская уния с Великим княжеством Литовским (1385), а также участие в борьбе с немецкими рыцарями русских полков позволили одержать победу над Орденом в Грюнвальдской битве 1410 г. Польские войска в этой битве возглавлял Владислав II Ягайло, родоначальник династии Ягеллонов.

Образование в XIV—XV вв. единого Польского государства содействовало развитию культуры. В 1364 г. был основан Ягеллонский университет в Кракове. Именно к этому же периоду относятся первые письменные памятники на польском языке, в частности Свентокшижские проповеди, написанные, видимо, в XIII в., но дошедшие до нас в копии, сделанной во второй половине XIV в., и духовная песня «Богородица», которая в своей основе возникла, видимо, в XII в., но дошла до нас в копии начала XV в.

Со второй половины XVI в. интересы польских феодалов обращаются на Восток, на белорусские, украинские и русские земли. Инструментом для осуществления этих интересов стала Люблинская уния 1569 г., в результате которой Польша и бывшее Великое княжество Литовское образовали одно государство — Речь Посполитую. После династии Ягеллонов польские феодалы, прежде всего крупнейшие землевладельцы, добиваются выборности короля, делая его своим прямым ставленником. Право-

славная церковь на территории Речи Посполитой ставится в результате Брестской унии 1596 г. под власть римского папы. Это обостряет национальные противоречия внутри Речи Посполитой, ярким проявлением которых была освободительная борьба украинского народа в 1648—1654 гг., возглавлявшаяся Богданом Хмельницким. В результате этой борьбы и последовавшей русско-польской войны значительная часть Украины воссоединилась с Россией. Многочисленные и длительные войны, а также упадок экономики стали причиной кризиса Польского государства и культуры. В конце XVIII в. украинские и белорусские земли Речи Посполитой отошли к России, а собственно польская территория была расчленена между Пруссией и Австрией. По решению Венского конгресса 1815 г. на части польской территории, включая Варшаву, отошедшую ранее к Пруссии, было образовано Царство (Королевство) Польское, включенное в Российскую империю. Польское государство перестало существовать. Начиная с конца XVIII в. произошел ряд восстаний польского народа — в 1794 г. под руководством Т. Костюшки, в 1830—1831 и в 1863—1864 гг.

В Польше и за ее пределами в этот период развивается новая польская романтическая литература, отражавшая определенные революционные и освободительные тенденции. Выдающимися поэтами той поры стали Адам Мицкевич и Юлиуш Словацкий. Мицкевич и другие романтики коренным образом ломали старые каноны литературного языка и стиля, обогащали язык, открыли новый этап в развитии польского поэтического языка. Возрождение польской культуры и языка, начавшееся после периода застоя еще в XVIII в., нашло свое отражение не только в литературном творчестве, но и в создании первого крупного (шеститомного) польского словаря — Словаря Самуила Богумила Линде (1806—1814; 2-е изд. — 1854—1860). На десятилетия словарь этот стал ценнейшим собранием польской лексики для писателей и ученых.

Во второй половине XIX — начале XX в. создаются выдающиеся произведения польской классической прозы — романы и повести Э. Ожешко, Б. Пруса, Г. Сенкевича, а позже — В. Реймонта и С. Жеромского. К этому времени относится значительное развитие польской нау-

ки о языке, представленной рядом ученых, работавших в Краковском и Львовском университетах, в Варшаве и Вильнюсе, а также и далеко за пределами Польши. В конце XIX — начале XX в. были созданы так называемые Виленский и Варшавский словари литературного языка и подготовленный одним из создателей Варшавского словаря — Яном Карловичем — Словарь польских говоров. Эти словари включили в литературный и научный оборот значительные богатства польской лексики. В конце XIX в. недолгое время в Краковском университете работал великий славянский лингвист Ян (Иван Александрович) Бодуэн де Куртене, основная деятельность которого протекала в Казани, Гарту и Петербурге. Лишь после Великого Октября, с воссоединением Польского государства, этот ученый уже в преклонных годах смог снова работать в польском университете — Варшавском, хотя и здесь его прямота и интернационализм пришлись не ко двору реакционным кругам междувоенной Польши.

Крах царской России, лоскутной Австро-Венгерской империи и империалистической Германии в конце первой мировой войны привел к восстановлению Польского государства. Правители буржуазно-помещичьей Польши развязали в 1920 г. интервенцию против молодой Советской республики и включили в состав Польши Западную Украину и Западную Белоруссию. Острые национальные и социальные противоречия в междувоенной Польше, возглавлявшейся реакционными руководителями, которые преследовали коммунистов и занимали враждебную по отношению к Советскому Союзу позицию, ослабляли Польское государство. И несмотря на героическое сопротивление патриотических сил, фашистская Германия в сентябре 1939 г. захватила Польшу. В этих условиях Советская страна протянула руку помощи народам Западной Украины и Западной Белоруссии и ввела на украинские и белорусские земли Красную Армию. Западная Украина и Западная Белоруссия воссоединились с Советской Украиной и Советской Белоруссией, а Вильнюсский край отошел к Литовской республике.

В период междувоенного двадцатилетия протекала деятельность ряда крупных писателей и поэтов Польши, среди которых С. Жеромский, М. Домбровская, Ю. Тувим, Я. Ивашкевич, революционные поэты и писатели

В. Броневский, Б. Ясенский, Л. Кручковский, В. Василевская. В области языкознания в этот период в Польше складывается группа крупных ученых, разносторонне изучавших факты польского языка в его связях с другими славянскими языками. Деятельность многих этих ученых стала особенно продуктивной и успешной в послевоенные годы, когда народная власть создала невиданные до тех пор возможности для научного творчества. Здесь следует назвать крупнейших представителей старшего поколения польских лингвистов Яна Розвадовского, Яна Лося, работавшего в Берлинском университете Александра Брюкнера. К. Нитш проводил изыскания по польской диалектологии, В. Дорошевский вел исследования по словообразованию, Т. Лер-Сплавинский — в области славянского, а Е. Курилович — индоевропейского языкознания.

Во время второй мировой войны польский народ оказывал героическое сопротивление гитлеровским оккупантам. 1 января 1944 г. в Варшаве была создана Крайова Рада Народова, наметившая план строительства новой, народной Польши. Спустя год, когда территория Польши была в значительной степени освобождена, органом КРН стало Временное правительство, признанное Советским Союзом. Крымская конференция великих держав в феврале 1945 г. определила будущие границы Польши: на востоке — по линии, предложенной при воссоздании Польши в 1918—1920 гг., соответствующей этнографическим границам (линия Керзона) с незначительными отступлениями, а на западе — по рекам Одре (Одеру) и Нисе (Нейсе). На выборах в Сейм в 1947 г. решающую победу получил блок демократических партий, и Польша прочно стала с тех пор на путь строительства социалистического общества.

В народной Польше проявляется большая забота о развитии культуры польского народа. Развивается литература, невиданные масштабы приняло народное образование. Небывалыми достижениями может гордиться польская лингвистика. В послевоенные годы появились новые крупные работы Е. Куриловича, Т. Лера-Сплавинского, В. Дорошевского, М. Рудницкого, З. Клемсевича, В. Ташицкого, С. Йодловского, Я. Сафаревича, В. Курашкевича, З. Штибера, Ф. Славского, М. Карся, С. Урбаньчика. Создан капитальный одиннадцатитомный

словарь польского языка под редакцией В. Дорошевского, так называемый «малый» атлас польских говоров, публикуется польский этимологический словарь, старопольский словарь и словарь польского языка XVI в., а также целый ряд других крупных исследований в области польского языкознания и связей польского языка с другими языками. Развитие народного образования и культуры ведет к распространению норм литературного языка, а всестороннее развитие литературы отражается в совершенствовании выразительных средств языка.

Польский литературный язык возник в результате сложного взаимодействия великопольских и малопольских говоров, поскольку древнейшим центром культурной и политической жизни Польши была Великопольша (район Познани), к концу XIV—XV вв. центр переместился в Малопольшу (Краков), а с XVII в. — в Варшаву. Вопрос о диалектной основе польского литературного языка является дискуссионным. На раннем этапе развития польский литературный язык испытал значительное влияние со стороны чешского языка. Длительное господство в письменности и церковной жизни католической церкви латыни также отразилось на польском слове, вобравшем (подчас через чешский и немецкий) немалое количество латинских элементов. Благодаря тесному соседству и проживанию на одной территории в польский язык проникло много немецких заимствований. Вместе с тем сам польский язык стал передатчиком многих латинских и немецких лексических элементов не только в украинский и белорусский языки, вобравшие в состав своей культурной лексики немало полонизмов, но и в русский язык. В частности, в числе заимствованных в XVII в. слов из польского и через польский можно назвать: аптека, циркуль, цифра, карета и др. В последние столетия на развитие польского литературного языка значительное влияние оказали носители пограничных восточных (так называемых «крэсовых») говоров; следует отметить, что А. Мицкевич и Э. Ожешко — уроженцы нынешней Белоруссии (районы Новогрудка и Гродно), а Ю. Словацкий — Украинны (Тернопольщина).

Как уже отмечено, польская письменность дошла до нас с конца XIV в. Создавалась и развивалась она, в силу тяготения Польши к римско-католической церкви, на латинской основе. Нынешняя польская графика имеет в

основе латинский алфавит с рядом дополнений и с закреплением за некоторыми сочетаниями букв специальных звуковых значений. Не требуют специальных комментариев буквы для согласных *b, d, f, k, m, n, p, r, s, t*; буквы для гласных *a, e, o, u* передают соответственно звуки, обозначаемые русскими буквами *a, э, o, u*. Буква *i* передает обычно звук, близкий русскому *и*, но перед гласными она обозначает не этот звук, а лишь мягкость предшествующего согласного (*bia* — читается как *бя*, *nie* — как *не* и т. д.). Буква *y* служит для передачи звука, близкого к русскому *ы*. Буквой *o* передается тот же звук, что и буквой *u* — русское *у*, но только в том случае, если по происхождению он восходит к старому *o*. Буква *e* передает носовой звук *э*, а буква *q* — носовой звук *о* (не *а!*); следует заметить, что в разных положениях в слове несколько меняется произношение носовых гласных. Буква *s* соответствует русскому *ц*, буква *g* — русскому (взрывному) *г*. Буква *l* передает звук, соответствующий русской букве *й*; буква *j* часто употребляется перед гласным, и тогда ее сочетание с гласным как бы соответствует русским буквам *я, ю, е, ё* (не после согласных): *ja = ja = я; je = ja = е* и т. д. Буква *z* передает звук, соответствующий русскому *з*. Буква *ż* обозначает звук, соответствующий русскому *ж*. Буква *w* соответствует русскому *в*. Буквы *v, x, q* встречаются только в иностранных словах, главным образом — в собственных именах: при освоении слова польским языком вместо этих букв начинают писать соответствующие польские буквы (*w* или *f, ks, k*). Буква *l* передает звук типа мягкого *л*, а твердое *л* передается по-польски буквой *l*; надо сказать, что этот звук произносится нередко почти как неслоговое *и*. Буква *ń* служит для передачи звука типа мягкого *н*, а буквы *ś, ź, ś* (а также *s, z, c* перед *i*) обозначают специфические польские звуки — мягкие немного шепелявые, граничащие с шипящими *s, z, c*, т. е. примерно *с^ш, з^ш, ц^ш*. Буква *h* произносится как *х*, но, обычно употребляясь в заимствованных словах, она нередко соответствует восточнославянскому проточному *г* (*у*). Для передачи же обычного *х* используется сочетание букв *ch*. Шипящие *ш* и *ч* (твердое *тш*) передаются буквосочетаниями *sz, cz*. Сюда примыкает и обозначение звука *ж* на месте бывшего мягкого *r*; *rż* (например, *reka* — *rżeka*). Сочетания *dź, dż* и *dź* передают слитные звуки (аффрикаты) *дж, дж* и *дж^ш*.

Польский язык — типичный представитель западнославянской группы славянских языков, ее северной (лехитской) подгруппы. Ему присущи общезападнославянские языковые черты, а также некоторые специфические особенности. Для польского языка характерны следующие черты: 1) сохранение носовых гласных: праслав. **drbъ* — польск. *dąb* 'дуб', праслав. **meso* — польск. *mięso* 'мясо' праслав. **roka* — польск. *reka* 'рука' и т. п.; 2) ударение на втором от конца слоге; 3) чередование *e/o* на месте старого *e* (в принципе оно напоминает русское и белорусское чередование типа *несу* — *нёс*, но происходит в иных условиях): *niesie* — *niosę* 'несет — несу'; 4) чередование *e — a* на месте старого **e* (ять): *lato* — *wo lecie* 'лето — в лете', *miec* — *miał* 'иметь — имел'; 5) чередование *e* с \emptyset (нулем звука) на месте бывших *ъ* и *ь*, которые превратились в одних случаях в *e*, а в других выпали; 6) переход, как и в белорусском, мягких *t* и *d* в *ć, dź*: *ciepły* 'теплый', *dzień* 'день'; 7) 1-е и 2-е лицо единственного числа прошедшего времени имеют личные показатели — *(e)m* и *(e)s*: *byłem, byłeś* 'я был, ты был'.

В географическом отношении в современном польском языке выделяется пять групп говоров: великопольская (вокруг Познани), малопольская (Краков и юго-восточная часть Польши), шлёнская (силезская — Катовице и юго-западная часть Польши), мазовецкая (Варшава и северо-восточная часть Польши), кашубская (Гданьск и север Польши). Важнейшими различительными признаками польских диалектов являются: а) мазуренье, т. е. произношение свистящих вместо шипящих, характерное для мазовецких и малопольских говоров, где произносят *żaba* 'жаба' вместо *zaba*, *suja* 'шея' вместо *szuja*; б) озвончение конечных глухих согласных перед следующими гласными или сонорными, характерное для великопольских, малопольских и шлёнских говоров, где произносят *brad idzie* 'брат идет' вместо *brat idzie*, *brad robi* 'брат делает' вместо *brat robi*.

Особое место среди польских говоров занимают кашубские. В прошлом кашубы значительно отличались по своим языковым особенностям от поляков и сближались по своей речи с западными славянами, жившими к западу от Одера и Эльбы (Лабы); у нас сохранились относительно более точные сведения лишь о так называемом

полабском языке. Но в ходе исторического развития, в процессе сопротивления германизации, речь восточной части балтийских (поморских) славян — кашубов соприкасалась с польской. В конце XIX в. делались попытки создания особого кашубского литературного языка; можно указать таких авторов, как писатель и языковед Ф. Цейнова, А. Лабуда, поэты А. Майковский и И. Карновский (Вос Будзыш). Однако в настоящее время тексты на кашубском языке если и издаются, то воспринимаются как региональная, областная литература. Для изучения кашубского языка и кашубских говоров (иногда говорят о поморских говорах, включая в их состав исчезнувшие уже в XX в. говоры славинцев, проживавших на территории нынешнего Слупского воеводства ПНР) очень много сделал Ф. Лоренц, автор капитальной поморской грамматики и словаря. Кашубские диалекты изучал К. Нитш; «Поморский словарь» Ф. Лоренца, издаваемый АН ГДР, продолжил Ф. Гинце, а в Польше выпущен богатый этнографическими материалами шеститомный кашубский словарь Б. Сыхты.

Для кашубских диалектов характерны некоторые специфические черты, отличающие их от польского литературного языка и польских говоров. Назовем среди них: а) отражение праславянского **tor* в виде **tart* (непоследовательно, наряду с *tro*) при общепольском *tro*, *trót*; *marz*, *mroz* 'мороз', польск. *mroz*; б) у южных кашубов ударение на первом слоге слова, а в севернокашубских говорах — свободное ударение (при польском ударении на втором слоге от конца); в) утрата носового характера гласных перед большинством согласных, например: *mit-ć* 'мягкий', польск. *miekk*; г) переход в ряде случаев *i* (*y*) и *u* в звук *ě* (звук типа заднего, приближающегося к *ы* русского *э*): *cěcho* 'тихо' при польск. *cicho*; д) твердый характер звуков, соответствующих польским *ź, ś, dź, ć, ż, s, dz, c*, например: *sano* 'сено' при польск. *siano*; *dzielć* 'делить' при польск. *dzielić*.

Литература

- Тихомирова Т. С. Польский язык. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978.
Лер-Сплавинский Т. Польский язык. — М.: Изд-во иностр. лит., 1954.
Мащосович Я. В. Морфологический строй современного польского литературного языка. 1. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1975.
Dejna K. Dialekty polskie. — Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk: Ossolineum, 1973.

- Doroszewski W. Podstawy gramatyki polskiej. 1. — Warszawa, PWN, 1963.
Klemensiewicz Z. Historia języka polskiego. — Warszawa, PWN, 1974.
Klemensiewicz Z., Lehr-Splawinski T., Urbańczyk S. Gramatyka historyczna języka polskiego. — Warszawa, PWN, 1964.
Lorentz F. Gramatyka pomorska. T. I—III. — Wrocław — Warszawa — Kraków: Ossolineum, 1958—1962.
Szober S. Gramatyka języka polskiego. — Warszawa: Nasza księgarnia, 1953.
Słownik języka polskiego. T. I—XI. — Warszawa, 1958—1969.
Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. — Warszawa: Wiedza powszechna, 1974.
Sławski F. Słownik etymologiczny języka polskiego. T. I (издание продолжается). — Kraków, 1952...
Syhta B. Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. T. I—VI. — Wrocław — Warszawa — Kraków, 1967—1973.
Гессен Д., Стыпула Р. Большой польско-русский словарь. — Москва — Варшава, 1967.
Большой русско-польский словарь. В 2-х т./А. Миронич, И. Дулевич, И. Грек-Пабис, И. Марыняк. — Москва — Варшава, 1970.
Lorentz F. Pomoranisches Wörterbuch. Bd. I (издание продолжается). / Fortgeführt von F. Hinze. — Berlin: Akademie-Verlag, 1958...
История Польши. В 3-х т. — М.: Изд-во АН СССР, 1954—1958; доп. том: Очерки истории народной Польши. — М.: Наука, 1965.
История польской литературы. В 2-х т. — М.: Наука, 1968—1969.
Encyklopedia wiedzy o języku polskim. / Pod red. S. Urbańczyka. — Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk: Ossolineum, 1978.

В12 Серболужицкие языки

Серболужицане (самоназвание — сербы, немецкое название — сорбы) — самый маленький славянский народ. Они живут в ГДР на востоке округов Дрезден (в районе главного серболужицкого культурного центра г. Баутцен, по-серболужицки — Будышин) и Коттбус (по-серболужицки — Хосебуз). Названия «лужицане» (по названию болотистой территории Лужица), «лужицкий язык», использовавшиеся иногда в прошлом, теперь не употребляются, название же «сербы», «сербский» неудобно из-за возможности смешения с одним из южнославянских народов. Поэтому у нас и у других славян принято название «серболужицане» или «лужицкие сербы». Количество серболужичан определить точно не представляется возможным. Все серболужицане двуязычны: они пользуются, кроме серболужицкого, также немецким языком. В подавляющем большинстве населенных пунктов серболужицане не составляют в настоящее время более четверти населения, а сплошь и рядом в на-

селенном пункте проживает около 5—10 % серболужицан. По приблизительной оценке количество серболужицан составляет теперь величину порядка 100 тыс. чел. В прошлом серболужицан было больше: по статистическим данным прошлого века количество серболужицан превышало 150 тыс. чел.

Впервые серболужицане упоминаются в исторических источниках еще в 631 г. Это были славянские племена, уклад жизни которых можно охарактеризовать как позднеродовой. Родовые старшины уже начинали выделяться из числа земледельцев и скотоводов, а вместе с тем начинали складываться и группы зависимых от них крестьян. Западные соседи славянских племен гломачан, лужицан, мильчан — франки стремились подчинить их себе. Это была упорная германская экспансия, в ходе которой, несмотря на отдельные успехи руководителей славянских племен, франки завоевывали все новые территории и прилегающие территории. Так, к примеру, в 766—897 гг. франки предприняли 14 военных походов против серболужицких племен. Видная роль в этой экспансии была сыграна германским королем Генрихом I. Серболужицане долго оставались язычниками, но параллельно с переходом их под власть немецких феодалов происходила их христианизация.

Серболужицкие государственные образования не успели получить значительного развития, и к XII веку территории мильчан и лужицан оказались под властью немецких феодалов. Отдельные представители племенной верхушки перешли на сторону завоевателей, а другие сравнивались с крестьянами. Началась длительная и тяжелая германизация серболужицан. Хотя некоторое время отдельные их территории оказывались под властью Польши или Чехии, это не изменило положения: немецкие феодалы порабощают серболужицких крестьян. Временами мирные серболужицкие крестьяне восставали против социального и национального гнета со стороны немецких помещиков-юнкеров. Так, например, в 1790 г. произошло восстание крестьян, вызванное дошедшими до Лужицы известиями о французской революции. Ряд участников восстания был арестован, руководители закованы в цепи и помещены в крепость.

Несмотря на социальный и национальный гнет, в XVI в. серболужицане создали свою письменность.

В 1532 г. была записана по-серболужицки присяга, а 1548 г. датируется перевод М. Якубицей Нового завета — важнейшей для христианской религии части Библии. Вскоре серболужицане издают первые печатные книги. При этом возникают два литературных серболужицких языка: верхнелужицкий — язык Южной Лужицы, бывших племен мильчан, и нижнелужицкий — язык Северной Лужицы; центром верхних серболужицан был Будишин, а нижних — Хосебуз. Определенную роль в том, что сформировались два литературных языка, сыграло то обстоятельство, что нижние лужицане оказались в составе Пруссии, а верхние — в Саксонии. Первоначально возникло вообще три варианта литературного языка: нижнелужицкий и верхнелужицкий католический и верхнелужицкий протестантский, так как многие верхние лужицане приняли лютеранство, а часть осталась католической. В XVII—XVIII вв. книгопечатание у серболужицан оживляется. В 1679 г. Я. Тишин издает первую верхнелужицкую грамматику, а в 1640 г. была создана нижнелужицкая грамматика Я. Хойнана. В 1721 г. Ю. Светлик издал первый латино-сербский (латино-серболужицкий) словарь. Первые опыты создания произведений художественной литературы относятся ко второй половине XVIII в., но большее развитие получают они в период национального возрождения в XIX в.

Одним из первых проявлений национального возрождения у серболужицан явилось издание Л. Гауптом и Я. А. Смолером записанных последним почти пятисот народных песен верхних и нижних лужицан (1841—1843). Крупнейшими серболужицкими поэтами XIX в. были Гандрий Зейлер и Ян Радысерб-Веля. Позже, на рубеже XIX и XX в., развернулась деятельность наиболее известного серболужицкого поэта Якуба Барт-Чишинского; к этой же поре относится и поэзия нижнелужицкого поэта Мато Косыка. В 1847 г. начинает действовать национально-культурная серболужицкая организация «Матица сербская», а несколько позже — «Домовина» («Родина»), издаются газеты и журналы на серболужицком языке. Оживляются связи серболужицких культурных деятелей со славистами и писателями славянских стран, прежде всего России, а также Чехии и Польши. Так, например, Я. Смолер переписывается с выдающимися русскими славистами О. М. Бодянским, познакомив-

шим его также с народным творчеством и литературой Украины, И. И. Срезневским, приезжает в Москву и Петербург. В 1866 г. было издано богатое собрание верхнелужицкой лексики — верхнелужицко-немецкий словарь Х. Т. Пфуля. В начале XX в. ряд важных работ, в том числе капитальную грамматику и трехтомный словарь нижнелужицкого языка, выпустил крупнейший серболужицкий языковед Арношт Мука (первый том этого словаря был издан Петербургской Академией наук). По совету своего учителя И. А. Бодуэна де Куртене Л. В. Щерба отправляется в Лужицу и изучает восточнолужицкий диалект в окрестностях Мужакова (Бад Мускау).

Уже спустя несколько месяцев после прихода Гитлера к власти была арестована группа серболужицких культурных деятелей. Вскоре была закрыта серболужицкая газета, а затем запрещена деятельность «Матицы» и «Домовины» с ее библиотекой, а также практически вообще всякая серболужицкая речь.

После освобождения Лужицы Советской Армией начинается работа по воссозданию «Домовины», по развитию серболужицкой культуры. Большую заботу о серболужицкой культуре проявляет первое социалистическое немецкое государство — ГДР. В настоящее время выходит ряд периодических изданий на серболужицком языке, в том числе ежедневная газета на верхнелужицком и еженедельник на нижнелужицком языках, ряд журналов — детские, педагогический, общественно-политические. Создан Институт серболужицкого народоведения в Будышине и Институт сорабистики в Лейпцигском университете, где готовятся кадры высшей квалификации по серболужицкому языку, литературе, истории. Раз в два года проводятся летние курсы по серболужицкому языку в Будышине, на которые приезжают для приобретения и пополнения знаний специалисты из разных стран мира. Серболужицкие писатели получили широкое признание в ГДР. Широкою известностью получил, в частности, Юрий Брезан (род. 1916), пишущий теперь прозу на немецком языке (стихи, а раньше рассказы он писал по-верхнелужицки). Большая работа проводится по изучению серболужицкого языка как в Будышине, так и в Лейпциге и в АН ГДР в Берлине. Его исследуют также советские, польские, чехословацкие ученые. Крупнейшими совре-

менными серболужицкими языковедами являются Гинц Шустер-Шевц, Ф. Михалк, Г. Фаска; в СССР успешно изучает серболужицкие языки составитель «Верхнелужицко-русского словаря» (1974) и автор ряда монографий львовский языковед К. К. Трофимович, в Польше — К. Полянский.

Оба серболужицких языка пользуются алфавитами на латинской основе с добавлением ряда дополнительных знаков. В верхнелужицком буквы *a, e, o, u, i, y* соответствуют русским *a, э, o, y, и, ы*; буквы *ě* и *ô* обозначают закрытые *e* и *o*. Обозначения согласных *b, d, f, k, m, n, p, t, r, s* комментариес не требуют; *c, j, w, z, g* обозначают звуки *ц, ъ, в, з, г*; серболужицкое *l* несколько мягче русского *л*, т. е. типа немецкого *l*; буквой *l* обозначается звук типа неслогового *u* (белор. *ŭ*), возникший на месте твердого *л* (кстати, *w* после гласных произносится так же). Буква *h* обозначает один из вариантов проточного *g*; в сочетаниях с сонорными, в конце слова и между гласными *h* нередко не произносится (*hněw* 'гнев', *wuhlo* 'уголь', *sneh* 'снег'). Буквосочетание *ch* передает звук типа русского *х*, который в начале слова и после приставок произносится как *kh* (раньше так он и обозначался на письме). Согласные перед гласным *i* смягчаются. При смягчении согласных происходят некоторые звуковые изменения. Для обозначения мягкого *n* используется буква *ñ*. Шипящие *ž, š, č* в верхнелужицком мягкие (*жь, шь, чь*); как мягкое *č* произносится и буква *č*, которая пишется на месте *ть*; буква *ř* употребляется на месте мягкого *г* после *p, t, k* и произносится как мягкое *š*. Звук *г* обычно звучит по-серболужицки как грассирующий; буквосочетанием *řj* передается мягкий *г* типа русского *рб*. Буквосочетанием *dž* передается мягкий шипящий аффрикат типа *джь*, он появляется при смягчении *d*. В нижнелужицком нет *ô, ř, l* может произноситься и как неслоговое *u*, и как твер-

дое *л*; буквы *ž, š, č, dž* обозначают мягкие шипящие (*жь, шь, чь, джь*), *ž, š, č, dž* приближаются к твердым шипящим; *w*, особенно перед гласными, произносится кратко (*woko* 'глаз' почти как *oko*). Мягкость согласных передается сочетанием соответствующей буквы с *i* (*žiwjenje* 'жизнь'), но для передачи мягкости *нь* и *рб* в конце слова сохраняются знаки *n, r* (*kon* 'конь').

Серболужицкие языки принадлежат к северной подгруппе западнославянских языков. Общим литературным

серболужицким языкам и соответствующим им наречиям характерны такие черты: 1) переход бывших носовых гласных в *и* и *е* (*ě*); 2) *е* часто переходит в *о* (*morjo* 'море'); 3) мягкое *г* после *р*, *т*, *к* превращается в шипящий (вл. *ři*, нл. *ři*); 4) ударение на начальном слоге; 5) сохраняется двойственное число (в диалектах в живой речи оно частично утрачивается, но в литературной речи твердо нормировано); 6) сохраняются старые глагольные времена — аорист и имперфект (например, нл. *splešech* 'я сплел').

Наиболее характерные различия между верхне- и нижнелужицким таковы: а) нижнелужицкое взрывное *g* соответствует верхнелужицкому проточному *h*: *gora* — *hora*; б) в верхнелужицком мягкие *t*, *d* дают *č*, *ž*, а в нижнелужицком *š*, *ž* (например, *śichy* — *šichy* 'тихий', *śopły* — *šopły* 'теплый'; *džen* — *žen* 'день'); в) в нижнелужицком на месте старого *č* выступает *s* (цоканье): *ślowjełk* 'человек', *śusty* 'чистый'; г) в нижнелужицком *г* после *р*, *т*, *к* перешло в *š* (*pšawo* 'право'); д) в верхнелужицком *ch* (*х*) в начале слова перешло в *kh* (*chlełb* 'хлеб', *chojna* 'ель'). Верхнелужицкий и нижнелужицкий литературные языки (или, как считают иногда, варианты языка) соответствуют верхнелужицким и нижнелужицким наречиям; кроме этих основных наречий (разумеется, может быть выделен и ряд более мелких говоров), выделяют еще восточнолужицкое наречие (в районе Музакова), кое в чем сближающееся с польскими говорами.

Вследствие широко и уже давно развитого серболужицко-немецкого двуязычия в серболужицких языках немало заимствований из немецкого языка, которые имеются как в литературной, так и в разговорной речи. Можно отметить и немало калек с немецкого, например, *sto lět stary* < *hundert Jahre alt* ('сто лет' — о возрасте). Вместе с тем при формировании литературного языка в ряде случаев чувствуется опора на польский и чешский языки (например, *nowiny* 'газета', *řemysto* 'промышленность' и т. п.).

Литература

- Ермакова М. И. Очерк грамматики верхнелужицкого литературного языка. — М.: Наука, 1973.
Трофимович К. К. Нариси з історії серболужицької літературної мови. — Львів, 1970.

- Щерба Л. В. Восточнолужицкое наречие. Т. 1. — Пр., 1915.
Sewc (Schuster) H. Gramatika hornjoserbskeje rěče. 1—2. — Budyšin, 1968—1976.
Wowčerk P. Kurzgefasste obersorbische Grammatik. — Berlin: Volk und Wissen, 1955.
Mucke K. E. Historische und vergleichende Laut- und Formenlehre der Niedersorbischen (niederlausitzisch-wendischen) Sprache. — Leipzig, 1891.
Janaš P. Niedersorbische Grammatik. — Bautzen: Domowina, 1976.
Fasske H., Jentsch H., Michalk F. Sorbische Sprachatlas. Bd. 1 (издание продолжается). — Bautzen, 1965...
Мука Э. Словарь нижнелужицкого языка. I—III. — Петроград — Прага, 1921—1928.
Schuster-Sewc H. Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache. I (издание продолжается). — Bautzen: Domowina, 1978...
Трофимович К. К. Верхнелужицко-русский словарь. — Москва — Бауцен: Рус. язык — Домовина, 1974.
Трофимович К. К., Моторний В. А. Нариси з історії серболужицької літератури. — Львів: вид-во Львівськ. ун-ту, 1970.
Die Sorben. — Bautzen: Domowina, 1971.
Семьяга М. И. Лужичане. — М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1955.
Schuster-Sewc H. Bibliographie der sorbischen Sprachwissenschaft. — Bautzen: Domowina, 1966.

511 Чешский язык

^{Чехии}
Чехи — основное население Чешской Социалистической республики, большей из двух республик образующих Чехословакию. Они составляют 65 % населения ЧССР, по оценке на 1977 г., их проживало в ЧССР 9,2 млн. чел. Чехи живут также в соседних с Чехословакией странах (в том числе в СССР по данным переписи 1970 г. проживало 21 тыс. чехов, из которых 43 % считали чешский язык своим родным), а также в США (0,5 млн. чел.) и Канаде.

Древнейшим славянским государственным образованием, засвидетельствованным в истории, было раннефеодальное государство, во главе которого стоял князь Само; в состав этого государства (623—658) входили чехи, моравы, а также словенцы и серболужичане. Государство Само противостояло господству пришедших в VI в. на Дунай, Тиссу, в Паннонию авар (в славянских летописях — обри), а в какой-то мере и франков. Сведения о Само противоречивы, неясно его славянское, франкское или кельтское происхождение, но известно, что славяне выбрали его своим «королем», каковым он и про-

был в течение 35 лет. Но, как и другие раннефеодальные государства, княжество Само было непрочным и после его смерти распалось.

В IX в. на территории нынешней Чехословакии возникает Великоморавская держава, включившая в себя, кроме Моравии (центральная часть ЧССР), в период наибольшего ее расцвета также земли чехов, словаков, серболужичан, а отчасти и предков поляков и хорватов. Моравское государство было первоначально зависимым от франков, но князь Ростислав (846—870) пытался освободиться от франкского (немецкого) господства. С этой целью он обратился к императору Византии с просьбой прислать христианских миссионеров, которые бы осуществляли свою деятельность на славянском языке, понятном населению Моравии.

Такими миссионерами в 863 г. и стали создатели славянской письменности Константин (Кирилл) и Мефодий. Именно в Великой Моравии протекает значительная часть их переводческой и проповеднической деятельности. Племянник Ростислава Святополк в 870 г. выдал Ростислава франкам, но и он пытался иметь независимую от немцев моравскую церковь во главе с Мефодием как архиепископом Паннонии и Моравии. Однако после смерти Мефодия (885) Святополк, склонившийся к латинским церковникам, изгнал учеников Кирилла и Мефодия из Великой Моравии. Между наследниками Святополка началась междоусобная борьба, и в начале X в., воспользовавшись этим, венгры полностью подчинили себе моравских феодалов. Великоморавская держава перестала существовать.

В X в. небольшие чешские княжества объединяются и складывается чешская народность. Центром становится Прага, стоявшая на перепутье больших торговых дорог между Западом и Востоком, Севером и Югом. Чехия входит в состав образованной в 962 г. Священной Римской империи Германской нации. В середине XII в. чешский князь получает от германского императора королевскую корону. В XIII в. Чехия была мощным государством, некоторое время она подчиняла себе Австрию, Польшу, сопротивлялась монголо-татарским набегам. В это время происходит и развитие чешской культуры.

Хотя старославянская письменность и получила в свое время распространение в Моравии, в дальнейшем она бы-

ла вытеснена из обихода латинской. Чешские слова попадались лишь в качестве толкований к латинским. Но с конца XIII в. до нас уже доходят произведения чешской письменности, самые старые из них — это духовные песни (Островская, Кунгутина). К XIV в. относится чешская Александрия — средневековое предание об Александре Македонском, а также оригинальная Далимилова хроника и философские сочинения Томаша (Фомы) Штитного. В 1348 г. был открыт Пажский университет, важный центр культуры. В то же время происходила немецкая колонизация: не только феодалы, но и немецкое городское население проникает в Чехию, причем богатые немецкие горожане (патриции) захватывали ведущее положение в городской администрации, в судах, торговле. Усиливались присущие феодализму противоречия: увеличивались налоги, происходило обезземелывание части крестьян, в городах расширялся плебс, состоявший из разорившихся мастеров, «вечных» подмастерьев, поденщиков, подсобных рабочих, угнетаемых патрициями и церковью; обострялись противоречия между феодалами немцами и чехами, рыцарями и церковью.

В этих условиях выходец из простой крестьянской семьи, достигший звания магистра, декана, а потом и ректора Пажского университета, проповедник Ян Гус выдвинул свое демократическое учение, облеченное в религиозную форму борьбы с католическим духовенством и папским господством. Ян Гус стал, по определению К. Маркса, защитником национальных и народных прав. Гус обличал развращенность клира, осуждал богатство церкви, выступал против немецкого засилья. Проповеди Гуса выражали чаяния широких народных масс; поддержавшие его вначале представители господствующего класса Чехии, разобравшись в его демократизме, стали давать отпор учению Гуса. В 1410 г. Гус был отлучен от церкви, вскоре вынужден был покинуть Прагу и продолжал свою деятельность в Южной Чехии. Гус был вызван на церковный собор в Констанце, где он надеялся защитить открыто свое учение. Попытки католической церкви склонить Гуса к отречению от его учения потерпели неудачу, и, несмотря на охранную грамоту императора, собор осудил Гуса и он был 6 июля 1415 г. сожжен на костре. Гибель Гуса вызвала возмущение чешского народа, вылившееся в гуситское революционное движение —

крестьянскую войну против католической церкви и немецкого феодализма. Эта война длилась около двадцати лет и закончилась примирением менее радикальных участников движения с церковью и феодалами. В 1437 г. пала последняя крепость гуситов.

Ян Гус был не только идеологом ранней Реформации и крестьянского движения, но и защитником национальных свобод чешского народа. В переводе Библии и особенно в своих проповедях он создал образцы простой народной речи. «Я писал так, как обычно говорю», — с основанием утверждал Гус. Он освобождал литературный язык от архаических и иноязычных элементов. Гус создал трактат «О чешской орфографии», в котором изложил основы чешской графики и орфографии с применением диакритик (надстрочных знаков), в принципе сохраняющиеся до сих пор.

Перед лицом турецкой опасности с Балкан господствующий класс Чехии согласился передать в 1526 г. чешский престол представителю австрийской династии Габсбургов, сохраняя, однако, права за чешским сеймом. В противовес деятелям гуманизма эпохи Возрождения, переоценивавшим в ту пору роль латыни, в развитии чешской культуры в XVI в. видное место принадлежало общине «чешских братьев», первоначально стремившейся к смирению, равенству и аскетизму, но потом ставшей уделять внимание развитию образования и сохранению национального духа, что в условиях возраставшей германизации было весьма существенно. Под руководством одного из «братьев» Яна Благослава был заново осуществлен с древнееврейского и с греческого перевод Библии (шеститомная Кралицкая библия); Ян Благослав опубликовал также чешскую грамматику. В этот период чешский язык значительно обогатился как за счет собственных ресурсов, так и путем использования иноязычных — германских и романских — элементов и отчасти приспособления латинских синтаксических конструкций. К концу XVI в. уже сложились основные особенности в фонетической и грамматической структуре чешского языка. Однако у Белой Горы под Прагой в 1620 г. австрийцы нанесли чешским повстанцам, пытавшимся отстоять права чешского народа, жестокое поражение. В течение последующих двух веков чешская литература и культура находились под гнетом Габсбургов. Закрывались школы, не

могла издаваться чешская литература, немецкий язык был провозглашен государственным языком. Лишь в начале XIX в. начинается возрождение чешской культуры и чешского языка.

Один из патриархов славяноведения Иосиф Добровский в 1809—1819 гг. издает (по-немецки!) подробную чешскую грамматику, ориентируясь при этом не на живую речь народа того периода, а на язык Кралицкой библии. Это обусловило в дальнейшем значительный разрыв между нормами литературного языка и народно-разговорной речи, характерный для чешского языка. Лишь в середине XIX в. разговорный язык начинает проникать в сферу общественной жизни. Другой деятель чешского возрождения Иосиф Юнгманн начал с того, что в 1800 г. на свой страх и риск без дополнительной оплаты стал вести в Литомержицкой гимназии, где он работал, курс чешского языка: В 30-х гг. Юнгманн осуществил дело, которым обеспечил себе прочное место в истории чешской культуры: он издал свой знаменитый пятитомный чешско-немецкий словарь. Юнгманн считал, что для обогащения словаря родного языка следует привлекать самые различные источники — местные диалекты и письменные памятники, родственные языки и кальки с других языков. Этим обусловлена пестрота лексического состава Юнгманнова словаря, который, однако, был важным фактом в истории чешского языка и чешской лингвистики.

Чешское возрождение выдвинуло ряд крупных деятелей, проявивших интерес к фольклору, к старинным памятникам письменности. Можно назвать ученого-фольклориста и поэта Ф. Челаковского, поэта-романтика К. Маху. В. Ганка и Й. Линда опубликовали в 1817—1818 гг. так называемые Краледворскую и Зеленогорскую рукописи, представляющие собой имитации древнеславянских поэтических сказаний. Довольно долго шли споры о подложности этих произведений, что само по себе показывает определенный талант их создателей, воодушевленных идеями славянского романтизма, но, к сожалению, вставших на путь мистификации. Во второй половине XIX в. все чаще в литературу проникают элементы разговорной речи села и города. Это характерно для произведений Б. Немцовой, Я. Неруды, И. К. Тыла. Позже эту линию продолжили чешские писатели.

А. Ирасек, М. Майерова, С. К. Нейман, К. Чапек, Я. Гашек.

Развал Австро-Венгерской империи привел к созданию в 1918 г. буржуазной Чехословацкой республики. Гитлеровцы еще в 1938 г., сговорившись с реакционными правителями Англии и Франции, присоединили Чехию на правах «протектората» к своему рейху (значительная часть чешских земель при этом была полностью присоединена к Германии, а чешское население с этих территорий было выселено). Лучшие представители чехословацкого народа оказали фашизму сопротивление. В ответ была стерта с лица земли деревня Лидице, были казнены захваченные гитлеровцами борцы за свободу народа; в застенках погиб, написав свое знаменитое завещание «Слово перед казнью», замечательный публицист-коммунист Ю. Фучик. После освобождения Чехословакии в 1945 г. Советской Армией (в освобождении приняли участие словацкие партизаны и чешские патриоты) возникли все условия для дальнейшего развития и процветания чешской культуры.

В послевоенной Чехословакии (с 1960 г. — Чехословацкая Социалистическая республика, ЧССР) изучение чешского языка было всесторонне продолжено. В 1957 г. было завершено издание восьмитомного (в девяти книгах) большого словаря современного чешского языка; в 1958—1971 гг. издан четырехтомный словарь чешского литературного языка. В этот же период переизданы труды крупнейших чешских языковедов конца прошлого — начала нашего века историков языка Я. Гебауэра, И. Зубатого, а также вышли работы видных современных специалистов по современному чешскому языку Ф. Травничека, Б. Гавранека, по этимологии В. Махека, Ф. Копечного, по славистике И. Курца, К. Горалека, Я. Бауэра и многие другие замечательные исследования чешских лингвистов. В этих исследованиях так или иначе отразились лучшие стороны теоретических поисков Пражского лингвистического кружка, существовавшего в 30-х гг. и оказавшего большое влияние на развитие мировой науки о языке.

В развитии чешского литературного языка на всех этапах играла важную роль речь населения центрально-чешских областей и города Праги в ее разнообразии, и вместе с тем нельзя утверждать, что он образовался на

основе одного только диалекта. Обращение «будителей» в период чешского возрождения к языковым образцам добелогорского периода привело к определенной архаизации норм литературного языка. Главное же различие между обиходно-разговорной и книжно-литературной речью было в функциональных особенностях чешского литературного языка, который на первых этапах возрождения оставался языком книжным. Дальнейшее привнесение в литературный язык элементов значительно отличающегося от него обиходно-разговорного языка протекало в условиях противоречивого к ним отношения со стороны различных кругов общества. Народно-разговорная (обиходно-разговорная) речь по сути дела представляет собой устную разновидность литературного языка, но в чешских условиях это осложнено значительными различиями разговорной и литературной речи, а потому можно говорить о специфическом именно для чешского языка, не похожем на другие славянские языки, соотношении литературного языка и народно-разговорной междиалектной речи (интердиалектов). Дело усложняется еще и тем, что наряду с народно-разговорной чешской (собственно чешской) речью существуют еще среднеморавский, восточноморавский и силезский интердиалекты; пользуясь в письме и в официальных выступлениях литературным языком, в неформальном разговоре многие обращаются к чешской (общечешской) народно-разговорной речи. Диалектная же речь в современных условиях постепенно утрачивает свое значение единственного средства общения на тех территориях, где она ранее выступала в качестве такового.

Как и другие западнославянские письменности, дошедшая до нас с XIII в. чешская письменность построена на латинской основе с добавлением ряда букв с надстрочными знаками. Буквы *a, e, i, o* и комментариев не требуют; буква *y* (ипсилон) обозначает тот же звук, что и *i* на месте этимологического *yi*; эти буквы могут иметь знак долготы: *á, é* и т. д. Буква *ě* передает мягкость предшествующих этой букве переднеязычных *n, d, t* или наличие *j* после губных *m, p, b, v, f* (т. е. *me* произносится как *tje*). Долгое *u* на месте старого *o* или сочетаний с ним записывается как *u*. Буквы для согласных *b, f, k, m, p, r, s* комментариев не требуют. Звуки *n, d, t* произносятся мягко перед *e* и *i* (перед *e, y*, а также *a, o, u* — твер-

до); мягкость в других случаях обозначается диакритически: *ň, đ, ř*. Буквы *č, ž, ě* передают звуки типа рус. ч, з, е. Буква *h* — проточный *z* (примерно как в южно-великорусских диалектах, белорусском и украинском языке); встречающаяся в основном в заимствованных словах буква *g* — смычный *z* (как в русском литературном языке). Звук типа рус. *x* передается буквосочетанием *ch*, которое имеет свое место в алфавите (после *h*), а следовательно, слова, начинающиеся на это сочетание, в словарях нужно искать не на *с*, а на *ch*. В буквах *s, z, c* гачек указывает на их шипящий характер; *s, z* мягче русских *ш, ж*, а *č* немного тверже русского *ч*. Чешское *l* мягче русского *л*, но тверже *ль*. Буква *ř* передает слитный звук типа *ржь* или (после глухих согласных) *ршь*, этот звук появился на месте старого *ř*. Буквы *š, x, q* встречаются лишь в иностранных собственных именах.

Принадлежащий к южной подгруппе западнославянских языков чешский язык характеризуется следующими чертами: 1) различаются долгие и краткие гласные; 2) носовые деназализировались: *o* перешло в *u*, а *e* — в *a* (они потом в зависимости от условий изменялись, в частности, в *i*); 3) сохранились слоговые плавные, например: *vlk* 'волк', *smrt* 'смерть'; 4) после мягких *i* перешло в *i* (*čizi* 'чужой', *lid* 'народ' — ср. *люди*); 5) сочетания **tort*, **tolt* превратились в *trat*, *tlat*: *brada* 'борода', *hlava* 'голова'; 6) сочетание **dj* дало *z*: *mezi* 'между'; 7) общеславянский звонкий заднеязычный выступает в виде проточного (как в украинском, белорусском, южновеликорусском, верхнедужицком): *noha* 'нога', *hora* 'гора'; 8) *u* (в том числе и из *o*) в некоторых случаях превращается в *ou*: *doubeč* 'дубок'; 9) редуцированные *ъ, ь* превратились в *e*: *sen*, *deň*; 10) ударение на первом слоге слова.

В чешском языке, как и в других европейских языках, немало заимствованных элементов латинского происхождения, а также слов, пришедших из немецкого. Большой частью эти слова уже давно подчинены фонетическим и грамматическим закономерностям чешского языка. В некоторых случаях заимствования заменялись кальками — дословными переводами (*divadlo* 'театр', *zdravotník* 'фельдшер' и т. п.).

Чешские наречия делят обычно на следующие группы: собственно чешские (среднечешские, восточночешские, южночешские и западночешские), моравские

(ганацкие) наречия (центром Моравии является Брно) и ляшские наречия на стыке моравских, словацких и польских наречий. Среди множества диалектных черт можно отметить следующие: а) переход долгого *i* в дифтонги (среднечешские и восточные говоры) или сохранение долгот (юго-западные) при утрате их в моравских и ляшских говорах; б) утрата слоговых плавных происходит в разной степени и не во всех говорах (ляшские, восточночешские); в) переход *o* в неслоговое *u* (*práuda* 'правда') в восточночешских говорах. Этим, разумеется, далеко не исчерпываются характерные особенности чешских говоров.

Литература

- Травничек Ф. Грамматика чешского литературного языка. 1.— М.: Изд-во иностр. лит., 1950.
 Широкова А. Г. Очерк грамматики чешского языка.— М.: Изд-во лит. на иностр. языках, 1952.
 Широкова А. Г. Чешский язык.— М.: Изд-во лит. на иностр. языках, 1961.
 Havránek B., Jedlička A. Česká mluvnice.— Praha, SPN, 1970.
 Gebauer J. Historická mluvnice jazyka českého. D. I, III.1, III.2.— Praha: Nakladatelství CSAV, 1958—1963; d. IV— Praha, 1929.
 Bělič J. Nástín české dialektologie.— Praha, SPN, 1972.
 Slovník spisovného jazyka českého. 1—4.— Praha, 1960—1971.
 Příruční slovník jazyka českého. I—VIII.— Praha, 1935—1957.
 Holub J., Kopečný F. Etymologický slovník jazyka českého.— Praha, 1952.
 Machek V. Etymologický slovník jazyka českého.— Praha: Academia, 1971.
 Gebauer J. Slovník staročeský. I—II (A—N).— Praha: Academia, 1970.
 Staročeský slovník I (издание продолжается). N—... Praha: Academia, 1968...
 Velký rúsko-český slovník. 1—6.— Praha, 1952—1964.
 Чешско-русский словарь. В 2-х т.— Москва — Прага: Сов. энциклопедия — Гос. пед. изд-во, 1973.
 История Чехословакии. В 3-х т.— М.: Изд-во АН СССР, 1956—1960.
 Очерки истории чешской литературы XIX—XX вв.— М.: Изд-во АН СССР, 1963.
 Dějiny české literatury. Sv. I (издание продолжается).— Praha: Nakl. CSAV, 1959...

ВМ Словацкий язык †

Словаки (самоназвание — *slovak*, но язык — *slovenský*) — основное население меньшей из двух республик, составляющих Чехословацкую Федерацию. Словаки со-

ставляют 29 % населения ЧССР, 85 % населения Словакии (ССР), т. е. по оценке 1977 г. — 4342 тыс. чел. Около 1—1,5 млн. словаков живет за рубежами ЧССР: в США (свыше 600 тыс.), Югославии (90 тыс.), Венгрии (60 тыс.), Канаде, Румынии, Польше. В СССР, по переписи 1970 г., было около 12 тыс. словаков, из которых 52 % считали словацкий язык своим родным языком.

На начальном этапе, в древних государствах Само и Моравии словаки жили вместе с чехами. Но в XI в. Словакия была включена в Венгерское королевство. Мелкофеодальный тип хозяйства в Венгрии сдерживал консолидацию (сплочение) словаков в народность. В XVI—XVII вв. Южная Словакия попала под власть турок, в Османскую империю. Остальная часть Словакии была включена в состав многонациональной империи Габсбургов. До Словакии доходили еще раньше отголоски национально-освободительного гуситского движения, и здесь происходили крестьянские восстания, но они не принесли словакам решительных изменений.

В качестве письменного языка в Словакии используется с XIV в. чешский язык. В него попадают, однако, в большем или меньшем количестве словацкие элементы. Отдельные источники XVI в. имеют даже преобладание словацких языковых черт. Таковы, например, «Стригомские ритуалы» (1625), почтовые книги суда в Боце (1588—1602). Однако в XVIII в. с развитием капиталистических отношений у словаков усиливается национальное движение и пробуждение более осознанного и четкого стремления к созданию своего собственного литературного языка. Важную роль в развитии словацкого литературного языка в конце XVIII в. сыграл Антон Бернолак, воодушевленный идеями просвещения языковед, создавший (по-латыни) обоснование словацкой орфографии, словацкую грамматику, а также шеститомный «Словацкий чешско-латино-немецко-венгерский словарь» (опубликованный посмертно в 1825—1827 гг.). Однако реформа Бернолака не оказалась приемлемой и была забыта отчасти из-за религиозных противоречий и событий (протестанты на востоке Словакии не принимали язык Бернолака, ориентированный в определенной мере на продолжение антиреформационных попыток создания словацкого языка в Трнавском иезуитском университете на западе Словакии, а Трнава утратила свое значение

культурного центра). Не была принята и восточнословацкая кальвинистская попытка выработки словацкого письменного языка (Малый катехизис, 1750 г.).

В начале XIX в. Ян Коллар, высказывавший мысли о целесообразности выработки единого литературного чехословацкого языка, П. И. Шафарик, один из крупнейших славистов своего времени, и Я. Б. Благодислав издали сборник словацких народных песен. Но подлинное возрождение словацкой литературы наступило в связи с деятельностью Л. Штура, поэта-романтика и идеолога национально-освободительного движения. Л. Штуром была заложена основа литературного языка, а в 1851 г. была достигнута договоренность о единстве орфографии по предложениям М. Голжи, на фундаменте которых М. Гаттала в 1852 г. опубликовал свою «Краткую словацкую грамматику», а затем и ряд других грамматик. Этим завершился процесс выработки особого литературного языка у словаков, естественный, поскольку чехи и словаки оказались в различных политических и иных условиях, и важный для развития национально-освободительного сознания и движения словацкого народа. В конце XIX — начале XX в. словацкий литературный язык находит свое воплощение в произведениях ряда крупных писателей-реалистов — Я. Краля, М. Кукучина.

После краха империи Габсбургов Словакия становится частью буржуазной Чехословацкой республики. Когда в результате мюнхенского сговора в 1938 г. Чехословакия была оккупирована гитлеровцами, словацкие фашисты получили от Гитлера как плату за предательство марионетное Словацкое «государство». Под руководством Коммунистической партии демократические и прогрессивные силы в Словакии принимали участие в сопротивлении фашизму; высшим проявлением сопротивления стало Словацкое национальное восстание осенью 1944 г.

В период послевоенного развития народно-демократической и социалистической Чехословакии осуществлено равноправие словаков и чехов в их федеративном государстве, что способствовало всестороннему росту культуры в Словакии. Развивается словацкая литература, в качестве видных ее представителей можно назвать поэтов Л. Новомеского, А. Плавку, писателя В. Минача, драматурга О. Заградника и др. Создана Словацкая Академия наук, в составе которой работает институт словац-

кого языка. В университетах и школах преподавание осуществляется по-словацки, изучается словацкий язык, литература, история. Видными современными словацкими языковедами являются Я. Станислав, И. Ружичка, Я. Горецкий, Ш. Печиар и др.

Построенный на базе среднесловацких говоров словацкий литературный язык пользуется графикой на латинской основе с добавлением некоторых дополнительных знаков, отчасти совпадающих с соответствующими чешскими, а отчасти особых. Для гласных используются, кроме букв *a, e, i, o, u, y*, также буква *ä* (переднее *a* или очень открытое *э*, например, *ramät* 'память'); *ö* (дифтонг *ио*, например, *stöl* 'стол'); как и в чешском, знак используется для обозначения долготы гласных, например, *á*. В словацком имеются дифтонги *ia, ie, iu* (слобообразующим является их второй элемент): *vziat'* 'взять', *vera* 'вера'. Недиакритические обозначения согласных имеют примерно то же значение, что и соответствующие чешские буквы *b, c, d, f, g, h, j, k, l, m, n, p, r, s, t, v, z*. Шипящие обозначаются с гачком: *č, š, ž*. Сочетание *ch* передает звук *x*; *dz, dž* — звонкие аффрикаты *дз, дж*. Мягкие согласные *ň, ľ, ď* обозначаются, как и в чешском; без дополнительного знака смягчения *n, d, t* звучат мягко перед *i* и *e*; мягкое *ль* передается знаком *ľ* в отличие от среднего *l*. Буквы *q, w, x* используются практически лишь в иностранных собственных именах. В словацком есть буквы *ä, ö, ľ*, отсутствующие в чешском, но нет чешских букв *ý, ř*.

Принадлежащий, как и чешский язык, к южной подгруппе западнославянских языков, словацкий язык обладает рядом специфических языковых свойств: 1) ударение в литературном словацком языке на первом слоге; 2) сохранились (хотя и меньше, чем в чешском) долгие гласные, иногда представленные дифтонгами; 3) имеются слоговые согласные (*ofba, otk*); 4) на месте *e*, как и в чешском, проточный *h*; *hora*; 5) сочетания *fort, lolt* дают *trat, tlat; vrana, hlava*; 6) на месте носового *o — u*, а на месте *e — älia; dub* 'дуб', *mäso* 'мясо'; 7) на месте *ъ* в сильном положении иногда *a* (в дал *e*): *dažd* 'дождь', *mach* 'мох', но *sen* 'сон'; 8) нет чередования *k — c, h — z* в склонении: *ruka — ruke* (ср. рус. *рука — руке*, но чешск.: *ruka — ruce*).

Выделяют три группы словацких говоров: восточную, среднюю и западную. В восточнословацкой утрачены долгие гласные, ударение на предпоследнем слоге. В западнословацкой на месте *ъ* выступает *e*: *mech* 'мох'. Для среднесловацких говоров характерно произнесение *u* после гласных как неслогового *и*. Имеются, конечно, и многие другие особенности, а также более дробные диалектные группы и отдельные говоры.

Литература

- Pauliny E., Ružička J., Štolc J. Slovenská gramatika.— Bratislava, SPN, 1968.
Stanislav J. Dejiny slovenského jazyka. I—V.— Bratislava: Vydavateľstvo SAV, 1967—1973.
Pauliny E. Dejiny spisovnej slovenčiny.— Bratislava, 1948.
Machek V. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského.— Praha: Nakladatelství CSAV, 1957.
Slovník slovenského jazyka. I—VI.— Bratislava: Vyd. SAV, 1959—1968.
Slovník rusko-slovenský.— Bratislava: Práca, 1952.
История Чехословакии. В 3-х т.— М.: Изд-во АН СССР, 1956—1960.
История словацкой литературы.— М.: Наука, 1970.

В 12 Полабский язык

Носители полабского языка, потомки славянских племен древян, живших на левом, западном берегу реки Лаббы (нем. Эльба), пользовались своим языком вплоть до начала XVIII в. Единственным известным нам грамотный полабянин крестьянин из села Зютен у г. Люхов (на северо-востоке нынешней земли Нижняя Саксония в ФРГ, а в то время в Люнебургском княжестве) — Ян Парум Шульце (1677—1740), когда ему исполнилось сорок, стал вести летопись своей крестьянской жизни. Способный самоучка записывал в пестром порядке события из своего житейно-бытия, подчас доходившие до него отголоски событий более крупного масштаба, сведения о погоде и о делах давно прошедших лет, библейские цитаты и собственные рассуждения. «Я решил, — пишет он между прочим в своей хронике, написанной по-немецки, — в этом, 1725 году записать вендский (то есть славянский, полабский. — А. С.) язык для потомства, потому что на этом языке трудно говорить, а также трудно писать. У меня есть датская книга, и там многие слова состоят из тех же букв, как в немецких книгах, а тут вместо Brodt (нем.

Brot 'хлеб' — *A. C.*) я говорю *Stjeyb* или *Pferd* (нем. 'конь') — *Tjühn*. Тогда надо объяснять, как называть (произносить) звуки. Мой дед в свое время много говорил по-вендски, и мой отец, он тоже превосходно знал вендский язык, и оба также хорошо по-немецки говорили. Некоторые люди из стариков говорили наполовину по-вендски, наполовину по-немецки... получается, что слово, которое должно быть позади, выходит вперед, а переднее оказывается позади. У нас вот нынче такая бабушка. Мне 47 лет. Когда я и еще три человека в нашем селе умрут, вероятно, уже никто не будет знать, как по-вендски называлась собака...» И вот Ян Парум Шульце записывает две-три сотни слов, а также ряд отдельных фраз по-полабски, используя средства немецкой графики и орфографии, которую крестьянин-самоучка не очень-то хорошо знал. Но Шульце был прав: в 1756 г. в церковных книгах была действительно отмечена смерть последней женщины, которая еще хорошо говорила по-полабски. Шульце донес до нас не только, как называлась собака по-полабски (у него записано: *rijahss*, что теперь транскрибируют как *rās* и что соответствует нашему *нэс*), но и стремление носителя языка как-то закрепить его. Правда, стремление это пришло слишком поздно, когда уже по-полабски могло говорить считанное число лиц.

Сведения о полабском языке дошли до нас не только от Шульце. Километрах в пяти от Люхова на берегу той же речки Етце в Вустрове пастор Христиан Хенниг (1649—1719) к тому времени уже составил довольно большой (около пяти тысяч слов) немецко-полабский словарь, записал полабскую свадебную песню (с нотами) и зафиксировал по-полабски текст молитвы *Отче наш*. Х. Хенниг родом был из городка Эссен недалеко от Виттенберга (ныне на западе округа Коттбус в ГДР) и, возможно, еще с детских лет сталкивался со славянской речью, что и вызвало позже интерес к «вымирающему» языку. Хенниг знал некоторые ранние серболужицкие издания, но идти по пути серболужицких книг и создавать полабскую орфографию было уже не для кого. Приступив к должности, вустровский пастор стал записывать местные слова и обычаи, но записи его сгорели на пожаре в 1691 г. Тогда при помощи кленовского крестьянина Янишге Хенниг приступает к работе вновь и составляет большой словарь языка полабских древян. К 1705 г. со-

бирательская работа была завершена, но Хенниг еще несколько лет обрабатывал свой словарь. Написания полабских слов у Хеннига гораздо последовательнее, чем у Шульце (это, кстати, и другой полабский говор), материалы его более богаты словарными данными. Это главный источник сведений по полабскому языку, который дошел до нас. Сохранилось еще несколько небольших словариков, включающих по несколько десятков или сотен полабских слов. Следует отметить, что один из них был составлен по заказу крупнейшего немецкого ученого Г. В. Лейбница еще в 1691 г. Часть слов, попавших в словарь Пфеффингера, Митхофа, Бокёра и др., повторяется и у Хеннига. Сохранились и другие варианты записей *Отче наш* (что свидетельствует о том, что на рубеже XVII—XVIII вв., когда производились записи, единого полабского текста этой основной христианской молитвы в обиходе не было), записи еще двух коротких молитв.

Указанные словарные записи и небольшое число текстов и составляют весь корпус фактов, на основании которых можно судить о том языке, который получил в науке название полабского языка. Самоназвание полабян до нас не дошло: в последний этап существования носители полабского языка уже не воспринимали себя как некоторый национальный коллектив, а потому и не имели самоназвания.

Задолго до того, как в «Люнебургской Вендландии» производились записи реликтовых славянских говоров, в IX в. стало складываться раннефеодальное государство у полабских славян. Оно просуществовало недолго: немецкие феодалы во главе с королями Генрихом I и Оттоном I стали завоевывать земли полабских славян. Однако в середине X в. племена бодричей (ободритов) и лютичей восстали, а в конце X—начале XI в. сумели освободиться от власти немецких феодалов. Немецкое завоевание протекало параллельно с христианизацией полабских славян, которые соорудили в своем городе Аркона на острове Рюане (нем. Рюген) квадратный языческий храм с деревянными скульптурами богов. Князь бодричей Готшлак пытался распространять христианство на своем языке. Но в начале XII в. государство полабских славян распалось на отдельные феодальные княжества. В 1147 г. во время Второго крестового похода против полабских славян было брошено двухсоттысячное

войско крестоносцев. Полабянам в тот раз удалось отстоять свою независимость, но отсутствие у них единства привело к тому, что к концу XII в. немецкие феодалы на материке, а бывшие до того в союзе с полабянами датчане — на острове Руяне завоевали полабские земли, задерживавшие на длительное время немецкие силы от их экспансии на Восток. Начался длительный и тяжелый процесс германизации полабских земель. Временами славянская речь запрещалась, а иногда какому-нибудь князю вдруг начинало казаться почетным владеть разноязычным населением и славянская речь вновь освобождалась от запрета. В целом, однако, полабский язык постепенно вытеснялся немецким.

Болотистая пойма реки Етце благодаря своим очень удобным землям в течение некоторого времени меньше, чем другие территории, колонизировалась немцами, а потому оказалась благоприятной почвой для сохранения славянского языка в то время, когда на других землях он оказался уже вытесненным. Играло роль и то, что здесь, в сотне километров на юго-восток от Гамбурга, не проходило крупных торговых путей. В окрестностях Люхова и Вустрова в конце XVII в. по-славянски разговаривали еще многие из старшего поколения, хотя молодежь и стеснялась своего языка. Славяне, жившие раньше на гораздо более обширной территории, оставили след о себе не только в немецких хрониках, не только в виде славянских личных имен, но и в виде отдельных славянских элементов в немецких диалектах. Так, к примеру, в немецких говорах сохранились славянские названия черники (*Zerneitsche*), лесной малины (*Molaine*), мха (*Moch*). На территории Германии сохранилось также немало топонимов — местных названий славянского происхождения; так, славянского происхождения даже названия таких крупных населенных пунктов, как Росток (от слав. *Ростока*), Лейпциг (от слав. *Липск*, ср. *Липецк*), Любек (от слав. племенного названия *любичи*). Однако свести воедино сведения по собственным личным именам, по топонимике, по славянским следам в немецких диалектах и по полабским памятникам невозможно: эти сведения принадлежат различным племенам с их особенными диалектами, относятся к различным историческим периодам и дошли до нас в различной степени немецкой обработки. Поэтому обычно, говоря о языке полабских славян (дре-

вян), имеют в виду те дошедшие до нас от конца XVII — начала XVIII в. записи полабских слов и отдельных текстов, о которых было сказано.

Уже в XVIII в. были опубликованы некоторые небольшие полабские словарики. Однако главный источник по полабскому языку — словарь Хеннига — долгое время оставался в рукописи. На основании почти всех сохранившихся полабских источников в начале XIX в. завершил подготовку сводного полабско-немецкого словаря ганноверский медик и физикус И. Г. Юглер, но и этому словарю с изданием не повезло. Пользуясь его рукописью, один из крупнейших языковедов прошлого века Август Шлейхер подготовил первую грамматику полабского языка, изданную после его смерти Петербургской Академией наук (1871). Шлейхер настолько вошел в изучавшийся им полабский материал, что одно из своих писем 60-х гг. начал по-полабски (кстати, видный современный исследователь полабского языка Рейнгольд Олеш прочитал свой доклад о полабском ударении на Варшавском Международном конгрессе славистов в 1973 г. по-полабски). Изучением полабских источников в XIX в. занимались русский ученый А. Ф. Гильфердинг, потом серболожичанин А. Мука. В 1907 г. был издан свод полабских источников, подготовленный П. Ростом. Крупный вклад в изучение полабского языка внес Н. С. Трубецкой. А видный польский славист Т. Лера-Сплавинский издал основательную полабскую грамматику (1929) и начал составление полабского этимологического словаря. Этот словарь успешно продолжает ученик Лера-Сплавинского К. Полянский, принявший также участие в составлении полабско-английского словаря (1967). Между тем возникла необходимость фундаментального издания полабских источников; за решение этой задачи взялся Р. Олеш, осуществивший фототипическое издание одной из рукописей словаря Хеннига, издание словаря Юглера, а также остальных «малых» полабских источников, в числе которых записи Яна Парум Шульце; Олеш издал также полную полабскую библиографию. Полянский и Олеш — крупнейшие современные специалисты по полабскому языку.

Из сказанного ясно, что настоящей полабской письменности не существовало. Составители полабских словарей пользовались более или менее последовательно

средствами немецкой графики и орфографии, не всегда приспособленной для передачи звуковой системы полабского языка. В связи с этим предпринимались попытки создания научной транскрипции для полабского языка. Наиболее распространенной является транскрипция, используемая в грамматике Т. Лера-Сплавинского и в этимологическом словаре К. Полянского. Несколько упрощенный вариант ее используется в полабско-английском словаре Полянского-Зенерта. Этим вариантом воспользуемся и мы. Он построен, естественно, на латинской основе. Буквы *a, e, o, u* и *i* комментариев не требуют; *ā* обозначает лабиализованный открытый звук; *ē* — закрытое *e*; *o* и *q* — носовые гласные (первый из них закрытый); *ō* и *ū* — передние лабиализованные гласные типа соответствующих немецких; *a* (у Лера-Сплавинского *ə*) и *e* редуцированные (краткие) гласные; *ai, āi, oi, au, āu* — дифтонги. Согласные *p, b, m, f, t, d, n, s, k, r, l* пояснений не требуют; *v* означает звук *v, z* — *z, c* — *ц, j* — *й, x* — *х, g* — *г, z* — *дз*. Мягкость обозначается так: *l', d', t', s', z', c'* и т. п.

Полабский язык характеризуется рядом специфических явлений, важнейшие из которых таковы: 1) сохранение носовых гласных: *o* из праслав. **o* и *q* из праслав. **e*; 2) узкие гласные **i, *y, *u* превратились в полабском в дифтонги (например, *laize* 'лижет', *dāim* 'дым', *draug* 'другой'); 3) *o* превратилось в *ō* или *ū*: *būb* 'боб', *kātu* 'кто'; 4) согласные *k, g* перед *o, u, i* превратились в *t', d'*: *d'ōra* 'гора', *nūd'ai* 'ноги'; 5) старое *a* перешло в *o*: *stova* 'ставит', *bobo* 'баба'; 6) в связи с различными процессами, связанными с соотношением долгих и кратких гласных, в полабском в некоторых случаях на месте старых редуцированных, а иногда и без них между согласными имеются гласные, в послеударной позиции гласные редуцировались; 7) в полабской грамматике произошел ряд изменений, характеризующих разрушение грамматической системы языка: утрату в отдельных случаях склонения и т. п.; вместе с тем в полабском сохранились старые прошедшие времена (аорист и имперфект), в ряде случаев сохраняются остатки двойственного числа; 8) в лексике полабского языка имелось много немецких заимство-

ваний, в том числе из средненемецкого языка, проникших в полабский за последние века и десятилетия его существования, например: *snider* (нем. *Schneider*) 'портной', *omar* (нем. *Hammer*) 'молот' и т. п. В диалекте, записанном Хеннигом и другими, вместо старых шипящих появились свистящие (ср. польское мазуренье), но у Шульце иногда выступают шипящие (ср. у Хеннига: *slawak*, а у Шульце *schlawack* для передачи слова *человек*). Старое сочетание **tort* за одним исключением имеет в полабском соответствие с сохранением порядка гласного и плавного (*korwa* 'корова'), а в сочетаниях **tert, *tolt* метатеза плавных произошла (ср. такие же явления в кашубском). Характер ударения в полабском, по-видимому, в отличие от других западославянских языков, свободный.

Литература

- Lehr-Splawiński T. Gramatyka polabska.—Lwów, 1929.
 Olesch R. Vocabularium Venedicum von Christian Hennig von Jessen.—Köln—Graz: Böhlau, 1959; Juglers Lüneburgisch-Wendisches Wörterbuch.—Köln—Graz: Böhlau, 1962; Fontes linguae Dravaeno-Polabicae minores et Chronica Venedica J. P. Schultzei.—Köln—Graz: Böhlau, 1967.
 Lehr-Splawiński T., Polański K. Słownik etymologiczny języka Drzewian Polabskich. Z. 1 (издание продолжается; с вып. 2 автор: Polański K.).—Wrocław—Warszawa—Kraków: Ossolineum, 1962...
 Polański K., Sehnert J. A. Polabian-English Dictionary.—The Hague—Paris: Mouton, 1967.
 Olesch R. Bibliographie zum Draväno-polabischen.—Köln—Graz: Böhlau, 1968; Fortsetzung und Nachträge: "Zeitschrift für slavische Philologie", Bd. XXXVIII, H. 1.—Heidelberg, 1975.
 Супрун А. Е. Новые издания по полабской лексикографии и лексикологии.—Сов. славяноведение, 1966, № 2; К изучению полабских определительных сочетаний.—Там же, 1975, № 5; Полабские числительные.—Фрунзе, 1962; Лексичная спалучальнасць у палабскай мове.—Мінск: Выд-ва Беларус. ун-та, 1973; Асноўныя праблемы палабскай семасіялогіі.—Мінск: Выд-ва Беларус. ун-та, 1978.

В 15

Южнославянские языки

К южнославянским языкам относятся: болгарский, македонский, сербскохорватский и словенский. Южнославянским по происхождению является также старославянский язык. Рассматриваемый далее как пример славянского микроязыка язык русин Югославии не относится к южнославянским языкам, хотя теперь и включает некоторые южнославянские черты, являющиеся в нем сравнительно поздними: по происхождению это

язык населения смешанных украинско-словацких сел Восточной Словакии, а следовательно, оказывается как бы одновременно соотносимым со всеми тремя группами славянских языков. Исторически сложилось так, что южные славянские языки оказались отрезанными от других славянских языков территориями, заселенными носителями неславянских языков: румынами на северо-востоке, венграми и австрийцами на севере. На западе носители южнославянских языков граничат с итальянцами, а на юге — с албанцами, греками и турками.

Южнославянские языки разделяются на две группы: восточную (болгарский и македонский) и западную (словенский и сербскохорватский); между этими группами есть и переходные говоры. Единого праюжнославянского языка на протяжении сколько-нибудь длительного времени не существовало. Заселение в начале второй половины первого тысячелетия нашей эры Балканского полуострова славянскими племенами происходило так, что славяне на Балканах сразу же оказались на большой территории, что не способствовало развитию единого языка.

Некоторые южнославянские языки имеют общие черты, возникшие в рамках Балканского языкового союза. Этот союз охватывает разнородные по происхождению и первоначальному типу языки, носители которых живут на Балканском полуострове: румынский, аромунский, греческий, албанский, болгарский, македонский, а частично также сербскохорватский (юго-восточные диалекты). Общебалканские черты в разной мере присущи этим языкам, они выработались в результате сложного взаимодействия различных факторов.

Многие нынешние балканские языки являются неавтохтонными (т. е. пришедшими из других мест); так обстоит дело не только со славянскими языками, но и с румынским. Древние языки населения Балканского полуострова — иллирийский, фракийский, дакийский и другие, а затем и тюркский язык протоболгар — были вытеснены современными языками, причем, естественно, происходило активное взаимодействие между вытеснявшимися (субстратными) и вытеснявшими языками. Поскольку распространение языков субстрата (буквально — «подслоя») не совпадало с распространением современных языков, новые черты, возникавшие при

взаимодействии субстрата и наплававшихся языков, могли быть общими для ряда языков. Кроме того, наплававшиеся на субстрат новые языки особенно активно взаимодействовали друг с другом, поскольку их структурная основа была уже в какой-то мере расшатана в результате взаимодействия с субстратом. Иначе говоря, нормы языка в устах овладевшего им народа, ранее говорившего на другом языке, оказывались не очень строгими и легко подвергались взаимовлиянию. В разные периоды и в разных частях Балкан воздействие других языков было различным. Надо полагать, что в первом тысячелетии н. э. значительным могло быть воздействие греческого языка Византийской империи; в течение нескольких веков турецкого ига турецкий язык не мог не оказывать влияния на языки балканских народов (прежде всего, конечно, в сфере лексики). Романский по происхождению румынский язык испытал огромное влияние славянского. Всё это языковое взаимодействие, межязыковые контакты определили возможность выработки общих черт в языках Балканского полуострова, которые можно определить как возникновение языкового союза. Языковой союз возникал, разумеется, на основе общности исторических и экономических судеб балканских народов, которые отразились не только в языке, но и в общности некоторых обычаев, культурных явлений, например некоторой общности музыкальной традиции, устного народного творчества и т. д.

Наиболее характерными общими чертами языков балканского языкового союза являются следующие: 1) полная или частичная утрата склонения и выражение соответствующих отношений при помощи предлогов; 2) полная или частичная утрата инфинитива; 3) развитие постпозитивного артикля (члена), например в болгарском: *членът* 'член, артикль'; 4) развитие употребления кратких форм местоимений (энклитик) типа болг. *къща ми* букв. 'дом мне'; 5) развитие будущего времени глаголов с вспомогательным глаголом *хотеть*, например болг. *ще пиша* 'буду писать'; 6) наличие значительного общего фонда лексики; 7) сходство в системе гласных, представленных, например, в болгарском фонемами *a, e, и, ъ, ѝ, ѳ*.

Общие черты южнославянских языков таковы: 1) древние сочетания **gv-*, **kv-* превратились в *zv-*, *sv-*:

болг. *звезда*, с.-х. *цвет*, словенск. *zvizdati* 'свистеть'; 2) сочетания **dl*, **tl* упростились в *l*: болг. *моля* 'просить (молю)', с.-х. *рало*; 3) праславянские сочетания **ort*, **olt* преобразовались в сочетания *trat*, *tlat*: болг. *брада*, словенск. *grad*, с.-х. *влас*; 4) в праславянских сочетаниях **tert*, **tell* произошла метатеза (перестановка) плавных, причем гласный имеет характер, соответствующий старому «ять»: ст.-сл. *brъgъ* 'берег', *mlъko* 'молоко'; 5) праславянское носовое **e* превратилось в простое *e*: болг. *пет* 'пять', словенск. *zet* 'зять' и т. п.; 6) праславянские **y*, **i* совпали: болг. *син* 'сын', *пиша* 'пишу'; 7) начальные сочетания **ort-*, **olt-* отражаются с метатезой плавных и гласным *a*: мак. *лаком* 'лакомый, жадный', словенск. *lakat* 'локоть'; 8) мягкость согласных не получила значительного развития, в частности, согласные не смягчаются перед *e*, *i*, причем утрачена и праславянская мягкость *ž*, *š*, *ř* в этих случаях. Древнее сочетание губных с *j* в сербскохорватском и словенском отражается в виде сочетаний с *l*: с.-х. *земля*, словенск. *zemlja*, в болгарском *л* утрачено, а в македонском — сочетание губных с *j* вторичного происхождения (заменившее сочетание губных согласных с *l*). По-разному отразились в разных южнославянских языках праславянские сочетания **dj*, **tl*, которые в западных и в восточных славянских языках представлены более единообразными отражениями; в южных славянских языках здесь: *жд*, *шт* (орфографически *шц*) в болгарском (и старославянском), *ž*, *č* в македонском, *h*, *h* в сербскохорватском, *j*, *č* в словенском.

Литература

- Славянские языки (Очерки грамматики западнославянских и южнославянских языков). Под ред. А. Г. Широковой и В. П. Гудкова. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977, с. 216—374.
- Stawski F. Zarzys dialektologii poludniowoslowianskiej. — Warszawa, PWN, 1962.
- Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков. — М.: Наука, 1978.
- Георгиев В. К вопросу о балканском языковом союзе. — В кн.: Новое в лингвистике, вып. 6. — М.: Прогресс, 1972, с. 398—418.
- Sandfeld K. Linguistique balkanique. Problèmes et résultats. — Paris: Champion, 1930.
- Schaller H. W. Die Balkansprachen. Eine Einführung in die Balkanphilologie. — Heidelberg: Winter, 1975 (реферат на рус. яз.: Реферативный журнал «Общественные науки за рубежом», сер. 6, «Языковедение», 1977, № 5, с. 47—50).

Можаява И. Е. Южнославянские языки. Аннотированный библиографический указатель литературы, опубликованной в России и в СССР с 1835 по 1965 гг. — М.: Наука, 1969.

В 20 Болгарский язык + к к

Болгарский язык — язык основного населения Народной Республики Болгарии. По данным на конец 1976 г., в НРБ проживает 7,7 млн. болгар. Другие крупные национальные группы в НРБ — это турки и цыгане. За пределами Болгарии наиболее значительное количество болгар в СССР — по переписи 1970 г. 351 тыс.; три четверти этих болгар считают болгарский язык своим родным; большинство из них проживает в болгарских селах на юге Украины, а также в Молдавии. Кроме СССР, значительные группы болгар представлены в сопредельных с Болгарией странах — Югославии (65 тыс.), Турции (35 тыс.), Греции, Румынии, а частично и в других странах (например, несколько тысяч болгар в свое время эмигрировали в Аргентину). Таким образом, общее количество носителей болгарского языка составляет величину, превышающую 8 млн. чел. Среди верующих болгар большую часть составляют православные. Некоторая часть болгар во время турецкого ига была обращена насильственно в мусульманство, эти болгары-мусульмане (бытовое название их — помаки) живут в Родопях на юге Болгарии.

Древнейшее известное нам население нынешней территории Болгарии — фракийцы, носители дошедшего до нас в форме отдельных слов, сохранившихся в местных и других собственных именах и т. п., фракийского языка, принадлежавшего к индоевропейской языковой семье. Значительный вклад в исследование фракийского языка внесли болгарскими учеными, в частности В. И. Георгиевым. Рядом с фракийскими поселениями на Черноморском побережье находились греческие колонии, а с I в. н. э. нынешние болгарские земли оказались в римском подчинении. С VI в. на эти земли проникают славянские племена, которые стали оседать в VII в. Часть фракийцев была, видимо, ими ассимилирована, а часть переселилась на запад Балканского полуострова. Славяне-земледельцы образовали на территории Болгарии раннефеодальный Союз семи племен. В конце VII в.

знание, глубокие исторические корни своей культуры, свой язык.

Спротивление туркам проявилось в ряде восстаний и в гайдуцком движении. Однако османские поработители жестоко подавляли восстания; они насильно заставляли болгар принимать ислам, отбирали вплоть до начала XVII в. наиболее здоровых мальчиков для янычарского корпуса. С возникновением в Османской империи буржуазно-капиталистических отношений, во второй половине XVIII в., происходят и некоторые социально-политические и культурные изменения в жизни болгарского народа. Одним из первых выразителей нарастающего национального самосознания болгар стал Пансий Хилендарский, написавший «Историю славяно-болгарскую», с которой начинается период возрождения болгарской национальной письменности. Дело возрождения болгарской письменности продолжает Софроний Врачанский, оставивший свое жизнеописание. В 1824 г. врач и педагог Петр Берон публикует первую болгарскую учебную книгу светского характера, так называемый «Рибен буквар» — букварь с различными поучениями и с таблицами, на последней из которых были изображены экзотические птицы и рыбы. Этот букварь выдержал в течение сорока лет семь изданий, что в те времена было для Болгарии крупным культурным событием. Книга Берона еще была напечатана церковной кириллицей, но в ее языке отражались живые черты болгарской народной речи. С середины XIX в. болгарское национально-освободительное движение приобретает революционный характер. Выдающимися деятелями революционного движения были Васил Левски, писатель Любен Каравелов, поэт Христо Ботев. В 1875 г. вспыхнуло Старозагорское, а в 1876 — Апрельское восстание; победа русской армии в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. обеспечила освобождение Болгарии от турецкого ига. В благодарной памяти болгарского народа сохранился подвиг русских воинов-освободителей.

В 1878 г. было воссоздано Болгарское государство и определены его границы; часть болгар все еще оставалась под властью Османской империи. Новые возможности получила для своего развития болгарская культура. В 1888 г. были открыты высшие педагогические курсы, на базе которых в 1904 г. создан Софийский уни-

верситет. В 1911 г. на базе Болгарского литературного общества была образована Болгарская Академия наук. Большой вклад в формирование современного болгарского языка внес великий болгарский писатель Иван Вазов; велика также роль таких писателей и поэтов, как П. П. Славейков, П. Яворов, Елин-Пелин, И. Йовков, Д. Дебелянов. Н. Геров создает шеститомный болгарский словарь с толкованиями и русскими переводами. В начале XX в. появились значительные труды таких болгарских языковедов, как Л. Милетич, Б. Цонев.

Власть в Болгарии оказывалась в руках консервативно настроенной буржуазии и австрофильских и германфильских политиков. Но вместе с тем уже в 80-х гг. Димитр Благоев выступал с пропагандой идей социализма и марксизма. Во время первой мировой войны Болгария выступала на стороне Германии. В 1923 г. в результате военно-фашистского переворота пало прогрессивное правительство А. Стамболийского (1920—1923). Сентябрьское антифашистское восстание 1923 г. под руководством коммунистов В. Коларова и Г. Димитрова, несмотря на героизм его участников, было жестоко подавлено. Во время второй мировой войны болгарские монархо-фашисты, вопреки воле народа, присоединились к гитлеровской коалиции. После нападения фашистской Германии на СССР в Болгарии возникает партизанское движение. Но тогдашнее болгарское руководство не отказывалось от прогитлеровского курса. 5 сентября 1944 г. Советское правительство вынуждено было объявить войну Болгарии. Вхождение в Болгарию советских войск поддерживалось народным восстанием 9 сентября 1944 г., в результате чего в Болгарии был свергнут монархо-фашистский режим и установлена народная демократия. После решительной победы на ноябрьских выборах 1945 г. в Болгарии к власти пришел Отечественный фронт во главе с коммунистами. В 1946 г. Болгария была провозглашена народной республикой. В тесном союзе с Советским Союзом и другими социалистическими странами болгарский народ создает развитое социалистическое общество.

В условиях социалистического народовластия создаются все возможности для развития болгарской культуры, литературы, развиваются функциональные сферы применения болгарского языка, усиливается его изуче-

ние. Развивая традиции расстрелянного в фашистском застенке поэта-революционера Н. Вапцарова, других замечательных болгарских литераторов, в болгарской литературе успешно работают видные мастера слова Е. Багряна, Д. Талев, Е. Станев, Д. Димов и многие другие. В НРБ работали крупные языковеды, начавшие свою деятельность еще до 9 сентября 1944 г. — А. Теодоров-Балан, С. Младенов, С. Романский. Их деятельность продолжили представители следующих поколений лингвистов, среди которых К. Мирчев, Л. Андрейчин, С. Стойков, И. Леков, В. Георгиев, С. Иванчев. В послевоенные годы созданы трехтомный и однотомный толковые словари под редакцией С. Романского и Л. Андрейчина, начато издание диалектологического атласа болгарского языка, организатором которого был С. Стойков, этимологического словаря под редакцией В. Георгиева, переиздан словарь Н. Герова, изданы и другие важные обобщающие труды по болгарскому языку. Большое внимание уделяют болгарские филологи вопросам изучения староболгарского языка (К. Мирчев, Е. Георгиев и др.). После 9 сентября была осуществлена реформа графики и орфографии, облегчившая усвоение норм письменной речи для широких слоев народа.

Болгарский язык пользуется кириллической графикой в принятом в русском языке оформлении. В болгарском письме нет ни одной дополнительной буквы по сравнению с русскими, но некоторые буквы употребляются в ином значении. Так буква *ъ* обозначает гласный среднего подъема среднего ряда. Буква *е* соответствует русскому *э*; она не обозначает соединения *й + э* или мягкости предшествующего согласного. Буква *щ* обозначает соединение *шт*. Буквы *э, ы, ё* в болгарской графике отсутствуют, а буква *ь* употребляется только для обозначения мягкости согласных перед *о*: *Кольо* и т. п.

Болгарский язык принадлежит к восточной подгруппе южной группы славянских языков. Наиболее важными являются следующие черты болгарского языка (многие из них присущи и македонскому литературному языку): 1) в процессе развития аналитического строя утрачено склонение, падежные значения передаются при помощи предлогов (*етап от развитието, книга на ученик*); 2) имеется постпозитивный (т. е. находящийся в постпозиции — после слова) артикль (член): *книгата, езикът*;

3) утрачен инфинитив; 4) развито использование безударных форм личных местоимений (энклитики): *баща ми* 'мой отец', букв. 'отец мне'; 5) сохраняется развитая система спряжения, например прошедшее совершенное (аорист): *четох*; прошедшее несовершенное (имперфект): *четах*; прошедшее неопределенное (перфект): *чел съм* и др.; 6) на месте старых **i, *ai* выступают *и, ъд*: *свещ, между*; 7) носовое *о* превратилось в *ъ*: *ръка* 'рука', *път* 'путь'; 8) носовое *е* дало *е*: *месо, пет*; 9) старое *ъ* (ять) дало *я* или *е*: *бял, бели*; 10) на месте *ѣ* в сильной позиции выступает *ѣ*: *сън* 'сон', *мъх* 'мох'.

На территории Болгарии выделяются довольно отчетливо две группы говоров — восточная и западная. Так, на востоке характерен открытый, широкий гласный на месте *ѣ*, в то время как на западе — более закрытый (*бял — бел*); в восточноболгарских говорах представлены мягкие согласные, отсутствующие в западных; отражаемая в литературном языке восточноболгарская норма перехода **i, *ai* в *и, ъд* в западных говорах представлена разными вариантами. Кроме этого основного деления, может быть еще выделена группа северо-восточных и юго-восточных говоров и т. д. Западноболгарские говоры составляют единство с македонскими, а на севере имеются переходные говоры между болгарским и сербскохорватским языками. На юге в Греции еще сохраняются жители, говорящие на говорах, продолжающих говоры территории Болгарии. Граница между западноболгарскими и восточноболгарскими говорами проходит примерно по меридиану 24°30' на севере и 24° на юге (по рекам Вит на севере и Места на юге).

Литература

- Андрейчин Л. Грамматика болгарского языка. — М.: Изд-во иностр. лит., 1949.
Маслов Ю. С. Очерк болгарской грамматики. — М.: Изд-во лит. на иностр. языках, 1956.
Младенов Ст. История на българския език. — София: Изд-во на БАН, 1979.
Мирчев К. Историческа граматика на българския език. — София: Наука и изкуство, 1963.
Стойков С. Българска диалектология. — София: Наука и изкуство, 1968.
Български тълковен речник./Сост.: Л. Андрейчин, Л. Георгиев, Ст. Илчев и др. — София: Наука и изкуство, 1973.
Геров Н. Речник на българския език. Фототипно издание. В 6-ти ч. — София: Български писател, 1975—1978.

Речник на съвременния български книжовен език./Гл. ред. акад. Ст. Романски. Т. 1—3.— София, 1955—1959.

Български етимологичен речник./Ред. Вл. И. Георгиев. Т. 1 (издание продължава).— София: Изд-во на БАН, 1971...

Бернштейн С. Б. Болгарско-русский словарь.— М.: Сов. энциклопедия, 1966.

Чукалов С. К. Русско-болгарский словарь.— М.: Сов. энциклопедия, 1972.

История Болгарии. В 2-х т.— М.: Изд-во АН СССР, 1954—1955.

Андреев В. Д. История болгарской литературы.— М.: Высш. школа, 1978.

Очерки истории болгарской литературы XIX—XX вв.— М.: Изд-во АН СССР, 1959.

Речник на българска литература. Т. 1 (издание продължава).— София: Изд-во на БАН, 1976...

Речник на българския език/Гл. редактор Кр. Чолакова. Т. 1 (издание продължава).— София: Изд-во на БАН, 1979.

Македонский язык

В 19

Македонский язык — язык основного населения Социалистической Республики Македонии, одной из шести составляющих Югославию республик, самый молодой славянский литературный язык. По переписи 1971 г., македонцев насчитывалось 1142 тыс. чел., общее же население СРМ 1,7 млн. чел. Литературный македонский язык на основе диалектов Вардарской части исторической области Македонии оформился в период второй мировой войны и был закреплен в качестве официального языка с провозглашением Народной (с 1963 г. — Социалистической) Республики Македонии в составе ФНРЮ (с 1963 г. — СФРЮ) в 1945—1946 гг.

Историческая область Македония, представление о географических границах которой менялось, в древности была заселена смешанным населением — фракийцами, иллирийцами, греками. В V—II вв. до н. э. здесь существовало рабовладельческое государство, добившееся в IV в. гегемонии над всей Грецией. В VI—VII вв. н. э., как и значительная часть Балканского полуострова, Македония была заселена славянами, которые в VII в. были частично покорены Византией.

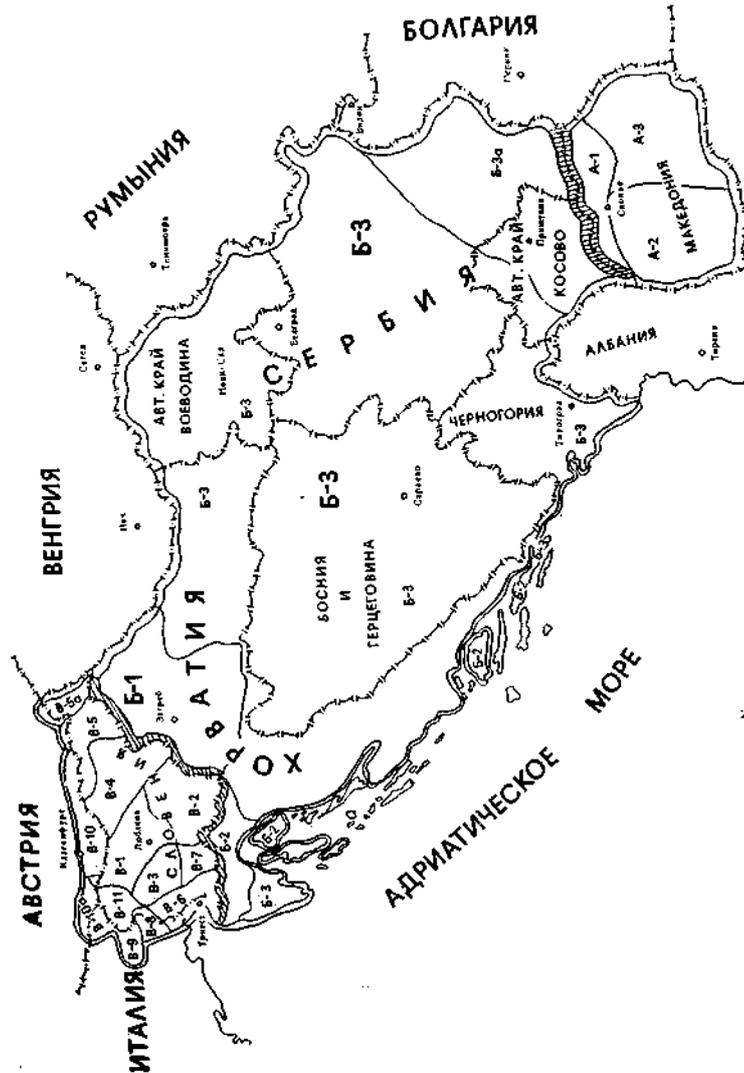
Первым крупным славянским государственным образованием на юге Балканского полуострова стало в VII в. Первое Болгарское царство. В середине IX в. почти вся историческая область Македония вошла в его состав.

Славянские языки и диалекты Югославии

А. Македонский язык и его говоры:
А-1. Северные говоры. А-2. Зеландные говоры. А-3. Восточные говоры

Б. Сербскохорватский язык и его говоры:
Б-1. Кайкаские говоры. Б-2. Чакavianские говоры. Б-3. Шtokavianские говоры (в том числе: Б-3а. Прикарпатимокская диалектная зона)

В. Словенский язык и его говоры:
В-1. Горенское наречие. В-2. Долнское наречие. В-3. Ровтарское наречие. В-4. Западнотайферские наречия. В-5. Восточнотайферские (в том числе: В-5а. Прежмурское) наречия. В-6. Крашские говоры. В-7. Нотранские говоры. В-8. Бенешские говоры. В-9. Реанское наречие. В-10. Подольские (в том числе: В-10а. Зильское) наречия. В-11. Обшакское наречие

С этого времени на территории Македонии распространяется славянская письменность. Историческая область Македония составила в X в. ядро образовавшегося в то время Западно-Болгарского царства. После византийского завоевания в XI—XIII вв. при восстановлении болгарской государственности в XIII в. она входит в состав Второго Болгарского царства, но в середине XIV в. была завоевана сербским царем Стефаном Душаном, а с конца XIV в. подверглась длительному и тяжелому турецко-османскому порабощению. Вместе со всеми славянскими народами Балкан жители исторической области Македонии оказывали героическое сопротивление туркам, но лишь в XIX в. начали складываться условия для успеха освободительного движения, развивавшегося главным образом в русле болгарского национального возрождения. В этих рамках действовали просветители — собиратели фольклора братья Д. и К. Миладинови, поэт Р. Жинзифов и др. Однако в конце XIX в. наряду с тенденцией формирования единого болгарского языка с учетом особенностей западноболгарских диалектов на территории исторической области Македонии стала проявляться и тенденция к образованию особого македонского литературного языка, нашедшая выражение в книге К. П. Мисиркова «О македонском вопросе», напечатанной в Софии в 1903 г. В результате Балканских войн 1912—1913 гг. историческая область Македония была разделена между Сербией (Вардарская Македония), Грецией (Эгейская Македония) и Болгарией (Пиринский край).

Вардарская Македония не обладала автономией, и только в 1943 г. было провозглашено, что Новая Югославия будет строиться как федерация равноправных народов, в том числе и македонского. На македонском языке издавалась подпольная массовая литература. В подпольной печати появляются стихи македонских поэтов, начавших свою деятельность в 30-х гг., — погибшего в партизанском отряде К. Рацина, а также К. Неделковскогo, В. Марковскогo и других, обсуждаются проблемы литературного языка. В результате победы в освободительной войне народов Югославии, достигнутой при братской помощи Советской Армии, создались условия для развития македонской национальной общности, ее культуры и языка. Первая официальная кодификация (уза-

коненное нормирование) македонского литературного языка произошла в 1945 г.

Значительную роль в развитии македонского литературного языка, близкого к живой народной речи, играют писатели А. Шопов, С. Яневски, В. Малески, лингвист К. Кепески, автор первой школьной грамматики Б. Конески, автор первой школьной грамматики К. Кепески, лингвист Б. Видоески и др. Важную общекультурную роль в развитии Македонии играют созданный в 1949 г. университет в Скопье и Академия наук и искусств, основанная в 1967 г. В 1961—1966 гг. был издан трехтомный словарь македонского языка толково-переводного типа (с переводами на сербскохорватский язык), в котором собрана и нормализована македонская лексика. Осуществлены уточнения в нормах правописания (последний раз в 1970 г.). Проводятся исследования в области изучения грамматики, лексики, словообразования, диалектологии македонского языка.

В основу македонской графики положен сербский вариант кириллицы. В нем отсутствуют русские буквы *й, щ, ъ, ь, ѓ, з, ю, ѓ*. Как и в сербском, для обозначения звука типа *й* используется знак *ј*, для передачи мягких *л* и *н* — буквы *љ* и *њ*, для передачи звонкой шипящей аффрикаты (*дж*) — знак *џ*; для передачи звонкой свистящей аффрикаты (*дз*) в македонский алфавит введена буква *з*. Специфические звуки, обозначаемые буквами *г* и *к*, возникли на месте праславянских сочетаний **dj* и **tj*; в произношении эти звуки варьируются от сильно мягких *г* и *к* до мягких средненёбных аффрикат, близких к сербскохорватским *ђ* и *ћ*.

Македонский язык относится к восточной (болгарско-македонской) подгруппе южнославянских языков. Среди черт, характерных для македонского языка, следует отметить такие: 1) как и в болгарском языке, в македонском произошла утрата склонения и распространились аналитические способы передачи тех значений, которые в других языках передаются при помощи падежных форм: *результат на дејност* 'результат деятельности'; 2) как и в болгарском языке, в македонском широко употребляется постпозитивный артикль (член) при именах (ср.: *животот 'жизнь', потомците 'потомки'*), хотя некоторые нормы и формы его употребления несколько отличаются от болгарских, в частности, в македонском

есть артикль с -в-: *земјава*; 3) как и в болгарском, утрачен инфинитив; 4) как и в болгарском, превосходная степень прилагательных образуется при помощи префикса *по-*: *по-темен* 'более (самый) темный'; 5) широко, как и в болгарском, используются безударные (энклитические) формы личных местоимений, хотя имеются определенные особенности в нормах их использования по сравнению с болгарским: ср. *очите му* 'его глаза'; 6) ударение (в отличие от болгарского) закрепились на третьем (в двусложных словах — на втором) с конца слоге; 7) сильный *ѣ* перешел в *о*: *сон*; 8) носовое *о* превратилось в *а*: *рака* 'рука', *пат* 'путь, раз'; 9) звук *х* утрачивается или, иногда, заменяется на *в*: *леб* 'хлеб', *ветов* 'ветхий'.

На территории Социалистической Республики Македонии выделяются три группы говоров: северная (отграничивается от других примерно по 42 параллели — г. Скопье), западная и восточная (разделяемые примерно по р. Вардар и Црна). Для северомакедонских говоров характерно совпадение сильных *ѣ* и *ѣ* в одном звуке *ѣ*, утрата *х* во всех позициях, превращение *р* в *у*; в западномакедонских говорах отмечается замена *х* в конце слова на *ф*, *р* перешло в *а*; в восточномакедонских говорах можно отметить появление перед начальным *р*, превратившимся в *а*, протетического *в* (*ваглен* 'угольный'), нет закрепленного места ударения. Разумеется, есть и еще множество других характерных диалектных черт названных групп и отдельных говоров.

Литература

- Ковалев Н. С. Македонский язык. — Иваново, 1977.
 Конески Б. Граматика на македонскиот литературен јазик. — Скопје: Култура, 1967.
 Конески Б. Историја на македонскиот јазик. — Скопје: Кочо Рацин, 1965.
 Видоески Б. Македонските дијалекти во светлината на лингвистичката географија. — Македонски јазик, г. XIII—XIV (1962/3).
 Речник на македонскиот јазик. / Ред. Б. Конески. Т. 1—3. — Скопје, 1961—1966.
 Толовски Д., Илич-Святыч В. М. Македонско-русский словарь. С приложением краткого грамматического справочника. — М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1963.
 Видоески Б. Прилог кон бблиографијата на македонскиот јазик. — Скопје, 1953.
 История Югославии. В 2-х т. — М.: Наука, 1963.
 Македонска књижевност. — Београд, 1961.

В 18 Сербскохорватский язык *А. С.*

Сербскохорватский язык, язык сербов, хорватов, черногорцев и боснийцев, является наиболее распространенным языком в Югославии. По оценке 1971 г. на нем говорит свыше 15 млн. чел. В основном это население четырех социалистических республик Югославии: Сербии, Хорватии, Боснии и Герцеговины и Черногории; некоторое число носителей сербскохорватского языка живет в других республиках Югославии, а также за ее пределами — в Австрии, Италии (по несколько десятков тысяч), в США насчитывается около 200 тыс. хорватов и сербов, из которых часть в той или иной мере сохраняет родной язык. Исторические судьбы носителей сербскохорватского языка складывались весьма сложно.

Более половины носителей сербскохорватского языка — сербы, основное население Социалистической Республики Сербии (в состав которой входят также автономные края Косово с большинством албанского населения и Воеводина, в которой четверть населения составляют венгры); по переписи 1971 г., сербы составляли около 40 % населения Югославии, 8,2 млн. чел. Около трети носителей сербскохорватского языка — хорваты, основное население Социалистической Республики Хорватии (22 % населения Югославии, около 4,6 млн. чел.). Значительную группу носителей сербскохорватского языка составляют славяне-мусульмане (8,4 % населения Югославии, 1,7 млн. чел.), живущие в основном в Социалистической Республике Боснии и Герцеговине. 530 тыс. черногорцев, основного населения Социалистической Республики Черногории, также являются носителями сербскохорватского языка.

Славянское население на территории этих четырех республик появилось в VI—VII вв. н. э. До этого, на рубеже новой эры, местное иллирийское и кельтское население было включено в состав Римской империи. В VIII—IX вв. происходит возникновение мелких славянских государств.

К X в. происходит христианизация балканских славян и возникают более крупные раннефеодальные государства. Так, в Хорватии в X в. провозглашается королевство, в Сербии формируется крупное княжество во главе с Чаславом Клонимировичем, в Черногории с IX в.

известно княжество Дукля (с XI в. — Зета). На территории Боснии и Герцеговины в это время были еще небольшие племенные княжества — жупы. Побережные районы Хорватии в X—XV вв. попадают под господство Венеции, Сербия оказывается на некоторый период в XI в. под властью Византии. С начала XII в. Хорватия в результате личной унии (т. е. единого короля) входит в состав Венгерского королевства. В Сербии в XII в. Стефан Неманя создает единое сербское государство, которое в середине XIV в. при Стефане Душане превратилось в сербо-греческое государство. В Боснии в XII—XIV вв. существовало довольно крупное княжество во главе с правителем — баном. В религиозном отношении Сербия примыкает к восточной (православной) христианской церкви, в Боснии же в XII в. получают распространение пришедшие из Болгарии идеи богомилства, положенные в основу своеобразной боснийской христианской церкви.

Письменность в Сербии в этот период использовалась при копировании церковнославянских религиозных книг; древнейшими книгами с сербскими языковыми чертами являются Мирославлево и Вуканово евангелия. К 1189 г. относится первый памятник деловой письменности на сербскохорватском языке — грамота боснийского бана Кулина. В дальнейшем славянская письменность продолжает использоваться в деловых документах. В Хорватии, прикнувшей к западному христианству (католицизму), получает распространение глаголица; древнейшим хорватским глаголическим памятником религиозного содержания, дошедшим до нас, являются Венские листки XII в. Вместе с тем здесь широко используется латинская письменность сначала для латинских, а затем и для хорватских текстов; несмотря на отдельные попытки упорядочить ее применение, долгое время вплоть до XIX в. этого достичь не удавалось.

После поражения на Косовом поле в 1389 г. значительная часть Сербии попадает под власть турецкой Османской империи. В середине XV в. происходит раздел Боснии и Герцеговины, а вскоре, во второй половине XV в., они попадают в состав Османской империи в качестве особой административной единицы — пашалыка. Часть населения, в том числе многие представители феодальной верхушки, принимают мусульманство. Интересно отметить, что уже в конце XV в. появился первый

сербскохорватский текст, записанный арабскими буквами, принятыми в исламском мире. Вплоть до второй мировой войны боснийские мусульмане использовали, причем не только в религиозных целях, арабский шрифт (матуфовицу) для передачи сербскохорватских текстов. В XV в. туркам удается захватить часть Черногории; Черногория, однако, сохраняет автономию и продолжает длительную кровопролитную борьбу с турецкими поработителями. Такая борьба продолжается и в Сербии, где она принимает форму движения гайдуков. В XVI—XVIII вв. Хорватия становится ареной австро-турецких войн. В Черногории же в XVII в. возникает православное феодально-теократическое государство во главе с митрополитом Негошем. С начала XIX в. усиливается освободительное движение сербов, происходят крупные сербские восстания против турок. Сербам удается добиться некоторой автономии, но лишь с 1878 г. ликвидируется турецкое господство. Большой вклад в его ликвидацию внесла Россия. Однако к этому времени Хорватия оказывается в составе Австро-Венгерской лоскутной монархии, которая оккупирует, а затем и присоединяет к себе Боснию и Герцеговину. Самостоятельной продолжает оставаться Черногория, воссоздается как государство Сербия.

Годы турецкого владычества не могли не сказаться отрицательно на культурном развитии носителей сербскохорватских диалектов. Правда, османским поработителям не удалось ликвидировать славянскую письменность, она продолжает существовать, сохраняясь прежде всего на свободном от турецкого ига берегу Ядрана (Адриатическое море), в частности в городской Дубровницкой республике. В 1483 г. в Венеции, непосредственно связанной с сербскохорватским ядранинским берегом, была напечатана первая славянская глаголическая книга, разумеется, религиозного содержания. К 1494 г. относят напечатание второй славянской кириллической книги черногорским иеромонахом Макарием (первая кириллическая книга была напечатана в 1491 г. в Кракове немецким типографом Швайпльтом Фиолем). На захваченных турками славянских землях развивается богатое устное словесное творчество сербов, черногорцев, боснийцев, в котором находят свое выражение чаяния народа об освобождении от чужеземного ига и славятся герои

освободительной борьбы с жестокими и ненавистными захватчиками. Одним из центров культуры был Дубровник, попавший под опеку сначала Венеции, потом Венгрии, а затем и Турции, пока в 1808 г. наполеоновский маршал Мармон не объявил республику низложенной и не провозгласил Дубровник центром Иллирийского королевства, включенного после разгрома Наполеона в австрийскую монархию Габсбургов. В этой республике, сохранявшей элементы автономии от чужеземных завоевателей, протекала деятельность крупных поэтов раннего югославянского Возрождения — Марко Марулича и Ивана Гундулича. В XVIII в. процесс культурного возрождения сербов нашел отражение в творчестве Доситея Обрадовича, положившего начало сербской светской литературе. Но подлинное духовное возрождение сербов, хорватов, черногорцев, боснийцев происходило в XIX в., когда стало ослабляться турецкое угнетение.

Выдающуюся роль в сербском национальном возрождении сыграл Вук Стефанович Караджич. Он участвовал юношей в Первом сербском восстании против турецкого владычества (1804—1813). Стремясь к тому, чтобы сделать письменную речь доступной народу, Вук реформирует литературный язык, отказываясь от труднодоступного славяно-сербского книжного языка и опираясь на собранные им многочисленные фольклорные тексты. Д. Обрадович также писал о необходимости использования в письменности живого языка, но осуществить это не сумел. В 1814 г. Вук выпускает первое, а в 1818 г. второе, значительно улучшенное издание сербской грамматики. Эта грамматика, ставшая известной образованной Европе по переводу на немецкий язык, выполненному одним из основателей сравнительно-исторического языкознания Я. Гриммом, начиналась с азбуки, в которой, обобщая опыт своих предшественников, используя также начертания русской гражданской азбуки, Вук отразил специфику звуковой системы сербского народного языка. Одновременно с грамматикой Вук издал и свой сербско-немецко-латинский словарь, содержащий в первом издании 26 тыс. слов. Второе издание Вукова словаря (1852) содержало уже 47 тыс. слов. Вук подготовил и издал замечательные собрания сербских народных песен, сказок, преданий, создал ряд важных историко-

этнографических работ о сербском и черногорском народах.

В первой половине XIX в. у хорватов получило распространение движение иллиров, в котором приняли участие среднее и мелкое дворянство, буржуазия, католическое духовенство и интеллигенция. Это национальное движение не было в социальном отношении единым, но, ставя одной из своих целей создание единого государства всех южных славян, его руководители понимали важность стремления к единому языку представителей разных народностей и религиозных групп среди южного славянства. Поскольку Вук в разработке сербского литературного языка опирался на речь всех носителей языка, которые пользовались штокавским диалектом (наиболее распространенным из трех сербскохорватских диалектов) независимо от их религиозной принадлежности и государственных границ, его деятельность привлекла внимание иллиров, в частности видного представителя хорватской интеллигенции, общественного деятеля и поэта Людевита Гая. Гай в 1830 г. издал хорватско-словенскую (кайкавскую по диалектной характеристике) орфографию, но, поняв большую распространенность штокавского диалекта, иллиры обратились к нему, и в 1833 г. вышла на латинице штокавская «Грамматика иллирского языка». 28 марта 1850 г. в Вене состоялась встреча видных южнославянских ученых, в которой приняли участие Вук Караджич, Ф. Миклошич, И. Мажуранич, Дж. Даничич и др., и было подписано соглашение о единстве литературного языка сербов и хорватов. Хорваты по-разному относились к единству литературного языка и фонетической орфографии, в основу которой легли предложения Гая. Прошло еще несколько десятков лет, прежде чем идеи «литературного соглашения» 1850 г. стали осуществляться на практике. Большое значение сыграла в этом Югославянская Академия, организованная в 1867 г. в Загребе, и, в частности, деятельность ее первого секретаря Дж. Даничича и видного ученого-филолога Ватрослава (И. В.) Ягича. Хорват по национальности, Ягич в 60-х гг. прошлого века был одним из организаторов Югославянской Академии и содействовал осуществлению идей Вука о единстве сербскохорватского литературного языка на штокавской основе.

Обстановка в Хорватии, Сербии, Боснии, Черногории, разделенных вплоть до первой мировой войны и находившихся в составе не только разных государств, но и различных политических лагерей, не способствовала окончательной унификации литературных языков. Вместе с тем к концу XIX в. сложились довольно четкие взаимоотношения между сербским и хорватским вариантами единого сербскохорватского (или, как пишут хорваты, хорваткосербского) литературного языка. Установлены довольно четкие правила прехода от хорватской латиницы (гайицы) к сербскому славянскому письму (вуковиче): определенные правила существуют и для передачи звуков, находящихся на месте древнего *ě: е, и или ије в разных диалектах и разных вариантах сербскохорватского литературного языка (так называемые экавский и екавский варианты). Существуют также некоторые различия в лексике в сербском и хорватском вариантах литературного языка, так, например, по-сербски 'поезд' — воз, а по-хорватски — vlak, 'театр' — соответственно позориште и kazalište, 'вокзал' — станица и kolodvor и т. д.

В XIX в. значительный вклад в развитие сербскохорватского литературного языка был внесен поэтами-сербами Б. Радичевичем и И. Йовановичем-Змаем, черногорским поэтом и правителем П. П. Негошем и хорватами И. Мажураничем, А. Шеноа. Проза на сербскохорватском языке стала более активно развиваться в конце XIX и в XX в. К этому периоду относится деятельность знаменитого сербского драматурга Б. Нушича, сатирические пьесы и рассказы которого приобрели мировую известность, нобелевского лауреата сербского писателя И. Андрича, хорватских поэтов и писателей В. Назора, А. Цесареца, М. Крлежи и ряда других. Значительный вклад в развитие единого литературного сербскохорватского языка внесли хорватские языковеды — Т. Маретич, автор одной из самых полных до нашего времени сербскохорватских грамматик (1-е издание в 1899 г.), а также один из составителей двухтомного хорваткосербского толкового словаря (1901) И. Броз. Сербскохорватские диалекты изучал М. Решетар.

После первой мировой войны и развала Австро-Венгерской империи возникло новое государство — королевство сербов, хорватов и словенцев, Югославия, —

объединившее, в частности, всех носителей сербскохорватского языка. Во главе королевства стояла великодержавная сербская династия. В стране установилась военно-монархическая диктатура. Весной 1941 г. Югославия была оккупирована немецко-фашистскими и итальянско-фашистскими войсками. В Хорватии и в Сербии были созданы марионеточные прогитлеровские правительства. В ходе народно-освободительной войны с оккупантами, руководимой югославскими коммунистами, произошла социалистическая революция в Югославии. После ее победы в 1945 г. Югославия встала на путь строительства социализма, а сложные национальные отношения были разрешены путем создания федеративного государства, состоящего из равноправных республик, в частности, четырех республик, где большинство населения — носители сербскохорватского языка.

В новых условиях успешно развивается культура народов Югославии, в частности народное образование, литература, театр, кино, телевидение. Это обуславливает распространение норм литературного языка в широких народных массах. Продолжается творчество ряда выдающихся мастеров слова старшего поколения, к которым присоединяются и писатели следующего поколения — Б. Чопич и др.

В исследовании сербскохорватского языка, его истории и диалектов, а также в распространении норм литературного языка значительный вклад был внесен учеными-языковедами, представителями разных южнославянских народов. Здесь должны быть названы крупный югославский языковед А. И. Белич, автор хорваткосербского этимологического словаря П. Скок, а также ряд других ученых: С. Ившич, И. Попович, М. Ивич, П. Ивич, И. Хамм, Л. Йонке, М. Стеванович, Д. Брозович, М. Лалевич, И. Вукович, М. Храсте.

Как уже отмечено, письменность на сербскохорватском языке существует в двух формах: кириллической и латинской. Сербская кириллическая азбука значительно отличается от русской, украинской и белорусской: в ней используется иной принцип графики: в восточнославянских азбуках графика имеет слоговой характер, ярко проявляющийся в звуковом значении согласных и букв е, я, ю, ё: значима не отдельная буква, а согласная в сочета-

нии с гласной, например, сочетание *ня* означает мягкое *н' + а*, буква же *я* не после согласной означает сочетание *йа*. В сербском каждая буква в принципе самостоятельна. Возможность такого положения связана с тем, что в сербскохорватском меньше парных по твердости — мягкости. Для парных мягких введены специальные знаки-лигатуры *њ* и *љ*, для обозначения звука типа *й* используется взятый из латиницы знак *j*. В связи с этим в вуковице нет букв *й, ъ, я, ю, ё, э* (оставлено *е*, по звуковому значению соответствующее русскому *э*), а также *ѣ, ы, щ*. Знак *ч* обозначает твердый звук (типа украинского *ч*), а для мягкого введен знак *ћ*. Для звонкой шипящей аффрикаты (*дж*) введен знак *џ* а для ее мягкой разновидности — *ђ*. Следует отметить, что имеются различия в рукописных начертаниях сербской и русской кириллицы. Так, строчные буквы *л* и *т*, например, пишутся, как у нас соответственно *и* и *ш*, но с черточкой над ними.

Сербская кириллица, вуковица, используется в Сербии. Латиница используется прежде всего хорватами, но применяют ее и в других республиках. Так, шеститомный толковый словарь сербскохорватского языка был издан одновременно в двух вариантах — латиницей и кириллицей. Одна из центральных югославских газет «Борба» печатается в Белграде кириллицей, а в Загребе — латиницей.

В хорватско-сербской латинице используются надстрочные знаки для обозначения шипящих: *š, č, ž, dž*. Мягкие *л* и *н* передаются сочетаниями с йотом: *lj, nj*. Мягкие шипящие передаются знаками *š, dž* (*Ђ*). Буква *с* обозначает звук *ц*, буква *z* — звук *з*. Специфической хорватско-сербской и словенской чертой является использование буквы *h* в значении *х*. Звук *в* передается как *v*, звук *г* — как *g*. Буквы *ш, х, ц, д* используются только при передаче неадаптированных иностранных собственных имен.

Сербскохорватский язык — южнославянский, ближайше родственный к нему — словенский. Общие сербскохорватские черты, отличающие этот язык, таковы: 1) сохраняется в преобразованном виде старое музыкальное ударение; 2) как и в словенском, сочетание губного согласного с *ј* преобразовано в сочетание губного с *љ*: *земља*; 3) как и в словенском, окончание глаголов 1-го лица множественного числа настоящего времени *-мо*: *гледамо*; 4) окончание родительного падежа единствен-

ного числа прилагательных и местоимений *-га*: *овога, младога*; 5) сохраняется слоговое *р*: *срб* 'серб'; 6) *л* на конце слога переходит в *о*: *био* 'был', *бео* 'бел(ый)'; слоговое *л* превратилось в *у*: *дуг* 'длинный, долгий', *вук* 'волк', *суза* 'слеза'; 7) сочетание *чр* превратилось в *цр*: *црн* 'черный', *црвен* 'красный' (ср. белор. *чырвоны*); 8) сочетания **dj* и **tj* превратились соответственно в *ђ* и *ћ*: *свећа, мећа*.

Диалекты сербскохорватского языка не всегда совпадают по распространению с членением сербскохорватской языковой области на национальности. Выделяют прежде всего три сербскохорватских наречия по форме вопросительного местоимения, соответствующего нашему *что*: кайкавщина (*kaj*), чакавщина (*ca*) и штокавщина (*што*). Кайкавские говоры, распространенные на северо-западе Хорватии, в том числе в районе Загреба, являются по существу переходными к словенскому языку. Для них характерны некоторые архаичные черты в акцентной системе: праславянские *ь* и *ѣ* реализуются как *e*; **tj* перешло в *č*; обычно сохраняется шипящий в группе *čr*. Чакавщина распространена на северо-западе Хорватии, на островах вдоль ядранского побережья, в районе Сплита. Здесь тоже сохраняется архаичная акцентная система: **tj* перешло в *t'*, **dj* — в *j*; сохранилась группа *čr*; *ѣ, ь* превратились в *a*. Наиболее распространена штокавщина, для которой характерны переход *ѣ, ь* в *a*, носового *о* — в *у*, замена сочетания *чр* на *цр*, переход **tj, *dj* в *ћ, џ* (поскольку именно штокавщина легла в основу литературного языка, естественно, что эти черты отражены и в литературном языке). В сербскохорватских диалектах по-разному отразилось праславянское *e*: в виде *e* (в основном на востоке, в Сербии, а отчасти и в Хорватии), *ije* (в основном на юго-западе, в Черногории, Боснии и Герцеговине и в части Хорватии), *i* (в ряде мест, в основном в Хорватии). Распределение отражения *e* в сербскохорватских диалектах довольно нестро, как, впрочем, и вообще сербскохорватские говоры, что обусловлено сложностью и разнородностью судеб носителей языка, отдельных регионов (территорий) его распространения. Входящая в штокавское наречие призренско-тимочская диалектная зона (на юго-востоке Сербии) имеет некоторые черты вторичного происхождения, сближающие ее с болгар-

ским и македонским языками, например упрощение склонения.

Нужно отметить, что делались попытки создания литературного языка не только на штокавской, но и на других диалектных основах. Так, прежде чем принять штокавщину (вслед за предложением Вука Караджича), иллиры пользовались кайкавщиной. В Австрии 35 тыс. градищанских (бургенландских) хорватов пользуются особым литературным языком (на чакавской основе) регионального типа; имелись попытки выработки норм на основе славонских и боснийских говоров, функционирует чакавский поэтический язык.

Литература

- Гудков В. П. Сербскохорватский язык.— М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969.
- Дмитриев П. А., Сафронов Г. И. Сербохорватский язык.— Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1975.
- Vrabeč I., Hraste M., Živković S. Gramatika hrvatskosrpskoga jezika.— Zagreb: Školska knjiga, 1965.
- Maretić T. Gramatika hrvatskoga ili srpskoga književnog jezika.— Zagreb: Matica Hrvatska, 1963.
- Стевановић М. Савремени српскохрватски језик.— Београд: Научно дело, 1964.
- Белић А. Историја српскохрватског језика. I—II.— Београд: Научна књига, 1962.
- Ивић П. Дијалектологија српскохрватског језика.— Нови Сад: Матица српска, 1956.
- Речник српскохрватскога књижевног језика. 1—6.— Нови Сад — Загреб: Матица Српска — Матица Хрватска, 1967—1976.
- Škok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. I—IV.— Zagreb, 1971—1974.
- Толстой И. И. Сербскохорватско-русский словарь.— М.: Рус. язык, 1976.
- Иванович С., Петранович И. Русско-сербскохорватский словарь.— М.: Рус. язык, 1976.
- История Югославии. В 2-х т. М.: Наука, 1963.
- Jugoslavenski književni leksikon.— Novi Sad, 1971.

Словенский язык

Словенцы — основное население Социалистической Республики Словении, одной из шести республик Югославии. По переписи 1971 г. в Югославии проживало 1,7 млн. словенцев, в том числе 1,6 млн. в Словении. В соседних со Словенией районах Италии — Триесте (Трест), Гориции (Горица) и других — около 100 тыс.

словенцев; 80 тыс. словенцев живет в Каринтии (Корюшка) и Штирии (Штаерска) — районах Австрии, пограничных со Словенией, а также в пограничных районах Венгрии; возможно, что эти цифры не вполне точны. Около 250 тыс. словенцев живут в США, а также в некоторых других странах.

На нынешней территории Словении в древности обитали кельто-иллирийские племена; в I в. н. э. она была захвачена римлянами и подверглась римской колонизации. В VI—VII вв. эту территорию заселяют славяне. Часть Словении входила в раннее славянское государство Само вместе с чешскими и словацкими землями. В VII в. заселенная славянами территория Словении и прилегающих земель представляла собой государство, вошедшее в историю под названием в латинской форме — Карантания. В VIII в. в Карантании появляются христианские ирландские, а потом баварские миссии. Карантания в VIII в. попадает в зависимость от франков, и начинается германизация Словении; славянские крестьяне оказываются во власти немецких феодалов. Примиравшая к Карантании Паннония также принимает христианство. Паннонский князь Коцел (его столица расположена была на берегу Болотного озера, нынешнего Балатона в Венгрии) принимает славянских первоучителей Константина и Мефодия по пути в Рим в 865 г., что способствует распространению среди словенцев славянской письменности. (Память о пребывании Константина и Мефодия в Словении сохраняется, например, в форме предания о тысячелетнем буке в пятидесяти километрах от Любляны, у которого будто бы останавливались Константин и Мефодий по пути в Венецию и Рим). Но более близкое соседство и власть немецких (австрийских) феодалов и римско-католического духовенства обусловили тот факт, что славянское письмо не стало употребительным в Словении. Сохранились три листка, так называемых Фрейзингских отрывка, написанных между 972 и 1039 гг., в которых славянская речь передается средствами латинского алфавита. Это древнейший славянский памятник латинского письма. По некоторым языковым чертам этот памятник, близкий к старославянским, может быть охарактеризован как древнейший словенский текст. Однако он не стал началом письменной традиции. Феодалные княжества,

образовавшиеся на территории Словении, попали под власть Священной Римской империи (XI—XIII вв.), а затем под власть Габсбургов, завершивших подчинение словенских земель к XVI в. Развитию культуры препятствовало не только господство немецких феодалов, но и турецкие набеги (XV в.). Литературным языком был латинский. Национальная культура оказалась угнетенной. Правда, в Словении использовались славянские тексты, писанные глаголицей, а в латинских и немецких рукописях обнаруживаются отдельные слова (например, названия месяцев или чисел), писанные по-словенски, или даже отрывки словенских текстов (молитв или песен), но народная словесная культура существовала, видимо, лишь в устной, в частности, песенной форме. К XIV—XV вв. относятся первые дошедшие до нас словенские рукописи религиозного и административно-церковного содержания.

В XV—XVI вв. в Словении происходит ряд крестьянских восстаний, направленных против феодального и национального угнетения. К XVI в. относится зарождение раннекапиталистических отношений. В этот период в словенских городах получают распространение идеи Реформации. Сторонники Реформации, протестанты выступали против многих излишеств, присущих католической церкви, духовенству, а, подчеркивая значение слова божия, считали важной проповедническую деятельность на родном языке и перевод религиозных книг. Словенские студенты, учившиеся в Германии, а также торговцы и рудокопы, работавшие в немецких рудниках, восприняли учение Лютера.

Виднейшим представителем протестантизма в Словении был Примож Трубарь. Он издал в немецком городе Тюбингене, куда ему пришлось бежать от преследований католиков, в 1530 г. первую словенскую книгу — букварь с малым катехизисом (катехизис — руководство, содержащее основы христианского вероучения). В дальнейшем Трубарь и его последователи издали еще ряд книг, в том числе переводы книг Библии, духовные песни на словенском языке. Полный текст Библии перевел на словенский язык и издал в 1584 г. Юрий Далматин. В 1584 г. в Виттенберге вышла первая словенская грамматика Адама Бохорича. А немецкий ученый Иероним Мегисер в 1592 г. опубликовал четырехязычный

словарь, в котором свое место занял и словенский язык, причем показания этого первого словенского словаря довольно надежны, так как составитель хорошо знал Ю. Далматина, сыновей Трубаря и жил некоторое время в Словении. В 1575 г. была сооружена первая типография в Словении — в Любляне, но через несколько лет ее создателю, протестанту, пришлось скрыться. Официальные власти Габсбургской империи защищали католицизм и начали борьбу против Реформации. Хотя в конце XVII в. вновь открылась типография в Любляне, а также в Целовце (Клагенфурте), но печатались лишь книги религиозного содержания. Лишь во второй половине XVIII в. М. Похлин под влиянием идей Просвещения издал «Крайнскую грамматику».

Для развития национального движения в Словении важно было, что в 1809—1814 гг. многие словенские земли вошли в состав Иллирийских провинций, зависевших от наполеоновской Франции, но на время освобожденных от власти габсбургской Австрии. Национальное возрождение нашло отражение в деятельности Ернея (Варфоломея) Копитара, одного из основателей славянской филологии. В 1808 г. Копитар публикует (на немецком языке) первую научную грамматику словенского языка, появившуюся вместе с выходом из печати чешской грамматики Добровского. Заблуждения Копитара по вопросу о возможности развития славянских культур в рамках Австрии и по литературно-эстетическим вопросам не могут перечеркнуть его вклад в развитие славистики, а особенно ее раздела о южных славянских народах.

Крупнейшим словенским поэтом первой половины XIX в., творчество которого подняло словенскую литературу на европейский уровень, был Франце Прешерн. Романтическая поэзия Прешерна, исполненная любви к родине и любви к женщине, богатая в своем формальном разнообразии и свобододолюбивая по направленности, способствовала формированию словенского литературного языка. Поэт и языковед Ф. Левстик, поэты и писатели А. Ашкерц, И. Цанкар, О. Жупанчич, С. Косвел, а позже П. Воранц, М. Кранец, Ц. Космач и другие, внесли значительный вклад в развитие литературного словенского языка своей разнообразной литературной деятельностью. В приобщении материала словенского

языка к исследованию славянских языков сыграл большую роль словенец Ф. Миклошич, выдающийся филолог-славист. Для развития словенского языка и словенского языкознания большое значение имел опубликованный в 1894—1895 гг. двухтомный богатейший словенско-немецкий словарь М. Плетершника. Отдельным вопросам словенского языка были посвящены работы М. Валявца и В. Облака. Значительный вклад в изучение резьянского и других словенских наречий внес И. А. Бодуэн де Куртенэ.

После первой мировой войны лоскутная империя Габсбургов распалась. Словения (кроме Словенского Приморья, включенного в состав Италии, и Каринтии, отошедшей к Австрии) вошла во вновь образовавшуюся Югославию. Словения, наиболее экономически развитая часть Югославии, находилась в первых рядах борьбы югославского пролетариата с реакционными силами. В результате фашистской агрессии в апреле 1941 г. Словения была оккупирована и разделена между гитлеровским рейхом и фашистской Италией. После победы в Освободительной войне Словения стала полноправным и равноправным членом федерации. Некоторое время оставался нерешенным вопрос о будущем Треста (Триест) и прилегающей территории. На основании переговоров с Италией в 1954 г. Триест вошел в состав Италии, а территории к югу от него с большинством славянского населения (в том числе города Копер, Пиран, Изола, Порторож) отошли к Югославии и вошли в состав Словении (и частично Хорватии). Италия обязалась уважать права славянского национального меньшинства в своей стране. Такие же обязательства взяла на себя по государственному договору Австрия, но они не всегда выполняются.

В условиях социалистического государства возможности развития национальной культуры, использования и совершенствования словенского языка весьма велики. Получает развитие и наука о словенском языке. В начале этого периода еще работали такие крупные словенские языковеды, как Ф. Рамовш, занимавшийся историей и диалектологией, Р. Нахтигал. Институт словенского языка при Академии наук и искусств в Любляне начал выпуск пятитомного толкового словаря словенского языка (председатель редакционного совета

Я. Юранчич, секретарь С. Сухадолник), вышла первая книга этимологического словаря Ф. Безлая, ведется большая работа по диалектологии, по современному словенскому языку и его истории, по различным проблемам славистики и индоевропейстики (Т. Логар, Б. Чоп, А. Баец, Ф. Якопин, Б. Погорелец, И. Топоришич и др.).

Словенская графика построена на латинской основе с добавлением некоторых дополнительных знаков. Не требуют комментариев буквы для гласных *a, e, i, o, u*, а также для согласных *b, d, f, k, l, m, n, p, r, s, t*; буквы *c, g, j, u, z* передают звуки, соответствующие русским *ц, г, й, в, з*; буква *h* передает звук, обозначаемый русской буквой *х*: *hiter* 'быстрый' (ср. *хитрый*). Буквы *v, l* после гласной не перед гласной обозначают звук типа неслогового *и*: *siv* 'серый' (ср. *сивый*), *volk* 'волк' (ср. белор. *воўк*). Буквами *ž, š, ž* передаются шипящие, причем словенский звук *ž* звучит несколько тверже русского *ж*, а словенские *ž* и *š* — несколько мягче русских *ш* и *ж*. Сочетаниями букв *dz, dž* передаются звонкие аффрикаты. Гласные в словенском, в зависимости от этимологии и положения в потоке речи, варьируются; факультативно по мере необходимости эти вариации обозначаются при помощи диакритических знаков. Знак *˘* обозначает долгие (в том числе долгие закрытые *e, o*) гласные: *á, í, ú*. Знак *ˆ* используется для обозначения открытых долгих *e, o*. Знак *˙* обозначает краткость гласного: *â, ô, ê, î, û*. Буквы *w, x, y, q* используются лишь при нефонетической (буквальной) передаче иноязычных собственных имен, когда и другие буквы имеют иное значение, например, *c* может обозначать в английском имени *k*.

Словенский язык принадлежит к южнославянским языкам, к их словенско-сербско-хорватской группе. Он характеризуется следующими особенностями: 1) сохраняется различие долгих и кратких слогов и в центральных говорах видоизмененное старое музыкальное ударение; 2) *o* превращается в *o* (*zob* 'зуб', *roka* 'рука'); 3) сочетания **dj, *tj* превращаются соответственно в *j, č*: *meja* 'граница' (ср. *межа*), *sveča* 'свеча'; 4) как и в сербско-хорватском, имеется вставное *l* на месте старых сочетаний губных согласных *s j*: *zemlja* 'земля'; 5) как и в сербско-хорватском, местоимения имеют окончание в родительном падеже единственного числа *-ga, tega*; 6) сохра-

няется двойственное число; 7) будущее время образуется при помощи вспомогательного глагола *biti* 'быть': *pisal bom* 'буду писать'; 8) сохраняется сушин («дестигательное наклонение»): *grem spat* 'иду (ср. *grydu*) спать'; 9) союз *и* имеет форму *in*.

Вследствие горного характера страны словенский язык сильно дифференцирован в отношении диалектов. Многочисленные говоры (их отмечают более сорока) образуют ряд наречий (количество их по классификациям различных исследователей меняется), среди которых наиболее четко выделяются горенское (северо-запад Словении), доленское (юго-восток), ровтарские (к западу от Любляны), западноштаерские (юго-восток), восточноштаерские, в том числе прекмурское (северо-восток), крашские (юго-запад), нотранские (юг), бенешские и резыанские (территория Италии), подьюнские, в том числе зильское (территория Австрии) и некоторые другие. Для словенских наречий характерны: а) различия в системе ударения; б) изменения гласных в неударных слогах (что вызвано словенским аканьем, которое по происхождению прямо не связано с русским и белорусским); в) судьба *g*, который в некоторых говорах к западу от Любляны становится проточным; г) судьба *l*, который либо несколько смягчался, либо же отвердевал и переходил в неслоговое *u*; д) судьба смягчаемых согласных (например, мягкий *h* переходит в *j*); е) переход конечного *m* в *n* и др. Каждый говор, каждое наречие отличается сложным комплексом признаков, которые здесь нет возможности рассмотреть. На словенских наречиях делались попытки создания литературных языков (в частности, на прекмурском, резыанском), которые, однако, не получили значительного распространения, оставшись региональными языками.

Литература

- Bajec A., Kolarič R., Rupel M. Slovenska slovnica.—Ljubljana, 1973.
Toporišič J. Slovenska slovnica.—Ljubljana, 1976.
Toporišič J. Slovenski knjižni jezik. 1—4.—Maribor: Obzorja, 1965—1970.
Ramovš F. Kratka zgodovina slovenskega jezika.—Ljubljana, 1936.
Bezljaj F. Eseji o slovenskem jeziku.—Ljubljana: Mladinska knjiga, 1967.
Ramovš F. Karta slovenskih narečij.—Ljubljana: Cankarjeva založba, 1957.

- Logar T. Slovenska narečija. Besedila.—Ljubljana: Mladinska knjiga, 1975.
Slovar slovenskega knjižnega jezika. Knj. 1 (издание продолжается).—Ljubljana: Državna založba Slovenije, 1970...
Pleteršnik M. Slovensko-nemški slovar. I—II.—Ljubljana, 1894—1895.
Bezljaj F. Etimološki slovar slovenskega jezika. I (издание продолжается).—Ljubljana: Mladinska knjiga, 1976...
Котник Я. Словенско-русский словарь.—Любляна: Гос. изд-во Словении, 1967.
Претнар Я. С. Русско-словенский словарь.—Любляна: Гос. изд-во Словении, 1964.
История Югославии. В 2-х т.—М.: Наука, 1963.
Slovenski jezik, literatura in kultura. Informativni zbornik.—Ljubljana, 1974.
Zgodovina slovenskega slovstva. Od začetkov do 1945. Uredil Lino Legiša. I—VII.—Ljubljana: Slovenska Matica, 1956—1971.
Slovenska književnost 1945—1965. I—II.—Ljubljana: Matica Slovenska, 1967—1968.
Pogačnik J., Zadravec F. Zgodovina slovenskega slovstva.—Maribor: Obzorja, 1973.

Русинский язык ↘

Русины (самоназвание — руснаци) — небольшая (примерно 30 тыс. чел.) этническая группа, проживающая в Югославии, в некоторых районах Воеводины и Хорватии; главное средоточие русин — села Руски Керестур и Коцур, культурные центры — Руски Керестур, Нови Сад, а также Вуковар. Русинский язык (сами русины называют свой язык «руски язык», а русский — «росийски» или «велькоруски») — пример славянского языка ограниченного распространения, микроязыка.

✓Русины в середине XVIII в. переселились из смешанных украинско-словацких сел Восточной Словакии в пустовавшие сербские села Керестур (Крстур) и Коцур (Куцура) а затем расселились и по другим населенным пунктам. Оказавшись в иноязычном окружении, сохраняя при этом особенности вероисповедания, русины сохранили свой разговорный язык, хотя, разумеется, он не мог избежать иноязычного, в частности сербскохорватского, влияния. В качестве литературно-письменного языка русины использовали церковнославянский язык, он, однако, был ограничен конфессиональным (религиозным) применением; наряду с ним использовалось то смешанное «язычие», которое применялось в XIX в. в Закарпатской Руси. Оба эти языка были далеки от народно-разговорной речи, а потому не могли удовлетво-

речь практически нужд русин. Разговорная живая речь стала использоваться в отдельных случаях в частной переписке.

В 1904 г. филолог и писатель Г. Костельник издал сборник своих стихов «З мойого валала» («Из моего села»), давший толчок к созданию русинского литературного языка. Спустя два десятилетия, в 1923 г., была издана «Грамматика бачваньско-русской бешеди» Г. Костельника, в которой определены нормы русинского языка. В настоящее время на русинском литературном языке издается еженедельная газета «Руске слово», детский ежемесячник «Пионирска заградка» («Пионерский сад»), литературно-общественный журнал «Шветлосц» («Свет»); ежегодно выходит несколько книг на русинском языке, а также школьные учебники, так как в ряде школ русинский язык преподается как родной язык в отдельных классах, а имеется и полная русинская школа. В 1971 г. русинский поэт и деятель просвещения М. Кочиш опубликовал правила русинской орфографии («Правопис руского языка»). Определенную роль в развитии русинского языка и литературы сыграли поэты и писатели М. Надь, М. Винай и др. Какое-то представление о русинском языке может дать такое четверостишие Г. Костельника:

Вышло слунко красне, ясне,
и цму швета розогнало —
жем желену, били хмарки
як зоз златом да обцагло.

Вышло солнце, красявое, ясное,
и массу света распространило —
землю зеленую, белые тучки,
как будто золотом, обтянуло.

Русины пользуются кириллицей в варианте близком к украинскому. Поскольку *и* — *ы* не различаются, используется одна буква *и* (нет ни *ы*, ни *і*), буква *е* передает звук *э*; наличие *й* перед гласным передается буквами *ї*, *є*, *ю*, *я*; они же передают мягкость предшествующих *н*, *л*. Для передачи мягкости этих согласных перед *о* и в конце слога используется *ь*. Буква *з* используется для передачи взрывного *г*. Другие особенности использования букв особых пояснений не требуют; графико-орфографическая система имеет в определенной мере фонетическую направленность.

Из особенностей русинского языка следует отметить: 1) переход мягких *з*, *с* в *ж*, *ш*: *шнїг* 'снег', *жем* 'земля', мягких *д*, *т* — в аффрикаты *дз*, *ц*: *дзень* 'день', *спомнуц*

'вспомнить'; 2) ударение на предпоследнем слоге; 3) неполногласие: *крава* 'корова'; 4) в родительном падеже множественного числа существительных распространено окончание *-ох*: *людзох*; 5) в 1-м и 2-м лице глаголов прошедшего времени сохраняется видоизменившийся вспомогательный глагол: *знал сом*, *знал ши*.

Русины считают себя частью украинского народа, но своей «материнской беседой» (родной речью) называют русинский язык. Включая стихи Т. Г. Шевченко в школьный учебник «Мацеринске слово», переводят их на русинский язык.

Пример русинского литературного языка показывает, как при благоприятных условиях возможно развитие литературного языка сравнительно узкого использования. На примере русинского языка можно познакомиться с некоторыми специфическими чертами развития микроязыков, в частности в славянском языковом мире. В СССР славянскими микроязыками специально занимается тартуский лингвист А. Д. Дуличенко, материалы которого использованы и при написании этого параграфа.

Л и т е р а т у р а

- Дуличенко А. Д. Становление и развитие русинского литературного языка в Югославии.— Сов. славяноведение, 1972, № 3, с. 38—50.
- Дуличенко А. Д. Литературный русинский язык Югославии (Очерк фонетики и морфологии).— Автореф. канд. дис.— М., 1973.
- Кочиш М. М. Правопис руского языка.— Нови Сад: Покраїнски завод за издаване учебнікох, 1971.
- Кочиш М. М. Приручни терминологийни словник сербскогорватско-руско-українски.— Нови Сад: Руске слово, 1970.
- Duličenko A. D. Die Entwicklung des literarischen Schaffens bei den Russinen in Jugoslawien.— L'Étopis. Reihe B. Bd. 21, H. 1.— Bautzen, 1974.
- Дуличенко А. Д. Материалы к библиографии русин Югославии.— В кн.: Исследования по русскому и славянскому языкознанию, вып. 2.— Самарканд, 1969.
- Коваль А. П. Українці в Югославії.— Мовознавство, 1967, № 2.

Раздел II

СЛАВЯНЕ В ДРЕВНОСТИ

ИСТОЧНИКИ

Се повѣсти времяныхъ лѣтъ, откуда есть пошла руская земля, кто въ Киевѣ нача первѣе княжити, и откуда руская земля стала есть

...И собращася на мѣстѣ Сенарѣ поли здати столпъ до небесе и градъ около его Вавилонъ; и созда столпъ то за 40 лѣтъ, и не свершенъ бысть. И сниде господь богъ видѣти градъ и столпъ, и рече господь: «Се родъ единъ и языкъ единъ». И съмѣси богъ языки, и раздѣли на 70 и 2 языка, и расъсѣя по всей земли. По размѣшенъи же языкъ богъ вѣтромъ великимъ разраши столпъ, и есть останокъ его промежю Асиора и Вавилона, и есть въ высоту и въ ширину локоть 5433 локти, и в лѣта многа хранимъ останокъ.

Вот повести минувшихъ лет, откуда пошла руская земля, кто в Києве стал первымъ княжить и какъ возникла русская земля *

...И собрались на месте поля Сеннаар строить столп до неба и город около него Вавилон; и строили столп тот 40 лет, и не был он закончен. И сошел господь богъ видеть город и столп, и сказал господь: «вот род один и народ один». И смешал бог народы, и разделил на 70 и 2 народа, и рассеял по всей земле. По смешении же народов бог ветромъ великимъ разрушил столп; и находятся останки его между Ассирией и Вавилоном, и имеютъ высоту... и в ширину 5433 локтя, и много лет сохранияются эти останки.

* Из кн.: Повесть временныхъ лет, ч. 1. Текст и перевод./Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. — М.—Л., 1950, с. 10—15, 206—211.

По размѣшенъи же столпа и по раздѣленъи языкъ прияша сынове Симови вѣсточныя страны, а Хамови сынове полуденныя страны. Афетови же прияша западъ и полунощныя страны. От сихъ же 70 и 2 языку бысть языкъ словѣнескъ, от племени Афетова, нарци, еже суть словѣне.

По мнозѣхъ же времянѣхъ сѣли суть словѣни по Дунаеви, гдѣ есть ныне Угорьска земля и Болгарьска. И от тѣхъ словѣнъ разидошася по землѣ и прозвашася именами своимъи, гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ. Яко пришедше сѣдоша на рѣцѣ имянемъ Марава, и прозвашася морава, а друзии чеси нарекошася. А се ти же словѣни: хрватѣ бѣлии и серебѣ и хорутане. Волхомъ бо нашедшемъ на словѣни на дунайския, и сѣдшемъ в нихъ и насилящемъ имъ, словѣни же ови пришедше сѣдоша на Вислѣ, и прозвашася ляхове, а от тѣхъ ляховъ прозвашася поляне, ляхове друзии лутичи, или мазовшане, ини поморяне.

Тако же и ти словѣне пришедше и сѣдоша по Днѣпру и нарекошася поляне, а друзии древляне, зане сѣдоша в лѣсѣхъ; а

По разрушенъи же столпа и по разделенъи народовъ взяли сыновья Сима вѣсточныя страны, а сыновья Хама южныя страны, Иафетовы же — взяли запад и северныя страны. От этихъ же 70 и 2 языкъ произошел и народ славянскій, от племени Иафета — такъ называемые норичи, которые и есть славяне.

Спустя много времени сели славяне по Дунаю, где теперь земля Венгерская и Болгарская. И от этихъ славян разошлись славяне по земле и прозвались именами своимъи, где кто сел на какомъ месте. Так, например, одни, придя, сели на реке именемъ Морава и прозвались морава, а другіе назвались чехи. А вот еще те же славяне: бѣлые хорваты, и сербы, и хорутане. Когда волохи напали на славян на дунайскихъ и поселились среди нихъ и притесняли их, то славяне эти пришли и сели на Висле и прозвались ляхами, а от техъ ляховъ пошли поляки, другіе ляхи — лутичи, иные — мазовшане, иные — поморяне.

Такъ же и эти славяне пришли и сели по Днѣпру и назвались полянами, а другіе — древлянами, потому что сели в лесахъ, а

друзии съдоша межю Припетью и Двиною и нарекошася дреговичи; инии съдоша на Двинѣ и нарекошася полочане, рѣчки ради, яже втечетъ въ Двину, имянемъ Полота, от сея прозвашася полочане. Словѣни же съдоша около озера Илмеря, и прозвашася своимъ имянемъ, и сдѣлаша градъ и нарекоша и Новгородъ. А друзии съдоша по Деснѣ, и по Семи, по Сулѣ, и нарекошася сѣверь. И тако разидеся словѣньскій языкъ, тѣм же и грамота прозвася словѣньская.

Поляномъ же жившим особъ по горам симъ, бѣ путь изъ Варягъ въ Греки и изъ Грекъ по Днѣпру, и верхъ Днѣпра волокъ до Ловоти, и по Ловоти внити в Илмерь озеро великое, из него же озера потечетъ Волховъ и втечетъ в озеро великое Нево, и того озера внидеть устье в море Варяжское. И по тому морю ити до Рима, а от Рима прити по тому же морю ко Царюгороду, а от Царюгорода прити в Понтъ море, в не же втечетъ Днѣпръ рѣка. Днѣпръ бо потече из Оковскаго лѣса и потечетъ на полъдне, а Двина ис того же лѣса потечет, а идетъ на полунощье и внн-

еще другие сели между Припятью и Двиною и назвались дреговичами, иные сели по Двине и назвались полочанами по речке, которая впадает в Двину и носит название Полота. Те же славяне, которые сели около озера Ильменя, прозвались своим именем — славянами, и построили город, и назвали его Новгородом. А другие сели по Десне, и по Семи, и по Суле и назвались северянами. И так разошелся славянский народ, а по его имени и грамота назвалась «славянская».

Когда же поляне жили по горам этим, тут был путь из Варяг в Греки и из Грек по Днепру, а в верховьях Днепра — волок до Ловоти, а по Ловоти входят в Ильмень озеро великое; из этого же озера вытекает Волхов и впадает в озеро великое Нево, и устье того озера впадает в море Варяжское. И по тому морю можно плыть до Рима, а от Рима можно приплыть по тому же морю к Царьграду, а от Царьграда можно приплыть в Понт море, в которое впадает Днепр река. Днепр же вытекает из Оковского леса и течет на юг, а Двина из того же леса течет, а на-

детъ в море Варяжское. Ис того же лѣса потече Волга на вѣстокъ, и втечетъ семьдесятъ жерель в море Хвалисское. Тѣм же и из Руси можетъ ити по Волзѣ в Болгары и въ Хвалисы, и на вѣстокъ дойти въ жребий Симовъ, а по Двинѣ въ Варяги, изъ Варягъ до Рима, от Рима же и до племени Хамова. А Днѣпръ втечетъ в Понетское море жереломъ, еже море словеть Руское, по нему же училъ святой Ондрѣй, братъ Петровъ, якоже рѣша...

Подем же жившемъ особъ и володѣюшемъ роды своими, иже и до сее братья бяху поляне, и живяху кождо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще кождо родомъ своимъ. И быша 3 братья: единому имя Кий, а другому Щекъ, а третьему Хоривъ, и сестра ихъ Лыбедь. Съдяше Кий на горѣ, гдѣ же ныне увозъ Боричевъ, а Щекъ съдяше на горѣ, гдѣ же ныне зовется Щековица, а Хорив на третьей горѣ, от него же прозвася Хоривица. И створиша град во имя брата своего старѣйшаго, и нарекоша имя ему Киевъ. Бяше около града лѣсъ и боръ великъ, и бя-

правляется на север и впадает в море Варяжское. Из этого же леса течет Волга на восток и впадает семьдесятю устьями в море Хвалисское. Так и на Руси можно плыть по Волге в Болгары и в Хвалисы, и дальше на восток пройти в удел Сима, а по Двине — в землю Варягов, от Варяг до Рима, от Рима же и до племени Хама. А Днепр впадает устьем в Понтийское море; это море слывет Русским, — по берегам его учил, как говорят, святой Андрей, брат Петра...

Поляне же жили в те времена отдельно и управлялись своими родами; ибо и до той братии были уже поляне и жили они родами на своих местах, управляясь каждый своим родом. И были три брата: один по имени Кий, другой — Щек и третий — Хорив, а сестра их была Лыбедь. Сидел Кий на горе, где ныне подъем Боричев, а Щек сидел на горе, которая ныне называется Щековица, а Хорив на третьей горе, которая прозвалась по нему Хоривицей. И построили городок по имени старшего своего брата, и назвали его Киев. Был кругом города лес и бор велик, и ловили там зверей. И бы-

ху ловяща звѣрь, бяху мужи мудры и смыслени, нарицахуся поляне, от них же есть поляне в Киевѣ и до сего дня.

Ини же, не свѣдуше, рекоше, яко Кий есть перевозникъ былъ, у Киева бо бяше перевозъ тогда с оной стороны Днѣпра, тѣмъ глаголаху: на перевозъ на Киевъ. Аше бо бы перевозникъ Кий, то не бы ходилъ Царюгороду; но се Кий княжаше в родѣ своемъ, приходившю ему ко царю, якоже говорятъ, яко велику честь приялъ от царя, при которомъ приходивъ цари. Идущю же ему вспять, приде къ Дунаеви, и възлюбилъ мѣсто, и срубилъ градокъ малъ, и хотяше сѣсти с родомъ своимъ, и не даша ему ту близъ живущи; еже и донынѣ наречють дунайци городище Киевец. Киеви же приходешю въ свой градъ Киевъ, ту животь свой сконча; и братъ его Щекъ и Хоривъ и сестра их Лыбедь ту скончашася.

И по сихъ братьи держати почаша родъ ихъ княжене в поляхъ, а в древляхъ свое, а дреговичи свое, а словѣни свое в Новгородѣ, а другое на

ли те мужи мудры и смыслены, и назывались они полянами, от них поляне и до сего дня в Киеве.

Некоторые же, не зная, говорятъ, что Кий был перевозчиком; был де тогда у Киева перевоз с той стороны Днепра, отчего и говорили: «На перевоз на Киев». Однако, если бы Кий был перевозчиком, то не ходил бы к Царьграду. А между тем, Кий этот княжил в роде своем, и ходил он к царю,— не знаем только к какому царю, но только знаем, что великие почести воздал ему, как говорят, тот царь, при котором он приходил. Когда же он возвращался, пришел он на Дунай, и облюбывал место, и срубил небольшой город, и хотел обосноваться в нем со своим родом, но не дали ему близъ живущие. Так и доньше называют придунайские жители городище то — Киевец. Кий же, вернувшись в свой город Киев, тут и умер; и братья его Щек и Хорив и сестра их Лыбедь тут же скончались.

И по смерти братьев этих потомство их стало держать княжение у полян, а у древлян было свое княжение, а у дрего-

вичей свое, а у славян в Полотѣ, иже полочане. От них же кривичи, иже сѣдять на верхъ Волги, и на верхъ Двины и на верхъ Днѣпра, их же градъ есть Смоленскъ; тудъ бо сѣдять кривичи. Таже сѣверъ от нихъ. На Бѣлѣозере сѣдять весь, а на Ростовскомъ озерѣ меря, а на Клешинѣ озерѣ меря же. А по Оцѣ рѣцѣ, где втечетъ в Волгу, мурома языкъ свой, и черемиси свой языкъ, морьдва свой языкъ. Се бо токмо словѣнскъ языкъ в Руси: поляне, древляне, ноугородьци, полочане, дреговичи, сѣверъ, бужане, зане сѣдоша по Бугу, послѣ же же вельняне. А се суть инии языци, иже дань даютъ Руси: чюдъ, меря, весь, мурома, черемисы, морьдва, пермь, печера, ямь, литва, зимигола, корсь, норома, либь: си суть свой языкъ имущи, от колена Афетова, иже живутъ въ странахъ полуношныхъ.

Словѣнску же языку, яко же рекохомъ живущю на Дунаи, придоша от скуфѣ, рекше от козаръ,

Новгородѣ свое, а другое на реке Полотѣ, где полочане. От этихъ последнихъ произошли кривичи, сѣдящие в верховьяхъ Волги, и в верховьяхъ Двины, и в верховьяхъ Днепра, их же город — Смоленск. Именно тамъ сидятъ кривичи, от них же происходятъ и северяне. А на Белоозере сидитъ весь, а на Ростовскомъ озерѣ меря, а на Клещине озерѣ также меря. А по реке Оке — там, где она впадаетъ в Волгу, — мурома, говорящая на своемъ языкѣ, и черемисы, говорящие на своемъ языкѣ, и мордва, говорящая на своемъ языкѣ. Вотъ кто только говоритъ по-славянски на Руси: поляне, древляне, новгородцы, полочане, дреговичи, северяне, бужане, прозванные такъ потому, что сидели по Бугу, а затемъ ставшие называться вольнянами. А вотъ другие народы, дающие дань Руси: чюдъ, меря, весь, мурома, черемисы, мордва, пермь, печера, ямь, литва, зимигола, корсь, нарва, ливонцы, — эти говорятъ на своихъ языкахъ, они — потомство Иафета, живущее в северныхъ странахъ.

Когда же славяне, как мы уже говорили, жили на Дунае, пришли от скифовъ, то есть от хозаръ, такъ

рекомни болгаре и сѣдоша по Дунаевѣ, и населници словѣномъ быша. Посемъ придоша угри бѣли, и наслѣдиша землю словѣнскую. Си бо угри почаша быти пр-Ираклии цари, иже находиша на Хоздроя, царя перьскаго. Въ си же времена быша и обри, иже ходиша на Ираклия царя и мало его не яша. Си же обри воеваху на словѣнѣхъ, и примучиша дулѣбы, сушая словѣны, и насилье творяху женамъ дулѣбскимъ: аще поѣхати будяще обрину, не дадеше въпрячи коня ни вола, но веляше въпрячи 3 ли, 4 ли, 5 ли женъ в телѣгу и повести обрѣна, и тако мучаху дулѣбы. Быша бо обрѣ тѣломъ велики и умомъ горди, и бог потреби я, и помроша вси, и не остана ни един обрѣнъ. И есть притѣча в Руси и до сего дне: погибоша аки обрѣ; их же нѣсть племени ни наслѣдка. По сихъ же придоша печенѣзи; паки идоша угри чернии мимо Киева, послѣже при Олзѣ.

Поляномъ же живущемъ особъ, яко же рекомомъ, сущимъ от рода словѣнська, и нарекошася

называемые болгары, и сели по Дунаю, и были насильники славянам. Затем пришли белые угры и наследовали землю славянскую. Эти ведь угры появились при царе Ираклии, который ходил походом на персидского царя Хоздроя. В те времена существовали и обры, воевавшие против царя Ираклия и чуть было его не захватившие. Эти обры воевали и против славян и примучили дулебов — также славян, и творили насилье женам дулебским: если поедет куда обрин, то не позволял запрячь коня или вола, но приказывал впрячь в телегу три, четыре или пять жен и везти его — обрина. И так мучили дулебов. Были же эти обры велики телом, а умом горды, и бог истребил их, и умерли все, и не осталось ни одного обрина. И есть поговорка на Руси и до сего дня: «Сгинули, как обры», — их же нет ни племени, ни потомства. Вслед за этими обрами пришли печенегы, а затем шли черные угры мимо Киева, но было это впоследствии — при Олеге.

Поляне же, жившие сами по себе, как мы уже говорили, были из славянского рода и только по-

поляне, а древляне от словѣнъ же, и нарекошася древляне; радимичи бо и вятичи от ляховъ. Бяста бо 2 брата в ляхѣхъ, — Радимъ, а другой Вятко, — и пришедъша сѣдоста Радимъ на Сѣзю, и прозвашася радимичи, а Вятко сѣде съ родомъ своим по Оцѣ, от него же прозвашася вятичи. И живяху в мирѣ поляне, и древляне, и сѣверь, и радимичи, вятичи и хрвату. Дулѣби живяху по Бугу, гдѣ ныне вельняне, а улчи и тиверци сѣдяху бо по Днѣстру, присѣдяху къ Дунаевѣ. Бѣ множество ихъ; сѣдяху бо по Днѣстру оли до моря, и суть гради их и до сего дне, да то ся зваху от Грекъ Великая скуфь.

Имяху бо обычаи свои, и законъ отецъ своих и преданья, каждо свой нравъ. Поляне бо своих отецъ обычаи имуть кротокъ и тихъ, и стыдѣнне къ снохамъ своимъ и къ сестрамъ, къ матеремъ и къ родителемъ своимъ, къ свекровемъ и къ деверемъ велико стыдѣнне имѣху, брачный обычай имяху: не хожаше зять по невесту, но приводяху вечерь, а завѣтра приношаху по ней что владуче. А древляне живяху звѣринскимъ образомъ, живуще

сле назвались полянами, и древляне произошли от тех же славян и также не сразу назвались древляне; радимичи же и вятичи — от рода ляхов. Были ведь два брата у ляхов — Радим, а другой — Вятко; и пришли, и сели: Радим на Соже, и от него прозвались радимичи, а Вятко сел с родом своим по Оке, от него получили свое название вятичи. И жили между собою в мире поляне, древляне, северяне, радимичи, вятичи и хорваты. Дулебы же жили по Бугу, где ныне вольняне, а улчи и тиверцы сидели по Днестру и соседили с Дунаем. Было их множество: сидели они прежде по Днестру до самого моря, и сохранились города их и донныне; вот почему греки называли их «Великая Скифь».

Все они (эти племена) имели свои обычаи и законы своих отцов и предания, и каждые — свой нрав. Поляне имеют обычай отцов своих кроткий и тихий, стыдливы перед снохами своими и сестрами, матерями и родителями; перед свекровями и деверями великую стыдливость имеют; имеют и брачный обычай: не идет зять за невестой, но приводят ее накануне, а на

скотски: убиваху другъ друга, ядяху вся нечисто, и брака у нихъ не бываше, но умыкиваху у воды дѣвница. И радимичи, и вятичи, и сѣверъ одинъ обычай имяху: живяху в лѣсъ, яко же и всякий звѣрь, ядуше все нечисто, и срамословье в нихъ предъ отци и предъ снохами, и браци не бываху въ нихъ, но игрища межю селы, схожахуся на игрища, на плясанье и на вся бѣсовская пѣсни, и ту умыкаху жены собѣ, с нею же кто съвѣщашеся; имяху же по двѣ и по три жены. И аще кто умряше, творяху тризну надъ нимъ, и по семь творяху кладу велику, и възложашуть ѿ на кладу, мертвеца сожъжаху, и по семь собравше кости сложашу в судину малу, и поставляху на столпѣ на путехъ, еже творять вятичи и нынѣ. Си же творяху обычая кривичи и прочии поганин, не вѣдуше закона божия, но творяше сами собѣ законъ...

следующий день приносят за нее — что дают. А древляне жили звериным обычаем, жили по-скотски, убивали друг друга, ели все нечистое, и браков у них не бывало, но умыкали девиц у воды. А радимичи, вятичи и севе-ряне имели общий обычай: жили в лесу, как звери, ели все нечистое и срамословили при отцах и при снохах. И браков у них не бывало, но устраивались игрища между селами, и сходились на эти игрища, на пляски и на всякие бесовские песни и здесь умыкали себе жен по сговору с ними; имели же по две и по три жены. И если кто умирал, то устраивали по нем тризну, а затем делали большую колоду и возлагали на эту колоду мертвеца и сжигали, а после, собрав кости, вкладывали их в небольшой сосуд и ставили на столбах при дороге, как делают и теперь еще вятичи. Этого же обычая держались и кривичи и прочие язычники, не знающие закона божьего, но сами себе устанавливающие закон...

Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей

Из Иордана («о происхождении и деяниях гетов. *Getica*») *

Иордан — готский историк VI в., был нотарием (секретарем) аланского военачальника, состоявшего на службе у Восточно-Римской империи. Главное сочинение — «О происхождении и деяниях гетов» — один из важнейших источников по истории племени гетов, народов Северного Причерноморья и всего периода Великого переселения народов; содержит ценные сведения о древних славянах.

...Начиная от места рождения реки Вистулы, на безмерных пространствах расположилось многочисленное племя венетов. Хотя их наименования теперь меняются соответственно различным родам и местностям, все же преимущественно они называются склавенами и антами.

Склавены живут от города Новитуна и озера, именуемого Мурсианским, до Данастра, а на север — до Висклы; вместо городов у них болота и леса. Анты же — сильнейшие из обоих (племен) — распространяются от Данастра до Данапра, там, где Понтийское море образует излучину; эти реки удалены одна от другой на расстояние многих переходов...

Из Прокопия Кесарийского («Война с готами») **

Прокопий Кесарийский (между 490 и 507 — после 562) — византийский писатель, советник полководца Велизария, участвовал в походах против персов, вандалов и остготов. Главным из дошедших до нас произведений Прокопия Кесарийского является «О войнах Юстиниана» в восьми книгах.

...Римляне не в меньшей степени были недовольны, что в опустошенной стране им приходится так долго вести осаду, и недоумевали, видя, что варвары, терпя такие бедствия, не сдаются им. Поэтому Велизарий больше всего старался захватить живым в плен кого-нибудь из знатнейших среди врагов, чтобы узнать, чего ради вар-

* Из кн.: Иордан. О происхождении и деяниях гетов. *Getica*. — М., 1960, с. 71—72.

** Из кн.: Прокопий из Кесарии. Война с готами. — М., 1950, с. 243—244, 337, 297—298.

вары так терпеливо переносят столь страшные мучения. Валериан обещал ему легко оказать услугу. В числе его воинов были люди славянского племени, которые привыкли прятаться даже за маленькими камнями или за первым встречным кустом и ловить неприятелей. Это они не раз проделывали у реки Истра, где их места обитания, как по отношению к римлянам, так и с другими варварами. Велизарий пришел в восторг от его слов и велел возможно скорее позаботиться об этом деле. Выбрав из своих славян одного, огромного и крепкого телом и очень энергичного, он поручил привести живым неприятельского воина, дав твердое ему обещание, что Велизарий наградит его за это большими деньгами. Этот воин сказал, что он легко это сделает там, где растет трава. Давно уже готы за недостатком продовольствия питались ею. И вот этот славянин, ранним утром пробравшись очень близко к стенам, прикрывшись хворостом и свернувшись в клубочек, спрятался в траве. С наступлением дня пришел туда гот и быстро стал собирать свежую траву, не ожидая себе никакой неприятности со стороны куч хвороста, но часто оглядываясь на неприятельский лагерь, как бы оттуда кто-либо не двинулся против него. Бросившись на него сзади, славянин внезапно схватил его, сильно сжав его обеими руками поперек тела посередине, принес в лагерь и вручил Валериану. <...>

<...>

Приблизительно в это же время войско славян, перейдя реку Истр, произвело ужасающее опустошение всей Иллирии вплоть до Эпидамна, убивая и обращая в рабство всех попадавшихся навстречу, не разбирая пола и возраста и грабя ценности. Даже многие укрепления, бывшие тут и в прежнее время казавшиеся сильными, так как их никто не защищал, славянам удалось взять; они разбрелись по всем окрестным местам, совершенно свободно производя опустошения. Начальники Иллирии с пятнадцатитысячным войском следовали за ними, но подойти к неприятелям близко они нигде не решались.

<...> Эти племена, славяне и анты, не управляются одним человеком, но издревле живут в народоправстве (демократии), и поэтому у них счастье и несчастье в жизни считается делом общим. И во всем остальном у обоих этих варварских племен вся жизнь и законы

одинаковы. Они считают, что один только бог, творец молний, является владыкой над всеми, и ему приносят в жертву быков и совершают другие священные обряды. Судьбы они не знают и вообще не признают, что она по отношению к людям имеет какую-либо силу, и когда им вот-вот грозит смерть, охваченным ли болезнью, или на войне попавшим в опасное положение, то они дают обещание, если спасутся, тотчас же принести богу жертву за свою душу; избежав смерти, они приносят в жертву то, что обещали, и думают, что спасение ими куплено ценой этой жертвы. Они почитают реки, и нимф, и всякие другие божества, приносят жертвы всем им и при помощи этих жертв производят и гадания. Живут они в жалких хижинах, на большом расстоянии друг от друга, и все они часто меняют места жительства. Вступая в битву, большинство из них идет на врагов со щитами и дротиками в руках, панцирем же они никогда не надевают; иные не носят ни рубашек (хитонов), ни плащей, а одни только штаны, подтянутые широким поясом на бедрах, и в таком виде идут на сражение с врагами. У тех и других один и тот же язык, достаточно варварский. И по внешнему виду они не отличаются друг от друга. Они очень высокого роста и огромной силы. Цвет кожи и волос у них очень белый или золотистый и не совсем черный, но все они темно-красные. Образ жизни у них, как у массагетов, грубый, без всяких удобств, вечно они покрыты грязью, но по существу они не плохие и совсем не злобные, но во всей чистоте сохраняют гуннские нравы. И некогда даже имя у славян и антов было одно и то же. В древности оба этих племени называли спорами («рассеянными»), думаю потому, что они жили, занимая страну «спораден», «рассеянно», отдельными поселками. Поэтому-то им и земли надо занимать много. Они живут, занимая большую часть берега Истра, по ту сторону реки.

Из «Стратегикона» Маврикия *

Маврикий Стратег (Псевдо-Маврикий) — византийский писатель VI — начала VII вв., автор трактата по военному делу «Стратегикон» (рубеж VI и VII вв.), приписываемого в некоторых рукописях импе-

* Вестник древней истории, 1941, № 1, с. 253—254.

ратору Маврикию (правил 582—602 гг.). В сочинении есть много указаний быта и общественных отношений древних славян, аваров, персов и других народов.

Племена славян и антов сходны по своему образу жизни, по своим нравам, по своей любви к свободе: их никоим образом нельзя склонить к рабству или подчинению в своей стране. <...> К прибывающим к ним иноземцам они относятся ласково и, оказывая им знаки своего расположения, (при переходе их) из одного места в другое охраняют их в случае надобности.... <...>

У них большое количество разнообразного скота и плодов земных... в особенности проса и пшеницы.

Скромность их женщин превышает всякую человеческую природу, так что большинство их считают смерть своего мужа своей смертью и добровольно удушают себя, не считая пребывание во вдовстве за жизнь.

Они селятся в лесах, у неудобопроходимых рек, болот и озер, устраивают в своих жилищах много выходов вследствие случающихся с ними, что и естественно, опасностей. Необходимые для них вещи они зарывают в тайниках, ничем лишним открыто не владеют и ведут жизнь бродячую.

Сражаться со своими врагами они любят в местах, поросших густым лесом, в теснинах, на обрывах; с выгодой для себя пользуются (засадами), внезапными атаками, хитростями, и днем и ночью, изобретая много (разнообразных) способов. Опытны они также и в переправе через реки, превосходя в этом отношении всех людей. Мужественно выдерживают они пребывание в воде, так что часто некоторые из числа остающихся дома, будучи застигнуты внезапным нападением, погружаются в пучину вод. При этом они держат во рту специально изготовленные большие, выдолбленные внутри камыши, доходящие до поверхности воды, а сами, лежа навзничь на дне (реки), дышат с помощью их; и это они могут проделывать в течение многих часов, так что совершенно нельзя догадаться об их (присутствии).

Каждый вооружен двумя небольшими копьями, некоторые имеют также щиты, прочные, но трудно переносимые (с места на место). Они пользуются также деревянными луками и небольшими стрелами, намоченными особым для стрел ядом, сильно действующим, если ра-

ненный не примет раньше противоядия или (не воспользуется) другими вспомогательными средствами, известными опытным врачам, или тотчас же не обрежет кругом место ранения, чтобы яд не распространялся по остальной части тела.

Не имея над собою главы и враждуя друг с другом, они не признают военного строя, неспособны сражаться в правильной битве, показываться на открытых и ровных местах. Если случится, что они отважились идти на бой, то они во время его с криком слегка продвигаются вперед все вместе, и если противники не выдержат их крика и дрогнут, то они сильно наступают; в противном случае обращаются в бегство, не спеша помериться с силами неприятелей в рукопашной схватке. Имея большую помощь в лесах, они направляются к ним, так как среди теснин они умеют отлично сражаться. Часто несомую добычу они бросают (как бы) под влиянием замешательства и бегут в леса, а затем, когда наступающие бросаются на добычу, они без труда поднимаются и наносят неприятелю вред. Все это они мастера делать разнообразными придумываемыми ими способами с целью заманить противника.

*Константин Багрянородный
О Русах, приезжающих из России на однодеревках в
Константинополь **

Константин Багрянородный, византийский император... род. в 905 г., шести лет был коронован в царство, но достиг самодержавия только в 945 г., хотя фактически вообще никогда самостоятельно не правил, отдаваясь литературным занятиям; умер в 959 г... **

Однодеревки, приходящие в Константинополь из... Руси, идут из Невогарды (т. е. Новгорода), в которой сидел Святослав, сын русского князя Игоря, а также из крепости Милиниски (Смоленск), из Телюцы, Чернигоги и из Вышеграда. Все они спускаются по реке Днепру и собираются в Киевской крепости, называемой Самвата. Данники их, Славяне, называемые Кривитеинами и Лензанинами, и прочие Славяне рубят однодеревки

* *Константин Багрянородный. Об управлении государством.— Изв. ГАИМК, 1934, вып. 91, с. 8—10.*

** Здесь и далее поясняющий текст В. В. Латышева.

в своих горах в зимнюю пору и, обделав их, с открытием времени (плавания), когда лед растает, вводят в ближние озера. Затем, так как они (озера) впадают в реку Днепр, то оттуда они и сами входят в ту же реку, приходят в Киев, вытаскивают лодки на берег для оснастки и продают Руссам. Руссы, покупая лишь самые колоды, раснашивают старые однодеревки, берут из них весла, уключины и прочие снасти и оснащают новые. В июне месяце, двинувшись по реке Днепру, они спускаются в Витчев, подвластную Руси крепость. Подождав там два-три дня, пока подойдут все однодеревки, они двигаются в путь и спускаются по названной реке Днепру. Прежде всего они приходят к первому порогу, называемому Эссули, что по-русски и по-славянски значит «не спи». Этот порог настолько узок, что не превышает ширины циканстирия (дворцового ипподрома); посредине его выступают обрывистые и высокие скалы наподобие островков. Стремясь к ним и поднимаясь, а оттуда свергаясь вниз, вода производит сильный шум и (внушает) страх. Посему Руссы не осмеливаются проходить среди этих островов, но, причалив вблизи и высадив людей на сушу, а вещи оставив в однодеревках, после этого нагие ощупывают ногами (дно), чтобы не наткнуться на какой-нибудь камень; при этом одни толкают шестами нос лодки, а другие — середину, третьи — корму. Таким образом они со всеми предосторожностями проходят этот первый порог по изгибу речного берега. Пройдя этот порог, они опять, приняв с берега остальных, отплывают и достигают другого порога, называемого по-русски Улворси, а по-славянски Островунипраг, что значит «остров порога». И этот порог подобен первому, тяжел и труден для переправы. Они опять высаживают людей и переправляют однодеревки, как прежде. Подобным же образом проходят и третий порог, называемый Геландри, что по-славянски значит «шум порога». Затем также (проходят) четвертый порог, большой, называемый по-русски Айфор, а по-славянски Неясыть, потому что в камнях порога гнездятся пеликаны. На этом пороге все ладьи причаливают к земле носами вперед, отряженные люди сходят держать с ними стражу и уходят; они неусыпно держат стражу из-за Печенегов. Остальные, выбрав поклажу, находившуюся в однодеревках, и рабов в цепях, переводят их сухим путем

6 миль, пока не пройдут порога. Затем одни тащат свои однодеревки волоком, другие несут на плечах и таким образом переправляют на другую сторону порога, спускают их там в реку, грузят поклажу, входят сами и продолжают плавание. Прибыв к пятому порогу, называемому по-русски Варуфорос, а по-славянски Вульнипраг, потому что он образует большую заводь, и опять переправив однодеревки по изгибам реки, как на первом и на втором пороге, они достигают шестого порога, по-русски называемого Леанти, а по-славянски Веруци, что значит «бурление воды», и проходят его таким же образом. От него плывут к седьмому порогу, называемому по-русски Струкун, а по-славянски Напрези, что значит «малый порог», и приходят к так называемой Крарийской переправе (современный Кичкасский перевоз), где Херсониты переправляются на пути из Руси, а Печенеги — в Херсон. Эта переправа шириною приблизительно равна ипподрому, а вышиною от его низа до того места, где сидят союзники, так что долетает стрела стреляющего с одной стороны на другую. Посему Печенеги приходят и на это место и нападают на Руссов. Пройдя это место, они достигают острова, называемого св. Григорием (о. Хортица), и на этом острове совершают свои жертвоприношения, так как там растет огромный дуб. Они приносят в жертву живых петухов, кругом втыкают стрелы, а иные (приносят) куски хлеба, мясо и что имеет каждый, как требует их обычай. Насчет петухов они бросают жребий, — зарезать ли их (в жертву), или съесть, или пустить живыми. От этого острова Руссы уже не боятся Печенега, пока не достигнут реки Селины. Затем, двинувшись от этого острова, они плывут около четырех дней, пока не достигнут лимана, составляющего устье реки; в нем есть остров св. Эферия (Березань). Пристав к этому острову, они отдыхают там два-три дня и опять снабжают свои однодеревки недостающими принадлежностями, парусами, мачтами и рьями, которые привозят с собою. А так как этот лиман, как сказано, составляет устье реки и доходит до моря, а со стороны моря лежит остров св. Эферия, то они оттуда уходят к реке Днестру и, благополучно достигнув ее, снова отдыхают. Когда наступит благоприятная погода, они, отчалив, приходят к реке, называемой Белою, и, отдохнувши там подобным образом, снова двигаются

в путь и приходят к Селине, так называемому ответвлению (рукаву) реки Дуная. Пока они не минуют реки Селины, по берегу за ними бегут Печенеги. И если море, что часто бывает, выбросит однодеревки на сушу, то они все их вытаскивают на берег, чтобы вместе противостоять Печенегам. От Селины они уже никого не боятся и, вступив на Булгарскую землю, входят в устье Дуная. От Дуная они доходят до Конопа, от Конопа в Константию на реке Варне, от Варны приходят к реке Дичине,— все эти места находятся в Булгарии,— от Дичины достигают области Месимврии; здесь оканчивается их многострадальное, страшное, трудное и тяжелое плавание.

Зимний и суровый образ жизни этих самых Руссов таков. Когда наступит ноябрь месяц, князья их тотчас выходят со всеми Руссами из Киева и отправляются в полюдье, т. е. круговой объезд, и именно в славянские земли Вервианов, Другувитов, Кривичей, Севериев (Древлян, Дреговичей, Кривичей, Северян) и остальных Славян, платящих дань Руссам. Прокармливаясь там в течение целой зимы, они в апреле месяце, когда растает лед на реке Днепре, снова возвращаются в Киев. Затем забирают свои однодеревки, как сказано выше, снаряжаются и отправляются в Романию.

Восточные авторы о славянах

*Известия Иоанна Эфесского и сирийских хроник о славянах VI—VII веков **

К числу весьма ценных сведений о славянах следует отнести сообщение Иоанна Эфесского (506—585). <...>

<...>

«В третьем году после смерти царя Юстина и воцарения победителя Тиберия совершил нападение проклятый народ склавинны... Они стремительно прошли всю Элладу, страны Фессалоники и всей Фракии и покорили многие города и крепости... Они опустошили и сож-

* Дьяконов А. П. Известия Иоанна Эфесского и сирийских хроник о славянах VI—VII веков.— Вестник древней истории, 1946, № 1, с. 20—34.

гли их, взяли пленных и стали господами на земле. <...> Вот и до сего дня, т. е. до 895 г. (583—584 гг. н. э.), они остаются, живут и спокойно пребывают в странах ромеев — люди, которые не смели (раньше) показываться из дремучих лесов и (мест) защищенных деревьями и не знали, что такое оружие, кроме двух или трех лонхидиев... т. е. дротиков».

Нашествие славян, о котором говорит Иоани, обычно отождествляется с нашествием 578 г., о котором рассказывает Менандр... <...>

Какие славянские племена участвовали в этом нашествии? Это были не западные, панионские, славяне, потому что на линии Савы стояли тогда две византийские армии, и не анты, потому что наш автор знает антов под их собственным именем. Значит, это были дунайские славяне, жившие между Тиссой и антами (т. е. Скифией).

*Из «Записок» Ахмеда Ибн-Фадлана Ибн-Аббаса Ибн-Рашида Ибн-Хаммада (писал в 20-х годах X века) **

...Жители страны сказывали мне, что зимой ночь становится длинна как (летний) день, а день переходит в краткость ночи... Я заметил, что они почитают себя благословенными (они делают счастливые предзнаменования, гадают по лаю собак) и говорят, что придет год урожайный, благословение и благосостояние. Змей я видел у них множество, так что около ветви дерева обвивается их десяток и больше; их не убивают и они не причиняют им вреда. У них есть зеленые, весьма кислые яблоки; девицы их едят и становятся жирными. <...> Я видел у них неизвестное мне дерево необыкновенной вышины: ствол его без листьев, а вершина подобна пальмовой, листья его тонки, но собраны вместе. Они приходят к известному им месту в стволе этого дерева, пробурливают его и подставляют сосуд, в который течет из пробурленного отверстия жидкость, превосходящая мед; если человек пьет ее много, то пьянеет как от вина. Главная пища их — просо и лошадиное мясо, не смотря на то, что в их стране много пшеницы и ячменя.

* Этот и следующие отрывки из кн.: Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских.— СПб., 1870, с. 90—92, 125—129, 279. (Текст приводится в современной орфографии.— А. К.)

<...> Все они надевают калансувы (род шапки). Когда царь их выезжает, то он бывает один, без мальчика (пажа) и без другого проводника. Когда он приходит на рынок, то каждый встает, снимает калансуву с головы и берет ее под мышку, а когда он проходит, они надевают калансувы на головы. <...>

Гроза бывает в их стране весьма часто; когда молния ударяет на чей-нибудь дом, то они не приближаются к нему, а оставляют его, пока время не уничтожит его; они говорят: это место, на котором почнет гнев (Божий). Когда они видят человека подвижного и сведущего в делах, то говорят: этому человеку приличествует служить Богу; посему берут его, кладут ему на шею веревку и вешают его на дереве, пока он не распадется на части. <...> Мужчины и женщины ходят к реке и купаются вместе голыми и ничем не прикрываются друг перед другом; но при этом ни коим образом не блудствуют, а когда кто провинится в этом, будь он кто будет, они вбивают для него четыре шеста, привязывают к ним его руки и ноги, просекают его секирой от шеи до ляжек; таким же образом они поступают и с женщиной, затем они вывешивают каждую часть их обоих на дереве. <...> Вора они убивают таким же способом как блудника. <...>

Из сочинений Абуль-Хасана Али Ибн-Хусейна, известного под прозвищем Аль-Масуди (писал от 20 или 30 до 50-х годов X века...)

<...> Славяне разделяются на многие народы; некоторые из них суть христиане, между ними находятся также язычники, точно также солнцепоклонники. Живут они при большой реке, текущей с востока на запад. <...>

В их стране много рек, текущих с севера. Ни одно из озер их не солено, потому что страна их далека от солнца, и вода их сладка; вода же, близкая к солнцу, бывает солена. Страна, которая далее за ними к северу, необитаема по причине холода и множества воды. Большая часть их племен суть язычники, которые сожигают своих мертвецов и поклоняются им. Они имеют многие города, также церкви, где навешивают колокола, в которые ударяют молотком, подобно тому, как у

нас христиане ударяют деревянной колотушкой по доске.

<...>

Что касается язычников... то некоторые племена из них суть Славяне и Русы. Они живут в одной из двух половин этого города (Итиля) и сожигают своих мертвецов с их выючным скотом, оружием и украшениями. Когда умирает мужчина, то сожигается с ним жена его живою; если же умирает женщина, то муж не сожигается; если умирает у них холостой, то его женят по смерти. Женщины их желают своего сожжения для того, чтоб войти с ними (мужьями) в рай. <...>

Из сочинения Абу-Мансура (Аль-Азгери?) (умер в 980 году?)

Сказал Абу-Мансур: Славяне — племя красного цвета, имеющие русые волосы; они граничат со страной Хазар на вершинах Румских гор. Человека красного цвета называют С л а в я н и н о м, по причине подобия его цвету Славян.

*Из трактата Шараф аз-заман Тахир Марвази «Об естественных свойствах животных» **

...К числу приятных неожиданностей относится обнаруженный... в Индийской государственной библиотеке трактат «Об естественных свойствах животных»... составленный около 1120 г. придворным сельджукским врачом Шараф аз-заман Тахир Марвази. Трактат был задолго до его обнаружения известен как возможный источник рассказов Ауфи (XIII в.), в том числе достопримечательного рассказа о посылке князем Владимиром Святославичем посольства в Хорезм...

«...А что касается славян, то они народ многочисленный и между их землями и землями печенегов путь в десять дней, по степям и землям, не имеющим дорог, там густые леса и водяные источники, и они населяют эти леса, и нет у них винограда, и у них много меда, и они пасут свиней, и они сжигают покойников, так как огнепоклонники, и большая часть их посевов просо,

* Заходер Б. Н. Еще одно раннее мусульманское известие о славянах и русах IX—X вв. (по поводу издания трактата Шараф аз-заман Тахир Марвази «Об естественных свойствах животных»). — Изв. Всесоюз. географич. об-ва, 1943, т. 75, вып. 6, с. 24—43.

и у них различного рода свирели, и у них свирель, длинная которой два локтя, и лютня их плоская, и у нее восемь струн, и нет у нее бунджук, между тем как колки ровные, и у них нет избытка в жизненных припасах, и оружие у них — метательные копья, дротики и прекрасные щиты... и у царя (вьючный) скот, и от молока его пища его (царя), и город, в котором он находится, называется Х.ж.р.а.т., и в нем у них рынок, каждый месяц три дня, и у них такой сильный холод, что они роют глубокие ямы и покрывают их деревом, затем нагревают паром от навоза и дров, и остаются в них в их зимние месяцы, и зимою нападают на них мадьяры, и у них много рабов, потому что они постоянно нападают.

<...>

А что касается русов, то они живут на острове в море, и протяжение острова три дня (пути) в любом направлении, и там деревья и леса, и оно окружено озером... и они очень многочисленны, и видят в мече средство к существованию и занятию, и когда умирает какой-либо муж из них, у него же дочери и сыновья, они вручают его имущество дочерям, и предоставляют сыновьям только один меч, и говорят: «Ваш отец добыл имущество мечом, подражайте ему и следуйте ему в этом».

И было их воспитание таким, пока они не приняли христианства в месяцы 300 года (=912—913), и когда они обратились в христианство, вера притупила их мечи и дверь занятия закрылась за ними, и они возвратились к нужде и бедности, и сократились у них средства к существованию. Вот они и захотели стать мусульманами, дабы было дозволено для них набег и священная война и возвратиться к тем (обычаям), что были раньше. Вот они и послали послов к владельцу Хорезма, а их четыре мужа из приближенных их царя; ведь у них независимый царь, и называется их царь В.л.а.д.м.и.р... Вот и пришли послы их в Хорезм и поведали цель посольства. Вот и обрадовался Хорезм — шах тому, что они захотели стать мусульманами, и послал к ним кого-то, чтобы тот наставил их в законах ислама, и они обратились в ислам.

И они люди сильнейшие и очень могучие, и путешествуют пешком в далекие страны для набега, и путешествуют также на судах по Хазарскому морю, и захваты-

вают суда, и грабят товары, и путешествуют к Константинополю по Понтийскому морю, несмотря на цапи в заливе, и однажды они путешествовали по Хазарскому морю и стали владельцами Бардаа на некоторое время, и их храбрость и мужество известны, так что один из них равен некоторому числу (людей) из другого народа, и если бы были у них лошади и они были бы всадниками, стали бы они великим бичом для людей».

<...>

Посольство в Хорезм и принятие ислама какими-то русами, приближенными и родственниками князя Владимира, очевидно, могло произойти только некоторое время спустя после даты крещения. <...>

МАТЕРИАЛЫ

Любор Нидерле. О жизни славян в древности*

Происхождение славян

Вплоть до конца XVIII века наука не могла дать удовлетворительного ответа на вопрос о происхождении славян, хотя он уже тогда привлекал внимание ученых. Об этом свидетельствуют относящиеся к тому времени первые попытки дать очерк истории славян, в которых был поставлен этот вопрос. <...>

<...> Положение изменилось к лучшему только в первой половине XIX века под влиянием двух новых научных дисциплин: сравнительного языкознания и антропологии; обе они внесли новые позитивные факты.

<...> Славяне появляются на исторической арене неожиданно как великий и уже сформировавшийся народ; мы даже не знаем, откуда он пришел и каковы были его отношения с другими народами. Лишь одно свидетельство вносит кажущуюся ясность в интересующий нас вопрос: это известный отрывок из летописи, приписываемой Нестору и сохранившейся до нашего времени в том виде, в котором она была написана в Киеве в XII веке...

Первая часть летописи «Повесть временных лет» начала создаваться, по крайней мере, столетием раньше.

* Из кн.: Нидерле Любор. Славянские древности.— М., 1956, с. 19—45.

ше. В начале летописи приведен довольно подробный легендарный рассказ о расселении народов, которые когда-то пытались воздвигнуть вавилонскую башню в земле Сеннаар. Эти сведения заимствованы из византийских хроник VI—IX веков (так называемой «Пасхальной» хроники и хроники Малалы и Амартала); однако в соответствующих местах названных хроник нет ни одного упоминания о славянах. Этот пробел, очевидно, задел славянского летописца, достопочтенного монаха Киево-Печерской лавры. Он захотел восполнить его, поставив свой народ среди тех народов, которые, согласно традиции, жили в Европе; поэтому в порядке разъяснения он присоединил название «славяне» к имени иллирийцев — иллиро-славяне¹. Этим дополнением он включил славян в историю, даже не изменив традиционное число 72 народов. Именно здесь иллирийцы были впервые названы народом, родственным славянам, и с этого времени эта точка зрения в течение долгого времени являлась господствующей при изучении истории славян. Славяне пришли из Сеннаара в Европу и поселились сначала на Балканском полуострове. Там и нужно искать их колыбель, их европейскую прародину, в землях иллирийцев, фракийцев, в Паннонии, на берегах Дуная. Отсюда позднее вышли отдельные славянские племена, когда распалось их первоначальное единство, чтобы занять свои исторические земли между Дунаем, Балтийским морем и Днепром.

<...>
<...> Согласно второй теории, славяне якобы продвинулись вдоль побережья Черного моря на север и первоначально поселились в Южной России, где истории известны были вначале древние скифы и сарматы, а позднее аланы, роксоланы и т. д. Отсюда и возникла мысль о родстве этих племен со славянами, а также представление о балканских сарматах как о предках всех славян. Продвигаясь дальше на запад, славяне якобы разделились на две основные ветви: южные славяне (на юг от Карпат) и северные (на север от Карпат).

<...> В конце XVIII века некоторые ученые поняли, что

¹ Лаврентьевская летопись. В другом месте этой летописи читаем: «Нарци еже суть словене», то есть норрики, которые и есть славяне.

подобные теории, основывающиеся лишь на предположительной аналогии различных народов со славянами, не имеют никакой ценности. Чешский славист И. Добровский писал в 1810 году своему другу Копитару: «Меня радуют такие исследования. Только я прихожу к совершенно другому выводу. Все это доказывает мне, что славяне не являются даками, гетами, фракийцами, иллирийцами, паннонцами... Славяне — это славяне, и наиболее близки им литовцы. Итак, их нужно искать среди последних на Днестре или за Днестром».

<...>

...Ученые обратились к новой науке — сравнительному языкознанию, чтобы в ней найти ответ, который не могла им дать история. Взаимное родство славянских языков допускалось еще в начале XII века (см. Киевскую летопись), однако еще долгое время была неизвестна подлинная степень родства славянских языков с остальными европейскими языками. <...>

...Ф. Бопп во втором томе своей известной «Сравнительной грамматики»... решил вопрос о взаимоотношении славянского языка с остальными индоевропейскими языками и тем самым дал первый научно обоснованный ответ на вопрос о происхождении славян, который безуспешно пытались разрешить историки. Решение вопроса о происхождении языка является одновременно ответом на вопрос о происхождении народа, говорящего на этом языке.

С этого времени возникло много споров об индоевропейцах и о сущности их языка. Были высказаны различные взгляды, которые в настоящее время справедливо отвергнуты и потеряли всякую ценность. Одно лишь доказано, что ни один из известных языков не является предком остальных языков и что никогда не существовал индоевропейский народ единой несмешанной расы, который имел бы единый язык и единую культуру. Наряду с этим приняты следующие положения, лежащие в основе наших нынешних взглядов:

1. Когда-то существовал общий индоевропейский язык, который, однако, никогда не был в полной мере единым.

2. Развитие диалектов этого языка привело к возникновению ряда языков, которые мы называем индоевропейскими или арийскими. К ним относятся, не считая

языков, бесследно исчезнувших, греческий, латинский, галльский, немецкий, албанский, армянский, литовский, персидский, санскрит и общеславянский либо праславянский, который в течение довольно длительного времени развился в современные славянские языки. Начало существования славянских народов относится именно к тому времени, когда сложился этот общий язык.

<...>

...Установлены ... некоторые существенные данные, позволяющие в настоящее время объяснить возникновение славян следующим образом.

Когда различия в индоевропейском языке стали возрастать и когда эта большая языковая общность стала распадаться на 2 группы — языки сатем (*satem*) и кентум (*centum*), — праславянский язык, соединенный с пралитовским языком, довольно долго входил в первую группу, так что он сохранил особое сходство с древнефракийским (армянским) и индо-иранским языком. Связь с фракийцами была наиболее тесной в окраинных областях, где позднее жили исторические даки. Предки германцев были в группе народов кентум среди ближайших соседей славян. Об этом мы можем судить по некоторым аналогиям в славянском и немецком языках.

В начале второго тысячелетия до н. э. все индоевропейские языки, по всей вероятности, уже сформировались и разделились, так как в течение этого тысячелетия на территории Европы и Азии появляются некоторые арийские народы как уже сложившиеся этнические единицы. Будущие литовцы были тогда все еще объединены с праславянами. Славяно-литовский народ и поныне представляет (за исключением индо-иранских языков) единственный пример первобытной общности двух арийских народов... его соседями всегда были с одной стороны германцы и кельты, с другой стороны фракийцы и иранцы.

После отделения литовцев от славян, происшедшего, по всей вероятности, во втором или в первом тысячелетии до н. э., славяне образовали единый народ с общим языком и лишь едва наметившимися слабыми диалектными различиями и оставались в таком состоянии вплоть до начала нашей эры. В течение первого тысячелетия нашей эры их единство начало распадаться, раз-

вивались новые языки (правда, еще очень близкие друг к другу)... и возникли новые славянские народы. Таковы сведения, которые дает нам языкознание, таков его ответ на вопрос о происхождении славян.

Прародина славян

Вопрос о прародине славян, то есть о территории, где сформировались славяне и где обитали вплоть до своего разделения и переселения на новые земли, тесно связан с рассматривавшимся... вопросом о происхождении славян. <...>

...К северу или к югу от Карпат находилась прародина славян? По этому вопросу долгое время существовали две точки зрения: одни помещали ее на север, в древнюю Сарматию (отсюда и название этой теории «сарматская»), другие же искали ее на среднем и нижнем Дунае (отсюда название теории «дунайская»). Дунайская теория утратила свое былое значение, однако в прошлом столетии ее отстаивали многочисленные исследователи: А. Беловский, М. Погодин, Фр. Рачки, М. Дринов, Ив. Филевич, И. Пич, Дм. Самоквасов и В. Ключевский; еще и теперь она имеет своих сторонников и будет их иметь и в будущем, поэтому мы должны рассмотреть основные ее аргументы и сравнить их с аргументами, приводимыми в пользу северной прародины славян.

Главным доказательством являлась Киевская летопись, которую можно назвать «свидетельством о рождении» славян. Последнее содержится уже в начале летописи, в главе, названной «Се повести времяных летъ, откуда есть пошла руская земля, кто въ Киеве нача перве княжити», в главе, которая была написана в XI веке, а частично уже в X¹ веке монахом Киево-Печерской лавры, использовавшим древние церковные летописи и византийские хроники... Текст гласит:

«Спустя много времени² сели славяне по Дунаю, где теперь земля Венгерская и Болгарская. И от этих славян разошлись славяне по земле и прозвались именами

¹ Редакция Киевской летописи в том виде, в каком она сохранилась до нас, датируется началом XII века.

² После вавилонского столпотворения.

своими, где кто сел на каком месте. Так, например, одни, придя, сели на реке именем Морава и прозвались морава, а другие назвались чехи. А вот еще те же славяне: белые хорваты, и сербы, и хорутане. Когда волохи напали на славян на дунайских и поселились среди них и притесняли их, то славяне эти пришли и сели на Висле и прозвались ляхами, а от тех ляхов пошли поляки, другие ляхи — лутичи, иные — мазовшане, иные — поморяне.

Так же и эти славяне пришли и сели по Днепру и назвались полянами, а другие — древлянами, потому что сели в лесах, а еще другие сели между Припятью и Двиною и назвались дреговичами, иные сели по Двине и назвались полочанами по речке, которая впадает в Двину и носит название Полота. Те же славяне, которые сели около озера Ильменя, прозвались своим именем — славянами, и построили город, и назвали его Новгородом. А другие сели по Десне, и по Семи, и по Суле и назвались северянами. И так разошелся славянский народ, а по его имени и грамота назвалась „славянская“»...

Итак, по мнению автора, славяне жили когда-то на среднем Дунае и, выйдя оттуда, расселились по территории Чехии, Моравии, Германии, Польши и России. Эта точка зрения подтверждается в летописи еще дважды. В том же тексте имеется упоминание о том, что славяне были изгнаны со своих первоначальных земель влахами (волохами), и далее добавляется в части, посвященной св. апостолу Павлу, что «ту бо есть Илюрикъ, его же доходилъ апостоль Павел; ту бо беша словене первое»...

<...>

К сожалению, свидетельство Киевской летописи нельзя признать ни подлинным, ни правдивым. Это лишь часть той сети вымыслов, которую создал летописец, рассказывая об отходе славян от Вавилонской башни по дорогам через Малую Азию к Балканскому полуострову, который будто бы стал их первым местом жительства, их европейской прародиной. Отсюда отождествление древних иллирийцев со славянами, что мы и находим в летописи, отсюда также идея о их первом месте жительства на среднем Дунае, где в XII веке находились земли болгар и угров.

Утверждение русского летописца не основывается даже на народной традиции. Это чистые вымыслы, использованные летописцем, если только он сам не создал их или не воспринял от другого летописца, который был их создателем. Такой вывод вытекает не только из общей концепции летописца, из всецело библейского характера его исходных положений и из некоторых других сведений (так, например, мы узнаем, что духовенство южных славян создавало различные легенды с целью доказать древность славян в Хорватском королевстве), но и из всех фактических данных о древнейшей истории Подунавья и Балкан...

...Все фактические данные заставляют нас искать прародину славян в областях, откуда началась их миграция, а именно на север от Карпат, вдали от Дуная и от Балкан. Таков вывод, к которому нас неизбежно приводят все имеющиеся сведения.

...Именно в ту эпоху, в которую мы тщетно ищем славян на Дунае, до Рима дошли уже первые сведения о славянах, сведения, в которых сообщается о большом народе, живущем по ту сторону Германии, на другом берегу Вислы, и именуемом венетами. <...>

Киевской традиции, которая помещает прародину славян на юг от Карпат... мы можем противопоставить два других исторических источника, более достоверных, подлинных и значительных, явно свидетельствующих в пользу северной прародины славян. Первый источник — свидетельство анонимного Равеннского космографа...: «Sexta ut hora noctis Scythavum est patria unde Slavonorum exorta est prosapia». Речь идет о Скифии на северо-востоке Европы. Точно неизвестно, в каком веке жил автор этого свидетельства, но, несомненно, это было не позднее VII века; следовательно, он по времени жил ближе к событиям, связанным с началом переселения славян со своей прародины, нежели киевский летописец XII века.

Второе свидетельство содержится в кратком описании славянских народов, также анонимном, написанном, вероятно всего, в IX веке славянским монахом одного из баварских монастырей. Этот Баварский аноним... включает в число народов к северу от Дуная (такая локализация подтверждается самим названием его списка) народ, названный «Zeruiani, quod tantum est regnum ut ex eo

cunctae gentes Sclauorum exortae sint et originem sicut affirmant ducant»¹. Правда, мы не знаем, какой народ имеет в виду Баварский аноним под названием *Zegiani*, не является ли оно искаженным названием сарматов или сербов и не идет ли здесь речь о названии северян позднейшей Руси; во всяком случае, здесь говорится о народе, который жил к северу от Дуная и от Карпат, где-то в глубине древней Сарматии. Итак, это и есть место происхождения всех славян, определенное народной традицией IX века, традицией подлинной и ни в коем случае не вымышленной, так как ее сохранял сам народ...

...Третье (свидетельство.— А. К.): само представление историков VI века, согласно которому в то время, когда начали намечаться места жительства и переселения славян, они имели свою прародину где-то к северу от Дуная. Нет ни одного сообщения, которое свидетельствовало бы об обратном. Итак, очевидно, что в эпоху, когда славяне стали известны в Европе, весь мир считал их народом северного происхождения.

<...>

...Территория, населенная славянами до их расселения, простиралась между Эльбой и средним Поднепровьем (с Десной, Припятью и Березиной), однако в эту территорию не следует включать западную часть, расположенную между Эльбой и Вислой... Славяне во время своего этнического и языкового единства жили на территории современной восточной Польши, южной части Белоруссии (в районе среднего течения Березины, а также по течению Сожа и Ипути), в северной части Украины, Подолии, Волыни и Киевщины с Десной². Подобное размещение общеславянских мест поселения наилучшим образом согласуется с данными древних источников (Равеннского и Баварского анонимов), а также со сведениями, относящимися к I—IV векам н. э., о большом народе венеков. Равным образом доказывает нам это и изучение взаимосвязи между древнеславянским, древне-

¹ Ср. *Шафарик*, *Slov. star.*, II, 711. Название сообщения гласит: «Описание общин и областей к северу от Дуная»... Летопись, открытая Гормайером, хранится в Мюнхенской библиотеке.

² Самого культурного единства никогда не существовало. Население Повисленья было всегда под влиянием иных культур, чем население Поднепровья, а культура западных славян была всегда отлична от культуры славян восточных.

иранским, литовским и западно-финским языками. Здесь мы ... встречаем природу, флора и фауна которой соответствует тому, что нам сохранил древнеславянский словарный фонд о фауне и флоре славянской прародины.

Первые исторические сведения о славянах и наименования последних

Первые достоверные известия о славянах относятся к I и II векам н. э. Славяне появляются в них под наименованием венеков... К этим сообщениям относятся сообщения Плиния (... его труд написан около 77 года)... Тацита (...в 98 году)... Птолемея (умер около 178 года...) ...

К этим свидетельствам следует прибавить еще и другие, несколько более поздние: во-первых, это надписи на Пейтингеровой карте, которая относится, по моему мнению, к концу III века и на которой дважды упоминаются венеды-сарматы, один раз в Дакии, другой раз между Дунаем и Днестром; во-вторых, это греческий список различных народов, составленный приблизительно в начале III века... это свидетельство Марциана в его «Перипле» (около 400 года)... В этих первоисточниках венеды-славяне представлены как многочисленный народ... расселившийся за Вислой между Балтийским морем (Венедский залив), Карпатами (Венедские горы) и землями *певкинов* и *феннов*.

Такими представляются нам славяне в первые века нашей эры. Более ранних свидетельств у нас нет. Из всех известий, привлеченных с целью возвеличить древнейшее историческое прошлое славян, только два можно считать в известной мере правдоподобными.

Прежде всего это заметки Корнелия Непота (94—24), в которых говорится об индах, занесенных бурей из «Индийского моря»... к берегам «Северного моря», где король батавов захватил их в плен и преподнес в дар в 58 году проконсулу А. Метеллу Целеру... Затем это ряд древних преданий, согласно которым янтарь происходил из земли генетов или енетов, расположенной у устья реки, называемой Ериданос, позднее отождествленной с рекою По...

<...>

Балтийские веныды были, безусловно, славянами. Имеется несколько доказательств этого. Во-первых, их места обитания в I—II веках н. э. совпадают с местами обитания славян в VI веке. Распространение славян было совсем незначительно в период переселения народов. Во-вторых, — и это очень важный довод, — наименование венедров, вендов¹ сохранялось в немецком языке (*Wenden, Winden*) в течение всей исторической эпохи, вплоть до новейшей, как общее наименование славян. Старые деревни, которые их немецкие соседи хотели отличить от одноименных немецких деревень, обозначались в отличие от них *windisch* или *wendisch*. Наконец, Иордану, историку VI века, первому давшему очерк начала истории славян, известно, что наименования «венд», «венедр» и «славянин» употреблялись для обозначения одного и того же народа; он употребляет эти названия попеременно... из чего можно заключить, что в VI веке признавалось тождество славян с венедами.

<...> Что же касается моей точки зрения, то я не сомневаюсь в том, что веныды Плиния, Тацита и Птолемея, так же как веныды Иордана, Прокопия и более поздних историков, всегда были славянами. Их наименование — венды, веныды — не было собственно славянским, а являлось, очевидно, названием чуждого происхождения, которое дали славянам их соседи. Значительная распространенность названий с основой *vind* или *vend* на землях, заселенных когда-то кельтами, дает основание предположить, что эти названия кельтского происхождения...

Наконец, у этого многочисленного народа, населявшего в первые века нашей эры обширные земли между Вислой, Балтийским морем, Карпатами и Днестром и Десной, было в ту эпоху свое собственное местное название «славяне». Можно догадываться также о существовании еще более древнего названия *серб* (множественное число *серби*)...

<...>

Нам осталось еще рассмотреть только одно общее подлинное и древнее наименование, а именно наимено-

¹ Форма «венд» (*vend*) была, вероятно, первоначальной формой: распространенная форма «венедр» (*vened*) возникла в греческой и римской литературе, по-видимому, под влиянием хорошо известных названий адриатических венедров.

вание *славяне, словене* (форма множ. числа; в единственном числе — *словенин*). Это название встречается в истории впервые в начале VI века у Псевдо-Цезаря Назианского... затем около 550 года неоднократно у Прокопия и Иордана и, наконец, у более поздних историков. Не лишено вероятия утверждение, что это наименование встречается также у Птолемея в перечне племен Сарматии. Название *Σοβορῆνοι*... употребляемое автором, действительно, очень близко славянской форме *словене*, и можно предположить, что Птолемей заимствовал его из какого-то источника, даже не зная, разумеется, что это был за народ и каково было его отношение к венедам, живущим на западе Сарматии...

<...>

Название «славянин» славянского происхождения, однако, нам неизвестны, как это ни странно, ни его этимология, ни его первоначальное значение. <...>

...Происхождение наименования «славяне» еще до начала XIII века стали связывать со словом «слава» и переводить его как «*gloriosi*», «*αἰετοί*». Это толкование удерживалось до XIX века, и известный славянский поэт и археолог Я. Коллар поддержал его своим авторитетом. Другое толкование, не менее древнее, засвидетельствованное уже в начале XIV века, связывает наименование славяне — словене с понятием «слово» и переводит его как «*verbosi, sermonales, ὀμοῦλόητοι*».

Это объяснение приняли такие выдающиеся исследователи, как И. Добровский и П. Шафарик. Последний опирался, в частности, на аналогичный факт, а именно, что славяне называли соседний народ, язык которого они не понимали, словом «немцы» (единственное число — «немец», производное от «немь», «немой»). Хотя эта вторая гипотеза имела большое число сторонников, тем не менее большинство современных лингвистов отвергает ее на том основании, что славянский суффикс *-ěn, -ěnin, -janin* всегда указывает на принадлежность к определенной местности и что, следовательно, наименование словенин должно было быть образовано от названия местности (Слово?), названия, которое, к сожалению, нигде не встречается...

Итак, происхождение названия славян остается невыясненным. Однако нам известно, что носитель его

появляется в начале н. э. как могущественный народ, расселившийся на огромной территории между Вислой и Десной... В настоящее время известно также, что этот многочисленный народ появился в Европе не в этот период, а жил там издавна в тесном взаимодействии с другими индоевропейскими народами...

Дифференциация славян

Сколько бы ни говорили о первоначальном единстве славян, все же они никогда не представляли собой единого целого в полном смысле этого слова. У них, как и у каждой этнической группы, всегда были соматологические*, культурные¹ и языковые различия. Эти последние известны нам лучше всего, так как язык дает наиболее полный материал, позволяющий проследить начало и дальнейшее развитие дифференциации славян.

Как и повсеместно, на дифференциацию славян воздействовал прежде всего внутренний фактор, под влиянием которого произошли незначительные фонетические, грамматические и лексикологические различия и появились диалекты. Первоначальные различия возросли затем благодаря изоляции и в особенности благодаря тому, что определенные элементы отделились от материнского ствола вследствие переселения и скрещивания с чуждым языком или языками.

Под влиянием этих факторов древнее единство славян — а о таком единстве говорить можно, так как различия внутри него долгое время были незначительными, — распалось, и на заре истории мы уже видим ряд новых образований, сложившихся окончательно в течение последующих столетий, как например: 1) русское, 2) болгарское, 3) сербо-хорватское, 4) словенское, 5) чехо-словацкое, 6) лужицко-сербское, 7) полабско-поморское и 8) польское. Все эти языки являются продолжением материнского языка, на котором когда-то говорили в прикарпатской прародине. Мы не можем точно опре-

* Соматология — в медицине часть морфологии, изучающая вариации в размерах и строении человеческого тела в целом: рост, вес, пропорции и т. д. (А. К.)

¹ Достаточно упомянуть... что западная часть древней славянской территории всегда, в частности и в доисторическую эпоху, испытывала иные культурные влияния, нежели восточная часть, простиравшаяся по Днепру, который связывал ее с Черным морем и Востоком.

делить ни времени распада этого единого славянского языка, ни времени начала и самостоятельного существования названных языков и говорящих на них народов. В настоящее время славянская филология допускает, что древнее единство славян существовало, несмотря на начавшийся распад его, еще в течение первых веков нашей эры...

<...> ...Отцу славянской филологии И. Добровскому принадлежит заслуга научного обоснования теории деления славянских языков. Согласно его концепции, древний общеславянский язык разделился сначала на две ветви — восточную и западную; производными языками от первой ветви являются русский, старославянский, иллирийский (сербский и болгарский), хорватский и словенский. Языками, производными от второй ветви, являются чешский, словацкий, лужицко-сербский и польский.

После И. Добровского теории разделения славянских языков на две ветви довольно долго придерживались даже такие выдающиеся филологи, как П. Шафарик, Б. Копитар, Ф. Буслаев, Я. Гебауер...

<...>

В. Ягич... считает, что зачатки позднейших славянских языков существовали уже в общеславянском языке и что порядок их территориального распространения уже тогда соответствовал их расположению в настоящее время. Когда же эти диалектные зачатки были перенесены на исторические места обитания славян, то здесь они окончательно обособились так, что одновременно образовали три различные группы, из которых каждая объединяла наиболее близкие языки:

- 1) русская группа с русским и украинским языками;
- 2) западная группа с языками чехословацким, польским, лужицко-сербским и полабским;
- 3) южная группа со словенским, сербо-хорватским и болгарским языками...

<...> ...Топографические условия прародины славян также чрезвычайно способствовали делению славян на три группы, так как люди могли расселяться лишь по направлению к западу, югу и востоку.

В28

Предпосылки о прародине славян

...Диалектическое распадение индоевропейского праязыка на западную и восточную группы дает нам первое определенное указание на исконное географическое положение славян. Славянский язык вышел из восточной группы индоевропейского праязыка. Ближайшими соседями славян были, как видно, предки литовцев, предки иранцев и древних индийцев; напротив, сидевшие к западу от них предки греков, италийцев, кельтов и германцев были, очевидно, соседями более отдаленными.

С течением времени восточная ветвь индоевропейцев, очевидно вследствие резкого движения к югу предков иранцев и древних индийцев, распалась. Славяне остались в Европе вместе с предками литовцев и остались здесь несомненно в тесном соседстве с этим племенем, что видно частью из исторических судеб, не разлучивших оба племени и до сих пор, частью из особенной близости языков славянских и балтийских. <...>

Общая прародина балтийцев и славян

В исконных своих местожительствах — в северо-западной России, в Прибалтийском крае — остаются балтийцы и славяне.

Сравнительное изучение индоевропейских языков доказывает особенную близость между славянскими и балтийскими языками. Близость эта не может быть случайною и не может зависеть только от общего их происхождения из индоевропейского праязыка: в балтийских и славянских языках замечается ряд общих отклонений от исконных отношений, и эти общие откло-

* Из кн.: Шахматов А. А. Введение в курс истории русского языка, ч. I. Исторический процесс образования русских племен и наречий. — Пг., 1916, с. 18—42 (текст приводится в современной орфографии).

нения свидетельствуют об общей жизни в такую эпоху, когда они отделились уже от остальных индоевропейских языков. Входить в доказательства этого положения не представляется мне уместным здесь; сошлюсь на то, что большинство лингвистов принимает существование славяно-балтийской эпохи, допускает, следовательно, в прошлом единство балтийских и славянских языков.

Существование такого единства свидетельствует весьма определенно о том, что славяне и балтийцы жили некогда на одной территории. Соглашаясь с утверждением многих лингвистов и археологов о том, что балтийцы в Прибалтийском крае были автохтонами, признаем, что этот край был прародиной предков славян, когда они составляли одно целое с балтийцами.

Указание на общую славянам и балтийцам прародину на востоке Европы извлекается еще из следующего обстоятельства. Ни в славянских, ни в балтийских языках нет своего исконного названия для обозначения дерева бук; бук же, как известно, не растет восточнее черты, идущей приблизительно от Кенигсберга через Польшу на Подолью (точнее граница проходит западнее Прегеля через Ломжинскую, Седлецкую и Люблинскую губернии, направляясь к устьям Дуная); следовательно, славяне и балтийцы жили восточнее этой черты. Правда, в славянских языках есть общее многим из них слово бук, но звуковая сторона этого слова не оставляет сомнений в том, что оно заимствовано из германского. Как увидим, второй славянской прародиной надо признавать Повисленье; перейдя сюда и встретив здесь букковые леса, славяне назвали бук словом, принадлежащим автохтонам Повисленья — германцам.

Первая прародина славян

<...> Это жители севера. Нужны были известные благоприятные условия для движения их к югу, к очагам Средиземноморской культуры. В сравнительно позднее время и притом, как увидим, не раньше V, конца V века, началось это движение: мы видим в VI веке и позже славян у Черного моря, в Приднепровье и даль-

ше на восток, у Дона — ясно, что прийти сюда они могли по тем самым путям, что привели на юг восточных германцев; видим славян утвердившимися на Балканском полуострове, Пелопонесе и даже в Малой Азии — ясно, что эти движения славян повторяли движения кельтов и германцев. Но отсюда, из выясняющейся таким путем аналогии, мы выводим и то, что некогда славяне были жителями севера и притом сидели севернее германцев, ибо только движения последних на юг очистили пути в южную Европу и славянам.

Самым решительным образом возражаем мы тем ученым, которые в большей или меньшей степени склоняются признать славян автохтонами в пределах современной Австрии и даже на Балканах: этому противоречит весь ход образования и развития индоевропейских племен, представленный выше. Если бы славяне жили южнее германцев, они раньше их вступили бы на историческую сцену. Автохтонисты основываются на некоторых научных соображениях, а именно на анализе географической номенклатуры, обнаруживающей как будто славянские элементы в географических названиях такой эпохи (II и III в. по Р. Х.), когда, по мнению других ученых, славяне были еще далеко за пределами тех придунайских стран, где отыскиваются эти названия. Так, указывают на старые названия рек, близко напоминающие славянские *Быстрицу* и *Черную*, в числе правых притоков Дуная; древнее название Тиссы — *Pathissa* — сопоставляют со славянским *Потисье* (сербск. *Потисје*); старое название Блатенского озера на западе Австрии — *Pelso* — отождествляют со славянским *Плѣсо* и т. д. Подобные этимологии не имеют, однако, доказательной силы; здесь возможно случайное созвучие. В частности, *Pelso* не может быть тождественно с *Плѣсо*, ибо в последнем слове слог *пле* произошел не путем перестановки; название *Tierna* скорее объясняется из кельтского *Tigerna* и т. д.

Но так же решительно возразил бы я и тем ученым, которые первоначальные жительства славян полагают на Карпатах или, как мы видели, в бассейне Припяти, в современной Полесье... Допустив, что славяне сидели некогда ближе, чем германцы, к очагам Средиземноморской культуры, мы не поймем, почему блага этой культуры, по ясному свидетельству языка, проника-

ли к ним через посредство германцев. Допустив, что славяне исконно продвинулись в среднюю Европу, мы не поймем, напр., того, почему знакомство славян с кельтами или с рекою Дунаем предполагает германское посредство. Славяне называли итальянцев волохами, названием, заимствованным у германцев, которые обозначали им кельтов, распространяя это имя и на сидевших южнее кельтов — романзированных кельтов, а потом и на итальянцев; звуковая сторона общеславянского слова *волахъ* (откуда южнослав. *vlach*, западнослав. *wloch*, русск. *волохъ*) доказывает, что это германское заимствование, ибо славянское *х* является в соответствии с исконным к этому слову (Славянское слово *Дунай*, в сопоставлении с исконным, кельтским названием этой реки *Dānuvios*, звуком *u* (*y*) в первом слове обнаруживает свое непосредственное происхождение из прагерманского *Dōnauvia*. Но главным возражением моим является то, что, сидя в Полесье или на Карпатах, славяне оказывались бы в районах, промежуточных между двумя культурами — во-первых, той Средиземноморской, которая шла к ним через посредство германцев, во-вторых, той, которая должна была бы влиять на них с юга, с берегов Черного моря или с Балканского полуострова. Нахождение под влиянием двух культур привело бы славян к неминуемому распаденю на две культурные области; между тем славянские языки в исконном своем словарном составе не обнаруживают подобной раздвоенности. Далее, влияние двух культур не могло бы привести к активному движению в одном направлении, а между тем весьма вероятно, что Повисленье стало второю родиной для всего славянства; а не только для западной его ветви.

Итак, вот те главные мои основания, которые заставляют меня предположить, что первой, исконной родиной славян было Балтийское побережье, точнее — нижнее течение Немана и Западной Двины.

Вторая прародина славян

В конце II в. по Р. Х. готы, очевидно по следам сплавов-бастернов, двинулись из Повисленья на юг, к нижнему Дунаю. Здесь они столкнулись прежде всего со

спалами и покорили их себе. Но, вероятно, в дальнейшем движении на юг, на Балканский полуостров, готы встретили отпор со стороны Византии. Заняв Поднепровье, они распались на два племени: остготов и вестготов, или грейтунгов (степных) и тервингов (лесных); границей обоих племен была река Днестр. Остготы утверждают свое господство на Днестре и, поддаваясь все тому же инстинкту, который вывел их из Повисленья, начинают пытаться овладеть Константинополем посредством морских экспедиций.

Остготы в своей политической и военной деятельности в южной России были прямыми предшественниками восточных славян. Русского историка не может не интересовать каждая частности, относящаяся к готскому владычеству в Поднепровье. Но готы осели здесь в такое время, когда в систему европейских народов начал врываться новый поток чуждых народностей, когда началось так называемое великое переселение народов.

До IV в. европейская система знала периодические движения народных полчищ с севера на юг, согласно отмеченным выше инстинктивным стремлениям этих народов. На юге России происходили, правда, передвижения народов, шедших с востока, но эти передвижения не нарушали европейской системы, так как не проникали далеко в глубь Европы и не задерживали движения с севера на юг. Впрочем, некоторые иранские племена, напр. язиги, успели пробиться и в центр Европы, заняв бассейн Тиссы, но эти удары со стороны были сравнительно незначительны. Около I—II вв. нашей эры произошло нарушение старых отношений в другой системе народностей Старого Света, а именно в той, где базисом, культурным основанием, была территория современного Китая, а периферией — территория северной Азии; так же, как в европейской системе, в восточноазиатской культурной области происходила периодическая смена владычеств сибирских народностей, превращавшихся под действием китайской культуры из дикарей в варваров и стремившихся затем овладеть очагом этой культуры. В I—II вв. гунны, стремившиеся к югу для овладения Китаем, были, однако, отражены укрепившимися в нем их предшественниками. Разбитые гунны устреми-

лись на запад, увлекая за собой и другие народности. Готское государство на Днестре не могло устоять перед натиском: в IV в. разбитые остготы кинулись к западу и искали спасения в Византийском государстве. Гунны остановились в центральной области Европы, в современной Венгрии. Им удалось организовать большое государство, в состав которого вошли и германские, и романские, и кельтские, и иллирийские народности. Государство Аттилы остановило всякое самовольное движение европейских народностей.

Славяне в предшествующее нашествию гуннов время, воспользовавшись опустением Повисленья (из которого ушли скиры, а затем — готы), двинулись из своей прародины на юго-запад, заняли Повисленья и, по-видимому, готовились идти по следам готов на юг — добывать Балканский полуостров. Свидетельством о их движении к югу служит то, что северное Повисленья захватывается пруссами, одним из балтийских племен.

Но утверждение гуннов в средней Европе остановило славян.

А. М. Селищев. <О жизни древних славян по данным языка>.*

Как из исторического изучения языков и этнографии славянских народов, так и из данных археологических можно извлечь указания на некоторые черты экономической, общественной и культурной жизни славян доисторического времени.

Хозяйственной единицей была большая семья, во главе с домовладкой (патриархальная семья). Свидетельства о такой семье представляют памятники исторические, относящиеся к раннему периоду исторической жизни славян, и пережитки бытовые в разных славянских областях, в особенности на востоке (у славян восточных) и на юге (у болгар и главным образом у сербов). Богатая доисторического происхождения терминология родовая и семейная также указывает на такую организацию. Например: *отьсь, matí, супъ, dьkti, dьdъ, pra-*

* Из кн.: Селищев А. М. Славянское языкознание, т. 1. — М., 1941, с. 11—14.

dědъ, baba, vьpukъ, bratъ (bratъ), sestra, jetry (такое название применялось замужней женщиной по отношению к жене мужнина брата — деверя), stryi («брат отца»), spъcha, svekъ, svekы («свекровь»), zьtva, dьvergъ. У славян уже в доисторическое время не было употребительно в отношении названия отца слово, соответствующее лат. pater, греч. πατήρ, немецк. Vater; славяне употребляли название с корнем ot- — название более интимного, ласкательного значения, название, соответствующее лат., греч., албанскому at, кельтскому aite, хеттскому attas — «батюшка», «папа» — название, имевшее свой источник в языке детей. У славян еще сильнее подчеркнуто ласкательное значение этого имени, подчеркнуто суффиксом -ьсь: oтьсь. Корень ot- входил и в другие образования (ср., например, прилагательное с суффиксом -ьп-, указывающим на отношение к значению корня: oтьпъ).

Названия совокупности членов рода и племени: rodъ, sьgodъni, narodъ (na-rod-), bratъstvo, kolěno, pleme (вм. pled-me, корень pled- чередовался с plod-: plodъ, ploditi).

Отношение к роду, к общности владений и имущества: dьdina, rodina, oтьcina, obьtjina (русск. община, чешск. obec).

Основное значение, которое выражали названия, относившиеся к совокупности членов рода, а также народа, заключалось в идее н а р о ж д а н и я, н а р а с т а н и я. То же значение представляют соответствующие слова и в других языках. Ср. у греков φύλον («род», «народ») — глаг. φύομαι («расту»), γένος (дорич. — «племя»); ср. лат. natio из gna- и глаг. nascor; нем. Leute — готск. liudan («расти»), ср. слав. ludъ, ludiје.

Старейшина семьи, рода: starosta, starěišina, voldyka, golva, gospodъ. Ср. др.-инд. dāmpatiḥ, греч. θεοπατήρ; др.-инд. dam- и греч. δεο- представляли в этих случаях результат редукции имени dāmaḥ, domos — «дом»; patih, patēs — «властитель», т. е. эти сложные слова имели первоначальное значение — «домовладыка». Ср. значения литовского имени pats: «господин», «муж», «сам».

По отношению к главе рода применяли также имена гърапъ (позднее чешск. и польск. rap) и žирапъ, которые восходят к одному корню разного звукового вида: гурап-

гурап-. Жупаны стояли во главе родов и в исторической жизни славян. Так, по отношению к южным хорватам Константин Порфирородный (X в.) сообщает: «Начальствующих эти народы не имеют, кроме жупанов — старейшин (ζουβάνοι-γέροντες), подобно тому как это в обычае и у остальных славянских народов».

Дела, касающиеся рода, решались собранием. Для его названия служил корень bog- и ьп- одного и того же значения (berp, ьпp-, vьzьpъ): sь-bog-ъ, sьп-ьп-ъ.

Во главе родовой группы, отправлявшейся на войну, стоял vojevoda. Эта группа билась под одним знаменем: знаме (zna — то же, что в znati, znakъ). Называлось знамя и словом zastava (корень sta-) или звукоподражательным именем roproгъ («что развевается»).

Усиление власти военачальников произошло позднее, в результате взаимоотношений с германскими народами. На это указывают названия таких вождей, названия, заимствованные от германцев: kьpedzъ; ср. др.-в.-нем. kuning (раньше у германцев это был представитель рода, kuni — «род»), cēsarъ, cьsarъ; ср. готск. kaisar (вм. латинского имени Caesar).

Ж е н б р а л и из другого рода, но того же племени. Родственники жены были люди близкие, но не sьgodъni, так же как это было и у других народов; ср., например, др.-инд. bāndhu, греч. λευθερός — «тесть»; корень тот же, что и в немецком binden («связывать»). Слав. tьstь, tьšca (вм. tьstja), šurъ («брат жены»), svьstь («сестра жены»), zьtь, nevěsta (сложное слово, состоящее из корня nev- «новый» и ēd-: ē-do — «себе брать», «давать»: nev-ēd-ta → nevěsta — «вновь взятая», «вновь выданная»); mъzъ (корень mъp-, тот же, что и в др.-инд. mānuḥ, готск. māppa, нем. Mann — «человек», «муж»; корень mъp- или mep- имел значение «мысль»); žena (вм. gena; корень gen- — «рождать»; тот же корень и в других индоевропейских языках); ženiti sь или voditi в отношении мужчины; но iti za mъzъ в отношении женщины. В получении жены участвовала družina. Применялся иногда воровской способ похищать посредством набрасывания на жертву покрывала: zavoi, povoi — povoinikъ, pametъka, šерьсь.

Одно из явлений, весьма часто практиковавшихся в жизни при родовой организации, — это кр о в а в а я

м е с т ь. Так было и у славян. Некоторые термины, относящиеся к этому явлению — *мьсть, мьstiti, кгу* (вин. пад. — *кгувь*), *вогъ, вьгвь* (круговая порука мстить за кровь сородича), *сѣпа*, т. е. то, что связано было с компенсацией за пролитую кровь; корень *коi-, kai-* — тот же, что и в *кајати* — в значении «мстить»: ср. др.-иранск. *каена* — «месть», «отплата», греч. *ποινή* — «пеня», «кровавая мечь». То, что высчитывалось за кровь, — это была *сьсть* в м. ъст-ть (*ti* → *st*). Кровной мести можно было избежать примирением, уплатой «цены» — *сь-мигити*. В замирении главную роль играли *dobri l'udьje*. За кем числилась кровь, тот приносил *рокогъ* (*рокога*); глагол *рокогити*. Из врага (*вогъ*), из соперника (*ср-рьг-ь*) он становился названным братом — *робратимъ*.

Славяне обрабатывали землю, имели стада скота. Слова доисторического времени, относящиеся к земледелию: *ог-ати, гадло, или гадо* (корень *ог-* и суффикс *-dlo*, указывающий на орудие производства), *socha, борна, motyka, rydlo (гуло), зьгрь*.

Хлебные злаки: *просо, гъзь, овьсь, рьшеніса, жестьму*.

Другие термины: *гутьно, токъ, споръ, солна, зьгпо*. Из этих терминов *гутьно* своей этимологией проливает свет на способ обмолота — *гу-тьно*: *гу-*, перед гласным *гов-*, — «рогатый скот» (*говѣдо*); *-тьп-*, тот же корень в глаголе *тьп-р, мѣти*; лит. *minti* — «топтать»; *гутьно* — «место, где мнут, толчут животные». Таким образом, обмолот производился посредством вытаптывания зерна рогатым скотом на току.

Из зерна получалась *трка*, получалась при помощи жернова — *зьгну*.

Термины, относящиеся к скотоводству: *говѣдо*, («рогатый скот»), *когва, воъ, букъ, теле, овьса, агне (јагне), копъ, жегбе*. При стаде был *рьсь* (корень *рьс-* соответствует др.-инд. *раç-, раçûh* — «скот», лат. *рес-, rescu, rescus* — «скот»).

Продукты скотоводства: *мѣко, сугъ, съметана, масло* в м. *мазтло* (т. е. средство для смазывания).

Значительно было развито ткачество. Много терминов относилось сюда: *тъкати, ставъ или стапъ, кроспо, павои, рѣкъ* (*р* — префикс «в», того же происхождения, что и *въ*; отличался от *въ* тем, что гласный был на полной ступени — *оп*, а в *въ* гласный был на ступени редукции — *ъп*; *v* перед *ъп* — вторичного происхождения,

перед начальным *ъ*); *сьпъ, сьпнъкъ; вьрдо, вертено, пить*. Материал для обработки: *вьлна, льпъ, копорја* (копор'а). Другие термины: *кодѣль, гредр*. В результате ткань получалось *сукно* (*suk-*, глаг. *суçiti*) или *рольпо* (корень *ролт-*, имеет значение «то, что сложено»). Полотно иногда пестрили: *рьсати (pisati), рьстръ*.

Другие орудия: *сѣкура¹, tesla, позь, пѣла, долто, или delto* (корень *dolb-* — или *-delb-*; ср. глагол *dьlbiti* — «долбить»), *молтъ, шидло — шило, јьгла, кyi, корье, ѣркъ, те-тѣва, стрѣла, поркъ, или porktja* («праща»), *щитъ* (из дерева или сплетенный, обтянутый кожей).

Ранние исторические источники свидетельствуют о грабежах и жестокости славян, о том, что представляют и другие народы той же общественной формации при ее разложении. Такими были славяне в походах. При разложении родовой организации население ищет в походах средства для наживы, для грабежа. Термины: *orzboi* (южнослав. *разбон*), т. е. борьба, бой, *лупити, grabiti, kosti*.

Но в обычное время славяне были гостелюбивы и мирны (Прокопий, Маврикий, Павел Диакон). Они свободолюбивы. «Кто под жарким солнцем может нас покорить?» — ответили славяне на предложение авар подчиниться им (578 г.). «...Вообще славяне неустрашимы и воинственны, и не будь у них несогласия, как следствия разнообразного разделения их племен и разбросанности их народов, не сравнялся бы с ними в мощи ни один народ в мире», — писал арабский путешественник Ибрагим Ибн-Якуб (X в.).

Любор Нидерле. Одежда <древних славян> *

Славянская одежда отличалась как общим видом, а также и деталями от платья соседних народов, не только восточных, что было вполне естественно, при наличии большой разницы культур, но и западных, напр., германских... Прокопий (VI в.) так характеризует древнюю

¹ Название этого орудия было с разным гласным в корне, — с *ѣ* (из *е*), с *е* (из *ѣ*), с *о* (чередование *е* и *о*: *ber-||bor-*). Ср. указание сербского языка на *sѣk-: sѣkiga* (в центральных штокавских говорах), *-sikira* (в икавско-штокавских говорах): *je* и *i* в м. *ѣ*...

* Из кн.: *Нидерле Любор*. Быт и культура древних славян. — Прага, 1924, с. 146—180.

одежду славян: «некоторые не имеют ни хитонов, ни грубых плащей, а ходят лишь в штанах, которые доходят до бедер; так они ходят и в бой против врагов»...

У славян для одежды было несколько названий: ст.-сл. *gubo*, ц.-сл.—одежда, *odězda*, *ostegъ*, *ostězъ*, а также порты (пърты, пъръты, портнице), этим термином пользовались в старых памятниках письменности для обозначения платья вообще, а не в том узком значении, которое ему было придано в более позднее время; напр.: «рекоша дружина Игореви: отроци Свѣнльжи изодѣлися суть оружьемъ и порты, а мы назѣи» или «свергъ порты, сунуся въ Днѣпръ и побреде» (Лавр. лет.)... и «самъ же въ худыя пърты обълкъся ти, тако хожаше» (Нестор. жит. Феодосия...) Древнего происхождения и название *gubъ*, *guby*, ст.-сл. *grъbъ*, польск. *gab*, *gabek*, малор. *руб*.

Мужской костюм.— Нижнее платье

Вопрос об одежде славяне не разрешили оригинально и красиво, как то сделали некогда греки. Древнее одяние славянина не было свободно и не подчеркивало красоту телесных пропорций, мускулов и их движения; три основные части славянского костюма: штаны, рубаха и верхний плащ — также мало отвечали этой задаче. Лишь позднее античное влияние сообщило их покрою некоторую красоту линий и придало легкость складкам. Первоначально все три части костюма были довольно узки, грубы и тяжелы в складках. Исподняя одежда издавна состояла из штанов и рубашки для защиты нижней и верхней части тела.

Согласно известию Прокопия, штаны у славян доходили до начала бедер... где они держались, стянутые куском ткани, веревкой или ремнем, а внизу были завязаны, чаще всего над лодыжками... В древности штаны были без клапанов, а разрез приходился чаще всего сбоку. Для обозначения этой части одежды имелось два термина, которые, конечно, в древности отличали покрой: гати (*gatě*) и ноговицы (*nohavice*). Термин гати (церк.-слав. *gašte*, малорус. *гачи*, болг. *гашта*, ст.-чешск. *hase*, праслав. *gatja*) загадочного происхождения и трудно выяснить, что он первоначально значил; теперь это слово сохранилось для обозначения свободных полотняных нижних штанов, что, возможно, было и в древности в

отличие от верхних ноговицъ, причем этот термин не только древний, но и общеславянский.

Третье название — шаровары* — также древнее, общеславянское, но заимствованное, вероятно, из иранских языков...

Рубаха была необходима для защиты тела от зимних стуж, она привилась издревле и вполне естественно, что в языческое время для этой части костюма у славян существует несколько названий, которые служили для обозначения разных ее видов: *gubъ*, рубаха, рубашка, чехоль, *čechel*, свита, срака, сукня (сукман), *košile*, *kotyga*. Главные отличительные признаки были: длина, разрез ворота, рукава и сорт материала...

Одним из наиболее древних видов была рубаха; на это указывает не только древнее, общеславянское ее наименование *gubъ*, ст.-сл. *grъbъ* (чешск. *gubáš*, русск. рубаха, рубаице, сербск. рубина, болг. *ръб*, польск. *gabek*), в смысле длинной рубахи или плата, что уже засвидетельствовано в памятниках XII в., когда говорится о плохом и бедном одянии, но и то значение, которое ей присвоено в славянском фольклоре. Ею пользовались в наиболее важных случаях жизни, очевидно, памятуя, что некогда она была основной частью мужского и женского костюма.

В этом же смысле в славянстве был в употреблении и другой термин: *čechl*, русск. чехоль, чехликъ ...

Наряду с сорочкой ... у славян существовало и название сукня, *сукъманъ*, *сукъно*, *сукъманецъ*, чешск. *sukně*; польск. *sukmana*, очевидно, производимое от сукна, и изготовляли ее из грубой домашней шерстяной ткани...

Под римско-византийским влиянием древняя рубашка начала постепенно исчезать, оставаясь лишь у простого народа... Под римским влиянием... был принят особый термин *кошуля* (*košulja*), от вульгарного лат. *casula*, который встречается уже в славянских памятниках с XI ст. ... Впоследствии понятия рубаха и сорочка слились в кошулю для обозначения более легкого исподнего платья. Интересно отметить, что на Руси название «кошуля» распространялось на одежду, изготовляемую из заячьего или бараньего меха.

* Русск.— шаровары, чешск.— *šaravary*, серб.— шалваре, польск.— *szarawary*...

Довольно рано в славянских памятниках встречается и «котыга», серб.-хорв. котига, малор.— котик; оно возникло из средневеков. латин. «cotuca» — tunica clevisci и заменяло одновременно и хитон и гиматий.

В восточной церкви был принят из светского греческого костюма — подризникъ — стихарь, из греческ. στήθαιον, в виде длинного до пят хитона с рукавами и без разреза.

Верхняя одежда

В качестве верхней одежды могло служить только что описанное исподнее платье — сорочка и сукня, главным образом, когда они шились из добротной ткани и были достаточной длины. Польская «сукмана» стала верхним, спереди открытым одеянием, которое носили поверх камзола и жупана.

Кроме этого, возник целый ряд специально верхней длинной одежды с рукавами или безрукавной, которая одевалась через голову или имела разрезы спереди, которые застегивались с помощью различных застежек и пуговиц.

Длинным верхним платьем славянского происхождения была свита или свитка, упоминаемая в памятниках начиная с XI в. <...> В некоторых местностях свита была длинным рукавным платьем, которое одевали непосредственно на тело. В XI в. преп. Феодосий «въ единой свитѣ си пребывааше», а «одежа его бѣ свита власяна остра на тѣлѣ»... Однако из памятников письменности явствует, что свиту носили и поверх рубахи; так напр., в летописи под 1074 г. сообщается о некоем монахе Исааке: «и облечеса въ власяницу и на власяницу свиту вололяну».

Это подтверждается и другими древними известиями и покроем свиты, сохранившимся до сих пор у малорусов и югославян в виде верхней одежды с широким в складках низом, из грубого домашнего полотна или сукна. <...>

Кабат, жупан, кафтан. Уже в X—XI вв. у славян существует наряду со свитой целый ряд других верхних одежд, в большей или меньшей степени открытых спереди, на груди, и сшитых из лучших тканей. Самое название кабат (чешск. kabát, болг. кавада, серб. кавад,

польск.-луж. kabat) было скорее всего восточного происхождения, но стало впоследствии общеславянским.

Позднее, особенно в России и Польше, появился целый ряд кабатов, которые различались покроем и длиной, причем им были даны и специальные названия. О древнейшей эпохе можно только сказать, что этот род платья уже существовал, но воссоздать его форму на основании археологических находок в виде остатков воротников, застежек, пуговиц, опушек невозможно. Материалы, извлеченные из погребений IX—XI вв., указывают на неоспоримое существование, особенно у восточных славян, разнообразного верхнего платья, шитого из тяжелых, ценных и зачастую чужеземных тканей, с узкими или широкими рукавами, с наручниками у запястий, с отложным или стоячим воротником, свободного или стянутого драгоценным поясом, изукрашенным бляшками и галунами, иногда еще и обшитого по низу бахромою, а иногда открытого спереди и застегивающегося на ряд пуговиц или петлиц. <...>

Восточное влияние также было очень сильно, что подтверждается массовыми находками восточных украшений и драгоценностей в славянских могилах IX—XI ст. ...

На восточное влияние, как для отдельных ее видов, так и для деталей, указывает и целый ряд восточных названий: армяк, зипун, кафтан, халат, сарафан, ферязь, шушун, доломан, кунтуш, епанча и др. <...>

Кожух и шуба. В зимнюю пору славяне одевали поверх обычного платья еще и теплую длинную или короткую одежду, подбитую мехом. Для этой цели изготовлялись подобного рода сукни, кабаты, плащи, а кроме того, и особые одеяния из различных сортов меха; для их обозначения существовало у славян два названия: кожух и шуба. Первый был домашним изделием и местного происхождения, на что указывает и самый термин (кожух от *кожа*, *мех*), и встречается уже в памятниках XII в. <...>

Шуба возникла позже; это название часто обозначает у славян тот же кожух, но другие производные этого слова приближаются к точному значению арабского al-džubbāh — шерстяное нижнее платье. Слово *шуба*, служившее для обозначения кожуха, могло быть образовано из schube, schaube, но также допустимо предположение,

что его заимствовали от венгров или других восточных народов...

На поясах у мужчин висело либо оружие, либо мешочки с огнивом, ножиком и туалетными принадлежностями... Богатые женщины носили у поясов и особые футляры для туалетных мелочей, сработанные из кожи, бронзы и серебра; существование их подтверждается как археологическими находками... так и свидетельством Ибн-Фадлана, что «каждая женщина (на Руси) носит на груди футляр из железа, меди, серебра или же золота, в зависимости от достатка ее мужа, а в таком футляре хранятся нож с кружком». <...>

Плащ. Третьим видом верхней одежды славян был большой кусок ткани, который не одевался, но прямо накидывался на плечи и покрывал тело, подобно нынешнему плащу. Первоначально плащом славянам служили меха диких зверей, особенно медвежьи, или просто кусок грубой, но плотной ткани. <...>

Слово *плащ* — древнее и обозначало гладкое (корень *plaskъ*), плотное покрывало; но рядом с ним типическим славянским одеянием, также служившим для покрытия тела, было корзно, кързно, стар.-чешск. — *krzno*, хорв. — *krznag*, слов. — *krzno*, *krzina*, упоминаемое уже в памятниках X — XI ст. <...>

К этой группе одежды удобнее всего отнести ризу, о которой известно, что она была свободной, длинной верхней одеждой...

Обычно риза является монашеским или церковным одеянием, которое носят сверх подризника, имеющего вид длинного подпоясанного хитона...

Женская одежда

Рубашка. О женской народной одежде имеется сведений еще меньше, чем о мужской. Тем не менее нельзя сомневаться, что и для женщин основной одеждой была рубашка, первоначально служившая одновременно исподним и верхним платьем.

Возможно, что в теплое время года костюм славянки состоял только из одной рубашки, как это еще и до настоящего времени можно наблюдать у южных славян. Судя по рубашам жителей Карпат, которые несомненно сохранили стародавний покрой, можно отчасти восстано-

вить ее древний вид. Она делалась из широкого куска материи, который обертывали вокруг стана и сбоку зашивали; для прикрытия ног пришивалась нижняя часть, вся набранная в складках, наподобие свиты. Эта рубашка держалась на особой лямке, перекинутой через плечо (реже их было две); рукавов она не имела, чем и отличалась от сорочки, которая всегда была рукавной. <...>

Для предохранения тела от холода и от возможности запачкаться при работе, древние славянки одевали на рубаху род верхнего одеяния, причем нижнюю часть тела, начиная от пояса, обычно закрывали фартуками, которые шли от зада к переду и наоборот; пережитки их сохранились в старинных народных костюмах, например, в зап. Болгарии, где на сукман одевают два фартука: передний — «фута», «престилка» и задний — «вълненик», «завеска». Также существует два вида передников и у малорусов: «запаска» и «попередница», при праздничном костюме на зад одевают плахту, а перед покрывают запаской... Запаски известны также и в Польше.

На верхнюю часть тела надевали меховые или шерстяные сукни и кабаты, которые иногда были так длинны, что покрывали и ноги.

В языческий период эти кабаты и кафтаны мало чем отличались от мужских; они шились из одного и того же материала, имели одинаковые украшения и различались только по качеству, в зависимости от степени достатка людей, их носивших.

То же самое можно сказать и о поясах; впоследствии они стали отличаться формой и тем, что их старались приспособить к женской фигуре.

В X — XI вв. широкие рукава стали обычными для верхнего женского платья; это была общая мода для всей Европы, занесенная на запад с юга.

Такого покроя верхнюю одежду надевали на исподнее платье с узкими рукавами...

Одним из видов верхней одежды была и понява*, сохранившаяся и до настоящего времени, но в некоторых местах этому термину придано иное значение...

* Русск. понява, понева, понявица, поня обозначает иногда накидку, а чаще всего род юбки (Даль, Словарь). В Чехии *pojva* обозначает большой кусок ткани, которым покрывают воз. Словен. *pojava* — простыня.

Б. Д. Греков. Сельское хозяйство древней Руси*

Русь как народ с определенными этническими признаками, с его бытовыми и хозяйственными навыками, появилась на исторической сцене не вдруг. Народ со всеми его особенностями в языке, трудовых навыках, обычаях, духовном облике сложился в итоге непрекращающегося длительного этногенетического и исторического процесса.

<...>

Историк русского народного хозяйства не может в настоящее время игнорировать блестящие открытия археологов. Имею в виду прежде всего успехи в изучении так называемой трипольской культуры. Это культура Поднестровья и Поднепровья, датируемая III—II тысячелетием до н. э., т. е. доскифская культура.

Это та самая территория, которая позднее стала центром Руси. У нас нет основания сомневаться в том, что неизвестные нам по имени племена, населявшие эту территорию, генетически связаны с Русью.

... В. В. Хвойка открыл при раскопках трипольских площадок остатки культурных растений и... поставил вопрос о земледелии в трипольскую эпоху. <...>

<...>

Раскопки Коломыйщенского поселения выяснили, что в глиняной массе, употребляемой при постройке жилищ, имеется примесь растительных веществ: зерен, полосты, мелких частиц колосьев хлебных злаков. Тщательное исследование этих остатков позволяет утверждать наличие пшеницы, ячменя, ржи и проса. Стало быть, племенам, жившим в Днестровско-Днепровском бассейне, уже в доскифское время было известно земледелие, которое мы имеем основание считать мотыжным. Земледельческие орудия в поселении Коломыйщины преобладают. Тут найдены мотыги из лосиного или оленьего рога с заостренным концом и просверленным отверстием для прикрепления рукоятки. Для земледельческих работ приспособлялись орудия из мягких горных пород. Для сбора урожая употреблялись кремневые ножевидные пластинки, иногда серповидной формы, с зазубренным краем. В 1939 г. в Коломыйщине найден был костяной серп значительных размеров, сделанный из лопатки быка или коровы.

* Из кн.: Греков Б. Д. Киевская Русь.— М., 1949, с. 33—52.

Способ молотыбы остается до сих пор точно не выясненным, но зато довольно хорошо установлен способ обработки зерна. Самым обычным средством здесь является размалывание зерна в каменной зернотерке. Зернотерка составлялась из двух частей: нижнего, широкого плитовидного камня и каменного толкача. Эти зернотерки обычно находятся вблизи больших сосудов, предназначенных для хранения запасов. Растирали зерно обычно женщины, на что указывает найденное тут же изображение женщины, склоненной над зернотеркой. Для хранения зерна употреблялись особые сосуды до одного метра высотой, стоявшие в особых, предназначенных для этого местах жилища по 10—15 штук вместе.

Т. С. Пассек на основании своего очень большого материала приходит к выводу, что земледелие здесь было главной отраслью хозяйства. <...>

<...>

Геродотовская характеристика скифского земледелия хорошо известна. «Земля скифов,— пишет Геродот,— представляя собою равнину, изобилует травой и хорошо орошена. По ней протекают реки: пятиустьный Истр (Дунай), за ним Тирас (Днестр), Гипанис (Буг), Борисфен (Днепр), Пантикап, Ипакирь, Герр, Танаис (Дон). Река Борисфен самая прибыльная: доставляет стадам прекраснейшие и очень питательные пастбища, превосходные луга, рыбу в огромном количестве; вода ее очень приятна на вкус и отличается чистотой среди мутных рек Скифии: вдоль нее тянется превосходная пахотная земля или растет очень высокая трава там, где почва не засеивается; в устье ее сама собою залегают соль: в ней ловятся для соления большие рыбы без позвоночника, называемые осетрами». Страна скифов производит, по словам Геродота, хлеб, чечевицу, лук, чеснок, лен и коноплю; из животных водятся в ней лошади, быки, ослы, кабаны, олени, зайцы, козы. Геродот указывает также на наличие пчел.

По Геродоту, скифы этнически не представляют собою единства. Тут много племен, говорящих на разных языках. Нет единства и в занятиях населения. Одни племена занимаются скотоводством, другие усердно и успешно — земледелием не только для себя, но и на продажу. Одни кочуют, другие прочно сидят на земле.

<...>

Данные языка говорят о том, ...[что] уже в глубокой древности в славянском языке имеются термины, свидетельствующие, что славяне очень давно были хорошо знакомы с хлебными злаками, огородными овощами и сельскохозяйственными орудиями производства.

Очень важно в данной связи напомнить, что в венгерском языке терминология, связанная с земледелием, — славянская, тогда как скотоводческие термины — венгерские. Это не может быть случайностью.

А. В. Арциховский характеризует состояние земледелия у славян весьма определенно: «Плужное земледелие было уже основой хозяйства вендов, равно как и всех других средневековых славян». <...>

Археологические и лингвистические данные вполне согласуются со сведениями древнейшей «Русской правды». Отправляющемуся в «служебную командировку» вирнику полагалось «взяти 7 ведер солоду на неделю, тоже овец, либо полоть или две ногате, а в среду резану, тоже сыры; в пятницу тако же. А хлеба, поскольку могут ясти, и пшена; а кур по двое на день; кони 4 поставити и сути им на рот (овса), колько могут зобати». Дальше еще имеется разъяснение относительно продуктов для вирника и его помощников: «борошна, колько могут изъести». Перед нами обычная продовольственная норма для командированного сборщика податей и штрафов. С другой стороны, и отклонения от этой нормы обнаруживают то же первенствующее значение хлеба. Крайнее ограничение в пище обычно в таких случаях изображается как переход на хлеб и воду. Антоний Печерский «яды хлеб сухой, и того черес день, и воды в меру вкушая». <...>

Никаких сомнений нет, что перед нами общество, производственная база которого основана прежде всего на земледелии. Хлеб — основная пища людей, как овец — лошадей, причем количество этих продуктов на едоков нормируется исключительно аппетитом потребителя, что говорит об изобилии этих продуктов.

<...>

...Для того чтобы в XI веке могло появиться земледелие со всеми теми хлебными и техническими культурами, которые нам известны по письменным и археологическим источникам, необходимы века. Достаточно указать на сообщаемый восточными документами факт, что славян-

ский лен (конечно, лен-долгунец, годный для пряжи) в IX веке в значительных количествах шел в Среднюю Азию через Дербент, чтобы у каждого, знакомого с культурой этого льна, появилось совершенно ясное представление о столетиях, необходимых для развития этой культуры в стране, где выращивали лен и откуда он вывозился на далекий Восток. То же в той или иной мере необходимо сказать и относительно других сельскохозяйственных культур, известных нашей древности.

<...>

В христианские понятия и представления заметно вошли элементы земледельческого культа: весна превратилась в богородицу, приезжающую на Благовещение на сохе; святые Илья, Егорий и Никола превратились в покровителей сельскохозяйственных работ и помощников земледельца. Особенно Егорий: «он жито родит», «ярь засекает», «горох сеет» и на поле «первый бог». <...> Молиться славянин привык под «овином»... и т. д. То же можно наблюдать и у пруссов, непосредственных соседей восточных славян. Протестуя против насаждаемого среди них христианства, они говорят миссионерам, что из-за них земля прусская перестанет давать жатву, деревья — плоды, животные — приплод. <...>

О земледелии как хозяйственной основе жизни древнеславянского общества говорит и славянский календарь, возникший еще в родовом строе во время господства огневой подсечной системы и земледелия. Славяне делили время на отрезки, соответствующие чередованию сельскохозяйственных работ, и определяли эти отрезки по луне. Первый месяц — месяц, когда секут деревья для сжигания, называется сечень; второй, когда срубленные деревья подсыхают, — сухой; третий, когда сожженные деревья превращаются в золу, — березозол; четвертый — травень; дальше идут кветень, серпень, вресень (от вращи — молотить). <...> Совершенно очевидно, в какой хозяйственной обстановке вырос этот календарь.

<...>

Наоборот, у народов, у которых долгое время господствовало скотоводство, например у казахов, названия месяцев обозначают: месяц, когда ягнятся овцы, месяц, когда начинают доить кобыл для кумыса, месяц стрижки овец, месяц, когда режут скот в зимний запас, и т. д.

У якутов названия месяцев свидетельствуют об их основной заинтересованности в рыбной ловле: месяц, когда тает лед, месяц метания икры и т. д. и т. п.

<...>

Итак, не только славяне, но и их предки были прежде всего земледельцами, в то же время прекрасно умевшими разводить домашний скот, ловить зверя, птицу и рыбу. Ремесленные навыки помогли славянину устроить свой сельскохозяйственный очаг. На этой хозяйственной основе продолжалась жизнь и русского общества.

П. Н. Третьяков. Охота. Рыболовство.
Бортничество *

Среди кухонных отбросов, встреченных при раскопках древнерусских городищ и селищ IX—XIII вв., кости домашних животных повсеместно составляют подавляющее большинство. Роль охоты, как источника мясной пищи, упала очень низко; это, однако, вовсе не означает, что охота потеряла в этот период всякое экономическое значение: и в это время в экономике Руси охота занимала очень важное место; она лишь приобрела иной характер, превратясь из «мясной» охоты в охоту преимущественно «пушную».

Торговля с отдаленными странами Юга и Востока, получившая особенное развитие еще в IX—X вв., требовала огромного количества пушнины. Если не говорить о рабах, привозимых русами на рынки Булгара и Константинополя, то пушнина являлась основным товаром, шедшим из Руси. Арабский автор середины IX в. Ибн-Хордадбех писал про славян, что они вывозят меха бобров и черных лисиц. Ибн-Русте сообщал о торговле соболиными, бельчьими и другими мехами. На первых страницах Повести временных лет сказано, что хазары получали дань от полян, северян и вятичей «по белей веверице от дыма». Дань мехами получали с населения и русские князья. Поэтому охота на пушных зверей, которая раньше велась в небольших масштабах, с IX—X вв. приобрела особое значение.

* Из кн.: История культуры древней Руси./Под. общ. ред. акад. Б. Д. Грекова и проф. М. И. Артамонова. Домонгольский период. Т. 1. Материальная культура./Под ред. Н. Н. Воронина, М. К. Каргера и М. А. Тихановой.— М.— Л., 1948, с. 72—77.

В X—XII вв. не только на севере, в землях Новгородской или Залесской, но и на юге, в Киевской земле, еще сохранялись огромные лесные массивы. Здесь можно было встретить рысь, тура или зубра, лося, оленя, кабана, медведя, зайца. Охотники били здесь куниц, «вевериц» (белок или горностаев), выдр, бобров, соболей, лисиц. Орудиями охоты служили лук со стрелами, различные сети и тенета и другие ловушки. Дикую птицу ловили с помощью «перевесов», больших сетей, которые натягивались высоко над землей в местах перелета птиц...

В XI—XII вв. богатые охотничьи угодья становятся собственностью князей и монастырей. В летописи и других источниках упоминаются княжеские «бобровые ловища», «тетеревики», монастырские «ловища гоголиные» и т. д. В Русской Правде есть особая статья о перевесах: «Аже кто подотнет вервь в перевесе, то 3 гривны продажи, а господину за вервь гривна кун».

Говоря об охоте в древней Руси, следует упомянуть еще об одной ее стороне. Охота составляла излюбленное развлечение князя, его дружины, вообще людей имущих, и являлась своего рода спортом. Это нашло отражение и в языке. В древней Руси охота именовалась «ловом», «ловитвой». Современное же слово «охота» означало тогда радость, веселье, развлечение. В своем Поучении Владимир Мономах подробно описывает, как он «ловил есмь всяк зверь», как «ловчий наряд сам есмь держал»; он вязал своими руками диких коней, охотился на туров и оленей; один лось на охоте его «ногами топтал, а другой рогама бол» и т. д. (Лавр. л., 1096). В летописи имеются упоминания и о многих других князьях, что они «ловы деяли» или ходили «на ловы»; о князе Васильке говорится, что он «был храбр паче меры на ловех».

В качестве княжеской охоты большой популярностью пользовалась в древней Руси уже чисто спортивная охота с ловчими птицами. У Владимира Мономаха были ловчие соколы и ястребы. В Слове о полку Игореве есть такой образ: князь Игорь «полете соколом над мглами, избивая гуси, и лебеди завтроку, и обеду и ужину». С ловчими птицами охотились не только на юге, но и на севере, в Залесье: «ястребы тешаше его», — говорится об одном позднейшем ростовском князе в его жизнеописании. В Правде Ярославичей также имеется указание на

княжескую или боярскую охоту: «а еже украдут чюжь пес, любо ястреб, любо сокол, то за обиду 3 гривны».

В экономике сельского хозяйства древней Руси большое значение имела рыбная ловля. Кости рыб и орудия рыболовства — крючки, остроги, грузила и поплавки от сетей — составляют обычную находку при раскопках древних поселений. Изучение остатков рыбы показывает, что тысячу лет назад русские реки были очень богаты разнообразной рыбой. Рыба достигала больших размеров. Нередко при раскопках встречаются кости огромных щук, сомов, лещей, осетров. Ганоидные рыбы — осетр, стерлядь, белорыбица — водились в то время не только в южных, но и в северных реках. Они нередко встречались на Верхней Волге, в верховьях Днепра и в Приильменье.

Судя по археологическим данным и письменным сообщениям, в X—XII вв. уже существовали почти все известные сейчас способы ловли рыбы и орудия рыболовства. Рыбу ловили неводом или бреднем, били острогой... ловили на крючок. Очень распространен был в то время запрещенный ныне как хищнический лов рыбы с помощью заколов, которыми перегораживались небольшие реки. В отверстия заколов ставились самоловные снасти, главным образом плетенные из ивняка мережи. <...> Закол, или, как тогда называли, «ез», позволял вылавливать огромное количество рыбы во время ее весеннего и осеннего хода.

Особое значение приобрел рыболовный промысел после распространения христианства. Если посты в древней Руси не пользовались популярностью ни в среде сельского населения, ни в городах, то они ревностно соблюдались церковью и монастырями. Рыба являлась постной пищей. Поэтому монастыри всячески стремились превратить в свою собственность все лучшие рыболовные угодья, «ловища рыбные». Рыболовными угодьями владели и князья.

Остается сказать еще об одном, чрезвычайно распространенном в древней Руси промысле, — о пчеловодстве, или, точнее, «бортничестве». Среди других лесных промыслов, играющих заметную роль в древнерусском хозяйстве, оно занимало исключительное место. Судя по многочисленным упоминаниям об этом промысле в летописи и в других письменных источниках, пчеловодство

в древней Руси мало походило на современное. Мед и воск добывались тогда преимущественно от лесных пчел. Бортью называлось дерево с дуплом, заселенным пчелами. В соответствии с обычным правом, уходящим в далекое прошлое, лицо, нашедшее борть, могло объявить его своей собственностью. Для этого на борти надо было поставить знак собственности — «знамя». Это право поставилось и Русской Правдой: «а еже борть разнаменуеть, то 12 гривен продажи». Еще первые русские князья получали дань с населения медом. Древляне платили княгине Ольге дань «скорою (мехами) и медом». В 1146 г. в погребах путивльского двора князя Святослава в момент разгрома оказалось 500 берковцев (5000 пудов) меду. В составе надворных построек Боголюбовского замка упоминается княжая «медуша» — специальное помещение для хранения меда. Смоленская уставная грамота 1150 г. говорит об уплате повинности медом. Все это говорит о значительном развитии бортничества. Как и меха, мед и воск являлись важнейшим товаром русской торговли. Князья и монастыри имели и свои собственные борти, или бортные «ухожан». Наряду с конюхами, огородниками и ловчими при князьях состояли «бортники».

Упоминания об искусственном разведении пчел, о пчеловодстве, встречаются в русских источниках лишь начиная с XIII—XIV вв. Но еще в сочинениях арабского писателя X столетия Ибн-Русте читаем о славянах такие строки: «Из дерева выделывают они род кувшинов, в которых находятся у них и ульи для пчел, и мед пчелиный сберегается. Хмельной напиток приготавливают из меда.» Очевидно, искусственное разведение пчел было известно довольно рано. Наряду с естественными дуплами, в бортных землях были бесспорно дупла искусственные, а также колоды, подвешенные на деревьях. В Повести о муромском князе Петре и супруге его Февронии, сохранившей многие черты древнего быта, крестьянка Феврония рассказывает князю: «отец мой и брат древолазцы суть, в лесе бо мед от древ всяк въземлют»; из того же рассказа ясно, что этот промысел был очень опасен, бортники срывались с высоты и разбивались, брат Февронии уходил на промысел, «мысля абы не урватися с высоты, аще ли кто урвется еси живота гознет (лишится жизни)». Известны из археологических материалов также ножи для вырезывания меда. Связанная с тем же Муромом Повесть о

введении здесь христианства сообщает, что в языческие времена «по мертвых ременная плетения древолазная с ними в землю погребаяще»; известные по археологическим материалам особые железные шилы, которыми пользовались бортники при лазании на деревья... привязывались к ногам ремнями.

Таким образом, если основные отрасли сельскохозяйственного производства, земледелие и скотоводство, в основных чертах достигли в XI—XIII вв. того уровня, который был присущ и последующим столетиям, то второстепенные разделы экономики — охота, рыболовство и бортничество в эту эпоху еще удерживали много архаичных черт. В значительной мере этому способствовали сохранившаяся до того времени девственная природа, лесные дебри и воды.

Н. Н. Воронин. Пища и утварь *

Обращаясь к характеристике пищи в древней Руси, необходимо отметить, что сведения о ней, как и по остальным сторонам повседневного быта господствующего класса, а в особенности народных масс, отрывочны и случайны. Они более полны для монастырского быта, где вопрос о пищевых запретах — постах — играл очень важную роль. О многих сторонах этой темы мы и узнаем из отрицательных оценок того или иного вида пищи поучениями и церковными правилами. Поэтому здесь очень трудно представить связную историческую картину — можно дать лишь характеристику отдельных видов употреблявшейся пищи.

Не подлежит сомнению, что подобно тому, как хлебопашество было основой хозяйства, основной пищей в древней Руси были хлеб и различные виды зерна (крупы). Уже к середине первого тысячелетия нашей эры в большей части Восточной Европы хозяйство стало земледельческим, и неурожай «жита» был огромным народным бедствием, сопровождавшимся болезнями — «мор», уносившим массу жертв.

Для древней Руси летописцами засвидетельствованы

* Из кн.: История культуры древней Руси. / Под общ. ред. акад. Б. Д. Грекова и проф. М. И. Артамонова. Домонгольский период. Т. 1. Материальная культура. / Под ред. Н. Н. Воронина, М. К. Каргера и М. А. Тихановой. — М.—Л., 1948, с. 263—279.

четыре основных хлебных злака: пшеница, ячмень, просо и рожь; они были определены и ботаниками среди зерен, найденных при раскопках. Первые три злака водятся во многих странах, в том числе у нас, еще к неолиту, а рожь появилась сравнительно поздно, но в древней Руси была уже широко известна.

В церковных поучениях XII—XIII вв., обличающих языческие пережитки, хлебный «коровай» упоминается в числе приношений языческим божествам («моление коровайное») и как ритуальный хлеб в культе предков, ставившийся для угощения их душ в «великий четверг». Весьма подробные сведения о приготовлении хлеба мы находим в Житии Феодосия Печерского и Киево-Печерском патерике. Как и в рядовом хозяйстве крестьянина, в крупнейшем киевском монастыре зерно размалывалось ручными жерновами...; жернова стояли в «печерах», где и жили монахи. При особо тщательном размоле зерна получали «хлеби чисти зело». Даниил Заточник пишет: «пшеница бо, много мучима, чист хлеб являет». Печенье хлеба в Печерском монастыре было впоследствии поручено особой группе чернецов во главе со старшим («старей пекущим»). Хлеб приготавливался кислый, для чего употреблялась закваска («квас на строение хлебом»), и замешивался с солью на теплой воде («укроп»). Хлеб выпекался в ... небольших очагах с черной топкой ... Феодосий, пекущий хлебы в такой печи, почернел «от ожьжения пещнаго».

В Старой Рязани были найдены глиняные детские игрушки в виде круглых хлебов...; вид хорошо поднявшегося хлеба передан с большим реализмом, а верхняя поверхность хлеба покрыта шахматными нарезками. Таки ми нарезками, должно быть, покрывались «чистые хлебы» для лучшего вкуса корки и для красоты. Русская Правда, перечисляя продукты, шедшие вирнику (сборщику судебных штрафов), говорит: «а хлебов 7 на неделю»; то же причиталось и городнику (крепостному зодчему).

Источники упоминают и другие хлебные изделия. В летописи встречается слово «коврига» и «коврижка». Форма этого хлебного изделия определяется известием 1230 г.: «внеци видеша рано, въсходящу солнцю бысть на 3 углы яко и коврига» (Лавр. л.) — видимо, форма ковриги была прямолинейная, что и теперь характерно

для коврижек. Житие Феодосия знает нечто вроде пряников — хлебы «с медом и с маком творени».

Просо служило некогда основной пищей древнейших славян, на что указывал еще в VI в. Псевдо-Маврикий. И в Киевской Руси пшено, т. е. толченое просо, имело важное значение. В летописях оно упомянуто много раз; по Русской Правде вирник, как и городник, кроме хлеба, получал «7 убороков пшена», а вирнику причиталось еще «7 убороков гороха». Распространена была и чечевица. Мы не знаем, был ли в пищевом обиходе древней Руси привозной рис, который в переводе Студийского монастырского устава назван «сорочинским пшеном».

Из зерен злаков, проса, овса, пшеницы, гороха приготавливали различные каши, кисели и т. п. Возможно, что каша была также и обрядовым кушаньем; так, в 1239 г. князь Александр Ярославич, справляя свадьбу в Торопце, «ту кашу чини, а в Новгороде другую» (I Новг. л.), — очевидно, каша входила как существенное блюдо в состав ивандебного обеда. Но, может быть, под выражением «чинить кашу» следует разуметь устройство пирушки вообще. В пище монахов Киево-Печерского монастыря был очень част вареный горох, приправлявшийся, очевидно, растительным «постным» маслом.

Из отрубей овса и пшеницы делали кисель, который затем отцеживался и приправлялся «сыченым» медом — этот род пищи описан в рассказе летописи об осаде печенегами Белгорода (Лавр. л., 997). Видимо, нечто подобное этому киселю заказывал Феодосий Печерский для монашеской трапезы: «да сваривши пшеницу и, смесив с медом, представиши на трапезе братии» (впрочем, может быть, это блюдо типа «кутны» — обрядового поминального блюда).

В составе мясной пищи древней Руси ясно отражается процесс ее хозяйственного развития; мы встречаемся здесь еще с продуктами, характерными для предшествующей поры родового общества, но постепенно выходящими из обихода и заменяемыми новыми видами пищи. Обращая свой взгляд на языческий быт славянских племен, монах-летописец сурово осуждал их пищу — «ядяху все нечисто»; как увидим далее, этой нечистой пищей были некоторые виды охотничьей добычи.

Употребление в пищу конского мяса было характерным для предшествующего времени. Еще Птолемей по-

мешал на территории, позднее занятой Русью, «сарматов-конеедов»; среди костных остатков на городищах периода первобытнообщинного строя основное место принадлежит костям лошади. Позднейший летописец Переяславля-Суздальского, передавая древний перечень северных и северо-западных «чюдских» племен, подданных Руси, замечает, что это «испрѣва исконни данници и конокрѣмци». Рисуя красочный образ князя-воина Святослава Игоревича, летописец говорит: «воз по себе не возяше, ни котѣла, ни мяс варя, но по тонку изрезав конину ли, зверину ли или говядину, на углех испек ядыше» (Ипат. л., 964). Когда Святослав зазимовал в Белобережье со своими войсками — в стане начался голод: «яко по полуগ্রивне глава коняча» (Ипат. л., 971). Здесь мы имеем дело, несомненно, с пережитками старого. Прекращение употребления конского мяса было связано с широким использованием лошади в качестве рабочего скота...

В дальнейшем конина идет в пищу лишь в исключительных случаях — при осадах, во время голодовок, и здесь ее упоминание, наряду с «псиной» и «кошками», имеет совсем другой характер. Так, например, во время осады Торжка Всеволодом Юрьевичем в 1182 г. «людые изнемогашеся в городе з голода, и конину ядыху и передашася, и взяша город» (Лавр. л.). В Новгороде во время голода 1230 г. «простая чадь резаху люди живыя и ядыху; а инни мъртвая мяса и трупие обрезающе ядыху, а друзии конину, псину, кошки... инни же мѣх ядыху, ушь, сосну, кору липову и лист...» (I Новг. л.). Конина выступает здесь уже в качестве пищевого суррогата, употребляемого лишь в случае крайней нужды. В числе этих пищевых суррогатов голодных лет летопись упоминает также солому, насекомых и пр.

Основным в пище древнерусских горожан XI—XII вв. стало мясо домашнего скота и птицы. Мясная пища древней Руси может быть хорошо изучена не только по письменным памятникам, но и по археологическим данным, в частности по костным остаткам животных, находимым при раскопках многих русских городов. По количеству костей на первом месте стоит корова, на втором — свинья, на третьем — овца. Это позволяет не останавливаться подробно на многочисленных известных письменных источников о говядине, свинине и баранине.

Вирник, например, в своем пайке получал баранину или говядину «на неделю овън любо полоть», он же получал «кур по двое на день». Куриные и вообще птичьи кости встречаются при раскопках древних русских городов сравнительно редко. Тем не менее упоминание кур еще в языческих жертвоприношениях богу огня Сварожичу, наличие куриных или петушиных костей в курганных погребениях не оставляют сомнений, что домашняя птица была обычным мясным блюдом в древней Руси; в пищу шли, конечно, и куриные яйца.

В отличие от города, в деревне старые обычаи держались дольше. Определение костей из раскопок подмосковных курганов XII в. в Черемушках дало неожиданные результаты: почти все они оказались конскими, причем удалось определить, что конина была вареная. Очевидно, здесь конина еще продолжала употребляться в пищу. Правда, пока это наблюдение единично, но оно позволяет предположить резкое различие в составе пищи города и деревни; во всяком случае, сельское население и в отношении пищи прогрессировало медленнее, чем население городское.

Цитированный выше текст о неприхотливых обычаях Святослава называет рядом с кониной еще два вида мясной пищи — «говядину» и «зверину»; термин «говядина» иногда передается более общим — «мясо», к «зверине» можно прибавить «дичину». Под «звериной» и «дичиной» источники разумеют мясо дикой птицы и животных, под «говядиной» и «мясом» — мясо домашних животных и, прежде всего, мясо рогатого скота. В летописном рассказе сообщается о дружинных пирях князя Владимира, где «бываше множество от мяс — от скота, и от зверины» (Лавр. л., 996). В Русской Правде говорится: «Аже убьют огнищанина у клети, или у коня, или у говяда, или у коровье татьбы...».

Из церковных правил и поучений мы знаем, что мясо добываемых на охоте зверей и птиц играло особенно значительную роль в пище народных масс. Так, из Вопрощания Кирика мы узнаем, что смерды Новгородской земли «ядят веверичину (беличьё мясо) и ино» (1156). Особым запретам со стороны церкви подвергалась «медведина», связанная с еще свежими пережитками медвежьего культа на севере. Запрещалось также есть «давленину» — животных или птиц, попавших в силки

или придушенных собакой или ловчей птицей и не резанных рукой человека. Среди этих животных упоминается «бобровина», «веверичина», «тетеревина», «заячина». «Давленина» подвергалась гонению по связи с языческими жертвенными обрядами. В одном из уже упоминавшихся подмосковных курганов (в Черемушках) в ногах скелета лежали кости зайца и тетерева: покойник был, очевидно, охотником. В ... отрывке из обрусевшего болгарского Слова о богатом и убогом, описывающем обильный обед богача, находим еще большее количество диких животных и птицы: гуси, журавли, рябчики (или куропатки), голуби, олени, вепри, «дичина» вообще. Впрочем, гуси, журавли, голуби и утки выступают в Русской Правде и в составе домашней птицы. Наличие особых терминов мясной пищи — «зверина» и «дичина» также показывает большое значение продуктов охоты в составе пищи в X—XIII вв.

Значительное место в составе древнерусской пищи принадлежало молочным продуктам. Молоко упоминается в Русской Правде, а церковные правила обсуждают вопросы его употребления духовенством и паствой. Творог, называвшийся в древней Руси «сыром», был издавна и широко распространен и вошел в состав обрядовых языческих яств, например, в трапезе роду и рожаницам, устойчивых еще и в XII в.

<...>

О рыбной пище сведения довольно общи. Можно только отметить, что особенно ценились, по-видимому, осетры. При новгородском князе состояло особое лицо, осетренник — сборщик подати осетрами с рыбных ловель. Осетренник известен еще и в начале XIII в. при Ярославе Всеволодовиче; позднейший договор новгородцев с его сыном Ярославом Ярославичем устанавливает: «А в Ладогу ти, княже, слати осетръник и медовара, по грамоте отца своего Ярослава». Рыба, как обычная пища, упоминается в составе пайка вирника и городника в Русской Правде и в монастырском обиходе. Икра упоминается в перечне постной пищи: уже в XII в. в ответах Нифонта Кирику указывается, что «в чистую неделю достонть мед ясти пресный, квас житный, а икра по все говенье» (Вопрощания Кирика). Любопытный монах-паломник Даниил вспоминает, что во время его зарубежных странствий ему случилось попробовать карпа: «И есть же рыба

едина дивна вельми и чудна, образом яко короп ... ядохом бо и мы, грешнии рыбу ту...». <...>

Из овощей для домонгольской Руси источниками заведены только капуста и репа. Смоленский князь Ростислав Мстиславич в 1150 г. пишет в уставной грамоте: «и се даю на посвет святей богородици ... на горе огород с капустником», а в Новгороде во время голода 1215 г. был «репы воз по 2 гривне» (IV Новг. л.). Капуста и репа долго оставались наиболее типичными для Руси огородными культурами. Однако, несмотря на отсутствие прямых указаний источников, все же можно предполагать в составе растительной пищи и другие овощи; так, еще Ибн-Фадлан упоминает лук и чеснок в числе жертвенных приношений русских купцов; мак, из которого изготовлялись пряники, очевидно, шел со своих огородов; местным был, вероятно, и укроп.

К числу растительных приправ пищи относились уксус, корица, орехи, мята, анис, перец. Из льняного семени выделяли масло...; масло иногда заменяли толчеными орехами. Орехи вообще употреблялись в огромном количестве — в частности, при раскопках Ярославова Дворища в Новгороде все деревянные мостовые XI—XIII вв. оказались усыпанными скорлупой лесных орехов; они, очевидно, играли роль современных «семечек» подсолнуха и пользовались широким распространением.

Необходимой приправой была соль, — ее недостаток уже в древней Руси считался народным бедствием. В Киев она шла из соляных копей Галицкой земли (Удеч и Коломья). Киево-Печерский патерик рассказывает, как в 1097 г., во время усобицы «не пустиша гостей из Галича, ни людей з Перемышля, и не бысть соли въ всей Русской земли. Сицеваа неуправления быша». За солью обратились к монахам. «Монастырь же полон приходящих на принятие соли, — и оттого воздвижесе зависть от продающих соль... мневше себе в тьи дни богатство много приобрести в соли». В спекуляции солью принял участие сам великий князь Святополк Изяславич: «тогда совеща Святополк с советники своими да цена соли будет многа». <...>

Приготовляли пищу путем жаренья или варки в котлах и горшках; вареная в котле пища, точнее похлебка,

получавшаяся при варке мяса или иных продуктов, называлась, по-видимому, «ухой».

<...>

Фрукты назывались в древней Руси «овощами»; в Хождении игумена Даниила читаем: «Древеса овощная стоять многа бес числа: масличие ... чересие, и гроздья, и всяка овощи»; в Киево-Печерском патерике овощем названо яблоко в рассказе о грехопадении Адама: «първый человек виде красоту *овоща* не удържася...». Это смешение терминов было характерным и для средневековой Западной Европы. Южные фрукты издавна привозились из Византии; обилие привозимых «от грек» товаров, в том числе «овощей разноличных», привлекало Святослава к Переяславцу на Дунае. На Руси, несомненно, разводили и яблоневые сады. Еще под 1157 г. летопись так говорит о необыкновенном граде в Новгороде: «зело страшно быст, гром и мълния, град же яко яблѣков боле» (I Новг. л.). Об ягодах письменные источники молчат, а археологических находок ... почти нет; лишь при раскопках Ярославова Дворища в Новгороде были встречены зерна смородины.

При отсутствии сахара его всюду с древнейших времен заменял мед; это относится и к древней Руси. Впрочем, источники чаще говорят о меде в качестве напитка, но есть упоминания и о меде, как сладкой приправе: «да сваривши пшеницю и, смесив с медом, представиши на трапезе братии» (Киево-Печерский патерик).

Когда речь идет о древнерусских напитках, прежде всего вспоминаются известные слова Владимира, обращенные к магометанским миссионерам о том, что ему не понравился запрет вина: «Руси есть веселие пити, не можем без того быти». Больше всего пили в ту эпоху мед, т. е. напиток, приготовленный из меда, вареного с водой и подвергнутого спиртному брожению. Еще Ибн-Русте (X в.) говорит, что славяне «хмельной напиток готовят из меду». Мед был очень широко распространен и входил как обязательный ритуальный напиток в обряд языческой тризны и свадьбы. Летопись упоминает мед много раз. Еще в 945 г. Ольга обращается к древлянам со словами: «се... иду к вам, да пристройте *меды многы* у города, идеже убисте мужа моего, да поплачюся над гробом его и створю трызну мужю своему. Они же... съвезоша меды многи зело (и) възвариша» (Лавр. л.).

В 1233 г. летописец так говорит о неожиданной смерти молодого княжича Федора Ярославича в Новгороде: «и еще млад, и кто не пожалует сего, свадьба пристроена, меду посычены, невеста приведена, а князи позвани...» (Сузд. л.). В 996 г. Владимир готовился к грандиозному пиру, «варя 300 провар меду» (Лавр. л.; емкость этой меры неизвестна). Выше, рядом с осетренником уже упоминался медовар Ярослава Всеволодовича. Житие Феодосия рассказывает, как князя Изяслава Ярославича при посещении Киево-Печерского монастыря задержал там дождь. Феодосий приказал подать князю ужин. Ключарь ответил: «меду не имам, еже на потребу пити князю и сущим с ним». Тогда Феодосий помолился, и мед нашелся. Феодосий приказал: «иди и неси, елико ти на потребу князю и сущим с ним, и еще же и братии подай от него, да пият». Отсюда видно, что князь и его спутники без меда обычно не садились за стол, да и монахи не отказывались от меда. Мед давали даже детям.

Наряду с медом издревле употреблялся хлебный квас. Самое раннее известие о нем относится к 996 г., когда Владимир праздновал постройку церкви в Василеве и приказал «мед в бчелках (бочках), а в других квас возити по городу» (Лавр. л.).

Самодельным хмельным напитком наравне с медом было пиво. Митрополит Никифор писал Владимиру Мономаху: «непотребно есть о посте беседовати, и паче же о непитии вина или пива в время поста». Кирилл Туровский в XII в. упоминает «мед любо си пиво». Для варки пива употреблялся солод, упоминаемый Русской Правдой в числе идущих вирнику продуктов («брати семь ведер солоду на неделю»), и хмель.

В домонгольской Руси термин «вино» применялся только к вину виноградному, привозимому с юга. Древнейшее о нем упоминание относится к 907 г., когда греки в Царьграде поднесли Олегу отравленное вино; вино названо и в числе добычи, привезенной Олегом в Киев. В 969 г. Святослав, говоря о дунайской торговле, называет среди греческих товаров вино, а среди русских — мед. Впоследствии вино упоминается в качестве особо ценного напитка, преимущественно в перечнях запасов в погребках богачей. <...>

Употребление хмельных напитков и пьянство становились угрожающим бытовым явлением, против которого

ополчалась и церковь. Слово Василия Великого на эту тему, популярное на Руси XII в., призывая к воздержанию, рисует ряд колоритных бытовых картин. Только «седьмая чаша» является «богопрогневательной», ибо после этой порции вина «начнут бесы своя потребы вносить... свары и лаяния и за власы рвания... и всяку нечистоту и студи...», а кроме того, перейдя эту меру, «начнет тогда человек зинутьи на чашу не зная своя меры...» Слово наполнено образными описаниями мерзостей потерявшего человеческий облик пьяницы: «ни се мертв, ни се жив, опухл аки болван, валяется осквернився... налився аки мех до гортани, надомся (надувшись) аки бочка, хотя рассестися... в ругание и посмех дав себе и малым отрочатем...». Лука Жидята откликнулся на эту тему более сдержанно: «не пей,— поучал он,— без года (т. е. не вовремя), но здовол, а не до пьянства».

Остановимся попутно на посуде и утвари, связанной с приготовлением и хранением пищевых продуктов. Для хранения запасов служил ряд довольно емких сосудов: бочка («бъчька», «бчелка») и кадка («кадь»), в которых держали мед, пиво, квас и другие жидкости. Кадка служила в то же время мерой сыпучих тел. Вино хранилось в больших глиняных корчагах с двумя или одной ручкой, в которых это вино привозилось с юга... <...> Для зерна существовала тара типа плетеных корзин — «лукно» и «кошь», которые служили также мерой сыпучих тел. Для хранения молочных продуктов употреблялась ходовая глиняная посуда — кринки («крина») и горшки («гърньцы»). <...>

Горшки и прочая бытовая глиняная кухонная посуда... изготовлялись во множестве сельскими и городскими гончарами... Варка пицци производилась, кроме того, в небольших медных или железных котлах с ушами и кольцами... не ставившихся в печь, но подвешивающихся над огнем. Котел встречаем и в ряду образов у Даниила Заточника — «аще бы у котла златы кольца в ушех, ладно ему черно дно...». Для жарения и печения были в ходу глиняные «латки», представлявшие собой род сковород, с высокими краями и полой ручкой, в которую при садке в печь вставлялась палка... Были также в употреблении небольшие железные, равно как и глиняные сковороды. Для носки воды были в ходу небольшие деревянные ведерки... похожие на маленькие бочки в форме усеченного

конуса или цилиндрические, обитые железными обручами и с дужкой наверху; ведра, находимые в древлянских курганах, имеют средний диаметр в 18 см, в курганах лучан ведерки имеют 13—25 см в диаметре при высоте в 15—30 см.

<...>

Массовой и наиболее ранней по своему историческому возрасту была глиняная и деревянная утварь. Последняя, видимо, преобладала, но, ввиду малой прочности дерева, редко сохраняется в составе археологических материалов. Так, при раскопках в Старой Ладоге были найдены деревянные ложки, кружка, берестяные бурачки; в «тайнике» Десятинной церкви в Киеве обнаружены обломки резного деревянного блюда; раскопки в Новгороде дали большую коллекцию бытовой и художественно украшенной деревянной посуды. В известном летописном рассказе дружинники князя Владимира выразили свое неудовольствие тем, что на княжеском пире им приходится есть деревянными ложками... и князь приказал сковать серебряные. Время Святослава и Владимира вообще представляется таким периодом, когда во всех областях быта и идеологии происходят весьма ощутительные перемены обычаев и вкусов. Несомненно, что наряду с деревянными ложками были деревянные же чашки. Встречаемый у Даниила Заточника термин «солило» исследователями связывается с большим деревянным блюдом или миской, из которого ела вся семья или гости. «Мнози бо дружатся со мною погнетающе руки в солило, а при напасти аки врази обретаются», — с горечью признается Даниил. Жидкую пищу ели ложками, мясо — руками: вилок на Руси, как и на средневековом Западе, не было до очень позднего времени. Пищу резали ножами, которые были обычно у каждого человека. Особых столовых ножей тоже не было. В качестве кухонного и столового черпака употреблялся «уполовник» — ковш на длинной рукояти. Эта массовая посуда и утварь, при отправлении обрядовых коллективных пиршеств или общинных братчин, дополнялась большими сосудами для питья типа «братин», которые ходили вкруговую, в этих случаях пища приготавливалась в большом котле, принадлежавшем всей общине в целом, как это было и при братчинах позднейшего времени.

Б. А. Рыбаков. <Гончарное дело> *

Гончарное дело в славянских землях имеет древнюю традицию, уводящую нас в неолит. На рубеже IX и X вв. оно приобрело новую технику и превратилось в ремесло. История гончарного дела резко делится на две части; границей между ними является изобретение гончарного круга. Посуда первого периода (до изобретения круга) называется лепной, а второго периода — гончарной, формованной на круге.

Повсеместное распространение глин, пригодных для изготовления горшков, обеспечило широкое развитие гончарного дела. В древних памятниках глина называется также «скудель», «зъд» или «здень». Глина перед лепкой сосуда специально обрабатывалась, смачивалась водой, тщательно разминалась. В жирные глины, дающие при сушке и обжиге неравномерную усадку, добавлялись примеси: дресва (крупнозернистый песок, получаемый путем крошения гранита, кварцитов и т. п.), обычный речной песок или шамот (толченые черепки старой посуды). Лепка сосуда, независимо от способа формовки его (от руки или на круге), производилась ленточным, жгутовым способом. Глина раскатывалась на длинные валики, уплотняясь при этом (как металл при проковке), а затем гончар укладывал эти валики спиралью, сообразуясь с желаемой формой сосуда. После этого валики сдавливались, швы между ними затирались и производилась окончательная отделка сосуда. Возможно, что плоское днище сосуда лепилось иногда отдельно.

При лепке сосуда только от руки, без круга, он всегда имеет неправильную форму, неровные поверхности, волнообразный венчик и более массивные стенки и донную часть... Русские лепные сосуды невыгодно отличаются, например, от более ранних скифских, сделанных хотя и от руки, но тщательно заглаженных, лощеных. Ассортимент лепной посуды невелик: горшки, сковороды, большие корчаги. Лепная посуда для Киевской Руси не характерна, так как в это время она уже сменилась гончар-

* Из кн.: История культуры древней Руси./Под общ. ред. акад. Б. Д. Грекова и проф. М. И. Артамонова. Домонгольский период. Т. 1. Материальная культура./Под ред. Н. Н. Воронина, М. К. Каргера и М. А. Тихановой.— М.— Л., 1948, с. 100—106, 145—149.

ной. Предшественником гончарного круга была, по всей вероятности, деревянная подставка, доска, на которой лепили горшок и которую можно было поворачивать для удобства обработки сосуда...

Ускорить вращение можно было, только надев подставку на ось. Такое специальное устройство могло появиться лишь с выделением гончарного дела из общей массы женских домашних дел.

В раннее время, судя по дактилоскопическим отпечаткам, изготовление глиняной посуды было делом женским. Письменные же памятники Киевской Руси говорят исключительно о гончарах-мужчинах. Общее развитие земледельческого хозяйства, развитие скотоводства, появление печей вместо очагов, рост зерновых и молочных запасов, — все это привело к увеличению потребности в посуде вообще, в том числе и глиняной, а это, в свою очередь, привело к выделению специалистов-гончаров. Гончары назывались: горичар (от «горн» — печь), зодарь (от «зъд», «зъдъ», «зденъ» — глина), скудельник и керамельник (переделанные греческие слова). Два из названий связаны с материалом, над которым работает гончар, одно — с процессом обжига посуды.

Очень важен вопрос о времени появления гончарного круга в древней Руси.

В курганах X в. Смоленска, Приладожья и Киевщины мы встречаем уже посуду, сделанную на круге. Черная Могила в Чернигове, датируемая X в., содержала в костре несколько сосудов, очень тщательно и аккуратно сделанных на гончарном круге; их форма и пропорции говорят о полном овладении круговой техникой. Курганы с трупосожжениями, почти не заходящие позднее XI в., часто имеют хорошие образцы гончарной посуды. Лепная посуда X в., нередко подражает гончарной в своей орнаментации. Древнейшие сведения о гончарах-ремесленниках, продающих свою продукцию на торгу, относятся также к X в. Летопись сообщает по поводу введения христианства в Новгороде и свержения идола Перуна: «и иде пидблянин [житель пригородной местности Пидьбы] рано на реку, хотя горнци везти в город, и Перун приплыл к берегу и отрину его шестом и рече ему: "Перунище! Досыти еси ел и пил, а ныне прочь плови!"» (III Новг. л., 988). Таким образом, к X в. мы видим гончарный круг уже утвердившимся в целом ряде восточно-

славянских районов. Можно думать, что начало перехода от ручной лепки к гончарному кругу относится к IX в. Для западнославянских земель этот переход датируется XI в.

Ручной гончарный круг... доживший местами до XIX в. и изученный этнографами, представляет собой массивный деревянный круг, в центре которого снизу выдолблено углубление. Круг надевается на вертикальный стержень, прикрепленный к краю скамейки. Высота стержня не должна сильно превышать размеров углубления, чтобы круг не качался. На центральную часть круга часто надевается малый кружок, по диаметру равный дну сосуда. На этот малый кружок, посыпанный предварительно песком, кладется ком глины или спираль из глиняных валиков. Гончар работает, сидя верхом на скамейке с кругом. Круг вращается слева направо, преимущественно левой рукой, правая формирует глину. Дополнительных инструментов у гончара, как правило, нет; иногда для профилировки венчика сосуда применяется палочка или просто щепка, а для выглаживания поверхности доскут овчины, окунутый в воду.

Единственно, для чего требовался гончару дополнительный инструмент — это для орнаментовки сосуда. Типичным и наиболее распространенным орнаментом славянской керамики является линейно-волнистый, состоящий из параллельных горизонтальных или волнообразных линий. Наносился он простой палочкой. Наряду с ним существует гребенчатый орнамент, когда на глине видны отпечатки редкого гребня. Иногда орнамент наносился ногтем, опиленной костью животного (арочки для вдавлений), ножом (насечки, располагавшиеся обычно ромбами). В редких случаях (городскими гончарами) применялись специальные штампы, дающие ромбический решетчатый отпечаток. В начале развития гончарного дела применялся узор, наносимый палочкой, обмотанной веревкой.

После формовки и нанесения орнамента посуду сушили, а затем обжигали. Первоначально обжиг производился у костра или около очажных ям, где иногда находят сырые необожженные сосуды, позднее в печи, наконец в гончарном горне. Деревянные гончары X—XIII вв., как правило, горна не знали и обжигали свою продукцию в печах.

Среди различных деревенских гончарных изделий на первое место надо поставить горшки («горнец» — от «горн», т. е. печной горшок...), сосуды разных размеров и назначений. Основное назначение горшка — служить для варки пищи в печах; форма горшка сохранилась до наших дней. Иногда встречаются горшки с несколькими специальными отверстиями на дне, применявшиеся, очевидно, для откидывания творога: сыворотка стекала через отверстия на дне горшка. Затем идут «корчаги» — большие сосуды, игравшие, главным образом, роль хранилищ зерна, браги и других продуктов. Корчаги были иногда так велики, что едва ли могли пройти в устье печи. В юго-восточных районах Киевской Руси применялись небольшие глиняные сковороды.

Существовали и узкогорлые сосуды, носившие название «кринна», «криницы» (отсюда современное кринка). В меньшем количестве, чем горшки, гончарами изготовлялась плоская посуда (мисы, «плоскы» — плошки, чаши, блюда).

Чрезвычайно интересным материалом для решения вопроса о гончарах являются гончарные клейма на днищах сосудов. На маленьких кружках, подкладываемых под сосуд при формовке его на круге, гончары вырезали различные значки, которые выпукло отпечатывались на днище сосуда. По поводу значений этих знаков высказывались разные предположения. Одни приписывали им только декоративное значение, другие видели в них религиозные символы, в действительности они являются клеймами мастеров.

Гончарные клейма делались в виде круга, круга со вписанным крестом, ключа, звезды, квадрата, треугольника и т. д.

<...>

<...> Знаки собственности, ставившиеся крестьянином в XIX в. на своих полях («полевые меты»), на скоте («тавро», «пятно»), на инвентаре («пятно», «знамя»), усложнялись при переходе по наследству. При разделе имущества сын принимал «знамя» отца, но добавлял к нему «отпятныш», какую-нибудь дополнительную черту — «рубеш» (известен даже специальный термин для таких разделов — «отпятнаться», «отклеимиться»). Знаки собственности известны со времен Русской Правды и даже под тем же наименованием «знамя» (знаменный

дуб, знаменная борть и т. д.). Княжеские знаки собственности XI—XII вв. также усложнялись при переходе по наследству.

Все это позволяет предполагать, что постепенное усложнение гончарных клейм в пределах одной курганной группы может свидетельствовать о переходе по наследству самого гончарного дела. Сын продолжал дело отца, но к его клейму добавлял «отпятныш».

<Плотничество>

Большинство городских построек были деревянными. Из дерева строили дома, городские стены и башни, мосты; бревнами мостили улицы и площади. Построить город значило в древней Руси «срубить город» — настолько неразрывно было связано представление о городе и о деревянных зданиях. Из дерева делали ладьи, колы (колесные повозки), стенобитные орудия, домашнюю мебель. Из дерева же резалась различная посуда и утварь: бочки, кади, корыта, ковкалы (чаши), дежи, уполовники, ложки, резные ковши и т. д.

Совершенно естественно, что в условиях города XI—XIII вв. вся эта масса обиходных деревянных вещей не могла быть изготовлена внутри каждого хозяйства...

Плотников называли древоделами, а столяров — теслярами (от глагола «тесать»). Специалисты по крепостным постройкам назывались городниками или огородниками.

Плотники, работавшие в городе, очевидно не могли быть сезонными ремесленниками, совмещавшими свое ремесло с земледелием, так как время плотничных работ, лето, совпадало с полевыми работами; зимой готовили бревна для строек, а весной лес пригоняли в город плотами, летом строили. О плотничных работах подробно говорится в Киево-Печерском патерике и в Сказании о Борисе и Глебе, где речь идет о постройке церквей и монастырей. Отсюда мы можем почерпнуть крайне интересные сведения об организации плотников. Задумав построить церковь в Вышгороде, князь Изяслав Ярославич, «призвав старейшину древоделам, повеле ему церковь възградити... Старейшина ту абие собра вся сушая под ним древоделя, скончав же повеленное ему от благо-

верного, и в мале дней возгради на назнаменане месте». Здесь перед нами артель плотников со своим старейшиной во главе. Известны и имена вышгородских зодчих — «огородника» Миронег и старейшины «огородников» Ждана. Возможно, что поставщицей плотников была богатая лесом и бедная хлебом Новгородская земля. В самом Новгороде издревле существовал Плотницкий конец, а новгородцев иногда называли просто «плотниками». Так, например, когда в 1016 г. 40 000 новгородцев, пришедших с Ярославом, три месяца стояли на берегу Днепра под Любечем против киевских войск Святополка, то воевода Святополка Волчий Хвост, «ездя възле берег, нача укаряти Новгородце, глаголя: «что придосте с хромьцем сим, а вы плотници суще; а поставим вы хоромом рубити нашим»» (Лавр. л.).

<...>

Раскопки в Новгороде, Старой Ладогe, Дмитрове и других городах открывают нам с каждым годом все большее количество рубленых изб, горбден, мостовых, тынов и т. д. Особенно богат был деревом и деревянной стройкой Новгород, сырая, кислотная почва которого сохранила нам целые кварталы XI—XII вв., резные ковши, ложки, бочки, различные производственные приспособления (деревянные чаны, жомы и т. п.).

Сохранившееся дерево говорит о довольно высокой технике его обработки. Помимо топора и тесла, известных в деревенском обиходе, здесь, несомненно, широко применялось долото и ряд других инструментов.

Список деревообделочных инструментов в письменных источниках почти полностью совпадает со списком археологических находок... Письменные данные говорят о топорах, секирах, долотах, пилах, сверлах. Можно думать, что слова «топор» и «секира» в древней Руси не были синонимами. Слово «топор» часто обозначало боевой топор, оружие, иногда на темляке («с поворозю»), а слово «секира» почти всегда употреблялось для обозначения орудия труда, плотничного инструмента.

Долотом прорубались ... отверстия в маслобойных жомах, пазы в стояках четырехугольного чана...

Теслом можно было выдалбливать только большие вещи, так как им работали двумя руками с широким свободным размахом. Тесло годилось для изготовления лодки, корыта, погребальной колоды, но не было пригод-

но для более мелкой работы, которую исполняли долотом.

Выстругивание дерева производилось скобелем. Скобель представляет собою скобу с острым краем и двумя рукоятками; им сдирали кору с бревен, им же пользовались, как рубанком, для выстругивания поверхности. Возможно, что существовали и настоящие рубанки.

Сверление дерева производилось сверлом (свьрдль, свьрдло). На городище Княжая Гора был найден молоток, приспособленный для вытаскивания гвоздей. Его железная рукоять оканчивается буравом.

Для приготовления деревянной посуды применялись специальные выгнутые резцы. Такими резцами могли резать мисы, чаши, ложки, ковши.

<...>

...По всей вероятности, пила применялась в древней Руси только для мелких работ. Резьба по кости, столярные работы, распил камня — вот тот круг работ, для которых применялась пила. <...>

<...>

Можно думать, что в городах XI—XIII вв. обработка дерева была разделена уже между несколькими категориями ремесленников: строителей крупных крепостных сооружений (огородников), мостников, плотников (древоседелей), столяров (теслей, они же могли быть и токарями) и бондарей, или бочаров. Широкое применение в плотничном деле гвоздей привело к появлению специальных ремесленников — гвоздочников, которых мы знаем из истории Новгорода. Впрочем, наряду с железными, употреблялись и деревянные гвозди — шипы. Сбыт некоторых деревянных изделий принимал иногда массовый характер. Так, например... в Киеве во время чумы было продано за несколько недель 7000 деревянных гробов (корст).

Зденек Неудлы. Век металла. От матриархата к патриархату*

Одно чрезвычайно важное событие, совершившееся в конце каменного века, коренным образом изменило положение населения чешских земель. Людям стал изве-

* Из кн.: Неудлы Зденек. История чешского народа, т. 1. Чехия в древнейшие времена. — М., 1952, с. 58—68.

стен металл. Это был совершенно новый материал, о котором до сих пор никто не имел никакого представления, но зато столь великолепный, что он вскоре вытеснил все другие материалы. Он привлекал человека уже одним своим блеском, исходившим от него. Люди прежде всего оценили его мягкость, пригодность к употреблению и прочность. Из него можно было сделать все, о чем производитель каменных орудий мог только мечтать.

Ни железо, ни бронза не были тем первым металлом, который с самого начала стал известен человеку. Из большой семьи металлов первой была открыта медь.

В Чехии, правда, своей меди не было, в чешских землях ее не находили. Поэтому-то здесь и не могла так развиться культура меди, как она развилась там, где медь добывали. Но это лишь подчеркивает всю глубину революции, которую вызвало появление в Чехии первого металла.

...Появление меди вызвало один из таких переворотов в истории чешских земель, каких было не много за всю их тысячелетнюю историю.

Иначе и быть не могло. Достаточно было узнать людям, что где-то на юго-востоке открыт чудесный материал для изготовления орудий, чтобы они захотели воспользоваться его сказочными для каменного века качествами. Поэтому, когда медная культура стала известна людям, жившим по соседству, на территории нынешней Венгрии, откуда в Чехию и раньше проникали сведения о новшествах юга, начались поиски меди. Человека особенно прельщали топоры из меди, потому что они были сделаны из того нового материала, из которого можно было сделать вещи гораздо более острые, чем из камня. Ему нужны были также и другие изделия, для изготовления которых он употреблял медь, если ему удавалось ее найти.

Медь была удивительно красивой. Это ее свойство также учитывалось, когда из земель, где вырабатывались медные изделия, их привозили в Чехию и в другие земли для обмена на местное сырье (пушнину и др.)

<...>

...Неолитический человек, живший на территории Чехии, не располагая запасами меди, приспособлял свое

производство к новым условиям, вызванным появлением меди. В этом как раз и сказывалось то влияние, которое появление меди оказало на производство в Чехии.

Тем самым были вызваны глубокие изменения не только в производстве, но и во всей жизни страны. Изменения эти повлияли и на самый характер заселения чешских земель. Теперь уже не только южная и центральная Моравия и зона у Моравских ворот были наиболее заселяемыми местами; установившиеся связи с севером привлекали человека и в Силезию. Особенно большие перемены были заметны в Чехии. Путь от моравских границ к центру страны продолжал быть соединительным звеном с Моравией. Моравия же была связующим звеном между Чехией и юго-восточной Европой. Проникновение культуры, идущей с севера и с запада, оживило также край, расположенный у Рудных гор, и северные области Чехии. Так впервые начинают заселяться места на Огрже, и по ее течению далее к Лаббе, и на Изере (отметим большое поселение на Мужском у Мнихова Градиште), и дальше до самой Праги. Единственной областью, которая оставалась незаселенной, была Южная Чехия.

<...>

С появлением металла значение домашних работ, выполнявшихся женщиной, уменьшилось — для обработки металла теперь потребовались сильные мужские руки. Даже земледелие приобрело второстепенное значение. Не случайно в культурных слоях того времени находят сравнительно мало зерноотерок, но зато много стрел. Эти стрелы изготовлены очень искусно, со шлифовкой. Несмотря на то, что сделаны они из камня или из костей, в способе их изготовления уже чувствуется влияние методов обработки металла. Они и предназначены для того же, для чего впоследствии были предназначены металлические наконечники стрел — это было оружие, необходимое для войны.

Новое производство, требовавшее мужского труда, развивалось и имело в результате своего развития два следствия. Скотоводство получило перевес над земледелием. Правда, скотоводство еще не настолько изменило характер хозяйства, чтобы его можно было назвать пастушеским или скотоводческим, каким оно было у украинских и вообще у южнорусских пастушеских племен. <...> Тем не менее в хозяйстве произошли некото-

рые сдвиги, по крайней мере у определенной части населения. Научившись обрабатывать металл, мужчина получил более совершенное оружие. Он снова захватывает инициативу в свои руки и возвращается к некогда господствовавшей охоте, становится охотником-пастухом. Но теперь он уж не только охотится на оленей но, подобно современным северным народам, разводит их целыми стадами.

Затем мужчина становится воином. Металл прямо способствовал появлению этого нового занятия у мужчины, что подтверждают археологические раскопки. <...>

Такие перемены, разумеется, не могли не повлиять и на общественный строй. Если в эпоху расцвета матриархата главное значение имел домашний, женский труд, к которому относились земледелие и скотоводство, в то время как охота — занятие мужчин — являлась лишь дополнением к основным видам занятий, то ныне положение изменилось. Охота в соединении с пастушеством в большинстве случаев поставила на первое место мужчину. Труд женщины стал чем-то второстепенным, дополняющим занятия мужчин.

Однако это обстоятельство нельзя считать лишь возвратом к первобытным порядкам палеолитических охотников. Тогда мужчина и женщина выполняли каждый в отдельности свою работу, но были социально равноправными. В процессе развития экономических и общественных отношений труд мужчины в описываемое время получил уже преобладающее значение. Вооруженный мужчина, почувствовав себя более сильным по сравнению с безоружной женщиной, взял в свои руки власть. Происходила та революция, которую Энгельс называет одной из самых радикальных в истории человечества и следствием которой было подчинение женщины мужчине... Вместе с тем, разумеется, разлагался и матриархат. Вместо него, со всеми вытекающими из этого последствиями, наступает патриархат. В Пржедмнержице у Кралева Градца был раскопан могильник. В нем, глубоко в земле, был обнаружен труп мужчины в скорченном виде. В изголовье уложены были четыре черепа, отделенные от тела и вместе с мужчиной погребенные, — очевидно, это были головы людей, являвшихся собственностью умершего мужчины и поэтому, по патриархаль-

ным обычаям, умерщвленных и вместе с ним похороненных.

<...>

Патриархат вызвал серьезные изменения и в общественном устройстве. Теперь уже появилось, или во всяком случае было положено начало имущественному неравенству между членами рода. До тех пор пока основой всего хозяйства была совместная охота, а во времена преобладания земледелия общественная собственность на землю, не было вообще никакой возможности делить имущество и, тем самым, создавать условия для имущественного неравенства. Но теперь мужчины-скотоводы считали уже скот своей собственностью, и так как приобретение и разведение скота сопровождалось не для всех одинаковой удачей, то в зависимости от обладания большим или меньшим стадом их владельцы стали отличаться друг от друга большим или меньшим богатством.

Так появилось неравенство. <...>

<...>

От имущественного неравенства оставался один только шаг и к общественному неравенству. О наличии социального неравенства уже в описываемое нами время свидетельствуют некоторые факты. У Коетице, на холме недалеко от Лабы, в месте ее слияния с Влтавой, была обнаружена могила из известковых плит, каждая из которых была в длину больше 1 м. Плиты образовывали круг, диаметр которого достигал 14 м. Посредине этого гигантского круга был найден скелет ребенка с ожерельем из глиняных бус на шее. Такая могила, конечно, не свидетельствовала об одном только богатстве семьи, к которой принадлежал ребенок. <...> Но необычайная обособленность, выбор места над рекой и величина могилы указывают на особое, весьма высокое общественное положение семьи покойного. Это соображение подтверждается при анализе раскопок других курганов, насыпанных над некоторыми могилами; особенно много их в Моравии, где высота их достигает 20 м.

<...>

Известно, что в это время мужчина, имея уже более совершенное металлическое оружие, не был только охотником-пастухом. В нем проснулся воин. А ведь у тех, кто посвящал себя воинскому делу, была и большая

власть в руках. Вместе с тем эти люди занимали и более высокое положение в обществе. <...>

...Единое до того общество распалось на богатых и бедных, сильных и слабых, воинов и трудящихся.

А. В. Арциховский. <Древнерусское оружие> *

Древнерусское оружие известно нам по многочисленным летописным рассказам, иной раз очень подробно описывающим не только целые сражения, но и военные доспехи действующих лиц, а также по уцелевшим образцам, найденным при раскопках древних погребений и городищ.

Вооружение князей, бояр и дружинников-воинов резко отличалось от оружия смердов: в то время как первые были закованы в металл и имели полное боевое снаряжение, скромное оружие сельского населения состояло из топора или «рогатины», которая использовалась в мирное время для охоты на крупного зверя.

С вооружением русской дружины IX—X вв. нас знакомят археологические памятники, позволяющие с большой точностью и полнотой реконструировать оружие как пеших, так и конных воинов. Важнейшими среди них являются курганные погребения дружинников. Обрядовая сторона этих погребений была довольно разнообразна, находясь в зависимости от эпохи и племенных особенностей. Но, несмотря на это разнообразие, в погребениях Киева, Чернигова, Смоленска, Ярославля и других центров древней Руси общим для всех является военное снаряжение, сопровождающее воина в загробную жизнь. Мечи, копья, колчаны со стрелами, боевые топоры, боевой конь с полным снаряжением — все это входило в погребальный инвентарь воинов.

Важнейшим оружием дружинника IX—X вв. был меч. Мечи этого времени часто неправильно называют «варяжскими». На самом деле они распространены одинаково во всех странах Европы и не более характерны для Скандинавии, чем для Руси. Меч имел прямой широкий и тяжелый клинок длиной до 90 см. Навершие рукояти

* Из кн.: История культуры древней Руси./Под общ. ред. акад. Б. Д. Грекова и проф. М. И. Артамонова. Домонгольский период. Т. 1. Материальная культура./Под ред. Н. Н. Ворониной, М. К. Каргера и М. А. Тихановой.— М.— Л., 1948, с. 417—426.

имело обычно форму полукруга, часто разделенного на три доли; реже встречаются треугольные или пятиугольные навершия; крестовина меча, отделяющая клинок от рукояти, делалась прямой или несколько изогнутой; то и другое покрывалось обычно серебряной насечкой. Меч служил преимущественно как рубящее и реже как колющее оружие.

Мечи такого типа на территории Восточной Европы известны в огромном количестве. <...> Обычно мечи встречаются в богатых курганных погребениях, значительно реже — при раскопках древних городищ. Исключительный интерес представляет находка пяти мечей на дне Днепра, в районе порогов... Эти мечи, судя по надписям на них... изготовленные в одной мастерской, находились, по-видимому, среди ценного товара, доставлявшегося на ладье, затонувшей у порогов. Мечи, принадлежавшие русским воинам, дорого ценились в других землях. Известно, например, что жители крупного закавказского города Бердаа, подвергшиеся в 943—944 гг. нападением русских войск, после их ухода стали разрывать русские могилы для того, чтобы достать оттуда мечи.

Значение, которое воины-дружинники придавали мечу, лучше всего подчеркивается языческим обрядом клятвы на мече, упоминаемым в договоре Игоря с греками: «а не крещении Русь полагають щиты своя и мече свое наги» (Лавр. л., 945). В том же договоре меч упоминается в качестве именно рубящего оружия. С ним, кроме общего глагола «сечь»: «да не ущитятся щиты своими и да *посечены* будут мечи своими» (Лавр. л., 945).

Меч являлся своего рода военной эмблемой Руси. Такое значение меча ясно выступает в следующем рассказе летописи о подчинении хазарами полян: «реша Козари: «платите нам дань». Съдумавше Поляне и вдаша от дыма мечь и несоша Козари ко князю своему и к старейшинам и реша им: «се налезохом дань нову». Они же реша им: «откуда?» они же реша: «в лесе на горах, над рекою Днепрскою». Они же реша: «что суть въдали?» они же показаша мечь. Реша старци Козарьсти: «недобра дань, княже! мы ся доискахом оружием одиною стороною, рекше саблями, а сих оружие обоюду остро, рекше меч; си имуть имати дань на нас и на инех странах» (Лавр. л.). Это противоположение однолезвийной сабли и двухлез-

вийного меча подтверждается множеством археологических примеров. Немного позже Начальная летопись снова сопоставляет меч и саблю не столь торжественно, но столь же характерно. Под 968 г. так говорится о перемирии между печенежским князем и русским воеводой Претичем: «И подаста руку межю собою, и вьдасть Печенежский князь Претичю конь, саблю, стрелы; он же дасть ему броне, щит, меч» (Лавр. л., 968). Оба эти перечня подтверждаются археологическими находками. В богатых кочевнических курганах умершего сопровождают конь, сабля и набор стрел, а в богатых русских курганах — кольчуга, щит и меч.

Впрочем, сабля рано проникла и на Русь. Уже в X в. в Черную Могилу рядом с двумя мечами была положена сабля. Это оружие появилось около IX в. у кочевников наших степей. Различные разновидности кривых однолезвийных клинков издревле, еще с бронзового века, встречались у разных народов, но они не имели нигде широкого распространения и не выдерживали конкуренции с мечами, пока не явилась настоящая сабля, т. е. оружие длинное, тонкое, сильно загнутое к концу, режущее скользящим ударом большую поверхность тела. Сабля в IX—X вв. приобрела ту форму, которую сохранила в основном до сих пор, но проникновению ее на юг и на запад долго мешал тяжелый доспех. На мусульманском Востоке сабля вытеснила меч только в XIV в., а в Западной Европе это произошло только в XVI в. На Руси по тем же причинам также на протяжении ряда веков основным оружием был меч, хотя наряду с ним применялась и сабля.

В виде пережитка меровингской эпохи во всех странах Европы, в том числе и на Руси в X в., встречался иногда скрамасакс — большой боевой нож, являющийся наиболее типичным оружием франков...

Основным оружием, наравне с мечом, являлось копьё. Железные наконечники копий постоянно находят при раскопках курганных погребений... Не каждый воин имел меч, но без копья он вовсе не мог обойтись; копьё, древко которого достигало 1,5—2,0 м, доставало в бою дальше, чем меч. Распространенностью копья и объясняется счетная терминология, дошедшая до нас в таком известии: «и бысть же у поганых 900 копий, а в Руси 90 копий» (Ипат. л., 1172).

В курганах IX—X вв. часто встречается также боевой топорик... Он имел обычно очень небольшие размеры, но насаживался на длинную деревянную рукоять и в рукопашном бою служил, вероятно, для ударов по шлему. Распространенные в киевских и владимирских курганах IX—X вв., эти топорики почти неизвестны в Новгородской земле. Замечательный топорик X—XI вв. был найден на городище Старая Ладога. Он бронзовый с железным лезвием; на нем изображены рельефом фантастические животные...

В погребениях киевских дружинников нередко находят колчаны со стрелами. Наконечники стрел имели обычно ромбовидную форму. Ланцетовидные наконечники, характерные для норманнских стрел, здесь встречаются редко... Лук не дошел до нас в вещественных памятниках, древнейшее изображение его находим на полях Изборника Святослава...

Защитным снаряжением русского дружинника были шлем, кольчуга и щит.

Древнерусский шлем уже в X в. был плавно изогнут и вытянут кверху, заканчиваясь стержнем. Эта форма совершенно отсутствовала в Западной Европе, но была распространена в Передней Азии. Такими были еще ассирийские шлемы, а в средние века этот облик сохранили шлемы арабские, персидские и турецкие. На Руси такой шлем господствовал с X до XVII в. и в московское время назывался шишаком. К этому типу относятся оба шлема из Черной Могилы... шлем из другого черниговского кургана — Гульбище — и шлем из большого Гнездовского кургана, покрытый железными резными пластинками, живо напоминающими русскую деревянную резьбу...

От щитов сохраняются только остатки их железных оковок. Сами щиты были деревянными. О важности щита в доспехе мы можем заключить из того, что он, наряду с мечом, был в X в. важнейшим военным символом: (существуют — А. К.) летописные тексты, где щит и меч названы вместе и в связи с обрядами. Недаром в 907 г. в Царьграде Олег «повеси щит свои въ вратех, показуа победу» (Лавр. л., 907).

Судя по ряду находок в Гнездове, Черной Могиле, Гульбище и других курганах, на Руси уже в X в. широко применялись кольчуги, называемые, по-видимому, «бро-

нями». Это была гибкая одежда из железных колец, переплетенных друг с другом... В этом отношении Русь на два века обогнала средневековую Европу, что объясняется, во-первых, тесными связями Руси с мусульманским Востоком, где кольчуги были известны ранее, во-вторых — местными восточноевропейскими традициями, ведь этот доспех был обычен уже для сармат. Кольчуга, по-видимому, — ассирийское изобретение: ее носили и римляне, но она исчезла вместе с ними. В IX—X вв. не только в Скандинавии, но и в тех странах, откуда к нам шли мечи, во Франции и в Германии, доспехи были кожаные, часто покрытые металлическими нашивками. Только в XII в., в связи с крестовыми походами, кольчуга проникла, наконец, в Западную Европу и сразу стала основным рыцарским доспехом.

Оружие дружинников X в. убеждает нас в том, что дружины русских князей в эпоху походов Олега и Святослава отнюдь не были норманнскими по своему основному составу. И шлем, и кольчуга, и стрелы русских дружинников отличаются от норманнских. Только меч русских дружинников действительно аналогичен мечу, характерному для норманнского воина. Но выше уже отмечалось, что меч этого типа не норманнский, а общеевропейский, ввозившийся и в Скандинавию, и на Русь из Западной Европы. На Руси было и свое производство мечей.

Н. Ф. Лавров. <Религия древних славян> *

Славянское язычество IX—X вв. в том его виде, в каком оно нам известно по письменным источникам, представляло весьма сложное переплетение пережитков глубокой древности с новыми формами религиозных представлений. Сохранялось, например, обожествление сил природы, растений и животных, еще не наделенных антропоморфными чертами; поклонение воде, огню, земле, растениям и животным также отразилось и в фольклоре. летопись, говоря о происхождении полян, так характеризует их: «бяху же погани, жруще озером и кладя-

* Из кн.: История культуры древней Руси./Под общ. ред. акад. Б. Д. Грекова и проф. М. И. Артамонова. Домонгольский период. Т. 2. Общественный строй и духовная культура./Под ред. Н. Н. Воронина, М. К. Каргера.— М.—Л., 1951, с. 61—81.

зем и рошением, якоже и прочии погани» (I Новг. л., 854), т. е. поляне были язычниками, поклонялись озерам, источникам и рощам. Эти пережиточные представления несколько ослабли, видимо, только в XII в.; еще Кирилл Туровский, радуясь, что Русь стала христианской, отмечает в одном из своих поучений: «не нарекутся богом стихия, ни солнце, ни огонь, ни источницы, ни древа».

Почитая воду, человек приписывал ей особую живительную и очистительную силу. Известны сохранившиеся до позднейшего времени многообразные способы лечения знахарями болезней при помощи воды. Весенние и летние народные праздники, сопровождаемые купаньем, обливанием, указывают на веру в другую чудодейственную силу воды — плодородящую. Отсюда связь представлений о земной воде с водой небесной — дождем; в одном из источников конца XI в. говорится, что некоторые жертвы творят у ключа, «ища от него дождя»; жертвы воде и источникам должны были спасать от засухи, к ним и прибегал земледелец.

Так же и представление о земном огне еще с отдаленнейшей поры связывалось с представлением о «небесном огне» — солнце и молнии, — дающем тепло и свет и посылающем дождь-воду. Огонь, по древним верованиям, имел и очистительную силу; с этим был связан, например, обряд прыгания через костры в ночь Ивана Купалы.

Очень древне и почитание кормилицы — «матери-сырой земли». По древнерусскому обычаю землю клялись при спорах о земельных владениях: истец клал себе на голову дерн и в доказательство своего права собственности обходил по меже спорного земельного участка. Земле исповедывались в своих грехах, прося у нее прощения.

Приведенные выше свидетельства памятников литературы говорят также и о сохранившемся почитании растений, деревьев, «рошенья». Константин Багрянородный отмечает жертвоприношения купцов-русов у священного дуба на острове Хортица; дуб в это время был священным деревом Перуна, а с проникновением христианства за ним закрепилось значение «нечистого дерева»; напротив, береза считалась «чистым деревом». Этот культ растений пережиточно сохранялся в народных обрядах: например, в весенний праздник семик девушки приносили жертву березам и пели:

*Радуйтесь, березы,
Радуйтесь, зеленые,
К вам девушки идут,
К вам красные,
К вам пироги несут,
Лепешки, яичницы.*

<...>

Наряду с переживаниями тотемистического культа растений в комплексе языческого мировоззрения славян сохранялось и почитание священных животных. В числе их были конь, бык (тур), медведь, кабан и др. Замечательная археологическая находка на дне Днепра у устья Десны куска дубового ствола с засаженными в него кабаньими клыками позволила подтвердить тесную связь священных деревьев и зверей в славянской мифологии; этот дуб, видимо, стоял на слиянии двух рек... <...>

На лесном севере до позднейшего времени дожили следы почитания медведя — сильнейшего представителя местной фауны. Медвежий культ был распространен в X—XI вв. как у славянских, так и у неславянских племен; его следы здесь известны со времени неолита и эпохи бронзы. Русские легенды и поверья свидетельствуют о его большом значении и в позднейшее время (например, легенда об Ярославле — Медвежьем угле), что прекрасно подтверждается и находками медвежьих костей или глиняных муляжей медвежьей лапы, сопровождаемых глиняными кольцами в курганных погребениях XI в. ...

Священным животным был также козел (или коза). Козел ... был жертвенным приношением при исполнении колядной обрядности и считался подателем и покровителем урожая. В одной старинной белорусской песне поется:

*Дзе коза ходзиць, там жито родзиць,
Дзе коза хвостом, там жито кустом,
Дзе коза ногою, там жито копою,
Дзе коза рогом, там жито стогом...*

Однако можно думать, что почитание козла восходит еще ко времени охотничьего хозяйства и его обрядовых игр.

<...>

Очень рано обоготворенные силы природы и стихий теряют аморфный характер, оформляясь в виде человекоподобных божеств. Так, в поучениях против язычества

упоминаются женские божества: вилы и берегини. Культ вил — духов лесов и гор — был широко распространен у сербов; в то же время образ вил очень близок к образу русских русалок; можно предполагать, что под названиями «вилы» или «берегини» следует разуметь женское божество воды, образ которого ярко отразился в русском фольклоре в виде русалок.

Термин «русалка» не встречается в памятниках древнерусской письменности, но народные весенние празднества «русалии», обычно связываемые с почитанием русалок, отмечаются в поучениях против язычества XI—XII вв. Отрицательные черты русалок — результат позднейших представлений христианской поры о русалках, как душах непогребенных утопленниц. Гораздо архаичнее сохранившиеся в народных поверьях положительные черты русалок: они, например, посылают благодатный дождь на поля, близко соприкасаясь с силами плодородия и земледельческими божествами.

С дальнейшим развитием производительных сил, с превращением земледелия в ведущую отрасль хозяйства и связанными с этим изменениями в общественных отношениях, все более выдвигаются олицетворенные божества стихий природы, определяющих хозяйственное благополучие земледельца. Вместе с тем кристаллизуется и специализируется самый образ и функции божества. Уже в VI в. византийский историк Прокопий Кесарийский, описывая быт славян-антов, писал: «Владыкой мира они [анты] признают одного бога — создателя молнии — и в жертву ему приносят быков и других жертвенных животных». Несомненно, что из многочисленных божеств уже в то время начинали выдвигаться главные божества, связанные с земледелием.

Летопись, рассказывая о княжении в Киеве Владимира Святославича, приводит под 980 г., вероятно, далеко не полный перечень богов восточных славян: «И нача княжити Володимир в Киеве един, и постави кумиры на холму вне двора теремного: Перуна древяна, а главу его сребрену, а ус злат, и Хорса, Дажь-бога, и Стрибога, и Симарьгла, и Мокошь» (Лавр. л., 980). Эти же имена богов встречаются и в других поучениях против язычества.

Среди языческих богов летописец на первом и, очевидно, главном месте ставит Перуна.

Перун — космическое божество, бог грома и молнии; но он почитался несомненно и как бог — податель живительного для природы и посевов дождя, земледельческий бог. Образ Перуна был связан пережиточно с животным тотемом — конем, что сказалося позднее в переносе черт конного бога — громовика на христианского Илью с его «громыхающей» колесницей.

С конем был связан и другой космический образ — славянского бога солнца. Араб Масуди (X в.) называл все славянские племена «солнцепоклонниками». Древний славянин видел в солнце могучего подателя света и тепла, бога, от которого зависело его благосостояние и жизнь. Смена зимы и лета вызывала в его сознании представление об умирающем и воскресающем боге. Солнечное божество выступает под различными наименованиями: Хорса, Дажь-бога, Купалы, Ярилы; это следует, по-видимому, объяснить какими-то особенностями самого солнечного культа у различных племен. Упоминание поучениями конца XI в. Хорса на втором месте после Перуна говорит о значительности этого божества. Автор Слова о полку Игореве, полного мифологическими образами, вспоминая о Всеславе полоцком, рожденном якобы от волкованья «князе-оборотне», говорит, что он перебежал волком путь великому Хорсу, богу солнца. В одном из переводных памятников древнерусской литературы имя античного бога солнца — Аполлон — передано словом «Хрѣс». Это слово в некоторых языках означало также «утренняя заря», «солнце». Бог солнца — Хорс отличался от бога грома, Перуна. Вероятна и связь представлений о солнце — небесном огне и представлений о небесном же огне — молнии. В этом смысле интересно указание одного из апокрифов о том, что Перун и Хорс «два еста ангела молнииана».

После Хорса в летописном рассказе 980 г. в числе владимировых богов назван Дажь-бог. В русском переводе византийской хроники Иоанна Малалы словом «Дажь-бог» поясняется греческое «солнце» — «гелиос» (Ипат. л., 1114). Это и служит главным основанием для вывода, что Дажь-бог был, так же как и Хорс, богом солнца. Дажь-бог упоминается дважды и в Слове о полку Игореве.

Вслед за Дажь-богом в летописном рассказе 980 г. названы Стрибог, Симарьгл и Мокошь. Упоминание Сло-

ва о полку Игореве: «се ветри Стрибожи внуци» позволило считать Стрибога схожим с Перуном, богом грозы-непогоды.

Гораздо менее ясен вопрос о Симарьгле. Он упоминается в некоторых поучениях против язычества вместе с Перуном и Хорсом, причем иногда его имя читается не «Симарьгл», а «Сим и Рьгл» и даже «Сим и Ерьгл». Последний вариант дал повод одному из исследователей русского язычества (А. С. Фаминцыну) выдвинуть догадку, что в слове «Ерьгл» позднейшими писателями допущена описка: вместо «ьг» следует читать «ы», т. е. «Ерыл», Ярило, солнечное божество, почитание которого было широко распространено на Руси. В Белоруссии, например, в честь Ярилы девушки в конце апреля устраивали веселый праздник: нарядив одну из девиц Ярилой, одев ее в белое покрывало и украсив венком из полевых цветов, сажали ее на белого коня и водили вокруг «Ярилы» хоровод. В песнях Ярила изображается божеством, приносящим плодородие.

*А гдзе ж он нагою,
Там жито капою,
А гдзе он ни зырие (т. е. не взглянет),
Там колас зацьвице...*

Так в обрядности и этого божества проступают его древнейшие тотемистические корни. Ряд географических названий в центральных местностях России (деревня Яриловичи в Тихвинском и Валдайском районах, Ярилово-поле в Костроме, Ярилова роща под Костромой, Ярилова долина около Владимира), а также народные праздники, носившие названия ярильных и справлявшиеся перед «петровками»... в разных местах Велико-россии, свидетельствуют о почитании Ярилы не только на юге, но и на севере Руси. Вопрос о Симарьгле все же остается пока далеко не решенным.

<...>

...Если тотемистические и космические представления были религиозными воззрениями, отражавшими в фантастических образах силы природы, то культ предков отражал (употребляем терминологию Ф. Энгельса) уже «общественные силы». В Слове некоего христолюбца проповедник упрекает новокрещеную паству, что они соединяют «некия чистые молитвы с проклятым молень-

ем идольскимъ — пресвятые богородицы с рожаницами», и совершают трапезы «роду» и «рожаницам» «в прогневанье богу».

Род и рожаница — это умершие предки патриархального рода, которых сородичи считали своими покровителями; они носили и другие наименования, например: дед, щур, чур. С разложением рода бог рода преобразовался в духа покровителя семьи, в «домового деда», в домового, в котором также чтити отдаленного умершего родича. Культ рода и рожаниц сливался с поминанием вообще всех умерших родичей. Этому культу были посвящены поминальные обряды, совершавшиеся в дни зимних колядок и на маслянице, а также особые празднества: «навий день» (день мертвецов), справлявшийся в четверг страстной недели поста, и «радуница» — во вторник первой недели после пасхи. Особенно характерен сохранявшийся в прошлом у белорусов обычай справлять ежегодно поминальные праздники «дзяды» с угощением умерших. Культ предков наиболее ярко отразился в погребальных обрядах...

Таковы боги языческого славянства, представляющие олицетворения духов предков и сил природы и ее стихий, владычествующих над судьбой посевов и стад. Но среди этих богов можно указать и таких, которые связаны уже с явлениями более поздними, существенно меняющимися и самый характер языческого культа.

Среди перечисленных в летописном рассказе под 980 г. божеств названа Мокошь — божество, до сих пор остающееся не разгаданным до конца. Указывая на обычай чехов молиться и приносить жертву Мокоши во время засухи, некоторые исследователи видят в ней богиню воды, дождя, непогоды, грозы, следовательно, богиню плодородия, т. е. опять-таки космическое божество. Другие исследователи предполагают связь Мокоши с прядением и ткачеством — женским занятием по обработке льна. Следы этого древнего языческого культа еще в середине XIX в. сохранялись в глухих углах Олонцкого края. Мокошь невидима, но ее присутствие можно указать по урчанью веретена. Мокошь представляют в виде женщины с длинными руками. Крестьянки боялись Мокоши и, очевидно, приносили ей жертвы, так как в исповедных вопросах XVI в. содержится укоризненный вопрос церковника, адресованный к женщинам: «не

ходила ли еси к Мокоше?» По народным поверьям, если эту богиню удавалось умилоствить, она якобы помогала женщинам прясть пряжу или «сама пряла» в отсутствие их. В дальнейшем, в связи с более глубоким проникновением христианства, богиню-пряжу Мокошь заменила Параскева-Пятница, на которую перешли все функции и атрибуты древней Мокоши. Пятницу называли «льняницей» и приносили ей в жертву первые снопы льна и вытканые уборы.

Наряду с богиней-пряхой Мокошью следует упомянуть о другом божестве, в котором также можно видеть отражение представлений, относящихся уже не к кругу сельскохозяйственных занятий, а к ремеслу... С кузнецами и их производством было связано много поверий и легенд, облакавших их сверхъестественными чертами. Одна любопытная запись в летописи, сделанная по поводу легенд, услышанных летописцем во время его поездки на север, позволяет установить древнерусского бога, являвшегося покровителем кузнечного дела. В этой записи перечисляются различные чудеса, бывшие в древности. Дойдя в своем перечислении до Египта, автор сообщает, что там царствовали потомки Хама — Местром и Еремия «по немь Феоста, иже и Соварога нарекоша Егуптяне. Царствующо сему Феосте в Егупте, во время царства его спадоша клеще с небесе, нача ковати оружие. Преже бо того палицами и камением бяхуся. Тъ же Феоста закон устави женам за един мужь посягати... а иже прелюбы деющи, казнити повелеваше, сего ради прозваше и бог Сварог... и посем царствова сын его, именем Солнце, его же наричают Дажь-бог...» (Ипат. л., 1114). Феост — Сварог — это, несомненно, греческий бог-кузнец Гефест (Египет здесь назван ошибочно). Хотя под пером начитанного киевлянина начала XII в. перепутались библейские, античные и славянские мифологические образы, все же эта запись дает ценнейший материал.

Сварог одновременно и бог, и царь, и творец всей человеческой культуры. Он не только Гефест, но и Прометей, благодетельствовавший человечество. С именем Сварога сочетаются истоки технических знаний («нача ковати оружие»), а также и истоки семейного начала, победа моногамной семьи («прежде бо... бяху акы скот»). Бог-кузнец является чрезвычайно интересной фигурой в древнерусской мифологии. Из других источ-

ников мы знаем, что сыном Сварога — Сварожичем — называли огонь, которому молились под овинном и приносили жертвы. Через огонь, хозяевами которого считались кузнецы, связь Сварога с кузнечным делом крепла еще больше. Слово «Сварог» стоит в связи с корнем «вар» — жар, горение, пожар. Интересно отметить, что среди идолов различных богов, поставленных Владимиром в Киеве, бога-кузнеца Сварога нет: после крещения Руси на смену древнему имени бога пришли новые названия, принесенные на Русь вместе с христианством. ...Сварог превратился в христианских святых Кузьму и Демьяна, подобно тому как языческий Велес — Волос превратился в христианского Власия, а Перун — в Илью-громовика¹.

<...>

О существовании жертвоприношений у восточных славян сохранились отдельные известия. Древнейшим из них является уже отмеченное сообщение Прокопия о поклонении антов богу молнии, которому они приносили в жертву быков и других животных. Интересный рассказ о жертвоприношениях русов-купцов приводит Ибн-Фадлан: русы по приезде в Булгар ставили в определенном месте своих идолов и перед началом торговли приносили им в жертву хлеб, мясо, лук, молоко и опьяняющий напиток, моля послать хороших покупателей. Когда же им удавалось выгодно продать свои товары, то говорили: «Господин мой уже исполнил то, что мне было нужно, и следует вознаградить его» и убивали несколько быков и овец; часть мяса раздавали, другую клали перед идолами, а головы жертвенных животных тут же вешали на колья, вбитые в землю. Если мясо съедали ночью собаки, купцы говорили: «Уже стал доволен господин мой мною и съел мой дар». В одном из переводных поучений против язычества русский переводчик добавляет его текст указанием на принесение в жертву кур: «Убогая куряти, яже на жертву идолом режутся, иныи в водах потопляеми суть». Этот последний обряд потопления жертвы в воде подтверждается рассказом Льва Диакона о том, как князь Святослав во время болгарского похода приносил жертву богам, бросая в воду птиц...

<...>

¹ Текст о Мокоши и Свароге написан Б. А. Рыбаковым.

В ...Повести временных лет... находим сведения о похоронных обрядах радимичей, северян и вятичей: «Аже кто умраше, творяху тризну над ним, и посемь творяху краду велику, и възложяху на краду мертвеца, сожьжаху, и посемь, собравше кости, вложяху в судину малу, и поставляху на столпе на путех, еже творять Вятичи и ныне» (Лавр. л.). Эти известия о сожжении покойников северянами, радимичами и вятичами подтверждаются и обогащаются данными раскопок погребальных памятников, свидетельствующих, что сожжение было широко распространено у всех восточнославянских племен.

Раскрываемая археологическими раскопками история погребального обряда у восточных славян тесно связана с процессом разложения патриархально-общинного строя. Первоначально останки сожженного покойника сородичи приносили в свое поселение, где и складывали их в своеобразные коллективные погребальные урны в виде глиняных домиков, например, на городище Жарище. <...> При этом способе погребения останки предков рода находились в том же поселке, где продолжал обитать род.

Однако вскоре это родовое кладбище, не теряя своего коллективного характера, выносится за пределы поселка. Внешний облик погребальных сооружений этого рода обнаруживает ряд местных особенностей. Так, на севере они получают вид высоких конических курганов, называемых сопками, в которых последовательно погребались останки сожженных покойников, каждое из захоронений при подсыпке земли увеличивало высоту сопки; древнейшие из этих памятников восходят, вероятно, к VI—VII вв... Далее к югу, в верховьях Днепра и в районе Валдайской возвышенности, коллективные курганы имеют вид вытянутых насыпей, выраставших, по мере захоронений сожженных останков, в длину... В области верховьев Оки коллективный курган имел внутри особое деревянное сооружение, куда постепенно складывались останки после трупосожжения... Эти разновидности погребального обряда отвечают в основном трем крупным славянским племенам: новгородским словенам, кривичам и вятичам. В области вятических племен коллективные погребальные курганы дожили до VIII—X вв.; курганы около Боршевского городища, помимо срубов, в которых

ставились сосуды с прахом умершего, имели интересную деталь — кольцевое ограждение из вертикальных дубовых плах, отражение солнечного культа, столь характерного для славян.

Эти черты погребального обряда, несомненно, находились в связи с культом предков. «Большая часть их [славянских] племен, — пишет Масуди, — суть язычники, которые сжигают своих мертвецов и поклоняются им».

В IX—X вв., с усилением распада первобытнообщинного строя, коллективные погребения постоянно сменяются индивидуальными курганами, но обряд трупосожжения еще остается. Ибн-Фадлан рассказывает о сожжении умершего богатого руса. Его имущество разделили на три части: одна — его роду, вторая — на богатые погребальные одежды, третья — на приготовление обрядового хмельного напитка; корабль покойного был установлен на особых подпорках на берегу, и на нем усадили труп, сложив около пищу и питье, оружие; здесь же зарезали животных: собаку, пару коней, коров, петуха и курицу и, наконец, с особыми обрядами убили рабыню покойного. Затем, по сожжении, над грудой угля и пепла соорудили курган и на вершине поставили столб из белого тополя с именем покойного и «царя русов».

<...>

Представление о загробном мире было связано с космическим характером культа. Им же объясняются и некоторые детали обряда, прежде всего предание тела покойника огню, в чем отразилось представление об умирающем и уходящем в землю солнце; солнечной символикой можно объяснить и обычай окружать могильный холм кольцом (символ солнца) из камней или бревен.

В X в. сожжение уступает место погребению. <...>

...Новый погребальный обряд прививался в первую очередь в среде господствующего княжеско-дружинного слоя; на далеком северо-востоке старые обычаи жили дольше, чем в Поднепровье. В самом положении умершего в могиле наблюдались особенности, свидетельствовавшие о сплетении языческих и христианских представлений (ориентация погребений на запад или на восток, по отношению к водным источникам и пр.).

...Погребение сопровождалось определенными обрядовыми действиями. Араб Ибн-Русте, между прочим, сообщает, что когда кто-либо из славян умирает, они

сжигают труп, а женщины царапают себе ножом руки и лицо...

<...>

К числу празднеств, посвященных культу предков, нужно отнести радуницу — день поминания предков. Радуница повсеместно справлялась в старину во вторник на Фоминой неделе. В этот день, а также в троицкую субботу и другие «родительские» дни родственники умерших приходили на кладбище, приносили с собой кутью, блины (блин — символ солнца); яйца, вино и после церковной панихиды приступали к поминальному торжеству. Этот обряд описан в Стоглаве, памятнике XVI в., содержащем постановления, направленные к искоренению упорных пережитков языческих обычаев: «В троицкую субботу по селам и по погостам сходятся мужи и жены на жальниках и плачутся по гробам с великим кричаньем, и, егда начнут играти скоморохи, гудцы и перегудники, они же, плача переставше, начнут скакати и плясати и в долони бити и песни сатанинские пети».

<...>

<...>

Языческие празднества были тесно связаны с космическими религиозными представлениями, с почитанием земледельческого бога Солнца, подателя урожая, который представлялся, в соответствии с временами года, как умирающий и воскресающий бог. Культ Солнце-бога переплетался в праздничной обрядности с культом предков, а также переживаниями тотемистических культов.

Ко дню зимнего солнцестояния, когда, по поверьям народа, рождалось новое солнце, был приурочен зимний праздник Солнце-бога, позднее слившийся с христианским праздником рождества и получивший название колядок. Колядные обряды и песни-колядки носят черты глубокой древности; языческая старина затмевает в них культ Христа. В одной из таких колядок слышны отзвуки языческого культового жертвоприношения:

*Уродилась Коляда
Накануне Рождества
За рекою, за быстрою.
В тех местах огни горят,
Огни горят великие;
Вокруг огня скамьи стоят,*

*Скамьи стоят дубовые;
На тех скамьях добры молодцы.
Добры молодцы, красны девицы
Поют песни Колядушки.
В середине их старик сидит.
Он точит свой булатный нож.
Котел кипит горячий.
Возле котла козел стоит:
Хотят козла зарезати...*

<...>
<...> Глубочайшей стариной веет от весеннего праздника семика, приходившегося в седьмой четверг после пасхи и носившего также название «русалий», т. е. дней, посвященных русалкам. Обряды, совершавшиеся в эти дни, связывались с культом предков, а также... с культом деревьев и воды. Весьма характерен обычай, известный в великорусских областях, когда в семик девушки и молодые люди собирались в рощах, завивали венки, срубали молодую березку, наряжали ее в женское платье и ленты и затем, после торжественного пиршества, приносили березку в деревню, где она оставалась до «тронцына дня», когда ее выносили к реке и бросали в воду. Здесь культ деревьев сплетался с культом древней богини плодородия и воды — русалки.

Солнечному богу Купале был посвящен праздник, справлявшийся в дни летнего солнцестояния и получивший позднее, вследствие совпадения с христианским Ивановым днем, название Ивана-Купалы. <...> В эти же летние дни справлялся и праздник Ярилы, обрядность которого также отражала солнечный культ.

<...>
При первобытном общественном строе не было специальных лиц, исполнявших культовую обрядность; она отправлялась старейшиной рода, как позже, в христианскую пору, народные обряды (например, Коляды) отправлялись главой семьи.

Однако с образованием племенных культов должны были появиться особые служители племенных богов, — это были волхвы... <...> Несомненно, волхвы были не только ведунами-гадателями, но и носителями языческой идеологии... Волхвы выступали во главе восстаний смердов, когда... христианство стало проникать в самые отдаленные углы древней Руси.

Литература

(см. также литературу к разделам «Славянские языки» и «Праславянский язык»)

- Третьяков П. Н. Славяне.— БСЭ, 3-е изд., т. 23. М.: Сов. энциклопедия, 1976.
Нидерле Л. Славянские древности.— М.: Изд-во иностр. лит., 1956.
Державин Н. С. Славяне в древности. Культурно-исторический очерк.— М.: Изд-во АН СССР, 1947.
Третьяков П. Н. Восточнославянские племена.— 2-е изд.— М.: Изд-во АН СССР, 1953.
Филин Ф. П. Образование языка восточных славян.— М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1962.
Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей.— М.: Наука, 1974.
Шахматов А. А. Введение в курс истории русского языка.— Пг., 1916.
Lehr-Splawiński T. O pochodzeniu i praojczyźnie Słowian.— Poznań, 1946.
Lehr-Splawiński T. Rozprawy i szkice z dziejów kultury Słowian.— Warszawa: Pax, 1954.
Czekanowski J. Wstęp do historii Słowian. Wydanie II.— Poznań: Instytut Zachodni, 1957.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ СЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

ИСТОЧНИКИ

Из Жития Константина Философа

Жития Константина и Мефодия написаны людьми, хорошо знавшими обстоятельства возникновения славянской письменности и деятельности солунских братьев. До нас дошли только поздние списки (копии) этих произведений. Древнейшая из них — Житие Мефодия по списку XII в.; древнейшая копия Жития Константина относится к XV в.

II. — Въ Селыньстѣмъ же градѣ въ мѣжѣ нѣкимъ добродѣнѣмъ и волатъ, именемъ Левъ, предръжа санъ дръгарскъ под стратигомъ. Бѣ же благовѣренъ и праведнъ, съхраняа въса заповѣди Божіа исполнъ, якоже иногда Іевъ. Живимъ же съ подрѣженъ своимъ роди седмѣро штрочатъ, шт ниуже въ мѣвинецъ .в. Константина философа, наставникъ и зчитель нашъ. Бгда же и роди мати, въдаша и донанци да въи донанъ отроча же не хоташе шти са по чюжь съсець никакоже развѣ по матернъ, дондеже штрочнъ высть. Се же высть по Божію смотренію, да въ добра корени добра мѣторасла несквернымъ млекоу въздосна была.

IV. — Бгда же приде къ Цѣсарю Градъ, въдаша и зчителель да са зчитъ. И въ .г. мѣсаці навикъ въсю грамотикю, и по проча са штъ оученіа. Навчи же са Омиръ и геометрон и оу Льва и Фотѣ диалекснице и всѣмъ философскимъ зченіемъ, къ симъ же и риторикин и арифметикин и астрономин и мѣсикин, и всѣмъ прочимъ Гречинскимъ зченіемъ. Тако же а навиче въса якоже въи могаъ кто едино

шт ниу навикноути. Скорость во са съ прилежаніемъ съключи, (и) дръга дръгоу прѣспѣюши, наже са зченіа и хѣдожества съврѣшашоу. Болѣ же зченіа тихын образъ на себѣ извааш, с тѣми бесѣдоваше съ нимиже вѣаше полезитѣ, оукланна са шт зкланашоу са въ стропѣты, како въ земнымъ невеснаа премѣншъ извѣтѣти нсъ телесн сего и съ Богомъ жити.

Обрѣте же тоу евангеліе и ѱалтирь (Еур)скимъ писменъ писано, и чловека шврѣтъ глаголюща тою бесѣдою, и бесѣдова с нимъ. И силъ рѣчи приимъ, свои бесѣдѣ прикладаа различнаа писмена, гласнаа и съгласнаа, и къ Богъ молитвъ творѣ, въ скорѣ начатъ чести и сказати. И мнози са емъ днелашъ, Бога хвалаше.

Шед же философ по прѣвоимъ обычаю на молитвъ са наложи и съ нимъи съпоспѣшники. Въ скорѣ же а емъ Бога шен послѣшаша молитвы разъ своихъ, и тогда сложи писмена, и нача бесѣдъ писати евангельскю. Искони въ Слово, и Слово въ з Бога, и Бога въ Слово, и проча. Козвесели же са цѣсаръ, и Бога прослави съ своимъ совѣтниками, и посла и съ дары многы, написавъ к Ростиславоу епистолюи енци.

XV. — Дошедъшю же емъ Моравы, с великою честью приимъ и Ростиславъ, и созреть оученики вдасть а оучити. Въ скорѣ же весь церковнымъ чинъ прѣложъ наоучи а оутрени и гонданъ, овѣднѣн и вечерни и павечерници, и таннѣи салжевъ. И штвершоша са, по пророческому словесн, оуши глѣхуа оуслышати книжнаа словеса, и языкъ шенъ высть гѣгнивалъ. Богъ же са възвесели ш семъ вельми, и дашвоа постыдѣ са.

Четыре десат мѣсаць створи к Моравѣ, и иде святитѣ оученики своихъ. Приимъ же и идоуца Коцель, князь Панонескъ, и възлюбен вельми словенскы вѣкен, и наоучи са илаъ, и въдавъ до пяти десатъ оученикъ оучити са илаъ. И великъ емоу честь створи мимо проводі и. Не влатъ же ни шт Ростислава ни шт Коцела ни злата ни сребра ни иного вещи, положи евангельское слово безъ пища, нъ токмо плѣнники испрошь шт обою девати сотъ и штибсти ш.

XVI. — Бълатцѣхъ же вышю емоу, совраша са на на Латиньскн еписк(оу)пн и поповѣ и черноризци, яко врани на сохвалѣ, и въздвигоша триязычнѣю ересь, глаголюще: Чловѣче, скажи намъ како ты еси нынѣ створиша Словѣномъ книги и дѣчиши а, иже нѣсть никтоже ннѣ переѣе оверѣа, ни апостола, ни Римьскыи папѣа, ни Филолога Григорин, ни Иеронима, ни Августина. Мы же три языки токмо вѣмъ: илиже достоятъ въ книгахъ славити Бога, Свѣтиски, Сл'аньскы, Латиньскы.

Свѣтѣща философ к нимъ: Не идет ли дождь от Бога равно на вса, или солнце такожде не сияет ли на вса, ни ли дышетъ на дѣрѣ равно вси; То како вы са не стыдите три языки токмо мнати, а прочимъ всѣмъ языкомъ и папѣномъ слѣпымъ велати выти и глѣхымъ; Скажите ми, Бога творяще немощна яко не могѣща сего дати, или забвистива не хотѣща дати; Мы же многы роды знаемъ книги оумѣюща и Богѣ славоу въздающа своимъ языкомъ каждо. Иже же соутъ си: Армени, Перси, Авазъги, Иверин, Свѣди, Готъфи, Оври, Тѣрсин, Козари, Араваини, Свѣдѣини, Свѣдѣи и инни мнози.

XVIII. — Постигшии же и мншгымъ тѣрѣдѣмъ, волѣти нача. И тѣрѣпашѣ емѣ мзю болѣзньнѣю многы дни, единоу видѣвъ Божию явлению начатъ пѣти сице: О рекшихъ мнѣ: вънидеи въ дворы Господна, възвесели са доухъ мой и сердце обрадова са. Облѣк же са въ честныа свои ризы, тако превьсть весела са весь день и глагола: Свѣселѣ нѣсмъ азъ ни цѣсарю слава ни иноу инкомѣже на земан, но токмо Богѣ всѣдѣрѣжителю и бѣхъ и есмь въ вѣкы, аминь. Еъ стѣри же день въ свѣтлыи иночьскыи образъ облѣкъ са, и свѣтъ къ свѣтѣ приимъ, има си нарече Квиринъ.

Еъ том же образѣ превьсть пѣтъ десѣтъ дини. И яко са прииданжи година да покон приимъ преставит са на вѣчное

житиѣ, (и) въздвигъ къ Богѣ рѣцѣ свои сѣтвори молитвѣ съ слезалин, сице глагола: Господи Боже мой, иже еси ангельскыа вса чины и весплотныа съставиша силы, и небо распеиша землю основалъ, и вса сѣшамъ от немытиа въ вытиѣ приидѣа, иже еси вѣсѣгда вездѣ послѣшала твѣрѣцихъ волю твою, вомъщнѣхъ са тебе и хранишихъ заповѣди твѣа, послѣшанъ моя молн-

теи, и вѣчное твое стадо съхрани емѣже: ма вѣ приставиша: неключимаго и недостоннаго рава твоего, избавила вса отъ всакихъ безвожнѣа и поганьскыа зловы и отъ всакого мншгѣрѣчнѣаго и хѣлнаго еретичьскаго языка глаголющаго на та хѣла. Погбен триязычнѣю ересь, и възрасти церковь свою множьсткомъ, и еса къ единодѣшнѣ съвѣкѣнѣа сътвори изрѣдныи люди, едино мыслѣща о истиннѣи вѣрѣи твоеи и правѣла исповѣданнѣи. Бѣдохни же въ сердца ихъ слово твоего свѣта: твои во естѣ даръ, аще ны еси приимъ недостонныа на проповѣданнѣи евангелѣа Хр(ъ)ста твоего, остраца са на доврѣа дѣла и творѣщаа згоднаа твѣѣ. Дѣже мнѣ вѣ далъ, яко твоа (и) твѣѣ предаю а. Оустрой а сильною твоею десницею, покрыванъ а кровомъ крилѣ твоиоу, да вси хвалѣа и славатъ има твоѣ, Отца и Сына и свѣтаго Духа, въ вѣкы, аминь.

Из Жития Мефодия

V. — Придоучи же са въ тѣ дни, Ростиславъ князь Словѣньскъ съ Свѣтопѣлкѣмъ посласта изъ Моравы къ цѣсарю Михаилоу, глаголюща тако: Божинею милостию съдрави есѣа, и соутъ въ ны вѣшлыи оучители мнози крѣстившии изъ Елахъ и изъ Гравъ и изъ Нѣмьцѣ, оучаще ны разнѣ: а мы Словѣни проста чаде и не имамъ иже бы ны поставилъ на истинноу и разоумѣ съказалъ. То, доврѣи владѣико, послаи такъ моужь иже ны исправитъ вѣсакоу правдоу.

Тѣгда цѣсарь Михаилъ рече къ философу Костантиноу: Слѣшиши ли, философѣ, рѣчь сию; Ниъ сего да не можетъ

сѣтворити развѣкъ тебе, тѣ на ти дари мнози, и поимъ братъ свои игоумѣнъ Мефедин иди же. Бы во уста Свѣдоу-нѣнѣа, да Свѣдоунае вѣси чисто словѣньскыи вѣсѣдоують.

«О письменехъ» черноризца Храбра

Черноризец (монах) Храбр жил в X в. в Болгарии. Его трактат «О письменехъ» сохранился в ряде рукописных сборников начиная с 1343 г.

Прѣжде оуевъ Словѣне не имѣхъ книгъ, нѣ чрѣтали и рѣзали чѣтѣхъ и гатаахъ, погани сѣще. Крѣстивше же са, рилъскыи и грѣчьскыи писмены нѣждаахъ са (писати) словѣньскыи рѣчь [безъ оустроенна]. Нѣ како можетъ са писати доврѣ грѣчьскыи писмены Богѣ, или живѣтъ, или зѣла, или црѣковѣ, или чааннѣ, или ширѣта, или шѣдъ, или ждоу, или юность, или языкъ, и инѣа подобнаа сымъ; И тако вѣшѣа многа лѣта.

По том же чловѣколюбивъ Божъ, строжъи вѣи и не шествуетъ чловѣча родъ възъ разорудъ, нж в'са къ разоруду привоудъ и спаснио , помидовавъ родъ (чловѣчскъ) , послд намъ свдчало Квстатинна философъ нарицаетелю Кириидъ, джжъ првдана и истинна. Н створи намъ .и. писмена и осмъ, шва вѣш по чинноу грьчскыиу писмениу, шва же по словен'стѣи рѣчи, шт првдло же научитъ по грьчскемоу. Единъ оубо ддфъ, а съ азъ, шт азъ начатъ швот. И нжже шни поудовашъ

съ жидовскыиу писмениу створившъ, тако и съ грьчскыиу. Жидове вш првбо писма нматъ ддфъ, ежъ съ сказаетъ оучение , створашаше вавданмоу дѣтшироу и гадголаше . зни съ, ежъ естъ ддфъ. И Гурци поудоваше съ томоу ддфа рѣшъ, и сподови съ речение сказаниа жидовска грьчскыиъ азъкоу, да речеть дѣтшироу въ оучениа мѣсто . ниц. ддфа во ници съ речеть грьчскыиу азъкоу. Тѣмъ во поудка съ свдтын Кириидъ створи првбо писма азъ. Нж иже и првбомоу сжироу писмени азъ , и шт Бода даноу родоу (чловѣчъ) екомоу на штврвстие оустъ въ разорудъ оучашии съ въквадъ, ваниомъ раздвнженемъ оустъ възгласитъ съ, а (и)на(а) писмена андоуль раздвнженемъ оустъ възгласитъ съ и исповѣдайтъ съ.

Езъ же сжтъ писмена словен'скаа, енци а поудоветь писати и гадголати . а в в г (...ж . Едръ сиу сжтъ .кд. пудовиа грьчскыиу писменемъ, сжтъ же си . а, в, г, д, е, з, и, г, к, л, м, н, о, п, р, с, т, оу, ф, х, шт, и пѣ, хъ, тѣ, а, гн, по словенскыиъ азъкоу, си . в , ж, з, и , ц, ч, ш, ъ, шъ, мь , ъ , ф, ѣ, ю, ѡ, ѡ).

Дроуэни же гадголатъ . По что естъ .ди. писмена створилъ, а дожетъ съ и див'шииу того писети, нжже и Гурци .кд. пишжтъ; И не вѣдають коницъиу пишжтъ Гурци. Ботъ во вѣш .кд. писменъ, нж не написанъжтъ съ тѣиу книжъ, нж приложниа сжтъ авогасниу .ди, и въ численнѣ жъ .г. з-е и ф-деслчнотъ и ф-стчнот, и створиджтъ съ нхъ .ди. Тѣмъ же [по] томоу поудовио и въ чъждъ шврвдъ створи свдтши Кириидъ .ди. писмена.

Дроуэни же гадголатъ . Чесомоу же сжтъ словен'скыи книжы; Ни того во естъ Бода створилъ, ни то ддфди , ни сжтъ нждъконни , нжже жидовскыи и римскыи и еванни'скыи нждъ шт конд сжтъ и прижты сжтъ Богомъ. Я дроуэни анатъ

нжже Бода (и)мъ естъ створилъ писмена, и не вѣдають съ что гадголаше шканини. И нжже турни азъкыи естъ Бода поведѣтъ книжамъ вышъ, нжже въ Фвалгди пишеть . И вѣ дѣска написана жидовскыи и римскыи и еванни'скыи . а словен'скыи нѣстѣа гуръ, тѣмъ же нѣстѣа словен'скыиу книжы шт Бода.

Къ тѣмъ что гадголатъ, или что речемъ къ тацѣиу ввзоранимъ ; Свдце речеть шт свдтшъу книжъ нжже ндъчуромъ съ, нжже в'сѣ по родоу вывадѣтъ шт Бода, а не многоу. Нѣстѣа по Бодъ створилъ жидовска азъка прѣждъ ни римска ни еваннискъ, нж сир'скы, нжже и еддмъ гадгола, и шт дддмъ до потопд, и шт потопд дондъже Бода раздѣди азъкыи при сталъпотворени, нжже пишеть. Раздѣшномъ же вышемъ азъкыиу, и нжже съ азъци раздѣсншъ , тако и нрвди и обьчди и оустави и закони и хуртостти на азъкыи . Фчиптѣшумъ же замлѣврени, а Пѣр'шумъ и Хаддшумъ и Бени

рвчмъ авѣздочѣтени , въдшвени, врдчвдани, чарованиа и вѣе хуртостъ чловѣча . Жидовомъ же свдтшъу книжы, въ ниуе естъ писано нжже Бода нѣво створи и земадъ и вѣе нжже на нѣн , и чловѣча, и вѣе по родоу, нжже пишеть . Еванншумъ граматикниу, риторикниу, философниу .

Нж прѣждъ сего Еванни не имѣтъ свонмъ азъкоу писмени; нж Финнчскыиу писмени писадъ евож рѣчъ, и тако вѣшъ андоу дѣтд. Паддидъ же послѣждъ пришедъ, начепъ шт ддфы и вшты, .ди. писмена тѣкно Еванншумъ шврѣтѣ. Пондожи же нмъ Евддмъ Мидисни писмена .г. . тѣмъ же андоу дѣтд .ф. писмени писадъ. И по томъ Финонидъ шврѣтѣ приложни азъкыи писмени, Финдани же сказатѣл .г. писмена шврѣтѣ, и свврдъ съ нхъ .кд. По андоуеу же дѣтѣхъ динонсѣ граматикниу .з. авогасниу шврѣтѣ по томъ же дроуэни .г. и дроуэни .г. численитд. И тако андоу анотыиу дѣтѣ едѣа створидъ .ди. писмена. По томъ же андоу дѣтшъу андѣшвемъ, Еожнмъ поведѣниемъ шврѣтѣ съ .о. азъкыи нжже прѣвожншъ шт жидовскыи(а) на грьчскыиу азъкыи. Я словен'скыиу книжы едннъ свдтши Квстатинна нарицаетелю Кириидъ, и писмена створи и книжы прѣдожи въ мидѣхъ дѣтѣхъ . а шни андоу анотыи дѣтшъ, .з. нхъ писмена оустрон, а .о. прѣвожени. Тѣмъ же словен'скаа писмена свдтшнш сжтъ и чвстпѣшиа . свдтъ вш азъкыи створилъ на истъ, а грьчскыиу Еванни потани.

Дре ли кто речеть нжже нѣстѣа оустронилъ добрѣ, понже съ потругалѣтъ и шце, штвѣтъ речемъ силъ . и грьчскыиу такождъ андоудъи сжтъ потругалъ, динидъ и Финидъ, и по томъ

решаеъ звѣздочѣтене , вѣшкѣнне, врачеванне, чарованна
и всѣ хитрость чловѣча . Жидовом же свѣтыхъ книги, въ
нихже есть писано тако Бога небо створи и земля и всѣ иже
на нѣи , и чловѣка, и всѣ по радюу, икоже пишетъ . Бланишмѣ
граматикнѣ, риторикнѣ, философнѣ.

Ил прѣжде сего Бланин не имѣхъ своимѣ языкомѣ писменъ,
ил Финничьскимн писмены писахъ своѣ рѣчь, и тако вѣшл
многа лѣта. Паламидъ же послѣжде пришедъ, начинъ шт алфы
и виты, .ѡ. писменъ фѣкмо Бланишмѣ шворѣте. Приложи
же нѣмъ Кадамъ Мнансн писмена .г. тѣм же многа лѣта .ф.и.
писмены писахъ. И по томъ Симонидъ шворѣте приложи двѣ
писмени, Спихарн же сказатель .г. писмена шворѣте, и съвѣра
са ихъ .кд. По мнзовѣхъ же лѣтѣхъ Дионисъ граматикъ .з. дво-
гласныхъ шворѣте, по том же друугн .г., и друугн .г. числен-
нита. И тако мнози многымн лѣты едѣа съвѣрашл .лн. писменъ.
По том же многомъ лѣтвомъ мнлжшелѣ, Божнемъ повелѣ-
ннемъ шворѣте са .о. мжжъ иже прѣложишл шт жидовъ-
ска(а) на грѣчьскымъ языкѣ. И словѣнъскымъ книги единъ
свѣтын Квстантинъ нарицаемн Кирилъ, и писмена створи и
книгы прѣложи въ малѣхъ лѣтѣхъ . а шнн мнози многы лѣты,
.з. ихъ писмена оустрон, а .о. прѣложение. Тѣм же словѣнъскаа
писмена свѣтѣнши сѣт и частнѣиша . свѣтъ еш мжжъ
створила ш несть, а грѣчьскаа Бланин погани.

Ище ли кто речеть тако нѣсть оустронѣ доверѣ, понеже са
пострадалѣ и еще, штевѣтъ речемъ снмѣ . и грѣчьскы такожде
многаждн сѣтъ пострадали, Якилла и Симлахъ, и по томъ
инн мнози. Оудрѣте бо есть послѣжде потворити неже прѣвое
створити.

Ище ко въпроснши книгъчнѣ грѣчьскымъ глагола . Кто вы
есть писмена створила, или книги прѣложила, или въ кое
врѣмѣ; то рѣд'цин шт нихъ вѣдѣтъ. Ище ли въпроснши сло-
вѣнъскымъ воукарѣ глагола . Кто вы писмена створила есть,
или книги прѣложила; то всен вѣдѣтъ, и штевѣшавше рекжтъ .
Свѣтын Квстантинъ философъ нарицаемн Кирилъ, тѣ намѣ
писмена створи и книги прѣложи, и Мефодие вратъ его (сѣт
еш еще живи иже сѣтъ видѣли ихъ). И аще въпроснши въ кое
врѣмѣ, то вѣдѣтъ и рекжтъ тако въ врѣмена Млханаа цѣсарѣ
Грѣчьскаго, и Бориса княза Блгаръскаго, и Растица княза
Шор(ав'уска , и Коцелѣ княза Блатенъска, въ лѣта же
шт сьзданна въсего мира .ѡтѣг.

Сѣтъ же и инн штевѣти, аже и индѣ речемъ, а нннѣ нѣсть
врѣмѣ. Такъ разоумѣ, вратнѣ, Бога есть даль Словѣншмѣ.
Смоуже слава и чьсть и дрѣжава и поклонѣнне, нннѣ и присно
и въ вьсконечнымъ вѣкы, амин'.

СЛОВАРЬ ТРУДНЫХ СЛОВ

Из Жития Константина

ДРОУГАРЕСКЪ — сан (должность) тысячника
СТРАТИГЪ — военачальник
ИЕВЪ (ИОВЪ) — имя ветхозаветного персонажа и название одной
из книг Ветхого Завета
ПОДРОУЖИЕ — супруга
ОТРОКЪ — мальчик
МЪЗИНЕЦЪ — здесь: младший сын

~З. — 7 (буквенное обозначение цифры)

ДОИЛИЦА — кормилица
ДОИТИ — кормить
ДОНДЕЖЕ — пока не
ЛѢТОРАСЛЬ — отрасль, потомство
НЕСКВЕРНЬНЫИ — чистый, неоскверненный

~Г. — 3

ІАТИ — взять
ОМИРЪ — Гомер
МОУСИКИА — музыка
ПРѢСПѢЮЩИ: причастие от ПРѢСПѢВАТИ — преуспевать
СТРОПЪТЬ — труд, работа
ГЛАГОЛЮЩА: причастие от ГЛАГОЛАТИ — говорить
СЪПОСПѢШНИКЪ — помощник
ЕПИСТОЛИА — послание
СИЦЕ — так
ДОШЕДЪШЮ ЖЕ ЕМОУ МОРАВЫ — когда он пришел в Моравию
ПРѢЛОЖИТИ — изменить, переменить
ГОУГНИВЫИ — косноязычный
ПИЩА — здесь: награда
ВЪНАТЦѢХЪ ЖЕ БЫВШЮ ЕМОУ — когда он был в Венеции
ЧЕРНОРИСЦИ вместо ЧРЪНОРИЗЫЦИ — монахи
АЕРЪ — воздух, атмосфера
МНАЩЕ — форма глагола от МНИТИ, МЪНИТИ — считать, пола-
гать

ІАЗЪ — болезнь
ИНОЧЬСКЫИ — монашеский
ЧИНЪ — порядок
РАСПЕНЬ — форма глагола РАСПИНАТИ; здесь: распростер
НЕКЛЮЧИМЫИ — негодный, недостойный
ХОУЛА, ХОУЛНЫИ — порицание, порицаемый
ДЕСНИЦА — правая рука

Из Жития Мефодия

ПРИЛОУЧИТИСА — случиться
ВЛАХЪ (ВОЛОУХЪ, ВОЛОУСИ) — итальянец

«О письменехъ» черноризца Храбра

ГАТАТИ, ГАДАТИ — думать, полагать

ПОГАНЬИ — язычник
ОУСТРОЕНИЕ — устройство

Л. ПИСМЕНА И ОСМЬ — 38

КД. — 24

АІ. — 11

ЧЕСОМОУ — дательный падеж от местоимения ЧТО

АГГЕЛИ — ангелы

ИЖДЕКОННИ — искони

ОТ КОНА — от начала

ТАТЬ — вор, грабитель

РАЗМЪШЕНОМЪ ЖЕ БЫВШЕМЪ ЖЪ ЗЫКОМЪ — когда же разделись языки

СТЪГ. — 6363 г. от «Сотворения мира», т. е. 855 г. н. э.

ПРИСНО — всегда, непрестанно

МАТЕРИАЛЫ

А. М. Селищев. Начало славянской письменности*

[...Необходимо представить главные моменты и обстоятельства, относящиеся к начальному периоду славянской письменности. Источниками служат произведения на славянском, греческом и латинском языках. Это — легенды (жития) и исторические документы.

...Главным источником по этому вопросу является житие Константина (Кирилла) и житие Мефодия на славянском языке. То и другое произведение написаны были лицами, близко знавшими обстоятельства возникновения славянской письменности и деятельности переводчиков. Некоторые факты, отмеченные в этом источнике, подтверждаются историческими документами. Но при историческом анализе житий учитываются и элементы литературные, легендарные. Сохранился ряд списков с житиями Константина и Мефодия. Древнейшие списки жития Константина принадлежат к XV в. Древнейший список жития Мефодия заключается в пергаментном сборнике XII в. (хранится в Историческом музее в Москве). <...>

<...> Некоторые сведения о начальных годах славянской письменности заключаются в житии Климента,

* Из кн.: Селищев А. М. Старославянский язык, ч. 1. — М., 1951, с. 7—15.

одного из близких учеников Константина и Мефодия.

<...>
<...>

На латинском языке сведения о Константине и Мефодии, о начальном периоде славянской письменности находятся в грамотах римских пап Иоанна VIII и Стефана V, в сообщении Анастасия, папского библиотекаря и секретаря по делам Востока и Запада (он лично знал Константина и восхищался его ученостью и характером), в письме архиепископа Теотмара Зальцбургского, в легенде о папе Клименте... в полемической «Истории обращения хорутан»... отстаивающей интересы немецкого духовенства. <...>

...В 862 или 863 г. в Константинополь прибыло посольство от моравского князя Ростислава. Цель посольства, по сообщению жития Константина, заключалась в желании Ростислава получить проповедников, которые пользовались бы славянским языком. По-видимому, это желание было вызвано тем, что Ростислав хотел парализовать деятельность латино-немецкого духовенства, распространявшего христианство в Моравии: это духовенство было проводником влияния немецкого императора. Возможно полагать, что политическая цель посольства заключалась и в другом: в желании заключить союз с Византией в противоположность союзу Болгарии с государством Людовика Немецкого. Область государства Моравского граничила на западе с государством Немецким, на юге, у Дуная, с княжеством Паннонским, а на востоке — с Болгарией (на севере и северо-западе границы Болгарии простирались до Днестра и Тиссы). В борьбе против моравского князя Людовика Немецкий хотел воспользоваться помощью болгарского князя Бориса. Папа Николай I, благословляя Людовика на войну с Моравией, получил в начале 864 г. сведения, что Людовик «намерен отправиться в Тулну и там укрепить мир с болгарским королем и заставить Ростислава волей или неволей подчиниться». Союз же Бориса с Людовиком был, видимо, заключен ранее, в 861—862 гг. Несомненно, в Константинополе придавали большое значение отношениям с Моравией. Открывалась перспектива распространить и укрепить влияние Византии на западе, в областях государства Моравского. В пределы этого государства входили области нынешней Словакия,—

в областях реки Моравы и далее на восток к Грону, Ипелю и северной Тиссе. В зависимости от моравского княжества находились и края чехов и далее на северо-запад — некоторые племена славян, живших в бассейне средней Эльбы (Лабы).

Где был центр Моравского государства? Определенного указания по этому вопросу исторические документы не дают. Историки полагали, что таким центром был Высокий Девин у Дуная, недалеко от Братиславы, или Нитра. В последнее время получили некоторое подтверждение средневековые упоминания о Велеграде, у Угорского Градишта, как о центре Великой Моравии. Такое упоминание идет от XIII в. Недавние раскопки обнаружили недалеко от Угорского Градишта, в его предместье (Staré Město — «Старый Город»), следы крепости и многочисленного населения, которое вело оживленную торговлю с Византией. Может быть, тут-то и была *urbs antiqua Rastici* («старый город Растича» — Ростислава), упоминаемая в фульдских анналах под 871 г. Византия отправила в Моравию миссию, во главе которой были поставлены два брата-грека Константин и Мефодий. Руководящая роль в этой миссии принадлежала младшему брату, высокообразованному Константину-философу. Константин и Мефодий были уроженцы города Солуня (Фессалоники). Они хорошо знали язык славян, живших в самом городе и в окрестностях его. «Вы оба солуняне, а солуняне все говорят хорошо по-славянски» (...; жит. Меф.). Мефодий был некоторое время правителем какой-то славянской области... в Византии, — на юго-востоке в Македонии или в областях побережья Эгейского моря (прочие области Македонии и восточной части Балканского полуострова входили в состав болгарского государства). Константин получил блестящее по тому времени образование. Как человек больших знаний, он был назначен хартофилаксом (библиотекарем) при патриаршей библиотеке. Но это занятие не соответствовало настроению Константина. Он предпочел удалиться в уединенное место, «на узкое море» (жит. Konst.) — у Босфора. Спустя некоторое время он получил назначение... [учить]... своих и проходящих со стороны... и он принялся за это дело. С эпитетом «философ» обычно представляется в источниках его имя. Еще ранее моравской миссии на Константина была возложена

миссия к сарацинам в Малую Азию и затем миссия к хозарам. В последней принимал участие и Мефодий, живший до этого в монастыре Олимп, в Малой Азии. Там некоторое время перед хозарской миссией провел и Константин, сосредоточившись на книжных занятиях... Византия нередко в политических целях пользовалась религиозными миссиями. По-видимому, хозарская миссия находилась в какой-то связи с походом русских на Константинополь в 860 г. В хозарской миссии обнаружилось многосторонние способности Константина. По пути к хозарам, в Херсонесе, он находит евангелие и псалтырь, «рушкым писменем» писанные, и человека, знающего этот язык, — и быстро научился читать эти книги. Он изучает древнееврейский язык. Состязался он и с самарянином, жившим в Херсонесе, и самарянские книги, принесенные им, Константин за несколько дней выучился читать «бес порока» (жит. Konst.). Свои знания древнееврейской, в частности самаритянской, письменности Константин обнаружил вскоре после возвращения из хозарской миссии, прочтя в Константинополе загадочную самаритянскую надпись на одной древней чаше. С древнееврейской письменностью Константин мог познакомиться и раньше, в Олимпе (в Малой Азии). Там он мог узнать и письмо коптское.

На Константина и Мефодия была возложена миссия в Моравию. По сообщению житий Константина и Мефодия, Константин еще до отъезда в Моравию составил азбуку для славянского языка и приступил к переводам на этом языке ... Возможно полагать, что Константин не впервые только теперь, в связи с моравской миссией, занялся делом славянской азбуки. В такой непродолжительный период времени, который оставался до отбытия в Моравию, едва ли можно было составить цельную, хорошо приспособленную к славянской фонетической системе азбуку, какой является алфавит Константина. Требовалась значительная подготовительная работа и перевод, приспособление славянского языка и его элементов к новой функции — к передаче книжного языка литургических текстов. Ввиду этого всего можно полагать, что вопрос о славянской письменности для славян Византии и для соседней с нею Болгарии давно уже занимал Константина и вызвал некоторую подготовительную работу. По каким-то обстоятельствам введение сла-

вянской письменности для этих славян замедлилось. Моравская миссия побудила Константина продолжить работу по формированию книжного языка для славян. Он не изменил прежней языковой основы этого языка — основы языка, какой он знал, славян солунских: по справкам, какие он мог навести у членов моравского посольства, язык солунских славян был вполне доступен пониманию моравян.

Миссия отправилась в Моравию не позднее 864 г. Константин, Мефодий и несколько лиц, знавших славянский язык и помогавших братьям в деле славянской письменности, отправились вместе с другими членами миссии в Моравию. Первые годы пребывания в Моравии прошли в подготовке кадров славянских книжных людей и в изготовлении дальнейших славянских переводов с греческого. С первых же дней славянский язык в письменности и в церковном ритуале встречен был враждебным ропотом со стороны латинского духовенства в Моравии, утверждавшего латинский язык в письменности и ритуале. К Константину и Мефодию это духовенство относилось враждебно и по другой причине: в них оно видело не без основания опасных противников своему господству.

Проработав более трех лет в Моравии, Константин и Мефодий с группой своих учеников отправились в Рим, чтобы представить папе сведения о своем деле. Вместе с тем они надеялись получить поддержку папы — поддержку в их трудном положении среди враждебно относившегося к ним латинского духовенства. По пути из Моравии они на некоторое время остановились в Паннонии. Там их радушно принял князь Коцель и дал им около 50 учеников обучить славянским книгам (жит. Konst.). Далее путешественники направились в Венецию. Там у них были горячие споры с «треязычниками», т. е. с лицами, утверждавшими, что только на трех языках законна письменность — на еврейском, греческом и латинском. «Треязычники» были посрамлены греческим философом. «Как вам не стыдно принимать во внимание только три языка, а прочие народы и племена заставлять быть слепыми и глухими? Мы же знаем много народов, имеющих письмена... на своем языке. Ведь известны (в этом отношении) армяне, персы, авазги (абхазцы), иверы (грузины), сугдеи (аланы Сугдеи), готы (крымские

готы), авары, турки, хозары, арабы, египтяне, сирийцы и многие другие». Посрамив их многими текстами из писания, Константин оставил их. В средние века создано представление, что в письменности могут быть допущены только три языка: еврейский, греческий и латинский. Такой взгляд был в особенности распространен на Западе в связи с тенденцией к универсальности латинского языка. Были и в Византии такие «треязычники». Но там в господствующих верхах свободнее относились к письменности на других языках. Греческий язык не получил на Востоке того исключительного господства, которое принадлежало латинскому языку на Западе. нее, чем на Западе, применялись народные языки в письменности, и Византия нередко пользовалась даже в це- Глубокой давности традиция письменности существовала у египтян, сирийцев, халдеев, персов. На Востоке свободных политических ролью народного языка в письменности.

В Риме папа Адриан II торжественно принял Константина и Мефодия. Обстоятельства сложились так, что папа в целях укрепления своего влияния в Моравии и Паннонии признал славянский язык в письменности и в литургии. Из Рима Константин не вернулся. Заболев, он умер там в 869 г. в возрасте 42 лет. Перед смертью он принял имя Кирилл. По смерти Константина Мефодий действовал некоторое время в Паннонии. В Моравии положение было смутное — война с немцами, перемены в княжестве: Ростислава сменил его племянник Святополк, признавший верховную власть Карломана. Затем Мефодий получил назначение епископом Паннонии. Неудача папского Рима в Болгарии побуждала папу Адриана II к утверждению своего влияния в Моравии и Паннонии: для этих областей основана была особая славянская епископия. Но Мефодий попал скоро в руки немецких епископов, которые заключили его в тюрьму в Баварии. Там он просидел больше двух лет. В Моравии произошли изменения. Вспыхнуло восстание против франков. Святополк стал независимым правителем Моравии. Мефодий вернулся в Моравию. Но деятельность там славянских книжников проходила в крайне тяжелых условиях. Святополк не был защитником славянской письменности. Приобрели большее значение латинники. Интриги, ложные доносы в Рим с обвинением Мефодия в

«ереси», подложные письма — всё они пускали в ход, чтобы скомпрометировать дело славянской письменности и восстановить свое господство над населением. В особенности мрачной фигурой является в это время интриган епископ Вихинг. (Позднее он покинул Моравию и стал канцлером у короля Арнульфа.) Последние годы деятельности Мефодия были заняты изготовлением славянских переводов. В 885 г. он умер. После его смерти противники славянской письменности во главе с интриганом и фальсификатором Вихингом торжествовали. Они добились у папы Стефана V запрещения славянского языка в церковном ритуале. Ученики Мефодия были изгнаны из Моравии, а некоторые проданы в рабство. Изгнанники направились одни на юг, к хорватам, другие — на юго-восток, в Болгарию. Там они продолжали дело славянской книжности.

...В особенности благоприятны условия для славянской письменности были в Болгарии. Из учеников Мефодия выдающимся писателем был Климент, действовавший в Македонии и в юго-восточной Албании. Македония была областью, где было изготовлено много славянских рукописей, — изготовлено с сохранением книжных традиций в языке и в письме, как они установлены были в кирилло-мефодиевских оригиналах и их продолжениях под пером Климента и близких его учеников. Из Македонии идет и большинство тех рукописей, глаголических, XI в., которые объединяются в группу старославянских.

Во время правления Симеона (893—927) государственный центр Болгарии Преслав становится и центром славянской книжности на востоке Болгарии. Из преславского круга писателей выдающимся был Иоанн экзарх. Преславские книжные люди пользовались тем же языком, каким писали и в Македонии. Связь личная и обмен рукописями в книжной среде востока и запада Болгарии существовали в разные периоды государственной жизни этой страны и в период ее независимости, и под властью Византии (972—1186). Но в восточноболгарских рукописях отражались отступления от прежних языковых книжных норм более значительно, чем на западе, в Македонии. Отступили в Преславе и от графической традиции: глаголицу там, по-видимому, заменили так называемой кириллицей. В Преславе было изготовлено много рукопи-

сей, списки с которых распространялись затем в среде восточных славян и среди сербов.

...В Моравии и Чехии славянская письменность не совсем прекратилась. Кое-где она продолжалась и в X—XII вв. О письменности на славянском языке в этих краях свидетельствуют Киевские листки (X в.) и Пражские отрывки (конец XI или XII в.). На том же языке была составлена там легенда о Вячеславе и некоторые другие произведения. В конце XI в. в чешском Сазавском монастыре, где ютилась еще славянская письменность, славянские книги были совсем уничтожены приверженцами латинского языка или так испорчены, чтобы никоим образом нельзя было больше по ним читать. Так сообщает современный летописец... Следы старославянского языка отражаются в позднейших памятниках чешской письменности, на лексике ее.

Таковы главнейшие факты из начальной истории славянской письменности.

С. Б. Бернштейн. <О происхождении славянской письменности> *

Впервые письменность на славянских языках появляется в IX в. н. э. Возникновение ее связано с деятельностью Константина (Кирилла) и Мефодия, которые по поручению византийского императора Михаила III ввели в 60-х годах IX в. в Великоморавском княжестве славянское богослужение. Для этой цели они перевели с греческого на славянский язык важнейшие канонические тексты, без чего нельзя было организовать самого богослужения.

В прошлом и теперь делались и делаются попытки доказать, что письменность у славян существовала еще до Константина и Мефодия.

Ссылаются при этом на очень неопределенное место в сказании черноризца Храбра... Нельзя никак согласиться с Черныхом, что здесь «очень ясно» сказано, что Константин во время посещения Крыма около 860 г. встретился с русским человеком, который его познакомил с русскими буквами и текстами. «Естественно думать, что

* Из кн.: Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. — М., 1961, с. 104—107.

они были написаны не только русскими буквами, но также на древнерусском языке» (Черных П. Я. Происхождение русского литературного языка и письма. М., 1950, с. 9). Отсюда делается заключение, что на Руси еще до принятия христианства существовала славянская письменность. Однако гипотеза построена на песке. Принять ее невозможно.

Не менее спорны теории Эмиля Георгиева, который несколько лет назад опубликовал целую монографию, посвященную славянской письменности... до Кирилла и Мефодия.

Следует сказать, что, несмотря на все попытки некоторых современных ученых доказать существование письменности на славянском языке до Кирилла и Мефодия, мы должны признать, что в нашем распоряжении нет никаких новых фактов, которые бы дали нам основания коренным образом пересмотреть вопрос о роли солунских братьев в создании славянской письменности. За последние десятилетия было обнаружено много ценных славянских текстов, относившихся к древнейшим эпохам. Однако ни один из них не противоречит, например, старой теории Ягича, которая, думаю, в основных чертах отвечает современному уровню науки.

Еще до принятия христианства в различных областях славянского мира употреблялись какие-то «черты и резы». После принятия христианства на первых порах пользовались латинскими и греческими буквами. Этот способ в некоторых местах получил широкое распространение. Так, у словенцев в конце X в. употреблялось латинское письмо для передачи славянской речи (ср. известные Фрейзингенские отрывки).

Итак, у нас нет оснований сомневаться в том, что создателями славянской письменности были Константин (Кирилл) и Мефодий.

Следует доверять тем источникам (например, Успению св. Кирилла или Солунской легенде), которые указывают, что еще до моравской миссии Константин вводил у болгар письменность. <...> Только доверяя этим свидетельствам и считаясь с ними, можно понять, почему руководителям моравской миссии удалось в кратчайший срок не только создать алфавит, но и перевести на славянский язык апракосное евангелие. Нет сомнений в том, что еще до обращения Ростислава к Михаилу о помощи в

деле организации славянского богослужения Константин много сделал для создания славянской письменности. Возможно, что именно это обстоятельство и заставило Ростислава обратиться за помощью к Византии.

С 60-х гг. IX в. славянская письменность получает широкое распространение у западных славян, а после смерти Мефодия — в Болгарии. К концу IX в. болгарская столица Преславль становится крупным культурным центром, где работают выдающиеся деятели славянской письменности. Широкое распространение славянская письменность получает в Македонии. Однако от IX в. до наших дней не сохранилось ни одного славянского текста. Все они были уничтожены или утеряны.

Древнейшие славянские тексты сохранились только от X в. Среди них имеются датированные тексты. Самым древним славянским датированным текстом является недавно найденная Добруджанская надпись 943 г. Под греческим документом 980 г. сохранилась славянская надпись зографского игумена Макария. Дошла до наших дней надпись на камне болгарского царя Самуила от 993 г. Известна еще Варошская надпись 996 г. Наибольшую ценность для языковедов из указанных текстов представляет надпись царя Самуила.

Сохранились недатированные тексты, которые, однако, можно уверенно отнести к X в. Среди них наибольший интерес представляет найденная в Болгарии в 1952 г. надгробная надпись чергубиля Мостича. Вот ее текст:

САДЕ ЛЕЖИТЬ МО-
СТИЦЪ УРЪГОУВЪ,
АМЪ ВЪКЪТИ ПРИ
СМЪСОНЪ ЦРН
И ПРИ ПЕТРЪ ЦРИ[О]
С[М]ИЖЪ ЖЕ ДЕСА-
ТЬ ЛЪТЪ СЪ ОСТА-
ВИТЬ УРЪГОУВЪЛЪ-
СТКО І ВЪСЪ ІМЪНИ-
КЪ ВЪСТЪ УРЪНОРИ-
ЗЪЦЪ І БЪ ТОМЪ СЪ-
КРЪШИ ЖИЗНЬ СВОЮ

Царь Петр правил Болгарией с 927 по 969 г. Исследователи надписи относят ее к 60-м годам X в.

К X в. относят так называемую Гнездовскую надпись на глиняном сосуде «гороуцци». Это древнейшая русская надпись.

И. В. Ягич. Из истории изучения глаголизма *

...Зависимость глаголицы от греческого минускульного письма замечалась уже давно. <...>

<...>

Амфилохий полагал, что и глаголицу составил Кирилл, чтобы «католики не преследовали славян, исповедующих православную греческую веру, и за буквы кирилловские»; — объяснение это, конечно, не выдерживает ни малейшей критики. Но главный принцип объяснения, т. е. что нужно выходить из греческого минускульного письма, нашел и других поборников.

...Надо было только, оставаясь в рамках того же письма и приняв в расчет бросающуюся в глаза стилизацию глаголицы, провести сравнение еще дальше. Такого рода попытку, простиравшуюся через целый глаголический алфавит, сделал в 1880 году... англичанин Исаак Тейлор... Кроме верного с палеографической точки зрения принципа оставаться до крайней возможности в пределах греческого курсива, главным образом известного минускульного письма IX столетия, автор применил... еще второй принцип толкования, а именно попытку объяснить происхождение известной части глаголических букв посредством лигатур, т. е. вязи двух греческих знаков, исходя из такого предположения, что славяне еще до Кирилла пробовали передавать свои слова и свои славянские звуки греческими буквами, и при этом поневоле должны были прибегать к таким графическим приемам, как удвоение той же буквы (напр. ss для š) или комбинация двух букв для приблизительной передачи славянского звука (напр. ts для c, tš для č). Если такие попытки действительно существовали, что можно допустить, тогда неудивительно, что и Кирилл ими воспользовался, приведя их только в известную систему, внося в графи-

* Из кн.: Ягич И. В. Глаголическое письмо.— Энциклопедия славянской филологии, вып. 3.— Спб., 1911, с. 81—92 (текст приводится в современной орфографии).

ческие вязи свою стилизацию. <...> Нельзя сказать, чтобы все сопоставления его (т. е. Тейлора.— А. К.) были очень убедительны... <...>

...Попытку усовершенствования Тейлоровой теории я предложил вниманию и обсуждению со стороны критики...

...Я устраняю из глаголицы всякое влияние греческого унциального письма, насколько оно разнится от курсивно-минускульного. <...> Я же убежден... что все славяне Балканского полуострова, в пределах господства византийской образованности и греческой культуры,— без различия употребляли греческое унциальное и курсивное письмо для передачи славянских слов, поскольку им приходилось писать (вообще, несомненно, не часто, разве подписать иногда свое имя, записать какое-нибудь славянское название местности и т. д.).

Проф. Гейтлер, не обращая внимания на то, что Кирилл и Мефодий происхождением были из Македонии... полагает, что Константин Философ, следуя общему примеру, писал греческим унциальным письмом «без устроения», чтобы употребить слово черноризца Храбра, т. е. он полагает, что Константин Философ писал славянский перевод евангелия греческими унциальными буквами, нынешнюю кириллицу, в которой, кроме обыкновенных греческих букв, существовали еще только Б, Ш=ω, У и Ц=υ, л и ж, но в его азбуке не было ж, не было Ъ, Ь, Ы, ѣ. Как он передавал славянские звуки, обозначаемые обыкновенно этими знаками, у Гейтлера не сказано. Я же утверждаю, что такой взгляд на дело Константина Философа уроняет значение его, обрисованное довольно наглядно в отзывах его современников. Переносить центр тяжести из пределов Моравии и Паннонии в Македонию, с деятельности Константина и брата его Мефодия на Климента, значит отвергать без нужды многочисленные свидетельства исторические и не признавать данных, заключающихся в древнейших памятниках церковнославянской письменности. На основании последних, согласно историческим свидетельствам, мы имеем полное право утверждать, что заслуга Константина Философа именно в том и заключалась, что он бывшему до тех пор шаткому и неопределенному употреблению греческих букв для славянских звуков поставил предел; то, что до тех пор употреблялось без устроения, он

привел в стройную систему. Кое-какие приемы или привычки орфографические могли существовать еще раньше, напр. мог существовать обычай передавать наше ш через ѡ, наше у через тѡ, нынешний ѣ через ѡ, но без значительного личного участия Константина Философа в этом деле не обошлось. Он был не только регистратором, а настоящим реформатором греческого письма в пользу славянской речи; ему обязано славянское письмо не только полнотой в графической передаче всех звуков, но и составлением особого почерка, т. е. последовательно проведенного стиля, имевшего роковые последствия для его письма.

Какие письма вышли из этой деятельности Константина Философа? Общее употребление письма кирилловского в течение многих столетий у громадного большинства славянских народов указывает, конечно, прежде всего на кириллицу. Научное исследование нашего (т. е. XIX) столетия на этом не останавливается. Критический разбор древнейших памятников и палеографический характер обоих писем свидетельствуют, что при нынешних источниках наших сведений весь вопрос проще и удачнее разрешается, если считать древнее глаголицу. Она — такое же греческое письмо, как и кириллица, только почерк ее вышел сложнее отчасти от того, что она образовалась на курсивно-минускульном греческом письме, отчасти же от большей последовательности стилистической, в которой и высказалась значительная личная деятельность Константина Философа. — Но строго проведенная правильность стилистическая удалила это первое славянское письмо слишком далеко от греческого прототипа. Узкий союз Болгарии с Византией начиная с конца IX века, полная духовная и культурная зависимость первой от последней не могли не возбудить желания более сблизиться с Византией и в письме. Это и сделано вскоре после введения христианства и славянского богослужения в Болгарию. Кем и когда — это пока неизвестно, по моим соображениям в царствование Симеона, его сподвижниками. Но сделано это так, что прежнее письмо не было тотчас же заброшено: его считали своим, относились к нему без вражды и без подозрения. Доказательством служат многие очень древние кирилловские приписки в древнейших глаголических рукописях, которых не было бы, если бы не читали глаголических рукописей

и те, кто в свою очередь более привык писать буквами кирилловскими. Окончательная победа кириллицы совершилась с принятием христианства русскими славянами. Близкие сношения киевских князей с Константинополем заставили бы последних дать предпочтение кириллице как письму, в котором яснее проглядывает характер греческий, и тогда, если бы вопрос, которое из ... писем получит перевес, не был уже в Болгарии решен в пользу кириллицы. «Аще ли кто речеть ꙗко нѣсть оустроить добръ, понеже сѧ постраждѣть и еще — отвѣтъ речемъ симъ: оудобѣе естъ послѣжде потворити, неже прѣвое сътворити» — говорит черноризец Храбр и этими словами защищает Константина Философа энергичнее, чем мог бы сделать я, если бы кому пришло в голову в моей аргументации видеть неуважение к памяти нашего великого просветителя.

М. Н. Тихомиров. А. В. Муравьев. Русская палеография*

Палеография — специальная историческая дисциплина, исследующая письменные и печатные памятники с их внешней стороны (материал, орудия письма, особенности почерков, украшений и т. д.). Сам термин «палеография» возник и сложился исторически в XVII столетии; он состоит из двух греческих слов: палео (παλαιος) — древний и графо (γραφο) — пишу, описываю.

<...>

Основным методом палеографического изучения рукописей является установление особенностей данной рукописи или печатной книги. Палеографические наблюдения основаны на том факте, что материал, знаки письменности или печати, украшения и прочие черты рукописных и печатных книг подвержены изменениям во времени и зависят от определенных исторических условий. <...>

Особенностью старославянской письменности, сохранившейся в течение нескольких веков, было употребление сокращений слов с помощью титлов. Титло в виде

* Из кн.: Тихомиров М. Н., Муравьев А. В. Русская палеография. — М., 1966, с. 3—48.

условного значка (прямая или изогнутая черта) ставилось над словом, показывая, что данное слово сокращено. Например, слово *царь* писалось, как *црь*. Иногда под титлом ставилась точка, которая обозначала букву с.

Например, слово *цесарь* писалось как *црь*. Употребление титла указывает на пропуск каких-то букв, сделанных в слове.

<...>

Основным материалом, на котором написаны русские рукописи, являются пергамен, бумага и береста (березовая кора).

Пергамен был основным материалом для письма на Руси до второй половины XIV в. С этого времени он начинает заменяться бумагой. Но это не значит, что пергамен исчез совершенно. Он долго употреблялся наряду с бумагой и до конца XIV в. все еще преобладает над бумагой. Это объясняется не столько тем, что к бумаге долгое время относились с недоверием, считая ее недолговечным материалом по сравнению с пергаменом, как это и было в действительности, сколько дороговизной ранней бумаги, которую, судя по всему, привозили из Средиземноморья, тогда как некоторая часть пергамена, несомненно, выделялась на Руси. Постепенное удешевление бумаги привело к вытеснению пергамена из употребления в XV в., после чего пергамен на Руси употребляется только в особых случаях. <...>

Слово «пергамен» входит в употребление в Московском государстве очень поздно — только с XVII в. В Литовском великом княжестве слово «пергамент», или «перкомент», заимствованное из польского языка, употреблялось еще в XVI в. В древней Руси пергамен имел особое название, которое сохранилось и сейчас в языке, но уже в другом значении. Пергамен назывался на Руси *харатья*, от греческого «хартюн» (*χαρτιον*), отсюда прилагательное — харатейны, т. е. пергаменный. Так как древнейшие рукописи обычно были написаны на пергамене, а пергамен, как прочный материал, и позже употреблялся для важных документов, то словом «хартия» стали обозначать грамоты, древние документы («И пыль веков от хартий отряхнув...» — А. С. Пушкин).

Пергамен выделялся из телячьей или бараньей ко-

жи, наиболее же лучшие сорта его делали из кожи только что родившихся ягнят. Кожа, служившая материалом для пергамена, подвергалась первоначальной обработке, после чего ее очищали скребком и затем растягивали. При растягивании нередко образовывались дыры, которые не всегда заклеивались или зашивались, поэтому некоторые русские рукописи «дырявые». Затем поверхность пергамена выглаживалась пемзой или очищалась с помощью мела. Цвет пергамена обычно белый или желтый.

Пергамен был дорогим и относительно редким материалом, поэтому древнейшие грамоты на пергамене писались сжато на небольших листках (например, духовная Климента Новгородца, хранящаяся в Историческом музее в Москве).

Именно дороговизной пергамена объясняется использование пергаменных старых рукописей вновь для написания на них другого текста. На некоторых листах пергамена явственно видны два текста: первоначальный, затем выскобленный, и новый текст, написанный по выскобленному. Такие рукописи называются *палимпсестами*. Обычно от старого текста остаются следы, которые позволяют восстановить его при помощи фотографии или химическим путем. Многие ценнейшие памятники дошли до нас в таких западноевропейских и греческих палимпсестах. Однако на Руси палимпсесты почти не встречаются, так как запаса старых пергаменных рукописей на Руси не было.

<...>

Бумага как основной материал для письма утвердятся на Руси со второй половины XVI в. Ранние русские рукописи на бумаге относятся к 40—50-м годам XIV в. Это Жалованная грамота нижегородского князя Василия Давыдовича Спасскому монастырю в Ярославле и Договорная грамота московского великого князя Симеона Гордого с братьями.

Само слово «бумага» для обозначения писчего материала появляется в русских памятниках только с XV в. В Литовском великом княжестве применялся другой термин — «поперь» или «паперь». Впрочем на Западе повсеместно утверждается для названия бумаги слово, корень которого восходит к слову «папирус».

Утверждение бумаги как основного материала для

письма происходило в разных областях России не одновременно. Так, в Двинском крае (по Северной Двине) еще долго писали на пергамене. В Литовском княжестве все наиболее важные акты XVI—XVII вв. написаны на пергамене. В центральных областях России деловые акты XV в. написаны главным образом на бумаге, а с XVI в.— почти исключительно на бумаге, пергамен употреблялся только в виде исключения. Так, сохранились жалованные грамоты XVII—XVIII вв., писанные на пергамене.

Распространение бумаги как материала для письма имело большое значение. Применение дорогого, требующего сложной обработки пергамена не способствовало развитию письма. Переход к бумаге, для производства которой использовалось недорогое пеньковое или льняное тряпье и сравнительно несложное оборудование, явился толчком не только для широкого распространения письменных памятников, но и для развития книгопечатания, которое немыслимо без дешевого, удобного для нанесения механическим путем текста материала.

Русские рукописи XIV—XVII вв. написаны почти исключительно на бумаге иностранного производства. Она попадала в Россию несколькими путями. В XIV—XV вв. часть бумаги, в основном итальянской, шла через итальянские колонии в Крыму, главным образом через Кафу (Феодосию) и Судак (Сурож). С конца XIV в. с Запада, через Ригу, Новгород, Смоленск, стала поступать французская бумага, получившая широкое распространение в русской письменности в XV—XVI вв. Во второй половине XVI в. входит в употребление немецкая и польская бумага, а в XVII в. в России распространяется голландская бумага.

Первые попытки завести собственное бумажное производство в России относятся к XVI в., когда на реке Уче, под Москвой, была построена бумажная мельница; правда, существовала она недолго, ибо вырабатываемая бумага оказалась низкого качества. Известны также две бумажные мельницы под Москвой в XVII в. Одна из них была построена по указанию патриарха Никона на реке Пахре в 1655 г., другая в 70-х гг.— на реке Язуе. Однако заметных следов распространения русской бумаги в XVII в. отметить нельзя.

Усиление внимания к производству русской бумаги

наблюдается в первой четверти XVIII столетия, когда было построено несколько казенных и частных бумажных мануфактур. Этому способствовал указ Петра I 1721 г. об употреблении в официальном делопроизводстве коллегий, канцелярий и других учреждений отечественной бумаги. <...>

<...>

Распространенным материалом для деловых документов в XI—XV вв. на Руси, вплоть до появления относительно дешевой бумаги, была береста — верхний покров березовой коры. Этот материал употреблялся не только в Новгороде, где в 1951 г. археологической экспедицией А. В. Арциховского были обнаружены древнейшие берестяные грамоты, но и в других городах (Смоленск, Витебск, Псков), а также в Скандинавии. Береста выделялась особым способом, и по ее поверхности писали, точнее выдавливали, буквы, носившие, таким образом, черты прямолинейности и угловатости. Как материал береста была очень непрочной и быстро ломалась, распадаясь на куски.

Материалом для письма служили чернила и краски. Сохранились рецепты приготовления чернил в рукописях XV в. и более позднего времени, которые показывают, что чернила были железистые с применением дубильных веществ, так называемых чернильных орешков. Чернила многих старинных рукописей кажутся бурыми или бледно-желтыми, иногда совершенно выцветшими. Однако в рукописях XVII в. встречаются тексты, написанные чернилами густого черного цвета, особенно это касается деловых актов.

Кроме чернил, для письма употреблялась красная краска, киноварь, для заглавий и для заглавных букв. Киноварные буквы обычно указывают на начало какой-нибудь статьи. <...>

<...>

Со второй половины XVII в. заглавия в рукописях стали иногда писать не киноварью, а суриком, краской желто-бурого цвета... <...>

До половины XIX в. писали гусиными перьями. Карандаш появился уже в XVI в., когда им стали наносить контуры в миниатюрах, но для письма карандаш начали употреблять лишь с петровского времени.

<...>

В деловой жизни XVI—XVII вв. обычно применялась бумага особого формата, получившая название столбцов. Иногда в литературе столбцы называют свитками. Некоторые документы писались в столбцах уже в XIV в., что видно из упоминания о большом свертке в Духовной грамоте Ивана Калиты. Характерно, что столбцы применялись в России, тогда как в делопроизводстве Белоруссии и Украины употреблялись грамоты иного формата. Это позволяет предполагать, что столбцы как форма были заимствованы из Золотой Орды, где применялись «дефтери», т.е. свитки. Казанский ярлык Сагиб-Гирея 1513 г. написан в виде столбца.

Для столбцов бумага резалась на длинные полосы, причем ширина полос была гораздо меньше, чем их длина. Когда лист заполнялся, то к нему приклеивали другой, такого же формата. Каждый столбец состоял, таким образом, из нескольких отдельных листов. Места склейки столбцов назывались «сставом». На склейке писали имя подьячего или дьяка для предохранения рукописей от возможного подлога, поэтому иногда эту подпись называют «скрепой». <...>

Столбцы писались с одной только стороны, тогда как оборотная сторона листа оставалась, как правило, чистой. Это давало возможность хранить столбцы в свернутом виде. Для хранения столбцов употреблялись специальные ящики, или лари, с закругленной крышкой по форме столбцов.

На обратной стороне столбцов писали адрес того лица, к которому был адресован документ. Кроме того, на обороте столбцов делались различного рода пометы о том, что следовало описать и сделать по данному делу. <...>

Процесс письма на столбцах очень ярко описан Г. Штаденом, немцем-опричником XVI в. Он пишет: «Дьяк брал грамоту в левую руку и под числом писал свое имя мелким шрифтом. Потом он оборачивал грамоту и писал на всех местах, где приходились сставы, так что половинки букв бывали на обоих концах бумаги. Если даже клей держался недостаточно крепко, никто не мог подделывать грамоты и не мог приписать в ней что-нибудь еще. Так скреплялась грамота. Потом на верхней на обратной стороне на первой склейке грамоты дьяк писал от себя титул великого князя крупными буквами так, чтобы

каждый мог видеть: «царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси».

<...>

Важнейшей частью палеографии является изучение начерков рукописей. Под начерком понимается общепринятый в то или иное время вид письма, индивидуальные отличия которого принято называть почерком.

<...>

По своему характеру начерки, существовавшие в России, могут быть разделены на устав, полуустав и скоропись. Переходный начерк от полуустава к скорописи иногда называют беглым полууставом.

<...>

Древнейшее русское письмо, или устав, отличалось геометрическими начертаниями букв. Буквы писались в строке, в силу чего их верхние и нижние концы не поднимались над строкой и не опускались ниже ее. По мере развития уставного письма в XI—XIV вв. происходило изменение геометрических форм отдельных букв. Это прежде всего сказывалось на расположении поперечных перекладин в буквах, постепенно становившихся косыми вверх. Вместе с тем буквы начинают выходить из строки, выступают вверх или опускаются ниже строки.

<...>

Во второй половине XIII и в XIV в. устав теряет свою геометрическую форму. Вместо прямых линий в буквах все более начинает допускаться кривизна, в округлых буквах исчезает правильная дуга. Писцы стремятся к более быстрому и упрощенному письму в погоне за беглостью письма. Намечается переход от устава к полууставу...

<...>

С последней четверти XIV в. на Руси распространяется новый начерк, который получил название русского полуустава. Появление полууставного письма совпадает со временем расхождения начерков в рукописях России и Литовского великого княжества. Позже вырабатываются характерные русское и белорусско-украинское письмо.

Начерки русского полуустава смелы и достаточно четки. Они, по-видимому, возникли в той среде, которая интересовалась не столько красотой письма, сколько его четкостью. С большой вероятностью можно предпола-

гать, что русский полуустав возник среди писцов, работавших над деловыми бумагами. Он особенно ярко проявился в актах XIV и XV вв. <...>

<...>
На рубеже XIV—XV вв. появляется новый тип письма — скоропись, которая получила основное развитие в разного рода деловых бумагах. Нет никакого сомнения, что скоропись развилась из полуустава. Поэтому, сравнивая полууставные и скорописные буквы, можно видеть между ними большое сходство. В силу этого мы имеем некоторые переходные типы начертания букв в беглом деловом полуустава, приближающиеся к скорописи. <...>

<...>
Особенно большое распространение скоропись получила в XVI столетии, когда ею стали пользоваться в деловом письме при составлении писцовых книг, записных книг гражданского состояния, в таможенном деле, судопроизводстве, в частной переписке и т. д. Однако вплоть до XVIII в. не теряет своего значения и полууставное письмо, которое главным образом применяется в книжном письме, т. е. в памятниках литературного, публицистического характера.

В XVI в. скоропись приобретает черты, которые отличают ее от предшествовавших типов письма — устава и полуустава. Прежде всего письму «скорым обычаем» присуща утеря отчетливости в графике букв, широта, размашистость написания. Буквы стали крючковаты, потеряли пропорциональность. Появляется связность в написании букв. <...>

<...>
Современные знаки препинания оформились в основном в XIX в. Но уже в старом письме встречаются точка, запятая и другие знаки. Они имеют большое значение для понимания текста. В частности, точкой, по старым правилам, выделялись в тексте цифры... В древности точка могла быть поставлена как в виде единичного знака, так и в виде различных комбинаций, например крестика. Важно значение точек и для понимания текста в целом, так как точками часто выделялись отдельные фразы. <...>

Впоследствии в полууставном и скорописном письме стали применять довольно большое количество различ-

ных знаков препинания и других надстрочных знаков. Специальные наставления служили практическим руководством для писцов. Отметим, что расстановка знаков не всегда соответствовала логическому чтению текста.

В первой половине XIX в. создается определенная система знаков препинания: точка, двоеточие, многоточие, точка с запятой, запятая, вопросительный и восклицательный знаки, скобки, кавычки, тире, черточка.

<...>
Не зная старой системы летоисчисления, невозможно точно установить дату написания того или иного рукописного памятника. Древняя Русь заимствовала свое летоисчисление из Византии. Счет велся от «сотворения мира», которое определялось за 5508 лет до «рождества христово». Иногда в древних памятниках встречается другой счет — александрийский, согласно которому от сотворения мира до рождества христово прошло 5500 лет, но, как правило, пользовались византийским счетом в 5508 лет.

На Руси XI—XIV вв. год начинался с 1 марта. Указания на мартовский год мы находим в летописях, из которых выясняется, что март и апрель являлись месяцами, стоящими в начале года. Мартовский счет употреблялся и в Западной Европе. При папском дворе он держался долгое время, даже в XVI в. В Венеции счет года с 1 марта вели до 1797 г., т. е. до времени падения Венецианской республики.

С XV в. в России начало нового года считается 1 сентября. На это указывают, например, «Миней Служебные» (собрание служб святым и праздникам на весь год). Миней начинались с 1 сентября, что отмечалось особой службой «Новолетию».

Январский счет был введен только с 1700 г. специальным петровским указом. На Украине и в Белоруссии уже в XVI—XVII вв. вели счет по современному исчислению, так же как и почти во всех странах Европы. В украинских и белорусских памятниках прямо указывается счет от рождества христово: «року от нарождения божия». В России счет от рождества христово упоминается иногда в памятниках XVII в., но редко и под явным влиянием украинских и белорусских памятников.

Счет от сотворения мира на наш современный счет (в данном случае будем говорить только о сентябрьском

счете) обычно переводится путем вычета 5508 лет. В тех случаях, когда указан месяц, в который произошло событие, такое вычисление уточняется. Если событие происходило с 1 января по 31 августа, то вычитается 5508 лет, а если событие произошло с 1 сентября по 31 декабря, то вычитается 5509 лет. Допустим, в документе показано 2 декабря 7150 г. В этом случае надо вычесть 5509 лет, чтобы получить 1641 г. Если же указано, например, 5 июля того же 7150 г., то надо вычесть 5508 лет и получится 1642 г. <...>

В. Л. Янин. Самые древние <новгородские> грамоты *

<...> Главная тема, которой посвящено подавляющее большинство берестяных текстов XII века, — это деньги. Деньги в разных формах их применения — при уплате долга и покупке, при уплате штрафа и продаже собственности.

Демьян приказывает своему адресату продать коня за любую предложенную сумму, записать убытки и внести Кузьке, чтобы тот не потерял деньги... Проккош советует Нестеру заплатить шесть гривен, а штраф не платить... Автор грамоты... пишет во второй половине XII века: «Возьми у Тимоши одиннадцать гривен, у Воицина шурина на коне расписной хомут, и вожжи, и оголовье, и попону». Автора грамоты... Василия тогда же волнует вопрос о продаже его коня светло-желтой масти. Семка, который в середине XII века бывал или, может быть, даже жил в Переяславле под Киевом, прослышав, что некий Кулотка продолжает числить на нем долг, сообщает, что этот долг выплачен компаньону Кулотки — Лазовке, когда оба товарища были в Переяславле... Твердята, новгородец начала XII века, приказывает Зубери взять у госпожи — «господыни» — 13 резан... Его современник Яким велит Нестеру отдать векшу; так называлась одна из мелких денежных единиц XI—XII веков... А другой его современник Петр клянется Влотьку, что он «ни векшею не должен»... Некий новгородец с редким именем Носок, принимавший участие в покрытии какой-то церкви свинцом, требует уплаты ему и его товарищам двух

* Из кн.: Янин В. Л. Я послал тебе бересту... — М., 1965, с. 168—174.

гривен за работу. Этот свой «счет» он написал даже не на бересте, а на образчике строительного материала — листочке свинца. <...> И опять: «едешь по корову, а вези три гривны»... Одна грамота за другой знакомят нас с унылыми, монотонными расчетами: на таком-то взять такую-то сумму, тот-то столько-то должен. Суммы крупные и мелкие, денежные единицы в разных комбинациях: гривны и веверицы, резаны и куны, векши и ногаты, числа, написанные цифрами и словами... Можно было бы продолжать цитирование этих «денежных документов», но тогда нам пришлось бы пересчитать все 57 древнейших грамот...

Одному только веселому попу Дрочке как будто ничего не нужно. Он в конце XII века написал письмо только для того, чтобы передать привет своим знакомым: «От Дрочке от папа пькланяние ко Демеяну и к Мине и к Вануку и к всемо вамо добре створя»... Впрочем, может быть в следующем письме он собирается попросить денег. Этого мы, конечно, не знаем.

Деньги в грамотах XII века занимают столько же места, как земля и продукты сельского хозяйства в более поздних берестяных письмах. И даже большее место, так как о земле в них не встречается упоминаний вовсе, а о деньгах в грамотах XIII—XV веков написано достаточно. Сейчас еще рано делать по этому поводу решительные выводы, однако вряд ли такая разница может быть случайной. Вероятно, на протяжении XII века исподволь происходило накопление денежных ресурсов новгородскими феодалами, позволившее им затем осуществить решительное наступление на те земли, которые в большом количестве в XII веке еще принадлежали свободным новгородским общинникам. Когда во второй половине XIII века в Новгороде были проведены многочисленные реформы, окончательно сосредоточившие в руках боярства всю полноту государственной власти, за этим преобразованием республики, наверняка, стояли существенные экономические сдвиги. Может быть, эти сдвиги и отражает замеченная разница в содержании берестяных грамот нижних и верхних ярусов новгородского культурного слоя.

Но разумеется, содержание древнейших грамот не сводится к денежным расчетам. Некоторые листы берестяных писем, нацарапанных восемьсот и девятьсот лет

тому назад, приоткрывают такие стороны человеческих и общественных взаимоотношений, какие не могли отразиться в других письменных источниках. Вот грамота... Она написана в третьей четверти XII века. «От Полоцка к... Пояле девьку у Домаслава. На мне ти Домаславе възяле 12 гривне. А присли 12 гривне. Или не прислещи, а мне ти стати... зя и у владыке. А больше ти протрещи...»

Мы не знаем, какие отношения связывали Полоцка с адресатом его письма, имя которого оказалось вырванным. Но только Полоцек сильно на него обиделся. Его адресат женился на девке, принадлежащей Домославу. Поскольку он был свободным человеком, его жена тоже получала свободу, но за нее Домослав потребовал выкуп в 12 гривен. Этот выкуп уплатил Полоцек, который теперь требует от молодого супруга возвращения денег, угрожая ему жалобой перед князем и владыкой. Конечно, очень неприятно получать такие письма сразу после свадьбы, но ведь и долги все-таки следует возвращать.

В грамоте... найденной в числе золотой десятки первых грамот 1951 года, отражена драма новгородской семьи третьей четверти XII века: «От Гостяты к Васильви. Еже ми отъц даял и роди съдаями, а то за ним. А ныне вода новую жену, а мне не въдасть ничьтоже. Изби, в руки пустил же мя, а иную поял. Доеди, добро сотворя».

Об этой грамоте много спорят до сих пор, причем главным предметом спора является автор письма Гостята. Исследователи никак не могут решить, мужское это имя или женское. Но даже вне зависимости от того, как решится этот вопрос, обстоятельства житейского происшествия в общем ясны. Гостята владеет имуществом, полученным от отца и родственников. Какой-то человек, женившись на новой жене, отобрал у Гостяты имущество, избил и выгнал из дому. Думается, что злодеем Гостяты был отчим, который после смерти матери Гостяты попытался захватить в свои руки добро, по закону принадлежавшее детям его умершей жены.

Интереснейший берестяной документ... сохранили слои двадцать первого яруса, который данными дендрохронологии датируется 1096—1116 годами. Вот его текст: «Грамота от Жизномира к Микуле. Купил еси робу Плескове. А ныне мя в том яла кнѣгыни. А ныне ся дружина по мя поручила. А ныне ка посьли к тому мужевн гра-

моту, е ли у него роба. А се ти хочу, коне купив и кнѣжъ муж въсадив, та на съводы. А ты, атче если не възял кун тех, а не емли ничьтоже у него».

Автор письма Жизномир, который, вероятно, был княжеским дружинником, попал в серьезную переделку, обещавшую ему немало хлопот. Его слуга Микула купил в Пскове рабыню. Но эта рабыня оказалась похищенной у княгини. Княгиня, опознав свою рабыню, приказала схватить Жизномира, но за него поручилась дружина. На этом дело могло бы и прекратиться, но Жизномир справедливо чувствует себя ограбленным. Он затеял не только вернуть свои деньги, но и наказать похитителя, начав расследование, скрупулезно придерживающееся норм древнейшего русского закона «Русской правды». Он хочет купить коня для приглашенного следователя, «княжьего мужа», и начать «свод». Так в «Русской правде» называется система очных ставок, позволяющая проследить цепочку перепродаж краденого имущества. Разумеется, рабыня, оказавшаяся таким «краденым имуществом», должна участвовать в «своде». Поэтому на время расследования княгине нужно было предоставить другую рабыню. Такой порядок предусмотрен «Русской правдой». Жизномир и пытается добиться через Микулу, чтобы эту вторую рабыню предоставил в распоряжение княгини человек, у которого рабыня куплена Микулой. Кроме того, ни в коем случае не следует брать с него денег, если он попытается вернуть их. Иначе все продуманное в деталях юридическое предприятие может лопнуть, и Жизномир, виноватый лишь в том, что ему подсунили краденый товар, останется в дураках.

До сих пор о нормах древнейшего судопроизводства мы знали только по показаниям самих статей древнего кодекса. Теперь мы впервые познакомились с наглядным случаем применения этих статей. Добавлю, что княгиня, которая упоминается в грамоте Жизномира, может быть только женой новгородского князя Мстислава Владимировича, время княжения которого точнейшим образом совпало с датами двадцать первого яруса. Жену князя Мстислава звали Христиной.

Но какие же новгородские грамоты могут быть признаны древнейшими среди всех других? Какие берестяные письма мы должны осматривать с наибольшим уважением к их древности? Таких грамот четыре. Две из

них найдены в таких условиях, какие не дают возможности остановиться на достаточно точной датировке. Они найдены в слоях двадцать второго, двадцать третьего или двадцать четвертого яруса, то есть попали в землю в какой-то момент между 1025 и 1096 годами. [Одна] грамота из числа этих двух дошла до нас в обрывке, в котором в бессвязных обломках фраз упоминаются какой-то клеветник, замок и двери кельи, а также смерды, обязанные побить клеветника. Зато [другая] грамота сохранилась целиком. Она... содержит в себе угрозы:

«От Жировита к Стоянови. Како ты у меня и чьстное древо възъм и вевериць ми не присълещи, то девятое лето. А не присълещи ми полупята гривны, а хоцу ти вырути в тя, луцьшаго новъгорожянина. Посъли же добръм».

Стоян девять лет тому назад взял у Жировита «честное древо» — крест ценой в четыре с половиной гривны и до сих пор не расплатился. Жировит грозится ославить его, осрамить при всем народе, что для Стояна должно быть особенно позорным, так как он принадлежит к числу «лучших новгороджан», иными словами, к верхушке новгородского боярства. Стоит обратить внимание на одну маленькую деталь. Жировит называет Стояна не «новгородцем», а «новгороджанином». В XI веке слово «Новгород» еще воспринималось его жителями на слух как «Новый город». И, производя от него другие слова, новгородцы образовывали эти слова в точном соответствии с истинным смыслом названия...

Две другие древнейшие грамоты найдены в слое двадцать третьего яруса и датируются более точно 1055—1076 годами. Они могут быть более древними, чем письмо Жировита, но могут оказаться и моложе его. В конце концов, это и не так уж существенно: обе грамоты уцелели в незначительных фрагментах. В [одной] грамоте... читается начало первой строки: «Грамота от Дробьна...». В [другой] грамоте... обрывки ее шести строк таковы, что возможно прочесть целиком лишь одно слово в первой строке. И этим словом оказалось: «грамота».

Есть нечто глубоко символическое в том, что древнейшим словом, сохранившимся на бересте, оказалось: «грамота». Одной из самых острых и интересных проблем истории русской культуры давно уже признан вопрос о начале русской грамоты, о времени сложения рус-

ской письменности, древнейшие памятники которой не опускаются глубже середины X века. Берестяные грамоты пока еще не дали материалов для решения этой проблемы. Древнейшие грамоты еще остаются в пределах времени, от которого и до открытия бересты были известны редкие памятники русской письменности. Но вряд ли нужно сомневаться, что решить эту проблему в будущем способна именно береста из древнейших слоев русских средневековых городов.

Первые намеки на то, что такие поиски в новгородских слоях не окажутся безрезультатными, дают некоторые находки, уже сейчас занявшие прочное место в коллекциях Новгородской экспедиции. В 1954 году в слое двадцать четвертого яруса (1025—1055 годы) в Неревском раскопе была найдена недоделанная резчиком дощечка для написания по воску. В слоях первой половины XI века в разные годы археологи нашли три костяных «писала». Но самые важные находки связаны со слоями X века. Одно костяное «писало» удалось обнаружить в 1955 году в слоях двадцать седьмого яруса (972—989 годы), другое — еще в 1951 году было найдено буквально на материке в слоях двадцать восьмого яруса, а этот ярус датируется 953—972 годами.

И если уж мы нашли орудия письма, то наверняка найдем и самые тексты, этими орудиями написанные. Как-никак, а ведь каждым «писалом», несомненно, был нацарапан не один десяток берестяных писем. Придет время, и о берестяных грамотах X века мы будем знать не из сбивчивого рассказа арабского путешественника, а из самой бересты, вложив в коллекцию новгородских писем грамоты, извлеченные из самых древних прослоек новгородского культурного слоя.

Н. И. Толстой. Роль кирилло-мефодиевской традиции в истории восточно- и южнославянской письменности *

Если взглянуть на этническую карту Европы IX в., то сразу же бросается в глаза огромное пространство от Балтики на севере до Адриатики и Эгейского моря на

* Из сб.: Исторические связи славянских народов. Доклады к V Международному съезду славистов. КСИС, вып. 39. — М., 1963, с. 27—38.

юге, от Лабы, Судет и Альп на западе, до Волги на востоке, почти сплошь занятое славянским этносом, многочисленными разновидностями «языка словѣнскаго», племенами, которые, как свидетельствует русский летописец, «прозвашася имени своими, гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ... Морава... Чеси... Хравате Бѣли и Серебѣ и Хорутане.. Лахове... Полане» и т. д.¹

Обратившись к политической карте той поры, мы увидим на территории распространения «словѣнскаго языка» достаточно могущественные и менее самостоятельные славянские державы, такие, как Киевская Русь, Великая Моравия, пястовская Польша, Болгарское царство, сербское государство Властимира, Мутимира, хорватское — Мислава, Трпимира и прочих. Единый, этнически достаточно монолитный, славянский массив занимал в ту эпоху почти всю Центральную и Восточную Европу и играл в ее политической, экономической и культурно-религиозной судьбе отнюдь не второстепенную роль. И не будет преувеличением, если мы скажем, что от него во многом зависела судьба древнего, к тому времени все более четко определяющегося соперничества европейского Запада и Ближнего Востока — латинских наследников Священной Римской империи и их византийских конкурентов. Славяне не были ни в политическом, ни в экономическом, ни в культурном отношении инертной массой, расположенной к пассивному восприятию внешних влияний. Активное начало их социальной структуры и духовной культуры достаточно ярко проявлялось во всех сферах жизни.

В IX в., в пору уже достаточно прочной территориальной стабилизации славянского этноса, после великих передвижений и миграций, в пору, когда был приобретен опыт в борьбе за установление и организацию своих государственных образований и институтов, существовали уже все основные предпосылки для возникновения и широкого распространения славянской письменности.

В принципе можно предположить и даже допустить существование письменных форм речи у славян до Кирилла и Мефодия, как-то: употребление греческого алфавита у южных славян, латинского у славян западных,

¹ Лаврентьевская летопись.— Полное собрание русских летописей, т. 1.— М., 1962, стб. 6.

довольно фантастических «черт и резов» (это могли быть семиотические знаки иного порядка) черноризца Храбра... Но гораздо важнее учитывать тот факт, что вслед за знаменитой моравской миссией славянская письменность получила очень широкое распространение и в аспекте географическом, и в аспекте функциональном. От письменных памятников докирилло-мефодиевской эпохи у нас не осталось никаких достоверных следов, и даже если бы они и были обнаружены (что мало вероятно), они, надо полагать, не шли бы в сравнение с тем обильным числом исторических свидетельств о деятельности Кирилла и Мефодия и их учеников, которыми мы располагаем в виде житий, легенд, похвальных слов, служб, сказаний, эпистолий, наконец, в виде многочисленных глаголических и кириллических переводных канонических памятников. Поэтому дату 863 г. мы без колебаний принимаем как дату начала славянской письменности, славянской книжности и литературы, древнеславянского литературного языка.

<...>

Византия в общем одобряла и поддерживала христианскую письменность народов Востока на их родных языках (сирийском, коптском, арабском, эфиопском, армянском, грузинском, готском и др.), а моравская миссия Константина и Мефодия была... вполне в духе византийских агнографических мотивов, согласно которым призванный учитель обычно проповедует на родном языке паствы.<...>

<...>

Во второй половине IX в., т. е. до прихода венгров в Паннонию, до разделения церквей и до упада Моравского и соседних западнославянских княжеств, связь западного и южного славянства была достаточно тесной и непосредственной; живые сношения поддерживались и с восточными славянами. Моравская миссия Константина и Мефодия не могла оставаться локальным явлением — она очень скоро приобрела значение почти общеславянской. «Причетиса велицѣхъ языкѣхъ»... — было живым стремлением почти всех славян. В короткий срок вслед за моравской школой славянства грамота проникает в Чехию. Возникает, вероятно, паннонская школа у князя Коцела, традиции которой продолжались в Хорватии и сохранились глаголяшами до наших дней, пере-

живает бурный подъем восточноболгарская «преславская» школа в эпоху царя Симеона, македонская «охридская» школа. Славянскую письменность принимают сербы, она находит широкое распространение и развитие на Руси, и даже Польша и Лужицкая Сербия не оказываются в стороне от ее влияния. «Такое, — можем сказать, вспоминая слова русского летописца, — разидеся Словоуныи языкъ, тѣмже и грамота прозвася Словоуныиска»¹.

Однако события конца IX, X и XI вв. неблагоприятно сказались на судьбе славянской письменности у западных славян, но способствовали ее расцвету у славян восточных и южных — русских, сербов, болгар, македонцев и отчасти хорватов.

* * *

Дошедшие до нас древнейшие славянские памятники, X—XI вв. красноречиво свидетельствуют о том, что, начиная с эпохи Кирилла и Мефодия, в течение трех веков славяне пользовались в принципе единым книжно-литературным языком с рядом локальных вариантов. Славянский языковой мир, диалектный языковой ландшафт был в общем довольно монолитным и единообразным, если сравнивать его с диалектным ландшафтом современного славянства. <...>

Славянские диалекты XI в., по мнению Н. С. Трубецкого, Н. Н. Дурново и А. Мейе, были еще настолько структурно близки друг к другу, что сохраняли состояние праславянского языка поздней поры. Это была пора до падения редуцированных, до изменения структуры слога, до существенной реорганизации морфологического и синтаксического строя, до семантических и лексических инноваций. Представление о материальном единстве и общности славянских диалектов, столь ярко выраженное еще Нестором-летописцем, отмеченное затем Дуклянином, Далимилом, Длугошем и другими, не покидало сознания многочисленных славянских историков и писателей вплоть до начала XVIII в.

При такой общности славянских наречий XI в. вполне реальным оказывалось положение, по которому один

¹ Лаврентьевская летопись, стб. 6.

из диалектов, возведенный на уровень литературного языка, становился приемлемым для всего славянского ареала или для значительной его части.

Но дело обстояло... не столь просто. Даже если принять диалектной основой старославянского языка говор македонских, солунских славян, то разница между старославянским и присолунским диалектом будет далеко не только в том, что первый был письменным языком, а второй — устным, первый имел географически очень широкую, хотя и социально ограниченную сферу распространения, а второй — весьма локальную. Разница окажется прежде всего в том, что старославянский представляет некоторую филологически обработанную, наддиалектную модель, включающую, видимо, и элементы других южнославянских говоров, усовершенствованную затем на основе иного народно-разговорного субстрата — моравского и вновь подверженную обработке на славянском Юге. Греческий же язык (в первую очередь синтаксис, словообразование, лексика) был той классической моделью, тем «великимъ языкомъ», по образу и подобию которого пытались строить старославянский, строить, однако, без слепого подражания и не в ущерб его общей структуре. Достаточно сказать, что в лексическом фонде классических старославянских текстов, насчитывающем 9000 слов, — 1200 гречизмов (не считая многочисленных калек). Следует учитывать и стилистику языка, которая далеко не безразлична к самому языковому материалу.

Таким образом, старославянский язык с самого своего возникновения имел во многом характер интернационального, интерславянского языка. <...>

В дальнейшем прямой наследник старославянского — древнеславянский (церковнославянский) в еще большей мере развил эти особенности. <...>

Говоря о роли кирилло-мефодиевской традиции в истории славянской письменности, мы имеем в виду прежде всего стремление к нормализации и сохранению древнеславянского (церковнославянского) языка как орудия межславянской культуры. Стремление это не всегда вело к возрождению архаических норм, хотя следует признать, что в принципе и такая цель ставилась при каждой достаточно широко задуманной попытке нормализации.

Если исчислять историю древнеславянского литературного языка десятилетиями, т. е. проследить его развитие до XVIII в. включительно, то можно выделить три эпохи его нормализации или централизации нормы. Первая эпоха старославянская (IX—X вв.). Это кирилло-мефодиевский период и последующий период деятельности связанных с ним школ. Вторая эпоха (XIV—XV вв.) — терновская школа, ресавская школа, второе южнославянское влияние на Руси. Третья эпоха (вторая половина XVI—XVII вв.) — виленская, киевская и московская школы. <...>

<...>

* * *

Историки болгарского языка давно отметили в памятниках XIII — начала XIV вв., в основе своей почти исключительно конфессиональных, ряд черт, свойственных народно-разговорной речи (мену юсов, черты аналитизма и т. д.). Значительное отступление от классических кирилло-мефодиевских норм в сторону диалектной речи наблюдается и в других южно- и восточнославянских памятниках этого периода. Такие отклонения, очень важные для истории языка субстрата, как правило, были более или менее спорадическими и не имели характера новой нормы. Современники их часто воспринимали как «растление»¹ или даже «ересь», как порчу языка².

Болгарская терновская школа, возглавлявшаяся патриархом Евфимием, и ее продолжательница сербская ресавская школа, видными представителями которой были... Константин Костенчский, Григорий Цамблак и другие, ополчились против «развращения книжного» и своим «устроением» оставили заметный след в истории южно- и восточнославянской письменности.

Деятельность этих школ нельзя считать простой реконструкцией кирилло-мефодиевских норм, но общая ситуация и отношение к греческой словесной культуре напоминали времена деяний моравской, преславской и

¹ «Книга Константина философа и грамматика о письменех» в кн.: Ягич И. В. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке.— Исследования по русскому языку, т. 1.— Спб., 1895, с. 395.

² Там же.

охридской школ. Важным отличием было существование достаточно богатого своего, пусть даже критически воспринимаемого, славянского письменного наследия, появление значительного числа новых оригинальных славянских произведений. Общим моментом оказывалось обращение к греческим оригиналам, возникновение новых переводов, увеличение объема переводной литературы. Греческая модель не только в плане языковом и стилистическом, но и в плане каноническом и морально-этическом во многом служила эталоном, Афон, затем Константинополь — основными посредниками, исихастское учение — источником духовных и поэтических представлений, которым подчинялось и искусство слова. Не слишком осложненный, но возвышенный панегирический стиль патриарха Евфимия и довольно выпяченный стиль «плетения словес» его последователей... требовали нового славянского словотворчества по образцу греческого, осложненного синтаксиса и специфического словообразования, в принципе не чуждого славянскому языку, но не встречающегося в таком виде и объеме ни в одном из славянских диалектов.

Довольно искусственный характер древнеславянского книжного языка в ту пору значительно усугубился. Эту искусственность достаточно явственно ощущал тот же Константин Костенчский, отметивший в своем грамматическом трактате интернациональный, межславянский характер книжной кирилло-мефодиевской речи, в которую, по его представлению, из разных славянских наречий вошли «краснѣйшаа» слова. Восходящий к ней книжный язык не следует поэтому звать ни болгарским, ни сербским, а «словѣньскимъ», ибо он свойствен и близок всем славянским народам, но более всех — русскому¹. Это одно из самых ранних признаний исключительного авторитета русской книжности и русского книжного языка.

Русь почти без опоздания включилась в процесс нормализации на основе терновской и ресавской реформ, более чем вдвое увеличила фонд своей письменности, а деятельность митрополита Киприана, Пахомия, Логофета, Григория Цамблака, несколько позже — Максима Грека

¹ Книга Константина Философа и грамматика о письменех, с. 397—398.

и других заложила фундамент того подъема книжной культуры на Руси Западной и Московской, который во второй половине XVI и в XVII вв. сделал ее центром культурного «греко-славянского мира».

Так называемое «второе южнославянское влияние» на Руси касалось норм не только книжной, но и церковной жизни: архаический студийский устав, сохранявшийся у восточных славян дольше, чем у греков и южных славян, был заменен иерусалимским. Первые списки славянского устава, бывшего в употреблении в русской церкви, свидетельствуют о их сербском происхождении и относятся к концу XIV в. Наряду с «устроением церковным» шло «исправление книжное», возведенное на Руси в дело первейшего государственного значения, волновавшее впоследствии почти все социальные слои русского народа и послужившее поводом глубоким расстройкам и борьбы официальных «никонианцев» и старообрядцев — «ревнителей святой старины». Едва ли еще когда-нибудь на Руси филологические вопросы осознавались столь значительными и ставились столь остро.

На московском съезде славистов Д. С. Лихачев дал глубокий комплексный анализ «второго южнославянского влияния» в книжности и в искусстве, отметив общность художественных методов, приемов и идей Пахомия Сербя, Епифания Премудрого, Феофана Грека и Андрея Рублева, методов и идей, исходящих еще от поздней византийской агнографической литературы и «палеологовского ренессанса»¹.

Этот комплекс художественно-эстетических и этических воззрений и методов, который Д. С. Лихачев довольно условно называет «предвозрождением», нашел продолжение и развитие в последующий период, в XVI и XVII вв. Возвышение Москвы—Третьего Рима и ее соперничество с Польшей, претендовавшей на роль ведущей славянской державы, реформация, контрреформация, эпоха ренессанса и барокко в Европе вызвали на границах «греко-славянского мира» и славянства, входящего в «латинскую» культурную сферу, острое политическое и культурное соперничество, ведущее также и к выработке новых форм культуры, литературы и литературного

¹ Лихачев Д. С. Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России.— В кн.: Исследование по славянскому литературоведению и фольклористике. М., 1960.

языка. Так возникли предпосылки для третьей и последней нормализации древнеславянского литературного языка на основе киевско-виленского и московского центров.

Волна реформации прямо и косвенно вызвала к жизни ряд новых литературных языков в Европе: словенского, литовского, лужицко-сербского, румынского и других. <...>

В условиях создавшегося многоязычия, употребления латинского, польского, западнорусского — «русской мовы»... часто сильно полонизированной,¹ — и, наконец, древнеславянского языков, возникла необходимость в нормализации последнего, в выработке грамматических лексических и стилистических норм. Эти нормы, так же как и нормы терновской школы и второго южнославянского влияния, не были непосредственным возвратом к кирилло-мефодиевскому языку, так как списки той эпохи были тогда почти неизвестны. Они также не означали полного возврата к нормам XIV—XV вв., но, подобно предшествующей поре, обращались к традиции и основывались на представлениях о древнеславянском языке ранней эпохи.

Характерной особенностью этого периода нормализации было появление достаточно подробных грамматических руководств, таких, как книги Лаврентия Зизания, Мелетия Смотрицкого, полные издания канонических текстов, среди которых следует выделить Острожскую Библию, появление словарей, азбуковников, букварей. Боль-

¹ Любопытно свидетельство современника, автора историко-полемического сочинения о начале и распространении унии в Литве и Западной Руси и о действиях ее поборников, написанное около 1600—1605 гг. неизвестным львовским священником, бывшим на Брестском соборе, «в предостережение православным». Автор обвиняет Ипатия Потя в подделке книг под древние и пишет, что приверженцы унии, «кого могучи лагодными словы, врьдами, достоинствами до себя зневоляют, а инших мучать, грозять, книгами фальшивыми закидают, книги змышляют, пишучи под датою старою, письмомъ старымъ, якобы колись тая згода трвати мѣла. Але присмотриси пильно въ самую рѣчь, и знайдеш, же хоть такіе письма старые змышляют, але рѣчь вся Потѣва, якъ бы усты самъ мовилъ. Притомъ знайдеш там слова, вѣка теперешного людми уживаемые, которыхъ старые предки нашѣ не уживали: бо якъ Поляцы у свой языкъ намѣшали слов Латинскихъ, которыхъ южь и простые люди зъ налогу уживаютъ; такъ же и Русь у свой языкъ намѣшали словъ Польскихъ и оныхъ уживаютъ. Тогда снадно познаеш, же то книжки змышленые и неправдивые...» (Акты, относящиеся к истории Западной России, т. IV.— Слб., 1851, с. 229).

шую роль в утверждении новой виленско-киевской и московской нормы играло книгопечатание, обеспечивающее ее распространение также у южных славян и влахо-молдаван.

Греческий язык в этот период снова выполнял роль модели-эталона. <...>

Восприятие греческой модели, по Крижаничу, было порчей славянского языка, попыткой насадить его на греческую колодку («копито»). Искусственному, несколько эллинизированному древнеславянскому языку поздней поры великий хорватский филолог хотел противопоставить свой искусственный интерславянский язык, более близкий к народной основе, главным образом к основе сербско-хорватской. Но его блестящий, слишком смелый проект пролежал в рукописи до середины XIX в., с тем чтобы удивить своей ученостью и грамматической прозорливостью лучших славистов нашего времени. И сколь это ни парадоксально, выступая против грецизмов и освобождаясь от многих старославянизмов, Ю. Крижанич все же действовал в русле кирилло-мефодиевских традиций в широком смысле этого слова. Применяясь к новым диалектно-языковым условиям, он предлагал единый, общий славянский язык, который, по его мнению, мог бы объединить письменность славян восточного и западного обряда.

Крижаничева идея славянской взаимности отражала программу многих далматинских, хорватских, чешских и польских гуманистов о единстве славянского племени — «языка», программу, возникшую не только для борьбы с турецкой экспансией, но также и в результате стремления утвердить свою национальную культуру против притязаний Запада. Характерно, что в эту эпоху имена Кирилла и Мефодия все чаще появляются на страницах исторических сочинений. О их миссии писали с большей или меньшей достоверностью Ян Длугош, Станислав Сарницкий, Мартин Кромер и Матвей Стрыйковский, Богуслав Билевский, Ян Яфет, Павел Странский, Ян Амос Коменский, Богуслав Бальбин, Мавро Орбини и др. С именем Кирилла, или св. Црги, связывали гуситы свое причащение под обоими видами; их литургию на родном чешском языке также можно связать с кирилло-мефодиевской традицией. Своеобразным литературным ренессансом миссии солунских братьев было в более ранний пе-

риод, в XIV в., прибытие к Карлу IV хорватских монахов в Сазаво-Эмаусский монастырь с глаголическими книгами и славянской мессой.

<...>

В борьбе против славянского языка и в XVI в. использовался обветшалый догмат «треязычия», правда уже в несколько модернизированном облике. В этом отношении характерны рассуждения иезуита Петра Скарги, который в сочинении «О единстве костела божьего» (1577) писал: «Вельми обманули тебя греки, народе русский, что, веру свою святую тебе передавая, языка своего греческого не передали, но сим словенским пользоваться повелели, он же нигде правого разумения в науке не постиг. Ибо только сии два суть языки: греческий и латинский, коими вера святая по всему свету распространена и насаждена есть и кроме коих никакой иной ни в какой науке, а наипаче в духовной веры святой, совершенным быть не может».

<...>

Знаменитому иезуитскому казнодею возражали лучшие полемисты своего времени, такие, как Иван Вишенский и Захарий Копыстенский. Вишенский в своей остроумной и риторической «Зачапке мудрого латынника з глупым Русином» отметил, что «тежь нас Скарга в своих аеровымыслных книжках укорил, иж мы, Русь, словенскаго языка не разумеѣм». Уделив опровержению этих слов и утверждению превосходства славянского языка над латинским достаточно времени, страстный украинский полемист восклицает: «Яко же ты смѣеш хулный язык, Скарго, на святых учителей грецких отверати и хулити, зазрость приписуючи, яко бѣ, от той победенны будучи, не подали языку рускому, в писмѣ словенском живущему, науки?» «В разумѣ языка словенскаго русин, либо сербин, или болгарин вѣдает и разумеѣт...». Язык этот достиг, по словам И. Вишенского, «святоплодия», «чего николи язык латинский не имѣл и имѣти не может», а сам Скарга «на словенский язык посполу с дияволом борбу подвигнул», диявол же «языка словенскаго не любит», а «латинскаго языка вседушне диявол любит».

Западная Русь отвечала на поползновения «папешников» и других противников древнеславянского языка не только острым полемическим словом. Организация об-

разования и просвещения, школ и типографий, создание грамматик, букварей и словарей, овладение риторикой и логикой, наконец, знание греческого и латинского языков повысили авторитет Западной Руси во всем «греко-славянском мире» и сделали ее в XVII в. одним из ведущих центров славянской книжности.

<...>

* * *

Таковы основные черты и моменты борьбы восточных и южных славян за кирилло-мефодиевское наследие, борьбы за свой язык, за свою самобытную культуру и культурно-национальное единство. Кирилло-мефодиевская традиция сыграла большую, можно сказать, революционную роль в эпоху национального возрождения западных и особенно южных славян в XIX в.

Литература

- Истрин В. А. 1100 лет славянской азбуки. 863—1963.— М.: Изд-во АН СССР, 1963.
- Истрин В. А. Возникновение и развитие письма.— М.: Наука, 1965.
- Лавров П. А. Материалы по возникновению древнейшей славянской письменности.— В кн.: Труды славянской комиссии, т. 1. Л.: Изд-во АН СССР, 1930.
- Питання походження і розвитку слов'янської писемності.— Київ: Вид-во АН УРСР, 1968.
- Торжествена сесия за 1100 годишнината на славянската писменост. 863—1963. Доклади и материали.— София: Изд-во на БАН, 1965.
- Жуковская Л. П. Развитие славяно-русской палеографии (В дореволюционной России и в СССР).— М.: Изд-во АН СССР, 1963.
- Ягич И. В. Глаголическое письмо. Энциклопедия славянской филологии, вып. 3. III.— Спб., 1911.
- Лавров П. А. Палеографическое обозрение кирилловского письма.— Энциклопедия славянской филологии, вып. 4. I.— Пг., 1914.
- Щепкин В. Н. Русская палеография.— М.: Наука, 1967.
- Можаева И. Е. Библиография по кирилло-мефодиевской проблематике. 1945—1974 гг.— М.: Наука, 1980.

Раздел IV

ИЗ ИСТОРИИ СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

Слово «филология» можно было бы перевести с греческого как «любословие», подобно тому как философия «переводится» словом «любомудрие». Филолог — любитель слова, любитель словесности. И первая задача филологов была в том, чтобы помочь людям в понимании и толковании слов и составленных из них текстов, в осмыслении различных продуктов, процесса и видов речевой деятельности.

Первыми славянскими филологами можно назвать солувских братьев — *Константина-Кирилла* и *Мефодия*, разработавших очень совершенное, построенное на интуитивном проникновении в фонематическую структуру языка славянское письмо. Следует напомнить, что славянская азбука была создана в середине IX в., когда еще не были сделаны многие крупные шаги европейских культур. Еще не была, например, создана «Песнь о Роланде» и не были записаны древние германские саги. Создание в эту пору столь совершенной письменной системы, в которой учтены были все основные фонематические особенности славянской речи, было настоящим научным подвигом. Спусти несколько десятков лет, в начале 900-х гг., монах-черноризец *Храбр* в небольшом трактате «О письменах» пытался осмыслить значение великого открытия Константина-Кирилла, продолжить и развить аргументацию Константина Философа, посрамившего на венецианском диспуте трезычников, отрицавших за славянским языком право на письмо, поскольку, мол, де, бог приемлет только еврейский, греческий и латинский языки. Константин Философ, узнаем из его *Жития* (гл. 16), ярко и образно отвечал трезычникам: «Не идет ли дождь от бога равно на всех, или солнце тоже не сияет на всех, не дышим ли мы все равно воздухом? Так как же вы не стыдитесь называть только три языка, а всем прочим языкам и пле-

менам велите быть слепыми и глухими?» Черноризец Храбр добавляет, что названные три языка не были исконными и отмечает, что греческую письменность создали греки еще будучи язычниками, а потому она отнюдь не более свята, чем славянская. Обосновывая необходимость особого славянского письма, Храбр приводит примеры слов (БОГЪ, ЖИВОТЬ, ШИРОТА, ЮНОСТЬ и др.), которые невозможно передать греческими буквами, так как среди них нет обозначений звуков, встречающихся в этих словах. Храбр затем перечисляет славянские буквы, не имеющие аналогов в греческом. Первый славянский филологический трактат живо и страстно обосновывал правомерность славянского письма и воздавал должное его создателям.

Славянам рано становятся известны некоторые словесно-эстетические воззрения античности в византийских пересказах. Так, в сборник, составленный в начале X в. для болгарского царя Симеона и дошедший до нас в копии, сделанной в 1073 г. для русского князя Святослава (Изборник 1073 г.), был включен трактат византийского филолога VI—VII вв., автора ряда комментариев к грамматикам, сочинений об орфографии и просодии, Георгия Хировоска (Херобоска) «О поэтических тропах» (О образъхъ). В этом трактате рассматривается 27 понятий тогдашней поэтики, таких, как аллегория (инословие), метафора (прѣводъ), метонимия (отъимение, т. е. переименование), антифрасис (въспятословие, т. е. слово, с противоположным значением), перифрасис (съвратословие, т. е. изложение другими словами) и др. Таким образом, уже рано проявилось стремление славян к осмыслению слова в его разнообразных функциях. Но поэтика эта еще была далека от конкретной языковой базы: была общей не только по замыслу, но и по характеру выделяемых в ней явлений.

А между тем назревала потребность и в осмыслении совершенно конкретных слов, употреблявшихся в текстах, которыми пользовались древнеславянские книжники. Первые славянские словари и служили толкованию непонятных слов иностранного (еврейского и греческого) происхождения. Так, в словарики, вошедшем в Новгородскую кормчую (сборник законов) 1282 г., было толкование 174 слов еврейского происхождения, в том числе собственных имен (*Адам, Ева, Голгофа, Ной* и пр.) и слов,

позже вошедших в нашу речь (*бисер, алтарь*); интересно, что в число непонятных «еврейских» слов попали и славянские *оток* 'остров', *бртва*, *зѣло* 'очень'. Позже словари расширились постепенно по охвату слов, появились словари с объяснением старославянских слов, непонятных носителям разных славянских языков. Этой же цели служили и толкования отдельных слов на полях книг — глоссы (между прочим, и у белорусского первопечатника Франциска Скорины). Первые переводные латинско-славянские, а потом и немецко-славянские словари имели ярко выраженную дидактическую направленность. Так, например, в чешских словарях XIV в. «Большом богемарии» и «Пресбургском (Братиславском) глоссарии» слова расположены по предметным рубрикам (например, в последнем, автором которого считается Кларет, глава V: 15. О деревьях; 16. О растениях; 17. О фруктовых деревьях; 18. О семенах и т. д.), а внутри рубрик для облегчения запоминания соединяются в строки гексаметра:

Est animal zvierze, labgum rusk, ubega wumie...

Таких строк было в «Большом богемарии», к примеру, 886.

Довольно рано было осознано, что словари не только выполняют прикладную переводческую функцию, но и фиксируют реальный лексический фонд народа в определенный период. Убедительно прозвучала в начале XVIII в. эта мысль у полабского мужика Яна Парум Шульце, задумавшего закрепить для потомства на письме словарь своего родного уже отмиравшего языка.

Грамматики первоначально также выполняли двойную функцию: с одной стороны, помочь в обучении чужому языку, а с другой стороны, зафиксировать, закрепить свой язык, его правила, его нормы. Если иностранцы прежде всего думали о первом, о чем свидетельствует, к примеру, одна из первых русских грамматик — грамматика Г. В. Лудольфа, изданная в Оксфорде в 1696 г. (следующая русская грамматика была издана в Оксфорде спустя двести лет!), то сами славяне больше заботились о закреплении норм своего языка на письме и о передаче этих норм обучающимся грамоте. Для восточных славян дидактическая задача грамматик получала особое преломление: первые грамматики у нас были церковнославянскими, в них, следовательно, ставилась цель обучения близкородственному языку, который казался в

основном понятным и совпадающим с родным по грамматическому строю, казался просто письменной разновидностью родного языка. Но вместе с тем практика подсказывала и необходимость толкования фактов этого языка как языка изучаемого, второго.

Первые грамматические пособия у славян (и не только у славян) имели сплошь и рядом явно учебный характер и служили обучению грамоте. Теоретико-филологические рассуждения велись, как правило, попутно. Ранние славянские (и не только славянские) филологи недостаточно внимания обращали на специфику своих языков. Им казалось, что, подобно тому как можно перенести с одной языковой почвы на другую учение о художественных средствах — тропах, возможно перенести и учение о грамматическом строе с описания одного языка на другой, например с греческого на славянский. В неосознанном виде (имплицитно) проявлялась в таких переносах идея об универсальности, всеобщности грамматики. Именно этим объясняется тот факт, что начинается славянская грамматика с распространения в славянском переводе-переработке (с XIV в.) византийского трактата «О восьми частях слова», включенного в конце XVI в. и в печатную грамматику, изданную в Вильно в доме Мамоничей. Излагая учение о восьми частях речи, славянские книжники не столько думали о структуре славянского языка (в отличие от славянских первоучителей — создателей письменности — и черноризца Храбра, стремившихся учесть звуковую специфику славянского языка по сравнению с греческим), сколько излагали общее грамматическое учение, которое казалось им пригодным для любого языка. Так и появившийся в XVI в. русский перевод «Малого Донатуса» — популярной в ту пору в Европе латинской грамматики, выполненный Дмитрием Толмачом, был для его читателей изложением всеобщей грамматики, конструировавшей по образцу греческой. В рамки этой грамматики и втискивалась славянская грамматика, в которой, к примеру, приходилось находить соответствие для греческого артикля («различие»). Ориентируясь на западную, латинскую грамматику, Мелетий Смотрицкий в первом издании своей славянской грамматики (Евье у Вильно, 1619) заменил артикль междометием в списке восьми частей речи. Но московские правщики, больше ориентировавшиеся на греческий образец,

быть может, увидели в этом междометии католическую крамолу и заменили его снова «различием» по греческому образцу в издании Смотрицкого 1648 г., выпущенном в Москве. Надо сказать, что Смотрицкий, находясь, как и другие славянские грамматисты XVII в., еще под влиянием классической схемы, стремился наполнить ее славянским содержанием, а местами и переработать. Это и позволило грамматике Смотрицкого стать «вратами учености» для М. В. Ломоносова: Осознание специфики своего языкового материала происходило более четко в словарях, например в словаре Памвы Берынды (1627), когда каждое слово приходилось систематически сопоставлять в живом и в книжном языках. Надо сказать, что грамматика Смотрицкого и словарь Берынды своеобразны еще и тем, что занимали как бы промежуточное место между описаниями родного языка и составлявшимися иностранцами (или для иностранцев) описаниями других языков: это были первые пособия по близкородственному книжнославянскому языку, необходимость обучения которому как особому оказывалась таким образом общественно осознанной и воплощенной в специальные издания.

В XVIII в. совершенствуются методы описания отдельных славянских языков, значительно повышается качество словарей, охватывающих все большее количество слов и точнее раскрывающих их значения. На восточнославянской почве примером более совершенного описания грамматического строя может служить «Российская грамматика» Михаила Васильевича Ломоносова (1711—1765). Хотя в ней и есть еще следы влияния Смотрицкого и вообще универсально-грамматических построений, естествоиспытательский опыт Ломоносова подсказал ему наблюдение и эксперимент как прием лингвистического анализа, о чем свидетельствуют ныне опубликованные материалы к грамматике. Это и обусловило объективность сделанного Ломоносовым описания языка и адекватность (соответствие) его реальному русскому языку. В конце XVIII — начале XIX в. выходят в свет и такие значительные явления в области отражения лексики отдельных славянских языков, как первый русский академический словарь или польский словарь С. Б. Линде. Вместе с тем XVIII век был веком накопления знаний о других индоевропейских языках и развития, хотя еще и не очень ясно

го, теоретических взглядов на функции и эволюцию языка.

Между тем в Европе происходит значительное развитие эстетических взглядов; теория поэтического слова, сближаясь с общей эстетикой, а также с историей литературы, возникающей прежде всего как история античной литературы, все более отделяется от грамматического учения о слове. Намечается специализация внутри филологии: наука о языке и наука о словесном художественном творчестве становятся особыми разделами знания. Это не только следствие накопления новых фактов и увеличения объема познания, но и результат более глубокого понимания сущности слова, более глубокого проникновения в специфику слова как средства создания художественного образа.

Начало XIX в. принесло ряд новых существенно важных идей и в науку о языке. Если до этого наука о языке была преимущественно описательной дисциплиной, каталогизировавшей в лексиконах слова и фиксирующей в грамматиках морфологические формы и синтаксические типы сочетаний слов, то теперь идея эволюции, изменения из сферы общих рассуждений переселяется в область конкретного исследования. Языкознание становится наукой исторической. Ф. Бопп, Р. Раск, братья Я. и В. Гримм, а также некоторые другие ученые строят основы сравнительно-исторического анализа индоевропейских языков. Взамен библейской легенды о Вавилонском столпотворении, согласно которой разгневанный попыткой людей добраться до неба бог, разрушая строившуюся для этого в Вавилоне башню (столп), одновременно разучил людей понимать друг друга, появляется теория постепенной дивергенции (распада) праязыка, в результате которой возникают родственные языки. Оказывается при этом, что свидетельствуемых надежно праязыков несколько, а научно доказать наличие или отсутствие единого человеческого праязыка невозможно. Дивергенция языков является закономерным следствием расселения племен и народов, результатом самостоятельного развития оторвавшихся диалектов. Дивергенция как явление закономерное находит отражение в регулярных соответствиях между звуковыми системами различных языков. Еще до возникновения сравнительно-исторического метода было ясно, что, скажем, русский и польский или немец-

кий и шведский языки попарно близки между собой. Сущность великого открытия создателей компаративистики (сравнительно-исторического подхода к изучению языков) состоит в том, что на место базировавшихся на интуиции впечатлений о родстве языков было поставлено установление закономерных звуковых соответствий между языками, вслед за которым стали производиться и попытки восстановления праязыка.

Открытие родства языков как научного факта обусловило не только начало нового этапа в развитии языкознания, но и становление новых отраслей науки о языке. Если до этого были грамматики и словари отдельных языков или же общие рассуждения о свойствах человеческого языка, то теперь возникает сравнительное языкознание как наука о родственных языках, о семьях языков, наука, восстанавливающая предшествующее языковое состояние. Сравнительно-исторический анализ внес в языкознание категорию закономерности, а потому, если считать главной задачей науки познание закономерностей, можно согласиться с теми старинными авторами, которые называли грамматику искусством, и теми историками науки, которые считают, что именно с возникновением сравнительно-исторического подхода языкознание стало наукой.

Возникновение научного языкознания, совпавшее по времени с национальным возрождением у одних славянских народов и становлением современных национальных культур и языков у других, обусловило возможность развития научного славяноведения. При этом вполне естественно, что стержнем и основой научной славистики явилась наука о славянских языках.

Общность современных славян — прежде всего языковая. Именно редкая для такой большой группы народов близость языков определяет принадлежность народа — носителя соответствующего языка — к числу славянских народов. Близость славянских языков объясняется в конечном счете происхождением их из одного источника — из праславянского языка. Но происхождение языков из общего праязыка совсем не означает расовой общности носителей этих языков. Известно, что негры в США являются носителями английского языка, хотя в расовом отношении и отличаются от англичан, языки же своих предков, некогда вывезенных из Африки, американские

негры не знают. Историческая общность народов, являющихся носителями родственных языков,— сложное историческое явление.

В этногенезе (т. е. в происхождении) каждого из славянских народов имеются специфические особенности. Было бы ошибочно думать, что все нынешние славяне возникли в результате распада и расселения праславянских племен. Так, в этногенезе болгар чрезвычайно существенно учитывать роль древнего населения Балканского полуострова и тех тюркских пришельцев, которые вступили во взаимодействие со славянами в первые столетия пребывания славян на Балканах. Естественно, что при рассмотрении этногенеза чехов или белорусов необходимо учитывать уже иные факторы взаимодействия с другими народами и этническими группами.

Исторические судьбы славян, хотя они и заселили относительно близкую территорию Восточной Европы, также складывались неодинаково. Так, если в течение столетий для полабян, серболужичан, поляков, чехов, словенцев очень существенными были их взаимоотношения с немцами, то для восточных славян в течение нескольких веков центр тяжести внешнеполитической жизни сосредоточился на борьбе с монголо-татарским нашествием, а для большей части южных славян многовековое турецкое иго определило необходимость тяжелой и кровопролитной борьбы за существование и национальное освобождение от тяжелейшей османской неволи. Если в области внутренней социально-политической истории для Польши чрезвычайно важна роль разнородного, но влиятельного шляхетства (дворянства), если Россия в XVIII—XIX вв. была дворянской империей, что не могло не сказаться на судьбах населявших ее славянских народов, то совсем иначе складывалась социально-политическая история Болгарии, в которой отсутствовало свое дворянство, что, однако, отнюдь не означает отсутствия классовых противоречий. Различным образом сложилась и история религии у разных славянских народов, часть из которых приняла римско-католическую, а часть — православную христианскую религию, в то время как отдельные группы славян приняли мусульманство. У разных славян оказались различные исторические связи с соседними народами: так, судьбы южных славян во многом оказались связанными с судьбами румын, а,

например, белорусы в течение длительного времени были тесно связаны с литовцами.

Естественно поэтому, что общность истории славянских народов относительна. И если теперь можно сказать, что все славяне встали на путь социализма, то это совсем не означает, что на этот путь встали только славяне или что социализм — это некое специфическое славянское явление. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что в одном строю с СССР, ЧССР, ПНР, НРБ, СФРЮ строят социализм и такие европейские страны, как ГДР, ВНР, СРР. Конечно, есть немало общего и в древних, и в современных судьбах славянства, конечно, историки могут решать и действительно решают многие славянистические проблемы. Но все-таки общность славянских народов — это прежде всего языковая общность. На протяжении всей истории славянства общими и близкими всегда оставались языки славянских народов.

Различие исторических судеб славянских народов не могло не отразиться на развитии их литератур. Каждая литература — глубоко национальное явление. И писатель вносит вклад в развитие мировой литературы через свою деятельность в рамках своей национальной литературы. Толстой, Достоевский, Чехов — писатели глубоко русские и вместе с тем классики мировой литературы. Гашек и Чапек — замечательные чешские писатели и вместе с тем они принадлежат к когорте тех выдающихся писателей, творчество которых определило развитие мировой художественной литературы XX в. Но можно ли сказать, что Толстой или Чапек — писатели славянские? В определенном смысле слова, — конечно, да. Русский язык, на котором писал Толстой, и чешский язык, на котором писал Чапек, — славянские. Творчество Купалы или Шевченко, Пушкина или Мицкевича, пожалуй, доступнее представителям других славянских народов, чем неславянам. Известно, что писатели славянских народов со вниманием относились к судьбам братских народов, выступая, например, в свое время в защиту угнетенных в Османской империи братьев-славян. Но было бы очень трудно, пожалуй, даже невозможно найти в творчестве Толстого или Чехова некие специфические славянские черты. Есть, конечно, общие черты в развитии некоторых славянских литератур, например русской, белорусской и украинской советских литератур. Но эта общность по

существу не собственно славянская, а имеющая иную общественно-историческую основу.

Разумеется, сравнительное изучение славянских литератур позволяет выявить и лучше понять их специфические национальные черты, обнаружить специфику литературного развития этих народов. Таким образом, коль скоро речь идет о современных литературах славянских народов («славянских литературах»), можно говорить об их сравнительном изучении, но специфика литературного творчества не в некотором славянском типе, а в национальной и социальной художественной характеристике. Все это, конечно, не снимает и возможностей отражения в художественном творчестве славянской проблематики, в частности понимания славянского единства, славянской общности. В изучении современных славянских литератур возможна некоторая общеславянистическая постановка вопросов. Так, например, много общего в проблеме межславянских художественных переводов: перевод с одного близкородственного на другой порождает специфические трудности — это проблема перевода в условиях различия стилистических систем при близости грамматических и лексических, проблема перенесения из одной системы культуры в другую, подчас близкую, но отнюдь не тождественную, это, наконец, проблема перевода для людей, которые читали или смогут прочитать оригинал. И хотя для каждой пары славянских языков есть свои особенности в принципах и методах перевода, есть и нечто общее, присущее межславянскому переводу вообще. Но неслучайно то, что проблема перевода — это одна из наиболее лингвистических проблем науки о литературе.

Когда мы отдаляемся от наших дней и обращаемся к литературе прошлых столетий, подчас оказывается больше общего в литературном развитии, чем, к примеру, в XIX или первой половине XX в. Так, глубокое проникновение в устное словесное творчество славянских народов, да и вообще в духовную народную культуру, позволяет подчас восстановить с большей или меньшей четкостью некоторые общеславянские явления, иногда очень сильно трансформировавшиеся, преобразовавшиеся в устах отдельных народов, но тем не менее общие, исконные. Немало общего и в литературном развитии если не всех, то во всяком случае многих славянских на-

родов раннего, еще средневекового периода: ограниченное количество грамотных, ограниченный фонд литературных достижений всего человечества вел к тому, что литературные произведения, переведенные на один из славянских языков или созданные на нем, становились достойным представителем не только данной, но и других родственных словесных культур.

Славянская наука уделяла немало внимания разысканию общих элементов в словесном творчестве и их объяснению, параллельному рассмотрению развития славянских литератур. Еще братья Гримм, стоявшие у колыбели сравнительно-исторического метода в науке о языке, но более известные во всем мире как составители превосходного сборника немецких народных сказок, высказывали идеи о переносе сравнительно-исторического метода на словесное творчество. По их мысли, отражение в устном народном творчестве, а в частности в сказках, которые они неутомимо собирали, древнейшей духовной жизни народа, создателя произведений устного народного творчества, позволяет восстановить древнейшие виды продуктов духовной жизни общества, праимфы. Эту сравнительно-мифологическую теорию стремился приложить к славянскому материалу крупнейший русский филолог XIX в. Федор Иванович Буслаев (1818—1897), известный также своими замечательными трудами по истории русского языка, создатель первой исторической грамматики русского языка. Теперь, спустя сто лет, когда славянская и мировая наука обогатилась не только новыми материалами, но, главное, рядом новых идей, к проблематике воссоздания плана содержания праславянского текста славистика подходит глубже и иначе. Но не следует упускать из виду те импульсы, которые были даны этому в трудах ученых прошлого. Мы теперь можем аккумулировать в своих построениях многие их замечательные идеи.

Гениальный отечественный филолог XIX в. А. А. Потебня, для которого было характерно стремление проникнуть в суть, в глубину явлений, который никогда не удовлетворялся описанием поверхностных отношений, обратил внимание на внутреннюю связь между образами словесного творчества и языком, объясняемые принципиальной связанностью мышления и языка. «Язык,— писал молодой Потебня,— не есть только материал поэзии,

как мрамор — ваения, но сама поэзия». Ученик Буслая Александр Николаевич Веселовский (1838—1906), труды которого — крупнейший вклад в мировую науку о литературе, показал, что в поиске сходства в словесном творчестве чрезвычайно важен конкретный учет исторических фактов, которые являются не фоном, но основой и живительной силой развития словесности. Вооруженные марксистско-ленинской методологией современные слависты-словесники ищут и находят не только новые факты, но и новые толкования, новые объяснения уже известного. И уже тот факт, что нередко они полемизируют, спорят со своими замечательными предшественниками, показывает значимость и непреходящую ценность работ этих предшественников, закладывавших основы сравнительного изучения славянских литератур. Если есть о чем спорить спустя сто лет — значит есть достаточно богатое содержание того, с чем стоит спорить...

Одна из первых в мире и первая в России история славянских литератур была подготовлена Александром Николаевичем Пыпиным (1833—1904) совместно с В. Д. Спасовичем. А. Н. Пыпин дважды, сначала студентом, а потом в 1861 г. профессором, покидал Петербургский университет, где преследовалось свободомыслие. С 1862 г. он стал работать в редакции «Современника», в «Отечественных записках», а после запрета «Современника» в 1866 г. — в «Вестнике Европы». В 1871 г. царь не утвердил его избрание академиком; это звание Пыпин получил лишь в 1898 г. Надо сказать, что, испытав в молодости идейное влияние своего двоюродного брата Н. Г. Чернышевского, за чье освобождение и издание трудов он последовательно боролся, Пыпин оставался в рамках либерально-просветительских взглядов. «История славянских литератур» — капитальное двухтомное исследование, основанное на самостоятельном и глубоком изучении фактов. Этот труд писался пером убежденного противника славнофилов, «западника», а потому автор подчеркивал своеобразие в развитии каждой из славянских литератур, отстаивал их самостоятельность и отмечал самобытность каждой национальной литературы. Еще и теперь работы А. Н. Пыпина сохраняют научное значение.

Хотя в истории словесного творчества славянских народов обнаруживается немало общего, обращает на

себя внимание тот факт, что наиболее существенными в общеславянском плане являются те проблемы, где словесное творчество непосредственно связано с языком: именно здесь наблюдается более всего сходства. Сравнительное изучение славянских литератур дает многое не только для выявления их общности, но и для раскрытия их специфического для каждой литературы вклада в художественное развитие человечества.

Таким образом, ни история, ни литературоведение не могут быть стержнем славистики, основой славянской филологии. Коль скоро славяне составляют прежде всего языковую общность, вполне понятно, что центральной дисциплиной в славистике является славянское языкознание. И развитие славистики, в котором, бесспорно, отражались успехи славянской археологии и антропологии, истории и этнографии, фольклористики и литературоведения, определялось прежде всего развитием науки о славянских языках.

В славянском языкознании, конечно, очень важны достижения в описании современного состояния и истории отдельных славянских языков. Без таких материалов славистика не могла бы не только развиваться, но и просто существовать. Но для развития науки о славянских языках всегда имели первостепенное теоретическое значение такие труды, в которых факты славянских языков рассматривались в общеславистическом освещении, с точки зрения их места в развитии всей славянской языковой общности. Именно поэтому для славистики было чрезвычайно важно возникновение сравнительно-исторического метода, открывшего возможность восстановления древнейшего праславянского состояния и, что не менее важно, взгляда на языковой материал отдельных славянских языков как на часть общего духовного достояния славянских народов. Славянские языки следует при этом рассматривать как важнейшую часть культуры славянских народов, в которой отражается их видение мира, как сокровищницу опыта и умственного труда предшествующих поколений, которую мы передадим поколениям грядущим. В этом общественная значимость и славянского языкознания. И сжатое рассмотрение истории славянской филологии, а также ее современного состояния вполне естественно построить, уделяя первостепенное внимание проблемам общеславянского

характера и тем ученым, которые основное внимание уделяли этим проблемам или смотрели на частные проблемы отдельных славянских языков сквозь общеславянистическую призму.

Конец XVIII — начало XIX в. является для многих славянских народов периодом национального пробуждения и возрождения. Это связано было с формированием капиталистических отношений, развитием буржуазных наций, с ослаблением многовекового иноземного гнета. Осмысление националь-

ной специфики своих языков объединялось для славян в этот период с раскрытием связей с другими славянскими языками, с пониманием исторических связей славянских народов и их языков. Не следует думать, что это было простым и легким делом. Балканы еще были под властью Османской империи, собственной науки славяне там не имели, даже письменная речь была весьма ограничена, а для внешнего мира эта страна еще долго оставалась загадочной. При этом, если в Россию еще доходили какие-то сведения о православных славянах с Балкан, то в католической Европе, например, о болгарском языке знали мало. Подробных описаний языков и тем более диалектов было еще в ту пору мало, а потому представления о них были еще неясными, тем более что национальные письменные стандартные (литературные) языки еще не были сформированы. О том, насколько мало еще знали ученые в ту пору о славянских языках, может свидетельствовать распространившийся в начале XIX в. среди чехов слух о том, что чеченцы на Кавказе — возможно их «родственники».

Один из родоначальников славянской филологии чех *Йожеф Добровский* (1753—1892) во время своего путешествия в Россию в 1792 г. думал в связи с этим посетить и Кавказ и лишь в Москве узнал, что чеченский язык очень далек от славянских, а потому отказался от поездки. В изданной тогда же (1792) «Истории

чешского языка и литературы» Добровский называл следующие славянские языки и диалекты: 1) русский язык; 2) польский с силезским; 3) иллирийский по говорам — болгарским, ранско-сербским, боснийским, славонским, далматским, рагузским; 4) хорватский с виндским в Штирии, Крайне и Каринтии; 5) чешский (богемский) с моравским, силезским и словацким. Понадобилось еще много исследований и описаний, чтобы картина славянского языкового мира предстала более адекватной действительности. Мало знали в ту пору еще и о древнейшем славянском письменном языке: важнейшие памятники его, такие, как Маринское, Зографское евангелия, Саввина книга, Сборник Клоца, Синайская псалтырь и Синайский требник, еще не были открыты; о хранившейся в Ватикане Ассеманиевой рукописи сведения были недостаточны. И тем не менее Добровский не только обратил внимание на характерные фонетические черты славянских языков, такие, как большее количество согласных по сравнению с греческим, латинским, германским, отсутствие придыхательных, мягкость (йотация в его представлениях) согласных, наличие протетических согласных, метатеза плавных в сочетаниях типа нем. *Barf*, слав. *браба*, но и на грамматические особенности (например, отсутствие артикля, семь падежей, включая звательный, полные и краткие прилагательные, специфические формы сравнительной степени, инфинитивный суффикс *-ti* и др.). Добровский сделал первую попытку научного описания старославянской грамматики, ему же принадлежит ряд удачных сопоставлений славянских слов с другими индоевропейскими.

Корреспондент и младший друг Добровского словенец *Ерней (Варфоломей) Копитар* (1780—1844) продвинул славянскую филологию вперед. Он открыл Сборник Клоца и опубликовал вместе с ним Фрейзингские отрывки, изучал и намеревался издать Ассеманиев кодекс, дал немало полезных советов Вуку Караджичу в его словарной работе и разработке норм сербского литературного языка, переписывался со многими тогдашними крупнейшими филологами, но, к сожалению, из-за своего мятущегося характера не мог работать достаточно сосредоточенно. Рьяный полемист, он был одержим идеей первенства паннонского языка, считал его основой старославянского, много сделал для распространения сведе-

ний о славянах, о славянских языках, о древнеславянской культуре.

Очень значительный вклад в становление славянской филологии сделал третий из ее основателей — Александр Христофорович Востоков (1781—1864). Прибалтийский немец по рождению, он еще в молодости стал русским поэтом и заменил свою немецкую фамилию Остенек русской. Востоков получил возможность работать с

древними славянскими рукописями в собрании графа Румянцева (ныне — Государственная библиотека им. В. И. Ленина в Москве). Изучение рукописей, в частности превосходное издание жемчужины древнерусской письменности Остромирова евангелия и создание описания Румянцевского собрания рукописей, позволили ему глубже, чем его предшественникам, проникнуть в древнеславянскую лингвистическую проблематику. Востокову принадлежит честь открытия гласного характера *ъ* и *ь*, путем сравнения с польским Востоков установил, что старославянские «юсы» обозначали носовые гласные. Востоков составил грамматику, а через много лет и словарь древнеславянского языка. Его «Русская грамматика» была важным шагом в познании живого русского языка.

Между тем продолжалось развитие славистики в Вене, где ее начинал Копитар, и в Праге, где многие годы протекала деятельность Добровского. Следует назвать ряд романтически настроенных славистов первой половины XIX в. — чехов и словаков Я. Коллара, Ф. Паллацкого, Ф. Челаковского; тогда же протекала деятельность не остановившегося перед фальсификацией «древних» письменных памятников В. Ганки. Надо сказать, что подделка Зеленогорской и Краледворской рукописей была довольно искусной, патриотически настроенные чешские деятели приняли их, и крупнейшему чешскому историку языка Я. Гебауэру (1838—1907)

пришлось приложить немало усилий, чтобы убедить общество в том, что рукописи эти — не подлинные произведения древнечешской литературы. Еще в 1886 г. чехи встретили холодно Ягича, зная его скептическое отношение к названным рукописям.

Наиболее значительной фигурой в развитии славистики в Австрийской империи около середины XIX в. был словак Павел Иозеф Шафарик (1795—1861). Человек с нелегкой биографией, вынужденный постоянно думать о средствах для жизни и работы, Шафарик со-
здал и издал в 40-х гг. два своих важных свода «Славянские древности» и «Славянское народописание». Уже эти два фундаментальных труда обеспечили ему прочное место в славистике, но Шафарику принадлежит и еще множество работ по более частным проблемам славянской филологии и истории.

Еще в 20-х гг. бывший в течение некоторого времени русским министром просвещения А. С. Шишков, председательствовавший до того в Российской Академии, занятой переработкой академического словаря, задумал было организовать славяноведческие кафедры в российских университетах. Высказывались предложения и делались шаги для приглашения на эти кафедры ученых из Австрии — Челаковского, Шафарика, Ганки, но вместо этого были направлены для подготовки к соответствующей работе в путешествие по славянским странам молодые русские ученые — О. М. Бодянский, занявший потом кафедру в Московском университете, П. И. Прейс, недолго до своей ранней смерти замещавший славянскую кафедру в Петербурге, и И. И. Срезневский, профессор Харьковского университета, а затем вскоре, после смерти Прейса, его преемник в Петербурге. Этими учеными был сделан определенный вклад в организацию и развитие славяноведения в России.

В России, естественно, развитие славистики происходило в тесной связи с развитием науки о русском языке, фольклоре, литературе. Это обстоятельство ярко отразилось в трудах русских филологов-славистов второй половины XIX в. Ф. И. Буслаева, В. И. Григоровича, А. Ф. Гильфердинга и др. В. И. Григоровичу принадлежит открытие важнейших старославянских памятников, в числе которых Марининское и Зографское евангелия; А. Ф. Гильфердинг опубликовал ин-

тересные материалы по языку полабских славян; А. Л. Дювернуа изучал язык болгарских письменных памятников; ряд важных сравнительных исследований по духовной культуре славян принадлежит А. С. Будиловичу, А. А. Котляревскому и другим ученым.

Смело обращается к славянскому языковому материалу великий отечественный лингвист *Александр Афанасьевич Потевня* (1835—1891). Украинец по рождению, участвовавший практически (как, кстати, и О. М. Бодянский) в развитии украинской литературы, учившийся в гимназии в Радоме и овладевший там польским языком, воспитанник дяди, бывшего преподавателем русского языка и словесности, Потевня считал сравнительный материал славянских языков и литератур совершенно необходимым и обязательным, когда исследовал факты одного из языков, в частности русского.

В 1862 г. Потевня был отправлен за границу для пополнения образования. Вероятно, царская полиция не знала тогда, что Потевня-филолог — старший брат участника тайной организации «Земля и воля» Андрея Потевни. Андрей Потевня был знаком с Чернышевским, бывал в Лондоне у Герцена и Огарева, организовал среди передовых офицеров, в числе которых был отец Н. К. Крупской, тайную революционную организацию, сотрудничая со своим другом по учебе в кадетском корпусе польским революционером Ярославом Домбровским, который погиб в 1871 г. как генерал Парижской коммуны на ее барри-

кадах. Во время Польского восстания 1863 г. Андрей Потевня, сражаясь в рядах повстанцев против царизма, погиб. А. А. Потевня узнал о смерти брата, вероятно, из герценовского «Колокола» за 1 мая 1863 г., в котором Огарев посвятил Андрею Потевне прочувствованное надгробное слово. Он решил вернуться домой. По дороге, во Львове, Потевню задерживает, а затем высылает как «польского шпиона» австрийская полиция. Прибытие Потевни в Россию было встречено злопыхательскими отзовами реакционеров; «Московские ведомости» писали по этому поводу: «Племя Бакуниных и Герценов не перевелось у нас...» Теперь эти слова звучат признанием, а тогда это был политический донос. Потевня срочно, вероятно, по указанию полиции, вынужден был уехать из Петербурга, не успев даже повторно, как было договорено, встретиться с И. И. Срезневским. Но и в Харькове к Потевне стали относиться как к подозрительной личности. Кто знает, не поэтому ли была в 1865 г. отклонена докторская диссертация Потевни по славянской мифологии. Ученый берется за сравнительно-историческое изучение славянского ударения, но эта незаконченная работа увидит свет лишь через сто лет после того, как ученый прекратил над ней работу. Докторскую степень А. А. Потевня получил в 1874 г. за две первые части своей работы под скромным названием «Из записок по русской грамматике»; следующие два тома этого труда были изданы уже после смерти ученого. В провинциальный Харьковский университет ехали учиться к Потевне. Сюда приезжал будущий академик Б. М. Ляпунов, видный финский славист И. Миккола, у Потевни защищали свои диссертации будущий академик и профессор Петербургского университета А. И. Соболевский, будущий профессор Варшавского университета М. А. Колосов. Среди учеников Потевни был видный русский филолог Д. Н. Овсяннико-Куликовский. Потевня привлекал своих слушателей и обилием материала, и его разносторонностью, и богатством мысли. «Не знаю, как для других, — вспоминал один из слушателей Потевни А. Г. Горнфельд, — для меня это лицо полно необычной красоты. Этот громадный, сильный лоб, эта тонкая задумчивая улыбка, эта добрая складка рта и пытливый властный взгляд, это «нездешнее» спокойствие — печать высшего напряжения духа в этом слабом старческом

теле...» Работы Потебни до сих пор привлекают глубиной мысли и проникновенным в разноязычный лингвистический материал. Его синтаксические исследования и сейчас еще представляют немалый научный интерес в славистике.

Немецкая наука и культура проявляла интерес к славянским языкам и народам. Великий немецкий ученый Готфрид Вильгельм Лейбниц (1646—1716), неоднократно встречавшийся с

Петром I, интересовался русским языком, степенью его родства с польским, чешским, а также с языками славян на Адриатике, знал он словенскую грамматику Бохорича и по его заданию собирались материалы по полабскому языку. Другом славянства был выдающийся немецкий ученый-просветитель Иоганн Готфрид Гердер (1744—1803), включивший в свою антологию народной поэзии «Голоса народов в песнях» свои переводы славянских песен. Величайший немецкий поэт Иоганн Вольфганг Гёте (1749—1832) также следил за публикациями славянской народной поэзии, сам напечатал немецкий перевод полабской свадебной песни (1782), выступил со статьей «Сербские песни» (правда, в пору, когда он уже охладил к романтической идеализации фольклора). Среди гостей Гёте были Н. М. Карамзин, Вук Караджич, В. А. Жуковский. Один из основателей компаративистики Якоб Гримм (1785—1863) не только интересовался славянскими языками и словесностью, но и опубликовал со своими поправками немецкий перевод сербской грамматики Вука Караджича, с которым, как и с Копитаром, состоял в переписке и неоднократно встречался. И потому вполне естественно, что, когда в середине XIX в. Германия стала центром развития языкознания, немецкие ученые включили славянские языки в сферу своих исследований.

Одним из первых был профессор сравнительного языковедения в Иенском университете *Август Шлейхер*

(1821—1868). Ученый очень широкого диапазона, занимавшийся восстановлением форм индоевропейского языка и теоретическими проблемами языкознания, Шлейхер уделил славянским языкам специальное внимание. В 1850—1857 гг. великий немецкий языковед работал в Пражском университете, но консервативная обстановка в университете и реакционный политический режим в Австрии, не остановившийся перед обыском на квартире у Шлейхера, заставили разочарованного ученого покинуть Прагу. В 1852 г. им была опубликована старославянская грамматика. Шлейхеру принадлежит заслуга указания на ближайшее родство славянских и балтийских языков. Будучи членом-корреспондентом Российской Академии наук, Шлейхер напечатал в ее трудах исследование об одном из видов славянского склонения, работы о древнем периоде развития северо-восточной (германо-славяно-балтийской) части индоевропейских (индогерманских в тогдашней терминологии) языков. Шлейхер продолжал начатое Шафариком специальное изучение славянских числительных, а после смерти Шлейхера в Петербурге вышла первая грамматика полабского языка, принадлежащая его перу.

В Вене кафедру славянских языков занял выдающийся ученый-славист, определивший целый период в развитии славянского языкознания, словенец по происхождению *Франц Миклошич* (1813—1891). Миклошич создал ряд основополагающих работ по славянской филологии: сравнительный словарь славянских языков, старославянский словарь, второе издание которого до сих пор еще сохраняет научное значение, этимологический словарь славянских языков, также еще служащий славистам, капитальную четырехтомную сравнительную грамматику славянских языков. Ф. Энгельс, практически владевший многими славянскими языками, в 50-х гг. XIX в. предлагал написать сравнительную грамматику славянских языков, но потом, по собственным словам, «отказался

от этого, в особенности после того, как эту задачу с таким блестящим успехом выполнил Миклошич». Миклошичу принадлежит ряд специальных исследований по славянским языкам, в том числе сохраняющие научное значение работы о заимствованиях из славянских языков в неславянские и о заимствованиях из различных языков, в частности тюркских, в славянские. В свое время «Сравнительная грамматика» Миклошича переводилась на русский язык.

И теперь еще книги Миклошича переиздаются и используются. Одна из центральных улиц словенской столицы называется проспектом Миклошича.

Крупным немецким славистом был ученик А. Шлейхера лейпцигский профессор *Август Лескин* (1840—1916). Его сочинение о склонении в балтославянских и германских языках было одной из первых специальных сравнительных работ в области славянской грамматики, выполненных в духе нового тогда младограмматического направления в языкознании, обращавшего большое внимание на факты живых языков и стремившегося найти факторы, обуславливавшие языковые изменения. Лескином была написана (но не завершена) грамматика сербскохорватского языка, но особенно популярными были его грамматика и учебник старославянского языка, переведенные также и на русский язык. Лескин успешно занимался также литовским языком. Благодаря трудам Шлейхера, Лескина, Фортунатова данные литовского языка стали не только достоянием сравнительной грамматики индоевропейских языков, но и важным источником для установления родственных связей славянских языков с другими индоевропейскими.

Огромную роль в развитии славистики в последней четверти XIX — начале XX в. сыграл *Ватрослав (Игнатий Викентьевич) Ягич* (1838—1923). Ягич родился в хорватском городе Вараждине и свою учебно-научную

деятельность начал учителем на родине. Будучи преподавателем гимназии, он проявил интерес к науке и опубликовал в 60-х гг. ряд книг и статей по истории сербскохорватского языка и письменности. В связи с этим Ягич вступил в переписку со многими славистами, в числе которых был русский академик И. И. Срезневский. В 1872 г. Ягич стал профессором сравнительного языкознания в Одессе. Затем в 1874 г. он избран на кафедру славянской филологии Берлинского университета. Здесь Ягич основал первый международный славистический журнал «Архив славянской филологии» (1875—1929; «Archiv für slavische Philologie»). Тома журнала с маленькими фотографиями авторов (тогда фотография была новостью) стали как бы местом встречи для славистов разных стран, мостом между славистикой в германоязычных странах и русской славистикой. В 1880 г. Ягич снова в России: его избрали в Российскую Академию наук и в Петербургский университет. В 1886 г. Ягич занял славистическую кафедру Миклошича в Вене, где и проработал до выхода на пенсию. До глубокой старости, до 1920 г., руководил Ягич и своим «Архивом». Ягич, по характеристике В. В. Виноградова, «стремился в своих филологических трудах охватить все славянство, культурные и языковые явления всех славянских народов. Он писал и о древних чешских глоссах, в латинской рукописи, и о болгарской надписи X в., и о древнеболгарских переводах византийских произведений, и о вопросах русской диалектологии и истории русского языка, о сербскохорватской грамматике и истории сербскохорватской литературы; и о жизни и трудах Юрия Крижанича, и о Пушкине в славянских литературах, и т. д., и т. д.».

По замыслу И. В. Ягича и под его редакцией стала выпускаться Российской Академией наук «Энциклопедия славянской филологии», в организацию издания которой весомый вклад внес также тогдашний академик-секретарь Отделения языка и словесности Академии А. А. Шахматов. К сожалению, «Энциклопедия» осталась незаконченной. Первый том ее составила монументальная (1000 страниц большого формата) «История славянской филологии», написанная И. В. Ягичем. Ему же принадлежит и третий том, посвященный глаголице. Ягич, последовательно борющийся с возникшей из-за недостаточной информированности паннонской теорией происхож-

дения старославянского языка, которую выдвинул Копитар и отстаивал Миклошич, занимался очень много проблемами старославянского языка. Ему принадлежит капитальная работа «К истории возникновения старославянского языка», образцовые издания Марининского и Зографского евангелий, а также многих других памятников старых славянских письменностей. Ягич опубликовал фундаментальный сводный труд «Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке». Но общелингвистические интересы не мешали Ягичу заниматься и собственно лингвистическими вопросами, о чем свидетельствуют и его содержательные работы по истории русского языка, по истории славянских грамматических и звуковых систем. Интересно, что Ягич, анализируя лингвистические явления, использовал даже новейший в ту пору статистический прием.

Ягич был не только крупнейшим ученым-индивидуалом, автором семисот научных трудов, среди которых десятки сочинений, но и организатором науки. Среди учеников Ягича — крупные советские слависты: академики М. Н. Сперанский и Б. М. Ляпунов, профессор А. М. Лукьяненко и др. Ягич вел переписку со множеством ученых того времени, видимо, со всеми, кто занимался проблемами славянской филологии. И закончить эти строки о Ягиче стоит двумя цитатами из его писем. Именно академику Ягичу, в его «Архив», направил весной 1881 г. свой первый научный труд шестнадцатилетний московский гимназист Алексей Шахматов, в будущем великий русский лингвист. И уже через несколько дней Ягич писал: «Спешу уведомить Вас, молодой друг, о том, что я сегодня отправил Вашу статейку в Лейпциг в типографию». Еще спустя немногим более месяца, посылая Шахматову корректуру, почтенный петербургский профессор не позабыл добавить: «Желаю Вам благополучно окончить все экзамены — это пока для Вас самое главное». Это были экзамены Шахматова при переходе в предпоследний класс гимназии. Так устанавливалась связь между поколениями ученых.

За свою короткую жизнь *Ватрослав Облак* (1866—1896), уроженец словенского городка Целье, ученик Ягича, успел многое сделать для изучения южнославянских языков. Из-за слабого здоровья Облака Ягич не решился отправить его на север, в Москву, а направил в

южнославянские земли. Облаку принадлежит ряд диалектологических, грамматических исследований, рассмотрение филологических вопросов в связи с анализом древнеславянских письменных памятников. Чехотка унесла Облака весной 1896 г. «Много прекрасных надежд похоронено с преждевременной кончиною д-ра Облака», — с горечью писал его учитель Ватрослав Ягич.

Ян Игнацы Нецислав Бодуэн де Куртене (1845—1929) родился в Радзымине неподалеку от Варшавы в семье польского землемера, ведущего свой род от участника крестовых походов Болдуина, потомки которого лет четыреста тому назад осели в Польше. Он окончил в Варшаве гимназию, а затем и польский университет («Главную школу»), после чего по стипендии русского министерства народного просвещения отправился в заграничную командировку для продолжения образования. Он учился санскриту в Берлине, побывал в Праге, а в Иене слушал лекции А. Шлейхера и знаменитого естествоиспытателя Э. Геккеля. Бодуэна, еще в гимназии отличавшегося математическими успехами, а в сорок с лишним лет в Дерпте усердно, по собственным словам, занимавшегося высшей математикой и слушавшего на медицинском факультете курс патологии речи, увлекала идея близости языкознания и естественных наук. Одна из первых опубликованных работ Бодуэна — о случаях аналогии в развитии польского склонения — показывала его внимание к живому языковому материалу и к психологическим факторам, обуславливающим изменения в языке. Интерес к существу явлений, к объяснению и общению фактов пронес Бодуэн сквозь всю свою научную жизнь. Но вместе с тем он показал себя не только гениальным теоретиком языкознания, не только блестящим полиглотом, свободно говорившим на десятке языков (что редко сочетается), но и скрупулезным собирателем

фактов. В работе «О древнепольском языке до XIV столетия», написанной как магистерская диссертация по указанию его петербургского руководителя И. И. Срезневского, Бодуэн собрал и тонко проанализировал материал латинских грамот, в которых встречались отдельные польские слова, представил словарь и описал фонетику дописьменного польского языка. А после трехлетней командировки в Словению, где Бодуэн собрал богатейшие, до сих пор еще не до конца разобранные материалы, он написал солидный труд о фонетике резьянских говоров словенского языка, за который в 1874 г. Петербургский университет присвоил ему степень доктора.

Бодуэн не мог работать в родной Варшаве. Университет был русифицирован, и поляку-преподавателю в нем не было места. В Петербурге, где Бодуэна звали на русский лад Иван Александрович, он в 1870 г. стал первым преподавателем сравнительного языкознания. Но и после защиты диссертации ему пришлось бы здесь существовать на мизерное приват-доцентское вознаграждение. Бодуэн вынужден был поехать в Казань, а затем в Дерпт (ныне Тарту), где он занимал кафедры сравнительного языкознания. В 1893 г. Бодуэн переехал в Краков, где его выбрали членом Академии. Но здесь он пробыл недолго: венское министерство народного просвещения не возобновило с Бодуэном контракта, и он вернулся в Россию, где в 1897 г. был избран членом-корреспондентом Академии наук. Полным академиком Бодуэн так и не стал: помешали его выступления в защиту поляков, украинцев, евреев, направленные против царского самодержавия. «Создавая новую школу лингвистики, долго скитался он, — пишет в своих воспоминаниях о Бодуэне Виктор Шкловский, — по университетам Запада и России бездомным, прославленным и экстраординарным. Звание «ординарного» (профессора. — А. С.) считалось по оплате и месту на заседаниях много выше. Ординарное звание Бодуэн получил в 1901 году». Шкловский рассказывает о диспуте, открывшемся его студенческим докладом «О живом слове»: «Бодуэн де Куртенэ встал и еще до прений произнес речь о том, что именно сегодня, в начале 1914 года, нельзя отрывать слово от смысла, как нельзя отрывать литературу от жизни... В своей речи он не только говорил о национальном угнетении, но и предсказывал, что это приведет к заслуженной гибели импе-

рии. Он должен был просидеть год в казематах, которые были похожи на ад в петербургском его воплощении... Заключение свое, так как Петропавловка была переполнена, Бодуэн де Куртенэ отбывал в Крестах — большой тюрьме на Выборгской стороне...»

В 1918 г. семидесятитрехлетнего Бодуэна избрали почетным профессором Варшавского университета. Неспкойным оказался почетный профессор, оставшийся и в Варшаве самим собой, защитником угнетаемых украинцев, белорусов, евреев. Польский ученик Бодуэна академик В. Дорошевский в очерке о Бодуэне, эпиграфом к которому взял строку Бодуэна, написанную по-латыни «О мертвых, как и о живых, ничего, кроме правды», рассказывает: «В своей вступительной лекции он сказал, что Польша возрождается как государство не для того, чтобы увеличить число государств — империалистических гиен. На эти слова часть аудитории реагировала аплодисментами, часть — свистом. В 1922 г. национальные меньшинства демонстративно выдвинули Бодуэна на пост президента Польши». В буржуазной Польше Бодуэна, конечно, не выбрали президентом, но величие человека и ученого от этого не пострадало.

Список печатных работ И. А. Бодуэна де Куртенэ включает более 600 названий; двести из них — публицистические выступления ученого, несколько десятков — книги. Бодуэн участвовал в редакционной (в частности — этимологической) работе, предшествовавшей изданию известного польского «Варшавского словаря», он подготовил существенно переработанное, приведенное в алфавитный порядок и дополненное третье издание знаменитого словаря Даля. Но главное в труде Бодуэна не собирательско-издательская деятельность, а стремление проникнуть в существо языковых явлений, дать не просто их описание, но раскрыть механизмы их функционирования, а следовательно, и изменения. С этим связано его понимание фонемы как лингвистической единицы, обращение к психологии, естественным наукам, поиски количественных закономерностей в языке, осуществлявшиеся, как правило, на славянском языковом материале.

Бодуэн одним из первых в славистике обращает внимание на важность живых проявлений языка. Об этом свидетельствует не только его капитальная работа о резьянских говорах, не только то, что он направил сво-

его ближайшего ученика будущего советского академика Л. В. Щербу для изучения неизвестного науке восточносерболужицкого говора, но и интерес его к белорусским народным песням. Бодуэн был также пионером прикладного языкознания, он — один из первых лингвистов, занявшихся научно-технической терминологией. Для развития славистики в наше время очень важно также и то, что Бо-

дуэн один из первых отметил прикладное и теоретическое значение типологического языкознания, и в частности сопоставительного изучения славянских языков. Идеи Бодуэна оказали огромное воздействие не только на его непосредственных учеников, таких, как Л. В. Щерба, Н. В. Крушевский, В. А. Богородицкий, Л. П. Якубинский, Е. Д. Поливанов, В. Дорошевский и другие, не только на русскую и польскую славистику, но вместе с идеями Фердинанда де Соссюра, с которым Бодуэн встречался в Париже в 1881—1882 гг., на все мировое языкознание XX в.

✓ Филипп Федорович Fortunatov (1848—1914), крупнейший русский специалист в области общего и индоевропейского языкознания, вошел в историю науки как основатель московской лингвистической школы, к которой принадлежали или традиции которой продолжали многие совершенно различные ученые, объединяемые в значительной мере авторитетом основателя школы. Это — В. К. Поржезинский и Г. К. Ульянов, Н. Н. Дурново и Д. Н. Ушаков, М. Н. Петерсон и А. М. Пешковский, А. И. Томсон и сам великий Шахматов, члены будущего московского лингвистического кружка, а также создатели московской фонологической школы — Р. О. Якобсон, Р. И. Аванесов, А. А. Реформатский, В. Н. Сидоров и др.

Биография Fortunatova не богата событиями. Он родился в Вологде в семье учителя гимназии, которого вскоре перевели директором гимназии в Петрозаводск,

где и начал учиться будущий великий лингвист. Потом — Московский университет, где Fortunatov сначала (1864—1868) был студентом, затем готовился к магистерским экзаменам, сдал их и по умной традиции русских университетов был отправлен для продолжения образования за границу — в Германию, Францию, Англию. После возвращения из-за границы Fortunatov вместе с будущим известным иранистом В. Ф. Миллером едет в Литву, записывает литовские народные песни, изучает старопечатные книги, придавая особое значение особенностям живой диалектной речи. И магистерская диссертация Fortunatova (1875), посвященная языку санскритского письменного памятника, получает знаменательное приложение — «Несколько страниц из сравнительной грамматики индоевропейских языков» (кстати, «несколько» в этом заглавии означало 67!). С 1876 г. Fortunatov в качестве доцента, а с 1894 г. — профессора читает лекции по сравнительному языковедению вплоть до 1902 г., когда, избранный в Академию наук, ученый переезжает в Петербург. Здесь Fortunatov участвует в работе Отделения русского языка и словесности Академии и редактирует академические издания до скоростной смерти в д. Косолме близ Петрозаводска, где он по обыкновению проводил лето.

Хотя Fortunatov, исключительно требовательный к себе, к четкости и отточенности своих выводов, очень мало писал (если не считать нескольких записанных студентами литографированных курсов, им было напечатано при жизни 34 работы, большей частью — статьи), его хорошо знали лингвисты во всей Европе, к нему ездили учиться даже из центра тогдашней лингвистической жизни — Германии. Fortunatov предложил несколько очень убедительных решений, связанных с использованием в славянском языкознании данных индоевропейской компаративистики (сравнительно-исторического языковедения) и общелингвистических идей. Так, например, одновременно с де Соссюром Fortunatov разъяснил переход ударения в балтийских и славянских языках с краткого или долгого слога с нисходящей интонацией на долгий слог с восходящей интонацией; ср.: *бѣрегъ* — *на берегу*, *нос* — *на носу*. От Fortunatova идет и пристальное внимание к вопросу о плане выражения грамматических категорий: к формальным признакам классов слов,

которые противопоставлялись традиционным частям речи; это внимание привело к новой, более совершенной трактовке центрального понятия славянской грамматической системы у наших современников, стремящихся учесть здесь как содержание, так и его формальное отражение.

В горьких строках некролога А. А. Шахматов, по представлению которого Фортунатов был избран в Академию, писал: «В трудах Фортунатова нас поражает глубокий, проникновенный анализ: изучаемым им явлениям давалось столь яркое освещение, что оно своею силой озаряло и все смежные области, вызывая стройные научные представления о целых группах соседних явлений». А началась дружба Фортунатова и Шахматова в 1879 г., когда гимназист Шахматов пришел к Фортунатову, тогда уже крупному ученому. Пятиклассник Шахматов в ту пору изучал по совету В. Ф. Миллера компендиум сравнительного языкознания А. Шлейхера и разбирался в рукописном Житии Феодосия в Синодальной библиотеке. И Фортунатов, как писал потом в своей автобиографии Шахматов, отнесся к нему с отеческою заботой и принял его всецело под свое руководство. По программе, составленной Фортунатовым, Шахматов изучает греческую фонетику, старославянский, санскрит; он посещает лингвистический семинар Фортунатова в университете. Пройдут годы, Шахматов станет студентом Фортунатова, а потом опередит его по избранию в Академию. Но основанные на взаимном уважении и общности научных интересов дружеские отношения сохраняются. И не одному Шахматову указал Фортунатов путь в науку. «В скромной квартире Филиппа Федоровича,— вспоминал другой ученик Фортунатова, В. К. Поржезинский,— скоро образовалась своего рода академия по языкознанию». На знаменитых фортунатовских четвергах встречались языковеды-москвичи и те, кто приезжал к Фортунатову поучиться из других мест России и из-за границы, обсуждались волновавшие живую лингвистическую мысль проблемы. Значение Фортунатова для славянской лингвистики не только в его личных открытиях и обобщениях, но и в том, что ученому удалось создать вокруг себя обстановку, содействовавшую росту и развитию науки и людей науки в России — самой большой славянской стране. Школа Фортунатова

способствовала тому, что славистика в XX в. стала одной из ведущих отраслей мировой лингвистики.

XIX век ознаменовался не только крупным шагом вперед в области общей языковедческой славистики, но и очень значительными достижениями в изучении отдельных славянских языков. С одной стороны, к концу XIX в. произошло уже становление почти всех славянских литературных языков, а следовательно, стало возможным осуществить их научное описание. Это и было сделано с большим или меньшим успехом как в форме словарей, так и в форме фундаментальных грамматик. Если в начале XIX в. фундаментальные словари имелись практически лишь для русского и польского языков, то в течение XIX в. появляются чешский словарь Юнгманна, серболужицкий Пфуля, белорусский Носовича, украинский Желеховского, словенский Плетершника, сербско-хорватский сначала Вука, а потом Ивековича и Броза, болгарский Герова, новые, более совершенные русские и польские словари (в том числе русский словарь Даля и польский виленский словарь). В многочисленных грамматиках и правописаниях славянских языков осуществляется нормализация, даются учебные материалы, а также производятся опыты научного описания звуковой и грамматической системы отдельных славянских языков.

В середине XIX в. появляются первые исторические грамматики отдельных славянских языков, призванные представить картину исторической эволюции звуковой и грамматической системы того или иного языка; одной из первых таких грамматик была историческая грамматика русского языка Ф. И. Буслаева. В 1894 г. начала выходить многотомная историческая грамматика чешского языка Яна Гебауэра, основанная на огромном материале письменных памятников. В последней трети XIX в. пробуждается интерес к описанию диалектов славянских языков, диктуемый пониманием значения народной речи для раскрытия динамики системы всего языка в целом. От довольно романтических, далеких от четкости представлений о старославянском языке, характерных для основателей славянской филологии в начале XIX в., к концу века благодаря открытию основных письменных памятников этого языка и их публикации наука пришла к созданию фундаментальных описаний грамматики (А. Лескин) и достоверных словарей (Ф. Микло-

шич, А. Х. Востоков) древнейшего славянского письменного языка.

На начальном этапе развития славистика не имела еще специальных организационных форм. Домашним учителем у графов Ностицев начинал свой трудовой путь Иосеф Добровский, а в доме барона Цойса началась деятельность другого основателя славянской филологии — Варфоломея Копитара.

Немалую роль в развитии филологической науки в XIX в. в славянских странах играли гимназии, да и вообще средние школы. Выпускались учебные программы гимназических курсов, а составлявшиеся тогда учебные пособия были нередко результатом исследовательского труда их авторов не столько в области дидактики, сколько в области филологии. Именно такой характер имели первые публикации И. В. Ягича. В средних школах работали крупные филологи и позже, особенно в начале своей трудовой деятельности: Н. В. Крушевский, Ф. Ф. Фортунатов, А. М. Пешковский и составитель одного из первых русских этимологических словарей А. Г. Преображенский. Университетская славистика появлялась медленно и постепенно, для небольших же славянских народов гимназии были в течение долгого времени своего рода академиями. Для многих славистов в рамках Австрийской империи получить место гимназического преподавателя («профессора») было мечтой.

Важное место в развитии филологической науки занимали библиотеки и музеи. Копитару удалось стать библиотекарем в Венской придворной библиотеке. И для незаконнорожденного сына остзейского барона Остен-Сакена — Александра Востокова работа в библиотеке была делом жизни. Занятие помешало поэту, а потом студенту Академии художеств, где Востоков изучал архитектуру, пойти по педагогической линии. И он работал библиотекарем в Академии художеств, потом переводчиком, а потом снова в Публичной библиотеке, а также в Румянцевском музее. В библиотеках и музеях слависты имели возможность непосредственно работать с древними рукописями, способствовать собиранию ценных книг, описывать их, открывая для других эти ценные памятники духовной культуры. Музеи и библиотеки выпускали свои труды, а знаменитый «Часопис чешского музея» в течение многих десятков лет оставался главным

чешским историко-филологическим журналом, хорошо известным не только чехам.

В середине XIX в. славянская филология становится и предметом университетского изучения. Создаются первые кафедры славянской филологии как в России (в Петербурге и Москве, а потом и в других университетах, в частности в Харькове), так и за рубежом: в Вене, Кракове, Берлине, Праге. Университеты в течение долгого времени были и продолжают оставаться важнейшими центрами развития славянской филологической науки. Университетские кафедры не только соединяют преподавательскую деятельность с научной, но и являются распространителями через своих выпускников достижений науки в широких слоях общества. Именно в университетах складываются благоприятные условия для подготовки научной смены, для обеспечения непрерывности в развитии науки. Это в полной мере касается и славянской филологии. Значение университетов в развитии науки измеряется не только числом научных трудов преподавателей, не только числом научных светил, подымавшихся на кафедры для чтения лекций, даже не только числом научных звезд первой величины среди выпускников университета, но прежде всего созданием в широких слоях общества атмосферы уважения и понимания роли науки, а это достигается трудом сотен и тысяч людей, вышедших из университетов и пропагандирующих науку. И потому включение славянской филологии в цикл университетских дисциплин, профессорская деятельность многих выдающихся филологов-славистов явились важными факторами в развитии науки.

С XVIII в. в славянских странах начинают возникать также различные ученые общества, а потом и академии, в числе занятий которых оказывается и забота о родном языке, родной и родственной словесности, о родных и вообще славянских древностях. Так, в 1783 г. в Петербурге была создана Российская Академия, в состав которой входили Д. И. Фонвизин, Г. Р. Державин, а позже В. А. Жуковский, А. С. Пушкин. Российская Академия подготовила и издала в 1789—1794 гг. первый крупный толковый словарь русского языка. В 1804 г. при Московском университете было создано Общество истории и древностей российских, а в 1811 г. — Общество любителей российской словесности, издавшее среди прочего

словарь В. И. Даля. Научные общества и академии печатали труды по своему профилю, отчеты о своих заседаниях, присуждали награды за успешную разработку тех или иных научных проблем.

Первым славянским филологическим журналом стали «Филологические записки», которые в 1860 г. в провинциальном, не имевшем высших учебных заведений Воронеже начал издавать учитель кадетского корпуса (среднего военного учебного заведения) А. А. Хованский. Спустя несколько десятилетий один академик будет строго говорить о недостаточном высоком уровне некоторых материалов этого первого научно-популярного журнала по славянской филологии. Но мы теперь не можем забыть и того, что именно здесь А. А. Потебня опубликовал и свою работу о полногласии, и статьи по вопросам русской и украинской (малорусской) диалектологии, и первую часть книги непреходящего значения — «Из записок по русской грамматике»; здесь напечатан был русский перевод знаменитой лекции А. Шлейхера «О значении языка для естественной истории человека» и других его работ; здесь опубликовал свои «Глоттологические заметки» и некоторые другие статьи И. А. Бодуэн де Куртенэ; здесь были напечатаны переводы работ крупнейших зарубежных филологов: М. Мюллера, Г. Курциуса, И. Тэна, У. Уитни; здесь печатались Ф. И. Буслав, А. Н. Веселовский, А. Н. Афанасьев, Н. А. Лавровский, И. И. Срезневский, Я. К. Грот; здесь были напечатаны отрывки из «чтений» (лекций) Ф. Челаковского о славянских языках, статья Л. Каравелова о Вуке Караджиче, этнографический очерк кашубов П. А. Лавровского... Трудно было издавать первый филологический журнал, у его издателя не было состояния и все дело вел он сам и его дочери, а подписчиков в первые годы было всего лишь две сотни, а потом сотен пять (теперь «Русский язык в школе» печатается у нас тиражом более 250 000 экземпляров; сравните эти цифры 500 и 250 000!). Но журнал жил, его выписывали учителя, он попадал в библиотеки, он отвечал возникшим в обществе потребностям. И вслед за «Филологическими записками» (они просуществовали до революции, хотя последние десятилетия журнал стал скорее методическим и уже мало привлекал к авторству крупных филологов) в 1879 г. начинает издаваться в Варшаве «Русский филологиче-

ский вестник», редакторами которого были М. А. Колов, А. И. Смирнов, Е. Ф. Карский; в этом журнале, также просуществовавшем до 1917 г., печатались А. А. Потебня, В. А. Богородицкий, А. А. Шахматов и др. Но между тем возник уже в 1876 г. и первый славистический журнал международного характера — созданный И. В. Ягичем «Archiv für slavische Philologie», объединивший в рядах своих авторов и сотрудников чуть ли не всех ведущих славистов периода его существования (1876—1929); после смерти Ягича пять томов журнала редактировал крупный немецкий славист, составитель этимологического словаря славянских языков (прекращенного на букве М) Эрих Бернекер (1874—1937). Филологические периодические издания появляются и в других славянских странах. Одним из первых был в Праге журнал «Listy filologické», издающийся с 1874 г. до сих пор. В начале XX в. начинают выходить журналы, посвященные отдельным славянским языкам, такие, как выходящие до сих пор польские журналы «Pogadnik jezykowy» (с 1901 г.) и «Język Polski» (с 1913 г.). В 1914 г. был основан выходящий до сих пор журнал «Русский язык в школе».

Еще в конце XIX в. началась научная и преподавательская деятельность многих видных русских филологов, успешно работавших в области славяноведения. Блестящий полиглот, востоковед и специалист по классическим (греческому и латинскому) языкам, Федор Евгеньевич Корш (1843—1915) занимался и рядом вопросов славянской филологии. Феноменальные знания языков позволяли Коршу осуществлять переводы с самых различных языков, например с древнееврейского на украинский. Талантливый поэт, Корш делал стихотворные переводы с древнегреческого и латинского, итальянского и новогреческого, румынского и венгерского, датского и персидского, сербского и польского на русский, словенского поэта Прешерна он переводил на украинский, Пушкина и Фета, Гете и Шиллера, древнегреческих, армянских и персидских поэтов — на латинский язык, с русского (Пушкин), словенского (Прешерн), немецкого (Гете, Шиллер), арабского, персидского Корш переводил на греческий. Знаток и любитель поэтического слова, Корш писал по вопросам славянского стихосложения, делал яркие доклады о творчестве Пушкина, Шевченко,

Гоголя, Словацкого. Автор грамматики русского языка, написанной по-сербски и вошедшей в историю как одно из самых точных описаний звуковой системы русского языка начала нашего века, Р. Кошутич писал, что Корш, родившийся в Москве «спустя шесть лет после смерти Пушкина и два года после смерти Лермонтова... рос в этом великом городе, в кругу прекрасной московской молодежи, был истинным Москвичом, типичным представителем своего поколения и его произношения. Несмотря на это, он был лучшим руководителем при изучении этого говора, потому что умел, как гениальный лингвист и человек тончайшего слуха, точно анализировать и характеризовать свое произношение». Русскому произношению Корш посвятил специальные работы, в которых проявляется эстетически-влюбленное отношение автора к звучащей речи. Корш возглавил работу Московской диалектологической комиссии, публиковал славянские этимологии, исследуя, в частности, восточные элементы в русском языке, анализировал «Слово о полку Игореве», был активным сторонником реформы русского правописания, смело выступал в защиту украинского языка и культуры, изучал славянские древности.

Роман Федорович Брандт (1853—1920) занимался многими вопросами славянской сравнительной грамматики, опубликовал «Краткую сравнительную грамматику славянских языков» (1915), был пионером изучения ударения в славянских языках, осуществленного в его монографии «Начертание славянской акцентологии» (1880). *Петр Алексеевич Лавров* (1856—1929) был крупнейшим специалистом в области древней письменности южных славян, особенно по кирилло-мефодиевской проблематике; им был, в частности, подготовлен свод материалов по возникновению древнейшей славянской письменности, вышедший уже после его смерти (1930). *Вячеслав Николаевич Щепкин* (1863—1920) работал в близкой области. Он, в частности, подготовил издание и написал исследование о языке одного из старославянских евангелий — «Саввиной книги». Знаток старой славянской письменности, он подготовил «Учебник русской палеографии», переиздание которого (под названием «Русская палеография») спустя полвека после написания, в 1967 г., говорит о большой значимости этого труда. *Алексей Иванович Соболевский* (1856—1929) — автор

многих частных исследований по вопросам истории русского языка, в которых широко привлекался не только восточнославянский материал (в связи с пониманием его как единого русского), но и данные других славянских языков. Соболевскому принадлежат содержательные лекции по старославянскому языку, а его лекции по истории русского языка до сих пор являются очень важным источником сведений по исторической грамматике.

Видное место в отечественной славянской филологии занимает основоположник белорусской филологии *Евфимий Федорович Карский* (1860—1931). Он родился в семье учителя маленькой сельской школы в деревне Лаха на Гродненщине. Отец не имел средств на обучение сына в гимназии и отдал его в бурсу. А после окончания духовной семинарии будущий академик учился в Нежинском историко-филологическом институте, потом был учителем в одной из виленских гимназий, сдал магистерские экзамены и с 1893 г. стал преподавать в Варшавском университете. После защиты докторской диссертации в Москве варшавский профессор получил длительную командировку к южным славянам. Вскоре после этой поездки вышел «Очерк славянской кирилловской палеографии». Еще будучи учителем гимназии, Карский напечатал школьный учебник церковнославянского языка, переиздававшийся затем 17 раз. В дальнейшем Карский обращался к анализу языка и изданию старославянских текстов (листки Ундольского, надпись царя Самуила), а в конце жизни снова вернулся к проблемам славянской кирилловской палеографии, капитальный обзор которой опубликовал в 1928 г. В течение всей своей жизни, будучи редактором «Русского филологического вестника», а с 1916 г. академиком и редактором академических изданий, Карский тщательно следил за публика-

циями в области славистики и выступал в печати с обзорами и рецензиями, которые знакомили читателей с важнейшими результатами в области славянской филологии, особенно языкознания. Преподавательская деятельность Карского, протекавшая после 1916 г. в Петрограде — Ленинграде, его работа в различного рода академических комиссиях и учреждениях, участие в первом съезде славянских этнографов и географов в Праге в 1924 г. — все это оставило глубокий след в развитии русской и советской славистики.

Но, занимаясь старославянским языком, издавая древнерусские памятники, в частности «Русскую правду», анализируя разную славистическую литературу, Е. Ф. Карский помнил и любил свою родную Беларусь. Главным трудом Карского является его многотомный труд «Белорусы», включающий характеристику литературы, этнографии, языка белорусского народа. Особенно важны и значительны недавно переизданные части труда Карского, посвященные языку. Эпиграфом к своему труду взял Карский отрывок из предисловия белорусского первопечатника Ф. Скорины к одной из библейских книг: «Понеже от прирожения звери, ходящие в пустыни, знают ямы своя; птицы, летающие по въздуху, ведают гнезда своя; рыбы, плавающие по морю и в реках, чувють виры своя; пчелы и тым подобныя боронять ульев своих, — тако ж и люди, игде зродилися и ускормлены суть по бозе, к тому месту великую ласку имають». Великому белорусскому ученому не пришлось работать в Белоруссии. Лишь в каникулярное время организовывал он сюда экспедиции, собирал диалектные и фольклорные материалы, поддерживал связи с другими белорусоведами, а когда в Минске решено было по Ленинскому декрету создать университет, возглавил комиссию при Минском губернском комиссариате народного просвещения по организации университета. Но Карским было создано комплексное историко-диалектологическое описание белорусского языка, подготовлены издания и описания памятников западнорусской (белорусской) письменности, которые определили его прочное место в истории белорусской науки как основоположника научного изучения белорусского языка и словесности. И это также является чрезвычайно весомым вкладом в развитие славяноведческой науки.

Центральной фигурой в развитии русской, а пожалуй и мировой славянской филологии стал в конце XIX — начале XX в. гениальный русский языковед *Алексей Александрович Шахматов* (1864—1920). Первое публичное научное выступление А. А. Шахматова состоялось

на магистерском диспуте А. И. Соболевского, когда после официальных оппонентов, по словам соученика Шахматова А. Сиротинина, «вдруг к удивлению всех поднялся маленький гимназист в синеньком мундирчике с серебряной каймой и стал возражать, да так дельно, так основательно, что Соболевскому пришлось отражать удары, как будто их наносила рука опытного бойца». Выступлению на диспуте предшествовала немалая работа.

Оставшись семи лет без родителей, Леля Шахматов воспитывался у дяди под Саратовом. Еще в десять лет задумал он написать историю России, а, будучи с лечившимся дядей за границей, двенадцатилетним мальчиком делал в Мюнхенской библиотеке выписки из античных авторов Страбона и Помпония Мелы о древнейших обитателях России. В IV Московской гимназии русский язык и словесность преподавал А. Г. Преображенский, составивший позже известный этимологический словарь русского языка. Обстановка в гимназии пришлась по душе талантливому гимназисту. А в свободное от уроков время он посещал семинары Ф. Ф. Фортунатова, отечески принявшего его в круг своих учеников, работал над рукописями в древлехранилищах, занимался самообразованием по плану, составленному Фортунатовым и Коршем. Еще гимназистом Шахматов публикует свою первую статью в «Архиве славянской филологии» Ягича. Спустя несколько лет он оканчивает Московский университет и в 1890 г. начинает после магистерских экзаменов читать в нем курс истории русского языка в качестве приват-доцента. Но неожиданно Шахматов принимает должность

земского начальника и отправляется в Саратовскую губернию, где прошло его детство. Решение это было принято в конце того же 1890 г., когда А. П. Чехов совершил свое знаменитое путешествие на Сахалин. Объясняя Фортунатову мотивы своего решения, Шахматов писал: «Здесь в постоянном столкновении с живой народной струей я запасусь той энергией, которая будет мне необходима, чтобы поднять тяжелое бремя профессуры, запасусь тем живым интересом к родному народу, который научит меня глубже и разностороннее вникнуть в его язык». В том же письме Шахматов обещал Фортунатову продолжить свою работу над магистерской диссертацией, которая, правда, несколько затянулась. Зимой 1894 г. Шахматов представил диссертацию на факультет, и в марте состоялась защита. По представлению оппонентов Р. Ф. Брандта и Ф. Ф. Фортунатова Шахматову была присуждена сразу же вместе со степенью магистра степень доктора русского языка и словесности. В том же году Шахматова избирают адъюнктом (стажером), потом экстраординарным, а в 1899 г. ординарным академиком. Тридцатипятилетний академик активно взялся за работу. Ему удалось восстановить и сделать интересным научным изданием «Известия Отделения русского языка и словесности» Академии наук, наладить работу по составлению академического словаря, расширить круг читателей и возможности использования ими литературы в академической библиотеке, где он был директором. Будучи председателем Отделения русского языка и словесности Академии, Шахматов очень многое сделал для издания «Энциклопедии славянской филологии». В 1908 г., уже крупным ученым, Шахматов вновь пришел в университетскую аудиторию, на этот раз Петербургского университета.

А. А. Шахматов был окружен большим количеством учеников, по воскресеньям его кабинет заполнялся множеством людей, здесь можно было встретить и академика, и сельского учителя, и студента, и приехавшего в Россию иностранного филолога; все они находили и доброе слово, и деловой совет, и внимание к своим научным вопросам.

Наука была, как говорил в речи памяти Шахматова его ученик, тогда еще молодой профессор-историк декан факультета общественных наук Петроградского универ-

ситета М. Д. Приселков, «его радостью, отдыхом, счастьем». Среди прямых учеников А. А. Шахматова — академики В. В. Виноградов и С. П. Обнорский, Е. С. Истрина, П. Н. Сакулин, П. А. Расторгуев, Д. Н. Ушаков... Вероятно, невозможно назвать русского ученого, занимавшегося проблематикой, близкой А. А. Шахматову, который бы не испытал его очень значительного влияния. А круг вопросов, которыми занимался Шахматов, чрезвычайно широк. Это прежде всего глубочайший филологический анализ разнообразных источников по истории русского языка — письменных памятников, с десятками которых Шахматов был знаком с детства и притом не в изданиях, а в подлинниках. Особенно много внимания уделил Шахматов летописанию, показав отнюдь не уравновешенную объективность летописцев, но их политическую страстность и активность, пытаясь реконструировать различные части летописей. И не только летописи, но и грамоты, в частности новгородские, и жития, и различные сборники были в поле зрения Шахматова. Ученый не ограничивался фактами письменной речи. Он широко и решительно привлекал данные говорю. Для этого он не только обращался к материалам других диалектологов, но и самостоятельно изучал народные говоры, организовывал сбор диалектологических материалов. Вот строки из автобиографии Шахматова: «В 1908 г. ездил в Борисовский уезд Минской губернии для изучения белорусского языка. В 1911 и 1912 году ездил в Егорьевский и Спасский уезды Рязанской губернии для исследования живой местной речи»...

Однако сила Шахматова как исследователя не только и не столько в его тончайшем и проникновенном анализе фактов. Его сила в постоянном стремлении к синтезу. Шахматова не устраивала остановка на горе фактов, как это бывало у многих его предшественников: он стремился объяснить факты, стремился к построению единой конструкции, объясняющей факты в их движении и развитии. Поэтому почетное место в шахматовском наследии занимают интереснейшие работы о древнейших судьбах русского языка. И здесь Шахматов предстает, по словам одного из его учеников — М. Г. Долобоко, как славист, занятый историей русского языка. Широкие славистические знания Шахматова получили выражение в специальных его работах о сербском ударе и сло-

венском аканье, в работах по истории украинского языка, на защиту которого он неоднократно вставал, в статьях о лужицком и белорусском языках, в разборе капитальной чешской исторической грамматики Гебауэра, осветившем по-новому многое из собранного чешским ученым материала. Широкие славистические познания позволяли Шахматову построить с размахом и достоверностью синтетическую картину развития славянских языков от праславянского до современности. Эту картину многовековой истории народа и языка Шахматов не боялся исправлять и дополнять, а его авторитет великого ученого и замечательного человека от этого не страдал.

А. А. Шахматов — не только историк языка. Вузский курс современного русского языка, который теперь является стержневым в подготовке филологов, приобрел эти черты именно в лекциях Шахматова. Шахматов активно работал в комиссии по реформе русского правописания; именно ему и Фортунатову принадлежит ведущая роль в составлении и защите академического проекта реформы русской орфографии, которую смогла утвердить своим декретом только Советская власть. Интересно, что необходимость и целесообразность реформы русской орфографии Шахматов обосновывает не только насущными нуждами школы, но и широким обращением к истории русской письменности, к истории славянской письменности вообще. В речи на орфографическом совещании в мае 1917 г. Шахматов говорил: «Переходя к предстоящему нам преобразованию русского правописания, мы, как я думаю, последуем тому самому началу, которое заставило солунских братьев отказаться от мысли навязать болгарам, чехам, мораванам чуждый им греческий язык... Мы откажемся от исконно чуждых русскому языку или ставших ему с течением времени чуждыми написаний и заменим написаниями, соответствующими русским звукам». Великий русский языковед и здесь, как и в других филологических вопросах, мыслил широкими историческими категориями. Роль Шахматова в развитии русской, а с ней и мировой славистики в начале XX в. огромна. Пожалуй, именно Шахматов завершил тот процесс, который обусловил становление нашей страны центром славянской филологии.

Развитие русской славистики тесно связано с изучением богатейшего рукописного наследия, сосредоточен-

ного в отечественных книгохранилищах. Комплексный филологический анализ этого наследия с уклоном в литературоведение успешно осуществлялся и ведется блестящей школой историков древней русской литературы, уделявших немалое внимание славянским связям древнерусских книжников, а также вопросам истории других древних славянских литератур. Одним из крупнейших специалистов в области древних русско-славянских литературных связей был академик *Михаил Нестерович Сперанский* (1863—1938). Превосходный знаток древних славянских рукописей, изучивший рукописные фонды русских собраний, в частности Исторического музея в Москве, Сперанский много работал над южнославянской письменностью, неоднократно бывал в южнославянских странах, изучая палеографию, язык, литературную историю древней славянской письменности. Очень многое для издания и изучения древних славянских памятников письменности сделал академик *Василий Михайлович Истрин* (1865—1937). В историю нашей филологической науки вошел знаменитый семинарий древней славянской литературы сначала киевского профессора, а затем петроградского и ленинградского академика *Владимира Николаевича Перетца* (1870—1935). Это была замечательная школа коллективизма в науке: участники семинария докладывали результаты своих разысканий, обсуждали их, вместе ездили в древлехранилища, знакомились с рукописями, подолгу спорили в скромной квартире Перетца на четвертом этаже. Один из участников семинария в стихотворной «Семинариаде» писал шутливо:

Высокий Перетц воевода
В своем высоком терему
Собрал там множество народа,
Дай, боже, здравия ему.

Из семинария Перетца вышел ряд крупных ученых-литературоведов; видное место занимала среди них курсистка Киевских высших женских курсов, докладом которой открылся семинарий в 1907 г. Варвара Павловна Адрианова-Перетц (1888—1972), ставшая женой руководителя семинария, а после его смерти в течение многих лет бывшая одним из руководителей изучения древней русской литературы в нашей стране. К тому же поколению, что Перетц, принадлежал и другой видный специ-

алист в области древней литературы Александр Сергеевич Орлов (1871—1947), интересы которого, однако, были ближе к вопросам истории собственно русской литературы.

В развитии украинской славистики дореволюционного периода очень важную роль сыграл великий украинский писатель, ученый и общественный деятель *Иван Яковлевич Франко* (1856—1916). Еще в 1893 г. он защитил подготовленную под руководством Ягича докторскую диссертацию о литературной истории романа о Варлааме и Иосаафе, известного в старинных славянских переводах. Это исследование выполнено было на основе анализа рукописи Палея XVI в. Франко публикует специальное исследование о болгарском варианте притчи о единороге (1896). В карпаторусской письменности XVII—XVIII вв. Франко обнаруживает интересные варианты сказания об Индийском царстве (1901), переделки Александрии (1900). Он публикует текст апокрифической повести о Сивилле (1895), а также другие староукраинские апокрифические тексты: о Соломоне, о Китоврасе, об Иуде (1896—1899). Франко сравнивает тексты в различных редакциях и публикует такие сравнения, например, применительно к «Слову о правде и неправде» (1906); он обращается и к устной передаче старинных текстов. В своей «Истории украинской литературы» Франко раскрывает древние связи украинской и древнерусской литературы с другими славянскими. Он готовил издание сочинений одного из прямых учеников Константина и Мефодия — Климента Охридского по известным ему львовским рукописям. Много и плодотворно работал Франко над собиранием и анализом фольклорных текстов, разумеется, прежде всего родных. Но он интересовался и фольклором других славянских народов: «В свободные минуты, — писал он М. П. Драгоманову, — я упиваюсь сербскими песнями Вука и перевожу из них то, что мне особенно нравится».

В статьях по языковедческим вопросам Франко выступал за единство украинского национального литературного языка, за ориентацию его на народную основу. Он подчеркивал, что язык надо изучать как живое растение, а не засушивать его мертвыми правилами и формулками. Он отмечал, что «писатель, у которого нет своего индивидуально-окрашенного языка, — слабый писа-

тель, он пишет бесцветно, вяло и не может рассчитывать на устойчивую и длительную популярность». В 1907 г. А. А. Шахматов и Ф. Е. Корш выдвинули кандидатуру И. Я. Франко в академики Петербургской Академии наук, но царское правительство запретило избирать в Академию поэта-революционера. Лишь после смерти Франко Академия почтила его присуждением премии за трехтомное исследование украинских народных песен. Работы Франко в области славянской филологии, особенно старинной литературы и фольклора, сохраняют научное значение до нашего времени.

Крупный украинский славист *Илларион Семенович Свенцицкий* (1876—1956) окончил в 1899 г. Львовский университет. Несмотря на бесспорные научные заслуги Свенцицкого, его долго не допускали к работе в родном университете. Лишь в 1934 г. ему разрешили читать лекции по-польски, а профессором Свенцицкий стал только в 1939 г., после воссоединения Западной Украины с УССР. Свенцицкий очень много и успешно работал над рукописями, а также славянскими старопечатными книгами, хранившимися во Львове. Ему принадлежат исследования по самым различным вопросам славянской филологии, этнографии, фольклористики и искусствоведения. Книги по истории болгарской литературы и по истории новогодних и рождественских колядок и щедрок, монографии о начале украинского книгопечатания и о развитии белорусской литературы, работы о Максиме Греке и его роли в истории русской культуры и о названии «Русь», диалектный бойковский словарь и очерки о языке древнерусских деловых памятников — таков далеко не полный перечень работ ученого, бегло характеризующий его широкую эрудицию и разносторонние славистические интересы. Многие современные советские слависты в той или иной форме прошли школу у И. С. Свенцицкого.

В начале XX в. развернулась деятельность *Виктора Карловича Поржезинского* (1870—1929), ученика Ф. Ф. Фортунатова, профессора Московского, а после восстановления Польши — Варшавского университета. Поржезинский — специалист в области индоевропеистики, он специально занимался балтийскими языками, но исследовал также западнославянские языки и выпустил «Сравнительную грамматику славянских языков» (1914), читавшуюся им в Московском университете.

Степан Михайлович Кульбакин (1873—1941) занимался различными славянскими языками, опубликовал краткие грамматические очерки сербскохорватского, украинского языков, изучал историю и диалектологию польского языка. Кульбакин — автор известной грамматики старославянского языка, вошедшей в состав «Энциклопедии славянской филологии» и переведенной на чешский, сербскохорватский и французский языки.

Григорий Андреевич Ильинский (1876—1937) был ученым очень широких славистических интересов. Он много занимался исследованием древнеславянских памятников письменности, вопросом о происхождении славянского письма. В 1916 г. вышла в Нежине «Праславянская грамматика» Ильинского, являвшаяся одним из первых сочинений этого рода, в которой был обобщен и собственный исследовательский опыт автора, и обширная изученная им литература. В течение всей своей жизни Ильинский готовил издание славянского этимологического словаря, опубликовал несколько сот этимологий в отдельных статьях и заметках, однако этот труд ученого остался незавершенным. Не было опубликовано и переработанное издание праславянской грамматики Ильинского, несмотря на высокую оценку, данную ей специалистами, так как Ильинский не мог принять вульгарно-социологических построений так называемого «нового учения о языке», пропагандировавшихся в советском языкознании 20—40-х гг. В различных журналах разбросаны многочисленные рецензии Ильинского, а также его статьи по истории славистики.

Интерес к славянской проблематике в польской филологии проявился уже во времена Добровского. Еще в труде «польского Карамзина» — историка Адама Нарушевича (1733—1796) — говорилось о предшествующем польскому общеславянском периоде. Создатель первого польского толкового словаря Самуил Богумил Линде (1771—1817) составлял в конце жизни планы сравнительного польско-русского словаря. Широки были славистические интересы филолога Ежи Самуэля Бандтке (1768—1835), а позже историка и идеолога освободительного движения Иоахима Лелевеля (1786—1861). Адам Мицкевич, как уже отмечалось, читал лекции о славянских литературах в Париже. Однако сложные общественно-политические условия развития польской

науки в XIX в. тормозили проявление сравнительно-языковедческих исследований польских ученых в то время. Лишь к концу XIX в. относится деятельность великого польского и русского лингвиста Яна (И. А.) Бодуэна де Куртенэ, но и она протекала большей частью вне Польши. Польские слависты того же поколения — Антони Калина (1846—1906), изучавший историю болгарского языка, занимавшийся речью словацких цыган, исследовавший рукопись Яна Парум Шульце с полабскими записями, а также Адам Антон Крынский (1844—1932), первая диссертация которого была посвящена носовым звукам в славянских языках. Крынский в дальнейшем занимался вопросами истории польского языка, а также подготовкой грамматики и участвовал в издании толкового словаря польского языка. Интересы Яна Лося (1860—1928) были направлены главным образом на изучение исторической грамматики польского языка, но в круге его интересов были и славистические проблемы: отдельные звуковые изменения, этимологии.

Ян Михал Розвадовский (1867—1935) был по образованию филологом-классиком. Вероятно, отчасти этому обстоятельству можно приписывать его необыкновенную точность и тщательность, «акрибию», как принято было говорить, в исследовании материала. Выразительный и ясный почерк ученого — это не только внешняя, но и внутренняя характеристика крупнейшего польского лингвиста. Путем самообразования и во время научной командировки в Лейпциг Розвадовский приобрел знания, необходимые для специалиста в области индоевропейского языкознания, а философский склад ума вел Розвадовского к обобщениям, к широким общелингвистическим выводам. Именно эта общелингвистическая направленность интересов была, вероятно, основой завязавшейся во время пребывания в Кракове дружбы между более молодым, элегантно в одежде, манере речи, поведении Розвадовским и не придававшим значения внешности, подчас невыразительным в речи Бодуэном де Куртенэ. Розвадовский разработал важные теоретические принципы, определяющие семантические процессы, происходящие при словообразовании. Он изучал связи между славянскими и другими, в частности балтийскими, языками, дал ряд интересных славянских этимологий, а также изучал славянские названия рек. Специально инте-

ресовали Розвадовского проблемы прародины славян. В работах Розвадовского получили освещение исторические изменения в звуковой системе славянских языков, в особенности польского. Хотя Розвадовского нельзя назвать блестящим педагогом, в своих опубликованных работах он чрезвычайно сжато и элегантно излагал свои мысли в совершенной стилистической форме. Труды Розвадовского оказали серьезное влияние на дальнейшую разработку тех проблем, которыми занимался этот выдающийся польский лингвист. С 1908 г. Розвадовский совместно с Я. Лосем и К. Нитшем начал издавать существующий до сих пор журнал «Рочник славистычны», важный прежде всего благодаря обширному библиографическому и критико-библиографическому отделам. Этому журналу теперь официально Международным конгрессом славистов поручено вести международную славянскую лингвистическую библиографию, которая к сожалению, пока запаздывает на несколько лет.

Младшим современником Розвадовского был *Казимеж Нитш* (1874—1958), главным объектом научных интересов которого был польский язык, его история, его говоры, его лексика. Нитш интересовался кашубскими говорами. Ему принадлежит также специальное исследование родственных отношений между лехитскими языками т. е. северной группой западнославянских языков.

Наиболее значительными чешскими филологами-славистами конца XIX — начала XX в. следует считать *Йосефа Зубатого* (1855—1931), автора большого ряда этимологических исследований и работ по синтаксису славянских языков, и *Вацлава* (немецкая форма имени — Венцель) *Вондрака* (1859—1925). Вондрак исследовал и издал ряд памятников старославянского языка (Сборник Клоца и Фрейзингские отрывки), изучал древнейшее славянское ударение, подготовил вышедшую двумя изданиями «Сравнительную грамматику славянских языков», которая до сих пор является одним из наиболее интересных пособий этого типа, опубликовал солидную старославянскую грамматику, впервые включившую большой раздел синтаксиса. Вондрак работал дольше всего в Вене, а после возникновения Чехословацкой республики занял в 1920 г. кафедру славистики нового университета в Брно.

Любор Нидерле (1865—1944) был крупнейшим чешским историком, археологом, этнографом. Его перу принадлежат важнейшие обобщающие труды в области славянских древностей. В 1902—1934 гг. печатался по-чешски его многотомный труд «Славянские древности». Сокращенный вариант этого труда был издан не только по-чешски, но также по-французски и по-русски (1956). Нидерле принадлежат также «Руководство по славянской археологии» и вышедшая еще в 1909 г. в составе «Энциклопедии славянской филологии» книга на русском языке «Обзор современного славянства». Работы Нидерле, прежде всего его «Славянские древности», благодаря собранному и систематизированному в них большому материалу позволяют увидеть особенности материальной и духовной жизни древних славян.

Славистика, как и вся наука в Болгарии, получила возможность развиваться лишь после освобождения от турецких поработителей в 1878 г. Именно в этом году окончил гимназию в Бессарабии *Александр Теодоров-Балан* (1859—1959), продолжавший свое обучение в Пражском университете. Балан стал вторым доктором славянской филологии в чешском Пражском университете после разделения в начале 80-х гг. прошлого века Пражского университета на чешский и немецкий. А спустя три четверти века, когда в актовом зале Московского университета открывался IV Международный съезд славистов, председательствовавший академик В. В. Виноградов из зала, где на первых десяти рядах были таблички «места для академиков», в президиум съезда под руку ввел девяностодевятилетнего болгарского академика, старейшего слависта в мире. За три четверти века сформировались нормы современного болгарского литературного языка, возникла новая болгарская литература, и посвятивший свою жизнь родному языку и литературе Балан был живой историей, не только свидетелем, но и активным участником становления болгарской филологии.

Наиболее насущным проблемам родного языка посвятили свои исследования и другие болгарские филологи первого поколения — *Любомир Милетич* (1863—1937) и *Беню Цонев* (1863—1926). Они приступили к изучению болгарских диалектов, исследовали письменные болгарские памятники и стремились разобраться в спе-

цифике болгарского языка по сравнению с другими славянскими, и прежде всего выяснить причины развития в болгарском языке аналитического строя, учитывая как внутренние, так и внешние факторы.

Интересы южнославянских филологов конца XIX — начала XX в. были обращены прежде всего к родным языкам и словесностям. Так, *Милан Решетар* (1860—1942), один из преемников Ягича на его университетской кафедре в Вене, прежде всего занимался изучением сербскохорватских диалектов. Более широкими оказались славистические горизонты *Александра Ивановича Белича* (1876—1960).

А. Белич родился в Белграде и для получения образования отправился в Россию. После краткого пребывания в Одессе он перешел в Московский университет, где был учеником Ф. Ф. Фортунатова и Ф. Е. Корша. Спустя полстолетия, в 1946 г., А. И. Белич, в то время уже президент Сербской Академии наук, стал почетным профессором Московского университета. За полтора года до смерти на закрытии IV Международного съезда славистов в Москве Белич выступил с прочувственной речью от имени всех славянских делегаций. «Да здравствует советское славяноведение! — завершил свою речь Белич. — Да растет и дальше развивается пышной жизнью гостеприимная Москва!»

Белич много внимания уделил в своей работе сербскохорватскому языку. Если Решетар занимался больше юго-западными сербскохорватскими диалектами, то Белич посвятил одно из своих исследований южным и юго-восточным диалектам. Он исследовал природу сербскохорватского ударения, проблемы становления сербскохорватского литературного языка, раскрыл роль Вука Караджича в этом процессе. Белич был автором капитальных университетских курсов по современному сербскохорватскому языку и его исторической грамматике. Будучи близким другом А. А. Шахматова, Белич, как и Шахматов, подходил к своему родному языку с общеславистических позиций. Как и другие воспитанники русской лингвистической школы, он стремился видеть за отдельными фактами языка более общие закономерности. Еще во время пребывания в Москве Белич заинтересовался проблемой двойственного числа в славянских языках. Тогда же были опубликованы и его первые на-

блюдения над употреблением двойственного числа в старославянском языке. Позже в 1932 г. вышло исследование Белича, в котором двойственное число разбирается во всех славянских языках. Особое, едва ли не главное место занимает в творчестве Белича его труд «О природе и развитии языка» (в 2-х книгах, 1941—1958; планировавшийся третий том не вышел). Особенность этой книги в том, что ее автор через явления современных и мертвых славянских и других языков раскрывает общие закономерности развития языка. Главной мыслью книги является по сути дела мысль о том, что развитие языка происходит в последовательном употреблении, а потому явления языковой системы формируются в синтагмах, т. е. в связях слов. Несмотря на спорность некоторых положений, общелингвистические работы Белича, характерные глубиной размышлений автора, являются заметной страницей в истории славянской лингвистики. Беличу принадлежит и немалая организаторская роль в развитии славистики, в частности, он создал в 1913 г. журнал «Южнославянски филолог» и в течение долгого времени руководил его изданием. Беличу принадлежит также заслуга в организации Белградской конференции славистов, состоявшейся в 1955 г., проведение которой позволило возобновить регулярные международные славистические конгрессы в послевоенный период.

Маленькая Словения дала ряд выдающихся славистов, среди которых В. Копитар, Ф. Миклошич. Но их славистическая деятельность в силу сложившихся обстоятельств протекала за пределами родины. *Матуаш Мурко* (1861—1952), родившийся недалеко от г. Птуй на северо-востоке Словении, занимался главным образом сравнительным славянским литературоведением, анализируя произведения народного эпоса и старинной письменности. Получив образование в Вене, у Миклошича, продолжив его в течение полутора лет в России у А. Н. Веселовского и Ф. И. Буслаева, он был потом профессором славянской филологии в Граце (по-словенски — Градце), некоторое время в Лейпциге, а затем в Праге. Ученый с мировым признанием (он был, между прочим, членом всех южнославянских и советской академий наук), Мурко был одним из основателей выходящего в Праге международного славистического журнала «Sla-

via» (с 1922 г.) и председателем Первого международного съезда славистов в Праге в 1929 г.

Одним из первых словенских славистов, которые получили возможность заниматься научной и преподавательской деятельностью на родине, был *Райко Нахтигал* (1877—1958). Еще в гимназические годы Нахтигал познакомился с основами сравнительного языкознания и старославянским языком, потом учился в Венском университете у Ягича. Перед первой мировой войной Нахтигал был уже профессором в том же ближайшем к Словении австрийском университете, что и Мурко,— в Граце. А с основания университета в Любляне стал профессором славянской филологии и русского языка этого университета, создателем и руководителем семинария славянской филологии в нем. Славистические интересы Нахтигала были очень широки. Много внимания он уделял изучению старославянского языка, анализировал язык Фрейзингских отрывков, подготовил образцовое издание Синайского требника, предложил новые комплексные решения вопроса о происхождении глаголицы. Нахтигал интересовался русским языком; по рекомендации Ягича он получил в начале 1900-х гг. двухлетнюю командировку в Россию, потом преподавал русский язык в Вене. Им была написана монография по вопросам русского ударения (1922), популярная русская грамматика (1946), а также тщательно подготовленное издание «Слова о полку Игореве» в оригинале рядом с его словенским переводом, выполненным также Нахтигалом. Педагогические интересы Нахтигала привели его к созданию книги «Славянские языки» (1938). Второе издание этой книги (1952) было переведено на русский (1963), немецкий, английский языки. В этой книге дается история позднего периода праславянского языка и рассматриваются процессы, получившие импульсы в праславянском, но происходившие уже в отдельных славянских языках. Нахтигал стремился к целостному представлению истории звуковой системы праславянского языка, подчеркивая значение для нее действия закона открытых слогов. В Любляне у одного из университетских зданий стоит памятник Нахтигалу. В столетнюю годовщину ученого в разных городах Словении, в библиотеках и учебных заведениях состоялись специальные собрания, а созданный Нахтигалом славистический семинарий Люблянского

университета провел международную конференцию, в которой приняли участие вместе со словенскими десятками зарубежных славистов.

Славистика продолжала развиваться не только среди славян. В начале XX в. по-прежнему видное место в развитии славистики занимала Германия. Продолжали работать А. Лескин и Э. Бернекер. Но теперь география славистики расширяется.

Во Франции интерес к славянским народам, их народному творчеству пробудился рано. Наполеоновские походы, в сферу действия которых были вовлечены и южнославянские народы в Иллирийских провинциях, и поляки, и, разумеется, восточные славяне, а потом и приход русских в Париж так или иначе отразились на интересе во французском обществе к славянам. Отражением этого интереса была знаменитая мистификация известного французского писателя Проспера Мериме — сборник «Гузла», содержащий якобы иллирийские народные песни (1827). Созданный с действительным знанием народной поэзии, он вызвал признание Мицкевича, похвалу Гете и послужил источником ряда «Песен западных славян» А. С. Пушкина. Великий польский поэт Адам Мицкевич в 1840—1844 гг. читал лекции по славянским литературам в парижском Коллеж де Франс, интересные как опыт осмысления историко-культурного развития славянства с позиций участника освободительной борьбы. Но научный интерес к славянским языкам возник во Франции позже, когда к этому привело развитие сравнительно-исторической лингвистики.

Ученик Фердинанда де Соссюра *Антуан Мейе* (1866—1936) был крупнейшим французским индоевропеистом. Автор многократно переиздававшегося (в том числе трижды в русском переводе) «Введения в сравнительное изучение индоевропейских языков» широко включал в этот свой труд славянский материал, но не ограничился

чисто компаративистским интересом к славянским языкам. Еще в 1897 г. он публикует специальное исследование о выражении категории одушевленности при помощи формы родительного падежа в функции винительного в славянских языках. Мейе, который совместно с А. Эрну является автором сравнительно-исторической грамматики классических языков, а также латинского этимологического словаря, думал и о подготовке старославянского этимологического словаря. Видимо, эти неосуществленные планы послужили импульсом для появления двухтомного исследования по этимологии и лексике старославянского языка, вторая книга которого (1905) содержит очень глубокий и до сих пор интересный обзор словообразования. И. В. Ягич заказал Мейе написание тома о праславянском языке для «Энциклопедии славянской филологии». Так была написана книга «Общеславянский язык». Но в разгар первой мировой войны в 1915 г. Мейе не рискнул отправить рукопись в Петроград, а потом «Энциклопедия» прекратила издание, и книга Мейе вышла в 1924 г. во Франции. Русский перевод ее (1951) был сделан со второго французского издания (1934), подготовленного почти ослепшим, но упорно трудившимся с помощью секретаря Мейе при содействии его ученика А. Вайана. В этой книге показаны праславянские и старославянские отражения индоевропейской системы, устанавливаются связи славянских и других индоевропейских языков в области фонетики, грамматики, а отчасти и лексики. «Общеславянский язык» — основной славистический труд Мейе, в котором подводятся итоги его тщательных многолетних исследований славянского языкового материала в связи с материалами других индоевропейских языков. Мейе принадлежит по праву почетное место не только одного из основоположников сравнительно-исторической индоевропеистики во Франции, но и основателя французской славистики.

Из французских славистов старшего поколения следует назвать болгариста *Леона Больо* (1876—1965) и ученого широкого профиля и интересов *Андре Мазона* (1881—1967), которому принадлежат исследования о южнославянском устном народном творчестве, о виде славянского глагола, ряд работ о русских писателях XIX в., грамматика чешского языка и русская грамматика (четвертое издание которой в 1963 г. было подготов-

лено при участии Ж. Лепсье и Ж. Жоанне). Гипотеза Мазона о позднем (XVIII в.) происхождении «Слова о полку Игореве» вызвала серьезные возражения ученых разных стран.

Антуан Мейе писал однажды: «Участие, которое принимает народ в развитии науки, отнюдь не пропорционально количеству людей, составляющих этот народ». И потому неудивительно, что и в развитие славистики внесли вклад не только славяне и не только представители крупных неславянских наций, но и ученые других стран. В гостях у Шахматова во время его земской службы в Саратовской губернии побывал молодой тогда норвежский ученый *Олаф Брок* (1867—1961). Брок при содействии Шахматова получил несколько командировок в Россию, где успешно изучал русские говоры. Он посвятил специальное исследование диалектной речи на украинско-словацком языковом пограничье, немало работал в области сербскохорватской диалектологии, описал один белорусский говор. В переписке Брока с Ягичем и Шахматовым обсуждались вопросы описания диалектных систем, волновавшие ученых. «Олаф Иванович», как называл своего норвежского корреспондента в сотне писем Шахматов, делился полученными результатами, намечал планы будущих исследований. Как видный специалист по славянской описательной фонетике, норвежский славист получил почетное поручение написать для «Энциклопедии славянской филологии», издававшейся в Петербурге, «Очерк физиологии славянской речи», который и был издан в 1910 г. Брок перевел на норвежский язык «Анну Каренину» и «Братьев Карамазовых» и воспитал большую группу норвежских славистов. Другой видный славист того же поколения, что и Брок, происходящий из Северной Европы — финн *Йосеф Миккола* (1866—1946), занимался взаимоотношениями между славянскими и финно-угорскими языками, исследовал ударение и долготу слога в западнославянских языках, балто-славянские языковые отношения. Капитальным трудом Микколы является его «Праславянская грамматика», вышедшая в трех томах (1913—1950) на немецком языке.

Первая мировая война затормозила развитие славистики. Но последовавшая за ней Великая Октябрьская социалистическая революция принесла свободу всем, в том числе и славянским, народам бывшей царской Рос-

спн. Восстановлена была государственность Польши, возникла Чехословакия, а также Югославская федерация. Эти обстоятельства не могли не способствовать распространению интереса к славянским народам и их языкам, к развитию славистики. Однако в двадцатилетие между первой и второй мировыми войнами развитие науки в славянских странах протекало не всегда в благоприятных условиях.

Становление новых славянских государств, развитие национальных школ, национальной печати потребовало от языковедов решения прикладных задач нормирования орфографий и языков, создания различного рода словарей, грамматик, необходимых для развивавшихся отдельных языков. Поэтому вопросы изучения диалектов, вопросы теоретического сравнения языков между собой волей или неволей были отодвинуты решением первоочередных общественно необходимых задач. Это положительно сказывалось на развитии наук об отдельных славянских языках, но вело к известному разобщению славистов различных профилей, которое наступало еще и в силу политической неоднородности славянских стран. С одной стороны, три крупных славянских народа — русские, украинцы и белорусы — вместе с другими народами нашей страны первыми в истории встали на путь строительства нового, социалистического общества. С другой стороны, все другие славяне продолжали жить в условиях капитализма. Но и здесь были определенные различия. Существовали споры между отдельными славянскими странами по пограничным вопросам, неодинакова была политическая структура, причем дело было не только в различии республиканского (в Польше и Чехословакии) и монархического (в Болгарии и Югославии) режимов, но и в том, какие политические силы в тот или иной период оказывались господствующими в той или иной стране. Развитие науки, а тем более международное сотрудничество ученых-славистов, разумеется, не могло от этого не зависеть.

По инициативе ряда крупных ученых разных стран, в числе которых были И. А. Бодуэн де Куртене, А. Мейе, А. И. Белич, а также чехословацкие ученые, в 1929 г. когда исполнилось 100 лет со дня смерти И. Добровского, в Праге был проведен *Первый международный съезд славянских филологов*. В съезде принимала участие и де-

легация советских ученых, в которую входили П. Н. Сакулин, А. М. Пешковский, Н. С. Державин, П. А. Бузук. К съезду были напечатаны знаменитые «Тезисы» Пражского лингвистического кружка (ПЛК), в которых сформулированы программные положения Пражской школы в науке о языке, связанные с идеями Московской лингвистической школы, некоторые участники которой вошли в ПЛК. Кружок стремился к системному и функциональному подходу — к рассмотрению языковых явлений с точки зрения соотношений системы форм и системы функций, с точки зрения вскрытия системности языковых явлений и с учетом становления этой системности в диахронии (в разрезе изменений во времени). Изложенная в «Тезисах» позиция была в целом одобрительно воспринята многими лингвистами мира, в том числе и нашей страны, в частности, и потому, что ПЛК в определенной мере синтезировал и теоретические достижения русской лингвистики, долгое время малоизвестные на Западе. В Первом международном съезде славистов приняло участие около четырехсот славистов из славянских и неславянских стран. Решено было регулярно каждые пять лет проводить международные съезды славистов. Второй международный конгресс славистов состоялся в 1934 г. в Варшаве. К Третьему международному съезду славистов, который намечалось провести в Белграде осенью 1939 г., были подготовлены и изданы материалы. Но в это время началась вторая мировая война. Чехословакия уже была захвачена фашистским рейхом, в Польшу вступили гитлеровские войска. Где-то в штабах вермахта уже готовы были планы нападения на Югославию и на Советский Союз. В этих условиях проведение международного научного конгресса славистов было немыслимо...

Несмотря на не всегда благоприятные условия для развития славянской филологии как специальной научной дисциплины в целом, в период междувоенного двадцатилетия были в славистике получены определенные результаты как в области изучения отдельных славянских языков, так и в области сравнительного славянского языкознания.

Перед советскими учеными, в том числе и перед славистами, после Великого Октября встала почетная и не легкая задача принять участие в культурной революции. Надо было обучить миллионы людей грамоте на родном

языке. Без грамотности невозможно было строить новое общество. А в наследство от царской России досталась Советской власти крестьянская страна с большинством неграмотного населения даже среди русских. Украинской и белорусской школы до революции не существовало. На украинском языке издавалась небольшими тиражами лишь художественная литература (немногочисленные научные сочинения на украинском языке печатались за пределами Российской империи), учебников и газет не было. Еще хуже обстояло дело с белорусским языком. Одна из совершенно конкретных и действительно важных задач состояла в этих республиках в разработке грамматик и словарей, развитии выразительных возможностей украинского и белорусского языков. Нужно было разработать терминологию разных областей деятельности, перевести на эти языки необходимую литературу или создать ее заново. Необходимо было иметь комплект учебников для средней школы на национальных языках. Требовалось решить вопросы упорядочения правописания украинского и белорусского языков. Для русского языка также необходимо было разработать учебники, по которым в короткий срок и без достаточной методической подготовки удалось бы научить миллионы людей читать и писать. Надо было подготовить и серию учебников, пригодных для обучения в новых условиях, когда в школу пришли миллионы школьников, чьи родители не могли помочь им овладеть грамотой и нормами литературного языка, когда классы были наполнены детьми не всегда одинакового возраста. Этот социальный заказ, вставший перед отечественными словесниками, был выполнен.

Михаил Николаевич Петерсон (1885—1962), ученик Фортунатова, специалист в области сравнительно-исторического языковедения, автор оригинальных грамматических работ по русскому языку, ориентированных на форму, на способы выражения тех или иных значений, а не на самые значения, много внимания уделил основам русской орфографии, провел ее статистическое исследование и был участником составления школьных орфографических и грамматических таблиц, учебника русского языка для первого класса. Очень много внимания уделил школе блестящий синтаксист, яркий представитель Московской лингвистической школы *Александр Матвеевич*

Пешковский (1878—1933). Участник Первого международного съезда славистов, автор многократно переиздававшегося «Русского синтаксиса в научном освещении», без знания которого нельзя представить себе образования русского русиста, Пешковский занимался вопросами обучения детей и взрослых языку, издал целую серию школьных учебников русского языка. *Дмитрий Николаевич Ушаков* (1873—1942), один из составителей первой научной диалектологической карты русского языка, блестящий фонетист и автор сжатого, но очень содержательного «Краткого введения в науку о языке», в 1925 г. выпускает «Учебную книгу по русскому языку», открывшую большую серию учебников грамматики и правописания для маленьких и взрослых школьников; эти учебники выдержали более десяти изданий и выходили вплоть до 1953 г. А рядом со знаменитым «Толковым словарем русского языка», составленным по заданию В. И. Ленина под руководством Д. Н. Ушакова и вышедшим под его редакцией, нельзя не назвать маленький «Орфографический словарь» для начальной и средней школы, которым пользовались и пользуются школьники вот уже четыре десятка лет. *Лев Владимирович Щерба* (1880—1944) в 1907—1908 гг. по совету своего учителя И. А. Бодуэна де Куртенэ изучал неизвестный науке восточнолужицкий говор района Мускау в Германии и дал его интереснейшее и яркое описание (1915). Получив в Париже у ведущего тогдашнего специалиста в области экспериментальной фонетики Ж. П. Руссело солидную подготовку как экспериментатор, Щерба в 1912 г. публикует исследование «Русские гласные в качественном и количественном отношении». Он редактировал академический словарь русского языка, занимался многими проблемами общего языкознания, в частности связанными с психологическим и экспериментальным подходом к языку. Выполняя социальный заказ, академик Щерба редактирует прекрасный школьный учебник русской грамматики, по которому в течение многих лет занимались школьники, много работает в области преподавания иностранных языков. Это — лишь примеры, число их можно было бы умножить.

Огромное внимание уделялось преподаванию языков, ликвидации неграмотности, языковому строительству в области белорусского и украинского языков. А между

тем марксистская теория языка не была разработана. И когда почтенный академик *Николай Яковлевич Марр* (1864—1934), известный специалист в области древнегрузинского и древнеармянского языков, заявил, что его «яфетическая теория», представляющая языки мира как некоторые застывшие этапы единого языкотворческого процесса, как раз и является марксистской теорией языка, это было поддержано некоторыми историками и подхвачено частью молодых лингвистов. К сожалению, «новое учение о языке», созданное Н. Я. Марром, содержало вульгаризаторские ошибки, а главное — созданная вокруг этой теории обстановка нетерпимости к тем, кто отрицал ее, затормозила в 20—30-х гг. как теоретическое развитие языкознания в нашей стране, так и особенно развитие тех отраслей науки о языке, которые были связаны с применением сравнительно-исторического метода, объявленного марристами буржуазным и антинаучным. К числу таких отраслей относилась, естественно, и славистика. Лишь проведенная на страницах «Правды» в мае — июне 1950 г. лингвистическая дискуссия покончила с отрицанием сравнительно-исторического языкознания и создала условия для успешного развития советского славянского языкознания. Застой в разработке сравнительно-исторической славистики, вызванный, с одной стороны, недостаточной в первые десятилетия Советской власти марксистской подготовкой лингвистических кадров, а с другой стороны, тем, что главное внимание уделялось насущным практическим проблемам, теперь преодолен.

Но и в период, когда «новое учение» объявлялось единственно верной лингвистической теорией, некоторым ученым удалось продолжить работу в области славянского языкознания. Продолжал работать Г. А. Ильинский, которому, правда, помешали выпустить второе издание его «Праславянской грамматики». Многие видные ученые успешно работали в области изучения русского языка, его истории (Б. М. Ляпунов, С. П. Обнорский, Г. О. Винокур, В. И. Чернышев и др.). Продолжались и славистические исследования.

Видное место в развитии славянского языкознания принадлежало *Афанасию Матвеевичу Селищеву* (1886—1942). Путь в науку для десятилетнего мальчика из села Волова на Орловщине начался тогда, когда пешком, с

котомкой за плечами он пришел в уездные Ливны, где его приняли на стипендиальное место в реальное училище. Мальчишка опоздал на вступительный экзамен, но инспектор поверил в его способности и еще раз специально созвал экзаменаторов. После реального училища надо было сдать еще экзамен за классическую гимназию, и этот рубеж был преодолен, а в 1906 г. Селищев поступил в Казанский университет. После окончания университета его оставляют «для приготовления к профессорскому званию» (как тогда называлась аспирантура). Летом 1914 г. Селищев два с половиной месяца проводит в научной командировке на Балканах, обследуя македонские говоры. За это короткое время ему удалось собрать значительный фактический материал, который потом вместе с опубликованными чужими наблюдениями он положил в основу многих книг («Очерки по македонской диалектологии», «Славянское население Албании» и др.). Селищев публикует целый ряд исследований, посвященных различным вопросам македонских говоров, болгарского литературного и народного языка, болгарской литературы. В период непродолжительного пребывания в Иркутском университете Селищев занимался русским языком Сибири, а в казанский период изучал русские говоры, русский язык в обиходе нерусских народностей Поволжья. С 1922 г. Селищев работал в Москве. Здесь он продолжал свои занятия по диалектологии, а также обратился к анализу языка письменных памятников. Результатом этих занятий стал ряд статей о языке отдельных памятников и их групп, а в известной мере и посмертно опубликованный двухтомный курс «Старославянский язык» (1952). Селищев интересовался вопросами сравнительной грамматики славянских языков, ему принадлежит исследование о явлении соканья и шоканья в славянских языках. Еще в Казани Селищев опубликовал «Введение в сравнительную грамматику славянских языков» (1914), перепечатанное, к сожалению, без библиографии в составе «Избранных трудов» А. М. Селищева (1968). Как бы развитием этого труда был опубликованный перед самой войной, в 1941 г., первый том «Славянского языкознания», содержащий обзоры западнославянских языков. Среди работ Селищева особое место занимают наблюдения над русским языком революционной эпохи, отраженные в ряде статей и книг.

А. М. Селищев не только сам продолжал в сложной обстановке занятия славистикой, но, будучи заведующим кафедрой в Московском университете, в педагогическом институте, содействовал воспитанию следующего поколения советских славистов — Р. И. Аванесова, С. Б. Бернштейна, П. С. Кузнецова и ряда других. Одна из учениц Селищева проф. Е. А. Василевская вспоминала: «Афанасий Матвеевич Селищев относился к той категории людей, внешний облик которых навсегда остается в сознании тех, кто с ним общался. В моей памяти остался огромный седовласый человек могучего сложения, с высоким лбом, с небольшими глубоко посаженными горящими молодыми глазами... Вот он стоит в огромной аудитории педагогического института имени В. И. Ленина и читает лекцию о деятельности первоучителей Кирилла и Мефодия. Он говорил просто, убедительно, без всякого стремления блеснуть, риторически приукрасить свою речь. Лекция его была так логично построена, так безукоризненно прочитана, что затихшая аудитория студентов-первокурсников... не дыша, как завороченная, смотрела на Афанасия Матвеевича, боясь пропустить хоть один пример, боясь потерять хотя бы слово...» Селищев умер от рака в трудную зиму 1942 г. Память о нем сохранилась не только у его непосредственных учеников и не только в его книгах. Селищев был один из тех ученых, кто продолжил в 20—30-х гг. линию развития славистики в нашей стране, подготовив тем самым ее современность.

Академик *Николай Севастьянович Державин* (1877—1953) был видным специалистом в области истории Болгарии, болгарской литературы. Писал Державин и по вопросам русской литературы, методики преподавания языка. Важнейшим исследовательским трудом Державина была его двухтомная работа о болгарских колониях на юге Украины; в ней дано комплексное этнографическое, историческое и диалектологическое описание болгарских переселенцев в Россию. Державиным была издана четырехтомная история Болгарии (1945—1948), а также обобщающая работа «Славяне в древности» (1946).

На Украине развернулась деятельность выдающегося советского языковеда-слависта *Леонида Арсеньевича Булаховского* (1888 — 1961). Сын харьковского мастера-

механика учился в Харьковском университете у видных славистов С. М. Кульбакина, Г. А. Ильинского, балтиста Я. (И. М.) Эндзелина. В студенческие годы Булаховский получил медаль за сочинение о Зеленогорской и Краледворской рукописях, а в год окончания университета (1910) вышла его первая печатная работа, посвященная одному из вопросов славянского ударения, которому в дальнейшем были посвящены многие труды ученого. Магистерские экзамены Булаховский сдавал в Петрограде А. А. Шахматову и П. А. Лаврову, а потом несколько лет работал в Пермском филиале Петроградского университета. С 1921 г. Булаховский — в Харькове, а с конца Великой Отечественной войны, во время которой Булаховский работал в эвакуации в Уфе и один год в Московском университете, он стал директором киевского Института языковедения АН УССР им. А. А. Потебни и профессором Киевского университета.

Л. А. Булаховский принимал активное участие в исследовании украинского языка: ему принадлежит монография о происхождении украинского языка, он участвовал в разработке украинского правописания, редактировал двухтомный академический курс современного украинского языка, из десятков статей и заметок ученого сложился «Исторический комментарий к украинскому языку», опубликованный в составе его «Избранных трудов» (т. 2, 1977). Булаховский написал оригинальный курс современного русского языка, а его «Исторический комментарий к русскому языку», переиздававшийся пять раз, является интереснейшим и очень полезным пособием для изучающих историческую грамматику, содержащим ценный и оригинальный материал по всем разделам курса. В двухтомном капитальном исследовании Булаховского развернута картина развития русского литературного языка в первой половине XIX в. в лексико-стили-

стическом и грамматическом планах. Очень много внимания уделял Булаховский славянской лексикологии; много свежих и интересных наблюдений над славянской лексикой вошло в написанный им второй выпуск «Введения в языкознание» (1953 и 1954 гг.), переведенный на польский и болгарский языки, а также в лексическую часть изданных по-украински «Очерков по общему языкознанию». Булаховского специально интересовали славянские названия птиц, в ряде работ он рассматривал на большом материале дестимологизацию — утрату первоначального понимания морфологической, а значит, и первоначальной семантической структуры слов. Интересовали Булаховского и проблемы грамматики славянских языков; так, он специально изучал случаи взаимовлияния различных грамматических форм. Булаховский посвятил специальные работы языку отдельных письменных памятников, в частности «Слова о полку Игореве»; в его наследии целая серия работ, посвященных выдающимся отечественным лингвистам, и в частности А. А. Потебне. Писал Булаховский и учебники для школ взрослых, занимался вопросами методики преподавания языка. Булаховский интересовался становлением и развитием литературных языков, связанным с этим стилистическим преобразованием, посвятил этим вопросам ряд специальных статей и монографию, уделяя здесь внимание и славянскому языковому материалу. Но первой любовью и главной сферой научных интересов Булаховского было славянское ударение. В десятках статей рассмотрены Булаховским проблемы ударения в различных славянских языках. Отдельными книгами вышли его «акцентологические комментарии» к чешскому и польскому языкам, нет ни одного живого славянского языка, который бы не был рассмотрен Булаховским под этим углом зрения. На основании многочисленных работ Булаховского по ударению сейчас выходит обобщающий их свод в двух томах «Избранных трудов» ученого. Пройти мимо работ Булаховского, занимаясь проблематикой эволюции славянского ударения, невозможно. Знавший Булаховского по Харьковскому университету Андре Мазон писал о нем как о «слависте в самом широком смысле слова».

Но Булаховский — не просто славист, не просто ученый. Это был человек кристальной честности в науке, преданный науке, служащей народу. И потому четко и

бескомпромиссно прозвучало во время лингвистической дискуссии 13 июня 1950 г. выступление Булаховского в «Правде», в котором он твердо отстаивал сравнительно-историческое языкознание. Ясность и принципиальность в науке сочетались в Булаховском с мягким и заботливым отношением к ученикам. Трогательно дарил он своему ученику редкую книгу в день защиты тем диссертации. Не жалея времени, писал своим многочисленным корреспондентам в разные уголки нашей Родины, да и за ее пределы. Был он требовательным, не допускал «халтуры», «брака» в работах своих коллег и был готов прийти на помощь при необходимости. Скромный и доброжелательный, иногда чуть ироничный, но всегда глубоко тактичный Леонид Арсеньевич остался в нашей науке о славянских языках своими учениками, среди которых И. К. Белодед, А. С. Мельничук, своим примером трудолюбия, достоверности сообщаемых сведений, высокой человечности.

Петр Афанасьевич Бузук (1891—1943) принадлежал к числу тех ученых, которые после Великого Октября создавали языковедческую науку в Белоруссии. Как и первый ректор Белорусского университета известный советский историк-славист Владимир Иванович Пичета (1878—1947), Бузук был приглашен в Минск (1925) и в течение неполного десятка лет был одним из организаторов и активных деятелей белорусской филологической науки. Бузук родился в семье сельского учителя в Молдавии, учился в Тираспольской гимназии, окончил университет в Одессе, где преподавали тогда профессора Б. М. Ляпунов и А. И. Томсон, и в 1920 г. начал преподавательскую деятельность в вузах Одессы. Еще до этого, в 1916 г., вышла его работа об историко-культурных взаимоотношениях румын и южных славян. В дальнейшем Бузук филологически анализировал Мариинское евангелие, один из основных памятников старославянского языка, занимался вопросами истории украинского языка и общего языкознания (известны его книги «Основные вопросы языкознания». М., 1924 и др.), белорусско-украинскими взаимоотношениями в области литературы и языка. Наиболее важным вкладом Бузука в славянское языкознание являются его работы по лингвистической географии — новому в то время подходу к диалектологическому анализу языка. Бузук делал на I Между-

народном съезде славянских филологов в Праге доклад «Лингвистическая география как вспомогательный метод при изучении истории языка». Он доказывал, что изучение распределения лингвистических явлений в пространстве может содействовать выяснению их истории. Эта идея получает и теперь подтверждения, в частности в трудах белорусских славистов. Созданный Бузуком диалектологический атлас центральной и восточной Белоруссии (1928) был первым опытом диалектологического атласа в славянском мире как, кстати, и «Диалектологический атлас белорусского языка» (1963) стал первым завершённым диалектологическим атласом славянского языка; думается, предпосылки этого были заложены и трудами Бузука. Бузуку принадлежат и более общие славистические работы — о месте белорусского языка среди других славянских, о древнейшем этапе развития славянской фонетики и др. Плодотворная деятельность Бузука была прервана в 1934 г., когда он вынужден был покинуть Белоруссию, ставшую для него второй родиной. Бузук был художественно одарённым человеком. Он любил музыку, особенно оперу, сам неплохо пел, писал стихи по-украински и по-белорусски. Одна из тем этих стихов звучит в следующих строках:

Мне сніцца поўдзень ў ноч глухую;
Але ж усё-ткі, прызнаюсь,
Люблю радзіму я другую,
Люблю цябе я, Беларусь.

Еще до первой мировой войны началась научная деятельность видного болгарского языковеда *Стефана Младенова* (1880—1963). Младенов учился в начале 900-х гг. в Вене, Петербурге, Праге. Работал в гимназиях в Софии. После опубликования в 1908—1909 гг. исследования о древних германских элементах в славянских языках Младенов с 1910 г. стал доцентом, а с 1916 г. — профессором Софийского университета. Один из наиболее постоянных интересов Младенова — этимология. Им было опубликовано много заметок по этимологии славянских слов, а в 1941 г. издан этимологический словарь болгарского языка. Младенов начал также составление толкового словаря болгарского языка, которое не было доведено до конца. Одним из главных трудов Младенова была выпущенная еще в 1929 г. история болгарского языка.

Ему принадлежат также учебники общего и индоевропейского языкознания. Когда Младенова пригласили сделать научный доклад в Берлине, тогда столице гитлеровского рейха, он избрал темой доклада «Значение славянских языков». Возбешенный такой темой, председательствовавший на собрании гитлеровец генерал фон Масов прекратил собрание. И вполне естественно, что после освобождения Болгарии ученый принял активное участие в развитии болгарской лингвистики.

Ученым широкого профиля — этнографом и филологом, занимавшимся и фольклором, и литературой, и языком, был *Стоян Романский* (1882—1959); прежде всего его интересовали вопросы болгаристики, которые, однако, рассматривались с привлечением широкого инославянского материала. Романский был редактором трехтомного толкового словаря болгарского языка, ему принадлежат также работы по кирилло-мефодиевскому вопросу, по болгарско-романским языковым отношениям, по вопросу о прародине славян.

Очень важны для изучения прошлого славян серьезные исследования, проведенные польскими этнографами, археологами, антропологами. Среди них следует назвать *Яна Чекановского* (1882—1965), которому принадлежит опыт синтетического освещения древнейшей истории славян («Введение в историю славян»; 2-е изд. — 1957). *Казимеж Мошиньский* (1887—1959) написал фундаментальный труд «Народная культура славян» (1929—1939; 2-е изд. — 1967—1969); ему принадлежат и конкретные этнографические исследования, такие, как капитальная работа «Восточное Полесье», и труды по общей этнографии, и исследование вопроса о прародине славян.

В области языкознания среди польских лингвистов к общеславистической проблематике в междувоенные годы обращались многие ученые. *Станислав Слоньский* (1879—1959) исследовал синтаксические явления и гла-

гольное словообразование в старославянском, опубликовал старославянскую грамматику, а также работы по истории польского языка. Выдающийся польский языковед-индоевропеист *Ежи Курилович* (1895—1978), автор переведенного на русский язык общелингвистического сборника «Очерки по лингвистике» (1960; рус. пер. 1962) и ряда крупных трудов по индоевропейскому сравнительному языкознанию, изданных в основном по-французски и по-немецки, широко использовал в своих сравнительно-исторических исследованиях славянские материалы.

В частности, его интересовали проблемы славянской акцентологии, вопрос о славянском глагольном виде и его соотношении с категорией времени. На широком славянском фоне вел свои исследования, посвященные главным образом польскому языку, *Витольд Дорошевский* (1899—1976). Организатор и редактор превосходного одиннадцатитомного польского толкового словаря, одного из лучших больших славянских словарей, Дорошевский подходил к явлениям языка, в частности к интересовавшим его особенно глубоко вопросам словообразования, с позиций теоретической лингвистики, что обеспечивает трудам Дорошевского важное значение для всего славянского языкознания. Дорошевский чутко и доброжелательно относился ко всему новому в науке, стремился использовать его в своей исследовательской практике; в этом отношении показателен его опыт применения количественных данных в диалектологических исследованиях. Общелингвистическая книга Дорошевского «Элементы лексикологии и семиотики» (1970) была переведена на английский и русский (1973) языки.

Тадеуш Лера-Сплавинский (1891—1965) был крупнейшим польским языковедом-славистом, ученым широких славистических интересов, очень глубокой эрудиции. Жизнь Лера-Сплавинского тесно связана с Ягеллонским

университетом в Кракове, где он учился в свое время у Я. Розвадовского, К. Нитша, Я. Лося и где он в 1917 г. защитил диссертацию. Лишь с 1919 по 1929 г. Лера-Сплавинский работал некоторое время в Познанском, а потом во Львовском университете. Перед защитой диссертации Лера-Сплавинский повышал свою квалификацию в Венском университете у В. Вондрака и М. Решетара.

Центральными проблемами славистики, волновавшими Лера-Сплавинского, были проблемы славянского ударения и синтетические проблемы прародины и происхождения славян, а также их деления на группы. Особенно много занимался Лера-Сплавинский западнославянскими языками. Ему принадлежит наиболее полная пока что полабская грамматика, с его участием и под его руководством начал К. Полянский, ведущий современный специалист по полабскому языку, издание этимологического словаря полабского языка. Лера-Сплавинский много занимался вопросами истории польского языка, в частности отражением в польском языке древних, праславянских явлений; эти интересы ученого видны в его монографии «Польский язык. Возникновение, происхождение, развитие», переведенной на русский язык (1954). Лера-Сплавинский вместе с З. Штибером написал краткую историческую грамматику чешского языка. Польский славист занимался вопросами происхождения славянской письменности, проникновения старославянских текстов в Польшу, переводил и издавал жития солунских братьев, написал неоднократно переиздававшийся в Польше (последние переиздания при участии Ч. Бартули) учебник старославянского языка. Лера-Сплавинский занимался также некоторыми частными вопросами южнославянских языков, в том числе словенским ударением. Восточнославянские языки также входили в круг интересов Лера-Сплавинского. Он участвовал в составлении польского очерка истории украинского языка и многократно переиздававшейся в Польше грамматики русского языка. Специальное внимание ученого привлекли вопросы восточнославянского ударения, а также литературного языка Древней Руси. Лера-Сплавинский вместе с В. Курашкевичем и Ф. Славским подготовил сжатый, но содержательный «Обзор и характеристику славянских языков» (1954) и неоднократно выступал в печати с характеристиками праславянского языка. Он занимался и вопросами исто-

рии славистики, написав очерки о Добровском, о развитии славистики в польских университетах, о ряде своих современников. В четырехстах опубликованных работах ученого отразился продолжительный и разнообразный труд по изучению языка как части духовной культуры славянства. Этому труду присуща была высокая степень точности, аккуратности, научной объективности.

Вместе с М. Мурко соредактором основанного в 1922 г. в Праге журнала «Slavia» был чешский языковед-славист *Олдржих Гуйер* (1880—1942). Гуйер еще в 1910 г. выступил с крупным исследованием по славянскому склонению, а в междувоенные годы подготовил «Введение в историю чешского языка», в котором содержится сжатая характеристика праславянских и западнославянских языковых процессов, предшествовавших выделению чешского языка; эта книга была переведена на русский язык (1953). *Милош Вейнгарт* (1890—1939), видный специалист в области старославянского языка, организовал издание журнала «Byzantinoslavica» (с 1929 г.), в котором публикуются статьи по вопросам византийско-славянских культурно-исторических связей. Другой видный чехословацкий палеославист (специалист по старославянскому языку и по глаголическим памятникам хорватского средневековья) — *Йосеф Вайс* (1865—1959) совместно с И. Курцем подготовил, в частности, образцовое издание *Ассеманьева кодекса* (1929—1955). В Праге была организована Славянская библиотека, являющаяся теперь одним из лучших собраний славистической литературы, создан Славянский (славяноведческий) институт. Пражский лингвистический кружок, «Тезисы» которого были опубликованы к открытию I Международного съезда славистов (1929), возникал как объединение лингвистов разных специальностей, но сыграл видную роль в развитии славистики: значительную часть его организаторов и участников составляли слависты. Наряду с англистом и специалистом по общему языкознанию В. Матезиусом (1882—1945) с самого начала в кружок вошли *Богуслав Гавранек* (1893—1978), *Роман Осипович Якобсон* (род. 1896) и др.

Богуслав Гавранек начал свою научную деятельность с публикации в журнале «*Naše řeč*» (с 1917 г.) статей по вопросам культуры речи. В отличие от многих других

авторов той поры Гавранек стремился найти научные обоснования своих рекомендаций. Видимо, не в последнюю очередь его опыт отразился в специальном разделе тезисов Пражского лингвистического кружка, посвященном функционально-лингвистическим основам культуры славянских языков. Гавранек понимал культуру речи широко, он характеризовал разные аспекты языка: и произношение, и лексику, и орфографию, и стилистику. Большой цикл работ чешского ученого посвящен тесно связанному с этой проблематикой вопросу о славянских литературных языках, и прежде всего, естественно, о чешском литературном языке; отмечая социальную природу литературных языков, Гавранек, однако, основное внимание уделял внутриязыковым проблемам. Интересовало его взаимодействие литературных славянских языков, в его трудах нашли отражение опыты разработки основ типологического сравнения литературных языков. Однако интересы Гавранека не замыкаются этими вопросами. В 1928—1937 гг. им была опубликована двухтомная работа о залогах славянского глагола, а в 60-х гг. он вновь вернулся к этой теме на материале старославянского языка. Гавранек занимался и другими грамматическими вопросами, он является одним из авторов несколько раз переиздававшейся краткой чешской грамматики. Много работ Гавранека посвящено фонетическим вопросам; есть у Гавранека и работы по вопросам лексики, он был главным редактором и соавтором четырехтомного «Словаря чешского литературного языка» (1960—1971). Большую работу вел Гавранек как редактор ряда лингвистических изданий, а также как председатель Международного комитета славистов в период подготовки и проведения VI Международного съезда славистов в 1968 г. в Праге.

Крупнейший современный лингвист и славист Роман Якобсон окончил Лазаревский институт восточных языков (1914) и Московский университет (1918), в настоящее время является профессором славянских языков и литератур Гарвардского университета и Массачусетского технологического института в США. Ученый чрезвычайно широкого профиля, востоковед и славист по образованию, лингвист-теоретик по призванию, Якобсон принадлежит к числу тех, кто своими трудами закладывал основы структурного, а позже и семиотического подходов

к изучению языка и литературы и развивал это направление.

Материалом исследований Якобсона являются прежде всего славянские языки, а в частности — русский. Хотя теоретические положения Якобсона нередко вызывают полемику, особенно в области литературоведения, бесспорен значительный его вклад как в общую лингвистику, так и в славистику. Первостепенное значение имеют работы Якобсона по фонологии, в частности по основам исторической (диахронической) фонологии, где им были поставлены вопросы об общих закономерностях структуры звуковой системы и ее изменений. Якобсон обратился также к анализу грамматической системы славянских языков с позиций, близких к тем, которые легли в основу фонологии; здесь ему принадлежат работы в области морфологии имени и глагола, а также мысли о типологическом сопоставлении родственных языковых систем. Хотя лексикой Якобсон специально занимался мало, в его работах есть ряд интересных этимологий славянских слов. Большое внимание уделялось Якобсоном поэтике, стиховедению, древнему славянскому эпосу; он, в частности, изучает «Слово о полку Игореве» и убедительно доказывает его подлинность. Якобсон нередко производит сравнение фактов различных литератур, делая выводы как о типологическом сходстве, возникающем в результате параллельного развития, так и о генетическом родстве — общем происхождении определенных явлений устного народного творчества. Якобсон обращался и к древней славянской мифологии, анализируя ее систему. Он публиковал некоторые древние тексты. Многочисленные труды Якобсона характерны широкой эрудицией автора, свободой, с которой он привлекает к исследованию колоссальный фактический материал, стремлением дать этому материалу новое и глубокое освещение.

К Пражскому лингвистическому кружку примыкал и Николай Сергеевич Трубецкой (1890—1938). Трубецкой разработал фонологическую теорию в своей посмертно вышедшей книге «Основы фонологии» (1939; русский перевод — 1960), предложил принципы морфонологии. Лишь после войны была опубликована старославянская грамматика Трубецкого, в которой последовательно и ярко проводятся фонологические и грамматические идеи

автора; это, между прочим, позволило взглянуть на Константина и Мефодия как на стихийных фонологов, интуитивно постигших систему фонем старославянского языка. Читая в Венском университете, где он работал с 1922 г. по рекомендации Ягича, лекции по славянским языкам, Трубецкой стремился разобраться в истории и системе каждого языка. Но в опубликованном виде дошли до нас лишь наблюдения Трубецкого над памятниками полабского языка и тщательное исследование полабской фонологической и морфонологической систем. А морфонологические идеи Трубецкого нашли свое приложение также в книге о морфонологической системе русского языка (1934).

Во Франции продолжалось начатое А. Мейе исследование славянских языков. Парижский институт славянских исследований с 1921 г. стал издавать журнал «Revue des études slaves», известный не только разнообразными по тематике статьями, но и основательными библиографическими обзорами, в которых, в частности, довольно полно представлена славистическая литература, издаваемая в неславянских странах. Видный французский славист Андре Вайан (1890—1977) много и успешно занимался древними славянскими письменными памятниками, издал несколько памятников, дошедших до нас в копиях XIII—XIV вв. Им было подготовлено превосходное «Руководство по старославянскому языку», переведенное на русский язык (1952). После второй мировой войны Вайан работал над многотомной сравнительной грамматикой славянских языков. Вышло пять томов (7 книг) этого капитального, особенно ценного в морфонологической части, труда. В десятках статей и заметок Вайан дал интересные этимологии славянских, в том числе русских, слов. Вайан изучал народную поэзию южных славян. Совместно с А. Мейе им написана сербскохорватская грамматика. Деятельность Вайана не ограничивалась научной работой, его педагогическая работа способствовала развитию французской славистики в последние десятилетия.

Французская славистика вносит свой вклад и в изучение отдельных славянских языков. Во Франции началась деятельность Бориса Унбегауна (1898—1973). Капитальное исследование русского склонения первой половины XVI в. (1935), популярная русская граммати-

ка, библиографические работы, исследование о русском стихосложении, полные живого фактического материала работы об истории слов и выражений, спорные, но интересные работы о развитии славянских литературных языков, исследования по славянской ономастике — таковы результаты большого труда этого известного зарубежного слависта. Известный синтаксист-теоретик *Люсьен Теньер* (1893—1953) в начале своей деятельности составил уникальный по учету разнообразных грамматических условий атлас употребления двойственного числа в словенских диалектах. *Анри Граппен* (1881—1959) изучал вопросы истории польского языка.

В период после первой мировой войны славистические исследования в Германии продолжались, но в 30-х гг., с приходом к власти гитлеровцев, они были приостановлены или прекращены, за исключением некоторых ненаучных и тенденциозных «работ», в которых искажалась история и культура славянства. Но в 20-х гг. был еще подготовлен ряд важных для славистики исследований. Балтист и славист *Рейнгольд Траутманн* (1883—1951) издал «Балто-славянский словарь» (1923), в котором была представлена общая лексика балтийских и славянских языков. Траутманн вел также работу по изучению славянских местных названий на территории Германии, опубликованную уже после войны в трех томах. После второй мировой войны Траутманн опубликовал краткое введение в славистику «Славянские народы и языки» (1948), а также краткую русскую грамматику (1948). *Пауль Дильс* (1883—1963) издал очень полную грамматику старославянского языка (1932).

Видный немецкий славист *Макс Фасмер* (1886—1962), который до первой мировой войны работал в некоторых русских университетах и занимался исследованием славяно-греческих языковых связей, после войны продолжал изучение славянско-неславянских языковых отношений. С 1925 г. он стал редактором журнала «*Zeitschrift für slavische Philologie*», которому суждено было заменить прекратившийся вскоре «Архив» Ягича. Фасмер начал подготовку материалов для этимологического словаря русского языка. В годы войны собранные им материалы погибли во время бомбардировки, но ученый восстановил их, и с 1949 г. начал выпускать «Русский этимологический словарь», заверченный в 1958 г. Этот словарь —

лучший русский и вообще славянский заверченный этимологический словарь. Он переведен на русский язык и издан в четырех томах под названием «Этимологический словарь русского языка» (1964—1973). В послевоенные годы Фасмеру удалось также организовать издание большого обратного словаря русского языка и словаря русских собственных имен. Этимологический словарь Фасмера обеспечил его автору прочное место в истории славистики.

Николаас Ван-Вейк (1880—1941) был профессором Лейденского университета в Голландии. Под влиянием Ягича и Лескина, у которых он учился в Вене и Лейпциге, Ван-Вейк занялся исследованием старославянского языка, результатом которого стала его оригинальная книга «История старославянского языка» (1931), переведенная на русский язык (1957). Но интересы Ван-Вейка были значительно более широкими. Он посвятил ряд работ славянской акцентологии в ее соотношении с балтийской, а также в плане характеристики явлений ударения в отдельных славянских языках, занимался и другими проблемами звуковой системы и грамматического строя праславянского языка в его отношениях с балтийскими языками и с современными славянскими языками. Ван-Вейк исследовал также западнославянские диалекты. Обобщающий характер имеет его книга «Славянские языки: от единства к множеству» (1937).

1 октября 1938 г. гитлеровская Германия оккупировала часть Чехословакии, так называемую Судетскую область, а 15 марта 1939 г. были захвачены остальные чешские земли; накануне Словакия была провозглашена словацкими фашистами по согласованию с гитлеровцами «независимым» государством. Все это происходило при потворстве со стороны тогдашних правящих кругов Англии и Франции. 1 сентября гитлеровские войска вторглись в Польшу, развязав тем самым вторую мировую войну. Эта война, отразившаяся на судьбах десятков и сотен миллионов людей, не могла не отразиться и на развитии славистики, на судьбах славистов. Оккупанты попытались использовать чешских славистов в своих целях. Славянский институт и Славянская библиотека были включены в пражский немецкий университет. М. Мурко отказался от поста директора. Немцы попытались продолжить издание журнала «*Slavia*», но это

не встретило поддержки ученых; оккупантам удалось выпустить в 1944 г. лишь один номер журнала, далекий от настоящей науки. Многие чехословацкие ученые оказались за колючей проволокой. Пражского болгариста и специалиста по серболужицкой литературе Йосефа Пату (1886—1942) казнили за то, что он поддерживал национально-культурное движение серболужичан.

В Кракове спустя полтора месяца после его оккупации, 6 ноября 1939 г., по указанию эсэсовского офицера был собран профессорско-преподавательский состав Ягеллонского университета; оберштурмбаннфюрер обещал изложить свои взгляды на развитие высшего образования в Польше. Доклад свелся к нескольким фразам, смысл которых был: высшее образование для поляков запрещено, а профессора, которые хотели начать обучение студентов, будут отправлены в концлагерь. Все присутствующие 144 преподавателя университета во главе с ректором, известным славистом Т. Лер-Сплавинским, были (вместе с несколькими случайно оказавшимися в университете людьми) арестованы. Среди них было много старых и больных людей, видному ученому-полонисту К. Нитшу, например, было уже 66 лет. Двадцать человек умерли от лишений в лагерях Заксенхаузен и Дахау, куда направили профессоров и преподавателей Ягеллонского университета, или непосредственно после возвращения домой. Среди них был доцент-русист С. Беднарски. Арестованные ученые категорически отказались от сотрудничества с оккупантами, предложенного взамен за свободу. Когда об аресте краковских ученых узнали за пределами Польши, общественность стала пытаться оказать им какую-либо помощь. Известный югославский писатель Иво Андрич, воспитанник Ягеллонского университета, будущий нобелевский лауреат, а в то время посол Югославии в Берлине, запросил немецкие власти о судьбе польских ученых, его поддержали послы еще некоторых стран. Известный немецкий славист профессор Берлинского университета академик Макс Фасмер проявил мужество и организовал петиции нескольких групп немецких ученых к властям с просьбой освободить польских профессоров. Благодаря этому вмешательству старые ягеллонские профессора были выпущены через полгода после ареста. Заключенный № 5371, ныне директор Института польского языка Польской Академии

наук, видный польский славист Станислав Урбаньчик (род. 1909), бывший тогда еще молодым доцентом, рассказал об этом гитлеровском преступлении в книге «Университет за колючей проволокой» (2-е изд.—1969). В Люблине бросают в тюрьму, а затем в концлагерь молодого тогда профессора, ученика Н. С. Трубецкого, Владислава Курашкевича (род. 1905); с ноября 1939 по май 1945 ученый пробыл в заключении, год после этого пролежал он в больнице, чтобы, вернувшись на Родину, успешно продолжить работу в области славянского языкознания в Познани. А тогда в Познани, которая была включена в состав гитлеровского рейха, арестовали ряд профессоров; уже то, что они преподавали польский язык в Познани, было преступлением. Профессор *Эдвард Клих* (1878—1939), изучавший историю польского языка, польские и белорусские диалекты, цыганский язык, погиб в гитлеровской тюрьме вместе с еще тремя познанскими славистами... Когда эсэсовцы выпускали из лагеря краковских ученых, они строго предупреждали, что профессорам запрещена преподавательская деятельность и грозили новым заключением в лагерь. Но в оккупированной Польше действовало тайное обучение в подпольных университетах, готовились кадры для будущего, проводились даже тайные защиты диссертаций. Еще в лагере профессор К. Нитш сказал: «Я прожил уже 66 лет, сделал в жизни, что мог, занимал разные посты, естественно, что умру, но надо помочь молодым, чтобы они выдержали лагерь, потому что они будут очень нужны для нашего будущего». И польские слависты принимали активное участие в этой работе.

Советские ученые-слависты вместе со всем советским народом с первых дней Великой Отечественной войны приняли активное участие в борьбе с гитлеровцами. Академик Н. С. Державин публикует в 1942 г. книгу «Фашизм — злейший враг славянства», выступает на антифашистских митингах, участвует в работе Славянского комитета СССР, пишет публицистические статьи. Тяжелобольной профессор А. М. Селищев работает над статьями, разоблачающими чудовищные замыслы немецкого фашизма против славян, выступает с докладами на антифашистских конференциях... Те, кто был помоложе, шли на фронт. Молодой преподаватель-языковед *Иван Константинович Белодед* (род. 1906) идет в армию, служит

в танковых войсках... Потом, после войны по приглашению Л. А. Булаховского он снова вернется к родной филологии, напишет десятки работ о языке украинской художественной литературы, по связям украинского языка с другими славянскими, будет министром просвещения Украины, заменит Л. А. Булаховского после его смерти на посту директора Института языковедения АН УССР, будет вице-президентом украинской и академиком Всесоюзной академии. Но идет война, и Белодед проходит ее от первого до последнего дня, чтобы закончить войну полковником, кавалером пяти боевых орденов. Стал в ряды защитников Родины крестьянский сын из тульской деревни Селино, доцент Ленинградского пединститута *Федот Петрович Филин* (род. 1908). В сообщении об одной диалектологической конференции военных лет было сказано, что на нее прибыл майор Филин. Он уже был автором двух монографий по истории и диалектологии русского языка, ряда статей. Он станет автором еще ряда фундаментальных работ, он начнет издание монументального «Словаря русских народных говоров», он преодолеет заблуждения Н. Я. Марра, сохранив вместе с тем глубокое уважение к беспокойному нищущему духу этого ученого, он станет одним из ведущих советских русистов, членом-корреспондентом академии, директором Института русского языка АН СССР. Но это будет после войны. А в суровые дни Великой Отечественной войны коммунист Филин защищал Ленинград... Не всем способным, талантливым советским славистам, защищавшим свою Родину, свой народ, свой язык, а вместе с тем все славянство от угрозы физического истребления, довелось вернуться и продолжить мирные занятия языками и литературами славянских народов. Погиб в бою на Орловщине, защищая родную Беларусь, заведующий кафедрой белорусского языка Минского пединститута Константин Иванович Гурский (1907—1943), автор интересных исследований по белорусскому синтаксису...

Среди советских воинов — освободителей Болгарии — был тридцатилетний майор *Юрий Сергеевич Маслов* (род. 1914), родившийся в семье известного киевского филолога-слависта С. И. Маслова и успевший в 1940 г. защитить в Ленинграде кандидатскую диссертацию по истории немецкого глагола. Вернувшись в 1946 г. в Ле-

нинградский университет, Маслов читает, однако, уже не немецкий, а болгарский язык. Маслов становится одним из ведущих советских славистов, крупнейшим специалистом по болгарскому языку, автором работ по общему языкознанию. В числе работ Маслова и оригинальное пособие по введению в языкознание, и содержательная болгарская грамматика, и многие основополагающие работы по славянскому глагольному виду. Быть может, в повороте Маслова к славистике сыграл роль памятный сентябрь 1944 г. «под звездами балканскими», когда Маслов открыл для себя болгарский язык? А *Леонид Иванович Ройзензон* (1920—1977) открыл для себя чешский язык весной сорок пятого, когда участвовал в освобождении Чехословакии. Спустя много лет, будучи уже видным специалистом в области славянского синтаксиса, фразеологии, словообразования, Ройзензон снова приехал в Брно — город, который когда-то освобождал, на научную конференцию по вопросам синтаксического строя славянских языков, которую организовал его коллега и друг *Ярослав Бауэр* (1924—1969), талантливый чехословацкий специалист по славянскому синтаксису... Но это было спустя двадцать лет. А сразу после демобилизации Ройзензон пришел во Львовский университет, где возглавлял славистику И. С. Свенцицкий, и сел за студенческую скамью: он решил стать богемистом — специалистом в области чешской филологии.

Трудную школу войны прошли многие советские слависты, специалисты по отдельным славянским языкам. Белорусская славистика — один из сильных коллективов в советской славянской филологии. Она создавалась главным образом в послевоенные годы. И не последнюю роль в успехах белорусской славистики играет, видимо, боевой дух тех, кто пришел в нее, пройдя фронт или партизанский отряд. Академик Николай Васильевич Бирилло (род. 1923), видный белорусский языковед, крупный специалист по диалектологии и славянской ономастике; директор Института литературы АН БССР академик АН БССР Иван Яковлевич Науменко (род. 1925); заведующие кафедрами белорусского языка в вузах республики Лев Михайлович Шакун (род. 1926), Федор Михайлович Янковский (род. 1918), Владимир Васильевич Аниченко (род. 1924); заместитель директора Института языкознания АН БССР член-корреспондент АН БССР Арка-

дий Иосифович Журавский (род. 1924); заведующие кафедрами белорусской литературы Антон Александрович Семенович (род. 1917), Николай Михайлович Гринчик (род. 1923); сотрудник Института литературы АН БССР член-корреспондент АН БССР Александр Михайлович Адамович (род. 1927); заведующие секторами Института искусствоведения, этнографии и фольклора АН БССР Иван Васильевич Гуторов (1906—1967), Анатолий Семенович Федосик (род. 1925), как и многие другие белорусские филологи, были во время Великой Отечественной войны участниками партизанского движения. Видные белорусские литераторы, сыгравшие большую роль в развитии филологической науки в БССР, академики Петр Федорович Глебка (1905—1969), Кондрат Кондратович Крапива (род. 1896), Василий Васильевич Борисенко (род. 1904), Петр Устинович Бровка (1905—1980) работали во фронтовой печати. В действующей армии служили заведующие кафедрами русского языка белорусских вузов Павел Павлович Шуба (род. 1926), Михаил Гапеевич Булахов (род. 1919), Марина Васильевна Федорова; заведующий сектором общего и славянского языкознания Института языкознания АН БССР Виктор Владимирович Мартынов (род. 1924); заведующие секторами Института литературы АН БССР Наум Соломонович Перкин (1912—1976), Юлиан Сергеевич Пширков (1912—1980); видные литературоведы академик АПН СССР Василий Владимирович Ивашин (род. 1913); член-корреспондент АПН СССР Михаил Арсеньевич Лазарук (род. 1926), Михаил Григорьевич Ларченко (род. 1907), Степан Хусейнович Александрович (род. 1921) и десятки других белорусских филологов. Почти все белорусские профессора-филологи мужчины — бывшие фронтовики или партизаны. Этого нельзя забывать, когда оцениваются успехи белорусской науки...

Вторая мировая война была для славянских народов войной за существование. Развязавший войну гитлеровский фашизм открыто стремился к угнетению и истреблению славянства. Лживая человеконенавистническая расовая доктрина вооружала немецких фашистов «теорией» неполноценности славянских народов, согласно которой славяне неспособны создавать культурные ценности, не нуждаются в образовании, а должны быть своего рода рабочим скотом для «германской расы господ», который

кормил бы ее, беспрекословно выполнял неквалифицированную работу, а сам прозябал в нищете и невежестве. Это была отнюдь не абстрактная теория. Во исполнение этой теории строились крематории в Освенциме и сжигались сотни Хатыней, пылали костры из книг на улицах немецких городов и разрушались города на оккупированных землях, уничтожались украинские музеи и бросались в тюрьмы престарелые польские профессора, ссылались сербобужицкие священники и расчленялась словенская земля... Жуткая античеловеческая деятельность гитлеровцев не могла не побудить славян к сопротивлению, к борьбе за свою жизнь, свободу и независимость. Все славянские народы встали на эту борьбу. Она потребовала невиданных жертв. Но выстояли и победили.

В годы тяжелых испытаний советские школьники, открывая учебник, читали и учили наизусть: «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины,— ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык!» Эти слова написал летом 1882 г. за год до своей смерти, Иван Сергеевич Тургенев. Мысли о бессмертии родного славянского слова не были праздными мыслями для миллионов людей в те годы. Потому, что в мыслях этих черпалась уверенность в стойкости, в непобедимости национального духа. И Анна Ахматова в стихотворении «Мужество», датированном 23 февраля 1942 г., вторила Тургеневу:

Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.
Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова,
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки.

Раздумья о родном слове, о его судьбах, о значимости его для народа были характерной чертой многих филологических работ, написанных в дни войны. Издательство «Правда» в 1944 г. выпустило брошюру крупнейшего советского языковеда-русиста В. В. Виноградова «Величие и мощь русского языка». А в небольшой, карманного

формата книжке В. В. Виноградова, напечатанной на газетной бумаге, но с ярким и знаменательным названием «Великий русский язык» говорилось об исторических корнях величия русского языка, о том, как его ценили и любили выдающиеся деятели культуры Европы. Очень похоже была оформлена и книжка Г. О. Винокура «Русский язык. Исторический очерк». Эти книжки вышли не в научном издательстве — в Гослитиздате. И была в них, видимо, тогда настоятельная потребность.

Настоятельной была и потребность в труде *Дмитрия Сергеевича Лихачева* (род. 1906), ныне академика, но и тогда уже виднейшего филолога, специалиста по древнерусской культуре, «Оборона древнерусских городов», вышедшем в Ленинграде в блокадном 1942 г. А в 1945 г. вышла книга Д. С. Лихачева, тоже прямо связанная с патриотическими размышлениями военных дней, когда она писалась, — «Национальное самосознание древней Руси».

Актом большого не только гражданского, но и личного мужества было издание в 1942 г. Болгарской Академией наук исследования *Ивана Лекова* (1904—1978) — крупнейшего болгарского слависта, автора ряда работ по сопоставлению и типологии славянских языков — под названием «Характеристика общих черт в болгарском и восточнославянских языках». Об общих чертах наших языков думал в те трудные месяцы Иван Леков, об общих судьбах. И верил в светлое будущее славянства. В оккупированной Праге в 1939—1940 гг. чешские слависты приняли участие в издании сборника со знаменательным названием «Что дали наши земли Европе и человечеству». В статьях лингвиста Б. Гавранека, литературоведа Франка Вольмана речь шла не просто о чешских землях, а значительно шире: о культурном значении славянства и славистики.

Ученые самой гуманной профессии — филологи не могли не думать о будущем. В прифронтовой обстановке осенью 1943 г. под Харьковом украинское правительство одобрило проект изменений в украинской орфографии, предложенный Орфографической комиссией под руководством Л. А. Булаховского. Это важно было сделать именно тогда: предстояло отстраивать школы и библиотеки, восстанавливать уничтоженные гитлеровцами книжные фонды, и сделать это было разумнее всего,

руководствуясь обновленной орфографией. А готовясь к этой работе, Л. А. Булаховский, специалист широких славистических интересов, написал работы по основам орфографии и пунктуации, опубликовал в единственном тогда «толстом» украинском журнале «Украинская литература» статью «Украинский язык среди других славянских»...

Большие, фундаментальные проблемы занимали ученых в те годы. Видный советский языковед академик *Иван Иванович Мещанинов* (1883—1967) в годы войны создал свою лучшую книгу, капитальный труд «Члены предложения и части речи». Л. В. Щерба пишет в последние месяцы своей жизни, в 1944 г., статью «Очередные проблемы языковедения», одну из самых цитируемых до сих пор его работ. Обращение к центральным, крупным темам науки характерно было в годы войны для многих представителей славянской филологической науки.

Вторая мировая война закончилась. Славянские народы вместе со всем прогрессивным человечеством отстаивали свободу и достоинство человека. Фашизм не прошел. Одним из результатов второй мировой войны явилось то, что все славянские народы встали на путь строительства социализма.

Спустя некоторое время после второй мировой войны восстановилась традиция международных славистических конгрессов. В 1955 г. в Белграде состоялось Международное совещание славяноведов, на котором советские слависты В. В. Виноградов, В. И. Борковский, Ю. С. Маслов, М. П. Алексеев, А. С. Мясников, П. Н. Третьяков сделали доклады об изучении в СССР в послевоенные годы славянских языков и литератур и о работе Института славяноведения АН СССР, воссозданного в 1947 г. (с 1968 г. — Институт славяноведения и балканистики АН СССР). Аналогичные доклады сделали и представители других стран, среди которых были А. Мазон и А. Вайан, Т. Лер-Сплавинский, В. Дорошевский, П. Дильс, Р. Якобсон, В. Георгиев, И. Леков, Б. Гавранек, К. Горалек и др. Открыл Белградское совещание А. Белич. Совещание решило считать Третий международный конгресс славистов состоявшимся и провести в 1958 г. очередной IV Международный съезд славистов в Москве.

Для проведения Московского конгресса был создан Международный комитет славистов, который возглавил академик В. В. Виноградов. Этот съезд, состоявшийся в первой декаде сентября 1958 г. в новом тогда здании Московского университета на Ленинских горах, явился крупнейшим событием не только в послевоенной славянской филологии, но и в культурной жизни славянских народов. Подготовка к съезду активизировала советскую и зарубежную славистику. Специальные славистические сборники были выпущены во всех славянских столицах и во многих других университетских городах — Одессе и Фрунзе, Батуми и Самарканде, Воронеже и Тарту. В рамках подготовки к съезду началась интенсификация славистических исследований не только в ее традиционных центрах — Москве, Ленинграде, Киеве, но и в Минске, где из-за человеческих потерь и материальных разрушений филологию пришлось строить практически заново. Наряду с Советским комитетом славистов под председательством В. В. Виноградова (ныне председатель М. П. Алексеев) были созданы республиканские комитеты славистов на Украине (председатель Л. А. Булаховский, ныне — И. К. Белодед) и в Белоруссии (председатель К. К. Крапива, ныне — член-корреспондент АН БССР, видный организатор лингвистической науки в республике Михаил Романович Судник (род. 1910)). Большая организационная работа увенчалась успехом. На съезд прибыли две тысячи делегатов, представлявших 27 стран. Такого крупного научного форума славистика до этого не знала. Были изданы заранее тексты всех двухсот пятидесяти докладов съезда, а после съезда в трех томах был опубликован его отчет со стенограммами пленарных заседаний, списками участников, программой и другими справочными данными, а также изложением всех дискуссионных выступлений.

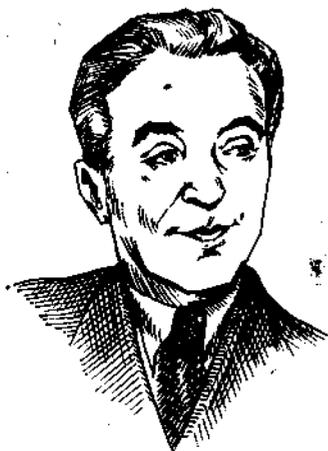
Московский съезд славистов был настоящим праздником славистической науки. Казалось, что все огромное высотное здание главного корпуса МГУ заполнили слависты. В множестве одновременно работавших секций, в кулуарах можно было встретить не только всех крупнейших советских славистов, но и видных славистов, прибывших из-за рубежа.

На выставке славистической литературы слависты познакомились с изданиями, которые иногда были им неве-

домы. С раннего утра и до позднего вечера гудел улей славистического МГУ. Как и на любом конгрессе, самым главным были, пожалуй, не столько официальные доклады, хотя и они чрезвычайно важны, сколько личные контакты. После многих лет разделения старые слависты возобновляли, а молодые завязывали деловые знакомства. Делились планами, договаривались об обмене литературой, рассказывали друг другу о проделанной работе и вручали необходимые на любом научном форуме оттиски своих работ. Московский съезд славистов не просто восстановил прерванную традицию, но заложил основы длительного сотрудничества, разнообразного по форме, по тесноте, но неизменно основанного на взаимном уважении, на стремлении понять друг друга, помочь друг другу, а главное — сделать общий шаг в изучении славянских языков и литератур.

На съезде был намечен ряд фундаментальных международных научных мероприятий. Самое сложное из них — создание общеславянского лингвистического атласа — уже вступило в завершающую фазу. Под руководством видного советского диалектолога *Рубена Ивановича Аванесова* (род. 1902), председателя диалектологической комиссии Международного комитета славистов, проделана огромная организационная работа по созданию программы атласа, сбору диалектного материала, составлению карт, а теперь уже и их изданию. Вышел и задуманный тогда многоязычный «Словарь славянской лингвистической терминологии», изданный под редакцией чешского языковеда Алоиса Едлички в 1977—1979 гг. в Чехословакии. Идет работа и над некоторыми другими международными проектами.

Пятый международный конгресс славистов состоялся в 1963 г. в Софии, Шестой — в 1968 г. в Праге, Седьмой — в 1973 г. в Варшаве, Восьмой — в 1978 г. в Югославии, в Загребе, а Девятый будет в 1983 г. в Киеве. Председателями Международного комитета славистов были в этот период ведущие слависты стран, организующих конгресс: В. И. Георгиев (Болгария), Б. Гавранек (Чехословакия), В. Дорошевский (Польша), Б. Крефт (Югославия), а ныне М. П. Алексеев (СССР). При Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) создана Ассоциация по изучению и распространению славянских

языков и культур, которая уже провела в рамках поставленных перед ней задач ряд специальных международных симпозиумов. Как славистические конгрессы, собирающие по несколько сот иностранных участников, так и эти симпозиумы являются вехами на пути стремительного развития славистики в славянских и неславянских странах в послевоенные годы. Из науки кабинетной славистика превратилась в послевоенный период в науку широкого общественного значе-

ния. То обстоятельство, что славянские народы составляют ныне значительную часть лагеря мира и социализма, не могло не отразиться на росте интереса к их языкам и литературам. В 1967 г. была создана Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ); ныне около двадцати миллионов человек за пределами нашей страны изучают русский язык. Славист за пределами славянских стран — это очень часто русист, а русисты нередко совмещают интересы к русскому языку с интересами к другим славянским языкам и литературам. Расширяется интерес и к взаимному познанию друг друга между народами славянских стран. И это является основой успешного, как никогда, развития славистики в наше время.

Научная деятельность первого председателя Международного комитета славистов *Виктора Владимировича Виноградова* (1895—1969) началась еще в конце 10-х гг.: первый печатный труд Виноградова был опубликован в «Известиях Российской Академии наук» за 1919 г. Это было капитальное исследование о судьбе звука *ѣ* в письменных памятниках северновеликорусского наречия. Своими учителями Виноградов называл А. А. Шахматова и Л. В. Щербу. В архиве сохранился отзыв Шахматова на студенческую работу Виноградова. А Виноградов, всегда с огромным вниманием относившийся к научным предшественникам и написавший ряд серьезных работ с анализом взглядов выдающихся отечественных языковедов,

не раз писал о научном творчестве А. А. Шахматова и Л. В. Щербы.

В. В. Виноградов родился в Зарайске Рязанской губернии в семье священника, учился в духовной семинарии, а затем в Историко-филологическом и Археологическом институтах в Петрограде. По рекомендации Шахматова был оставлен в 1918 г. для подготовки к профессорскому званию в Петроградском университете и с 1920 г. начал свою преподавательскую деятельность в качестве доцента. Работал в Петроградском (позже — Ленинградском) университете, а с 1930 г. — в Москве (с перерывами в 1934—1937 и 1941—1944 гг., когда Виноградов был в Вятке и Тобольске), где он до последних дней руководил в университете кафедрой русского языка. Вместе с тем Виноградов работал в научно-исследовательских институтах, а после лингвистической дискуссии 1950 г. был директором Института языкознания (1950—1958) и Института русского языка АН СССР (1958—1968). Виноградов был основателем (в 1952 г.) и до конца своей жизни главным редактором журнала «Вопросы языкознания». Он был первым президентом МАПРЯЛ, академиком ряда иностранных академий, почетным доктором ряда зарубежных университетов. Действительным членом АН СССР он был избран еще в 1946 г. Но ни педагогическая, ни организаторская деятельность академика Виноградова не могли отвлечь его от его занятий наукой. В центре внимания Виноградова всегда был русский литературный язык. Он был превосходным грамматистом, и его книга «Русский язык. Грамматическое учение о слове» (1947; 2-е изд. — 1972) до сих пор является лучшим научным изложением русской грамматики в сфере учения о частях речи. Он создал науку о языке художественной литературы, и его работы о языке Пушкина, Гоголя, многих других писателей и поэтов, его обобщающие книги «О языке художественной литературы» (1959), «Сюжет и стиль» (1963), «Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика» (1963), «О теории художественной речи» (1971) являются основополагающими в этой области. «Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв.» (1934; 2-е изд. 1938) Виноградова представляют собой пионерское исследование в этой новой области науки. Очень многое сделано Виноградовым для изучения русской

лексики, он заложил основы для становления фразеологии как особой дисциплины. Много внимания уделил Виноградов вопросам взаимодействия русского и других славянских литературных языков в древнейший период. Он развивал мысль о наличии в древнерусский период двух разновидностей письменного языка — церковнославянской и русской народной по своей основе. Труды Виноградова представляют собой крупнейший вклад советской лингвистики в мировую славистику.

Петр Саввич Кузнецов (1899—1968) не имел высших академических званий, был «просто» доктором филологических наук и «просто» профессором. Но вклад его в развитие отечественной лингвистики настолько велик, что закреплено за ним в истории нашей науки очень почетное место, определяемое не должностями и титулами, но весом трудов ученого и его ролью в развитии современной ему науки. Человек исключительно широкого, можно сказать, энциклопедического круга интересов, Кузнецов еще в гимназии увлекался филологией и математикой. Еще с детства дружил он с Андреем Николаевичем Колмогоровым (род. 1903), в будущем — выдающимся советским математиком, академиком, занимающимся с большим интересом вопросами математической поэтики. Вероятно, именно эта увлеченность математикой определила и позднее стремление Кузнецова к точности в лингвистических исследованиях, его вхождение в ядро Московской фонологической школы вместе с Р. И. Аванесовым, Александром Александровичем Реформатским (1900—1978) и другими, а также и участие в первых шагах разработки машинного перевода в СССР. Студенты знают имя Кузнецова по краткому очерку русской диалектологии и по учебнику исторической грамматики русского языка, написанному им совместно с В. И. Борковским. Иностранцам известно его имя как редактора одного из популярных справочников русской грамматики для иностранцев, издающегося еще с 1939 г. А в области славистики наиболее значительны исследования Кузнецова о происхождении чередований в славянских языках и книга «Очерки по морфологии праславянского языка» (1961), аккумулировавшая ряд других работ ученого.

Тимофей Петрович Ломтев (1906—1972) многое сделал для развития белорусской науки о языке, проработав

около десятка лет в Минске. Его историко-языковые исследования по белорусскому синтаксису, как и работы по русскому синтаксису в историческом освещении и в синхронном, современном разрезе, отличаются и богатством материала и оригинальностью трактовок. Самобытны работы Ломтева по компонентному описанию лексики, а также по фонологии. Ломтев стремился применить в своей исследовательской практике новые методики и новые подходы к анализу языковых фактов. Ему принадлежит ряд работ о структуре славянского предложения и о других явлениях славянского синтаксиса, представленных, в частности, в виде докладов на IV—VII международных славистических конгрессах.

Вопросы исторического синтаксиса русского и других восточнославянских языков являются центральным объектом интересов академика *Виктора Ивановича Борковского* (род. 1900). Борковский уделяет также много внимания истории белорусской и русской славистики. В течение ряда лет он был директором Института русского языка АН СССР и является заместителем председателя Советского комитета славистов.

Сравнительно-исторические исследования славянских языков — главная сфера интересов *Самуила Борисовича Бернштейна* (род. 1911), одного из учеников А. М. Селищева. Бернштейн — автор двух томов широко задуманной «Сравнительной грамматики славянских языков» (1961, 1974), работ по языку среднеболгарских письменных памятников, учебника и словарей болгарского языка, инициатор составления атласа болгарских говоров СССР (1958), карпатского диалектологического атласа (1967). Бернштейн принимал участие в составлении диалектологического атласа болгарского языка. Он является крупным специалистом по истории славянской филологии, человеком большой эрудиции и широких познаний в области балканистики.

Олег Николаевич Трубачев (род. 1930) занимается сравнительно-историческими исследованиями, ориентированными главным образом на лексику. Им опубликованы книги о славянских терминах родства (1959), названиях животных (1960), о ремесленной терминологии в славянских языках (1966), о гидронимах Поднепровья (1962, в соавторстве с В. Н. Топоровым) и правобережной Украины (1968). Трубачевым опубликованы десятки

статей и заметок по различным вопросам славянской этимологии, в том числе очень глубокие и оригинальные работы теоретического характера. В настоящее время под руководством Трубачева выходит «Этимологический словарь славянских языков» (с 1974 г.).

Никита Ильич Толстой (род. 1923) принадлежит к числу виднейших советских славистов. Его научные интересы обращены прежде всего к историко-типологическим исследованиям славянской лексики. Для этих исследований широко привлекается обширный диалектный материал, собиранием которого на Полесье и на русском Севере по специальным программам много внимания уделяет Толстой и его сотрудники. Важнейшие результаты в этой области отражены в книге «Славянская географическая терминология» (1969) и в докладе на Пражском конгрессе славистов (1968). Другой вопрос, которым много занимается Толстой, — это славянские литературные языки, и особенно в их формах, бытовавших до XIX в. (в донациональный период). Толстой привлекает к себе многочисленных учеников колоссальными знаниями, широким подходом, открывающим большие возможности творческого исследования славянского языкового материала, щедрой и открытой славянской душой.

Вячеслав Всеволодович Иванов (род. 1929) — ученый широких научных интересов и глубокой индоевропеистической эрудиции. Он занимается проблемами семиотики, привлекая к своим семиотическим исследованиям различные знаковые системы, в том числе литературу, киноискусство; показательна в этом отношении его книга «Очерки по истории семиотики в СССР» (1976). С другой стороны, Иванов занимается исследованием индоевропейской лингвистической проблематики, касаясь всех уровней языковой системы: фонологии и морфологии, синтаксиса, лексики. При этом славянский языковой материал включается в индоевропеистические исследования, как, например, в книгу «Общиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы» (1965). Совместно с *Владимиром Николаевичем Топоровым* (род. 1928), также видным советским индоевропеистом и славистом, Иванов занят проблематикой реконструкции праславянского текста; авторы подготовили по этому вопросу доклад для Со-

фийского конгресса славистов, выдвигая на первый план содержание реконструируемого текста. Конкретизация намеченного исследования потребовала от Иванова и Топорова исследований по древнеславянским мифологическим системам, отраженным в их книгах 1965 и 1977 гг. Топоров занимается и рядом других славистических проблем, известна его ранняя книга «Локатив в славянских языках» (1961). Топоровым начата также публикация большого словаря мертвого балтийского языка прусов (с 1975 г.).

С. Б. Бернштейн, *Н. И. Толстой*, *В. В. Иванов*, *В. Н. Топоров* работают в Институте славяноведения и балканистики АН СССР (ИСБ), который является одним из главных научных центров нашей страны по изучению проблем славянской филологии. В этом институте работал также рано погибший славист *Владислав Маркович Иллич-Свитиц* (1934—1966), написавший важную работу «Именная акцентуация в балтийском и славянском» (1963), а в последние годы жизни занимавшийся реконструкцией «ностратического» праязыка, объединяющего индоевропейскую, семито-хмитскую, уральскую, алтайскую, картвельскую и дравидийскую семьи; эта работа отражена в его посмертном двухтомном издании «Опыт сравнения nostrатических языков» (1971—1976). Иллич-Свитиц участвовал также в составлении первого «Македонско-русского словаря» и написал для него краткий очерк македонской грамматики. Рано скончался и другой сотрудник этого же славистического центра — *Исаак Иосифович Ревзин* (1923—1974), который обратился к славистике, к решению некоторых очень специальных славистических проблем, таких, например, как выражение категории определенности — неопределенности в старославянском языке. Его путь к славистике — через общелингвистические интересы, связанные с использованием новейших методов лингвистического анализа, в частности теоретико-множественного подхода. Для славистики наиболее важны книги Ревзина «Метод моделирования и типология славянских языков» (1967) и «Современная структурная лингвистика» (1977), «Структура языка как моделирующей системы» (1978). Широкий славянский материал привлекается также в исследованиях *Татьяны Михайловны Николаевой* по славянской интонации, *Владимира Антоновича*

Дыбо по ударению в славянских языках, Людмилы Эдуардовны Калынь по сравнительной фонологии, в трудах других славистов ИСБ. В области сербскохорватского языка работает Римма Владимировна Булатова, в области словацкого — Лев Никандрович Смирнов, чешского — Галина Парфеньевна Нецименко и т. д. Большую работу по анализу языка древнеславянских письменных памятников проводят Раля Михайловна Цейтлин, Елена Владимировна Чешко, Капитолина Ивановна Ходова, Евгения Ивановна Демина, Ирина Константиновна Бунина, а в Институте русского языка АН СССР Лидия Петровна Жуковская.

В различных высших учебных заведениях Москвы работает значительная группа языковедов-славистов. Они занимаются исследованием славянских языков как в сравнительном плане, так и в плане углубленного изучения отдельных славянских языков. Так, ведущая кафедра славянских языков Московского университета Александра Григорьевна Широкова является ведущим советским специалистом по вопросам чешского языка. Здесь же работают специалисты по сербскохорватскому, македонскому, словенскому языку — В. П. Гудков, Р. П. Усикова, О. С. Плотникова, специалисты по другим славянским языкам. В работах русистов Московского университета, в частности Клавдии Васильевны Горшковой, заведующей кафедрой русского языка МГУ, русский язык нередко получает славистическое освещение. Это ярко видно и в работах Б. А. Успенского, начавшего с теоретико-лингвистических исследований по типологии языков и занимающегося в последнее время проблематикой становления русского литературного языка, старорусской антропонимики и ударения. В Институте русского языка имени А. С. Пушкина работает специалист по старославянскому языку и языковым контактам Евгений Михайлович Верещагин (род. 1939). Перу А. И. Горшкова принадлежат работы по истории русского литературного языка и учебник старославянского языка, Владимир Конstantинович Журавлев (род. 1922) изучает праславянскую фонетическую систему.

В Москве — в Институте славяноведения и балканистики АН СССР, Институте русского языка АН СССР, Московском государственном университете, а также в других научных учреждениях и учебных заведениях —

успешно работают специалисты по славянским литературам. В области славянского фольклора в тесной связи с этнографией много и успешно работал Петр Григорьевич Богатырев (1893—1971); фольклорные исследования вел также в широком славистическом плане Николай Иванович Кравцов (1906—1980). Большая группа литературоведов занимается сравнением славянских литератур в их развитии. Илья Николаевич Голенищев-Кутузов (1904—1969) плодотворно изучал средневековые славянские литературы, их связи с другими европейскими литературами. Ему принадлежит, в частности, фундаментальная монография «Итальянское возрождение и славянские литературы XV—XVI вв.» (1963). Дмитрий Федорович Марков (род. 1913), директор Института славяноведения и балканистики АН СССР, является ведущим специалистом в области развития в славянских литературах социалистического реализма. Известны исследования по славянским литературам Е. З. Цыбенко, С. В. Шерлаимовой, С. В. Никольского, Л. С. Кишкина, М. С. Живова, И. М. Шептунова, В. И. Злыднева и др.

Кроме Москвы, наиболее крупными центрами развития славистики в СССР являются Ленинград, Киев и Минск. Разумеется, и в других городах, главным образом в университетах, развивается славянская филология. Так, во Львове сохраняется старая традиция подготовки специалистов по западным славянским языкам, кафедрой славянской филологии заведует здесь видный специалист по чешскому и серболужицким языкам Константин Константинович Трофимович (род. 1923). В Алма-Ате работает видный палеославист Моисей Михайлович Копыленко (род. 1920). В ряде городов РСФСР — Воронеже, Ростове, Горьком, Саратове, Перми, Уфе и др. — русисты стремятся к славистическим обобщениям, работают там и отдельные слависты. Славистические работы появляются также в таких университетских центрах, как Гарту, Ереван, а также Тбилиси, Самарканд, Фрунзе, Ташкент, Душанбе.

На Украине, кроме Киева и Львова, следует назвать Одессу, Черновцы, Ужгород, Донецк, Днепрпетровск, Харьков, где проводились в 60-х гг. республиканские славистические конференции и где работают не только «чистые» украинисты и русисты, но и специалисты по другим славянским языкам. В этих научных центрах

развитие славистических исследований хотя и имеет иногда, как, например, в Тарту или Одессе, определенные традиции, однако не носит в достаточной мере планомерного и постоянного характера, сильно зависит от работы в том или ином университете конкретного крупного слависта.

В Вильнюсе и Риге славянский языковой материал привлекается в балтийских исследованиях. Большой вклад в изучение балто-славянских языковых отношений внес выдающийся латышский ученый Янис (И. М.) Эндзелин (1873—1961); с 1971 г. выходят его «Избранные труды», в которых перепечатаются многие важные работы в этой области. Литовцы с основанием гордятся вкладом в изучение как балтийских языков, так и балто-славянских отношений, сделанным Казимиром Буга (1879—1924), «Избранные сочинения» которого в трех томах с четвертым — указателем — были изданы в послевоенное время (1958—1962). Для изучения балто-славянских отношений имеют значение работы ряда современных литовских и латышских балтистов, в частности Йонаса Казлаускаса, В. Мажюлиса, В. Урбутиса, З. Зинкявичюса, И. Палёниса, А. Ванаса, А. Озолса и др.

В столицах славянских республик — в Минске и Киеве — развитие славистики осуществляется более планомерно и интенсивно. Это ярко прослеживается на примере Минска. Еще в довоенный период славистические работы минских языковедов исчислялись единицами. После значительных разрушений и человеческих потерь в первые послевоенные годы необходимо было прежде всего решить актуальные вопросы развития науки о белорусском языке и литературе. Но уже с середины 50-х гг. Белорусский комитет славистов, руководство АН БССР и Белорусского государственного университета проявили заботу о развитии славистических исследований в республике. В 1961 г. был создан сектор общего и славянского языкознания в Институте языкознания АН БССР, а в 1966 г. — и кафедра общего и славянского языкознания в БГУ. Сектор провел две всесоюзные конференции по проблемам славяно-германских языковых связей, а кафедра общего и славянского языкознания проводит каждые пять лет (в 1967, 1973 и 1977 гг.) крупные республиканские симпозиумы по типологии и истории

славянских языков и литератур, на которые приезжают и многие гости из других республик. На базе БГУ в 1968 г. была проведена Всесоюзная конференция историков-славистов. Белорусисты теперь шире привлекают в своих исследованиях параллельные славянские материалы, что способствует подъему качества этих трудов. Выходят монографии и сборники работ по славянской филологии. Минск, по единодушному признанию специалистов, теперь уже стал значительным славистическим центром.

В Киеве, прежде всего в АН УССР, успешно развивается славистическая школа Л. А. Булаховского. К ней принадлежит не только И. К. Белодед, но и более молодые киевские слависты. Александра Саввича Мельничука (род. 1921) интересуют проблемы славянского синтаксиса, главным образом структуры предложения. Но Мельничук — не только синтаксист: он был также редактором украинского «Введения в сравнительно-историческое изучение славянских языков» (1966), а в настоящее время ведет большую редакторскую работу над этимологическим словарем украинского языка. Анатолий Павлович Непокупный (род. 1932) в двух книгах (1964 и 1976) обобщает свои исследования балто-славянских языковых отношений, особенно в области лексики. Вера Титовна Коломиец изучала пополнение лексики славянских языков в последний период, а также проблемы праславянской фонетики. Алла Иосифовна Багмут является автором ряда работ по истории славистики и экспериментальных исследований интонации в славянских языках. Славистический материал широко используется также в работах украинистов Михаила Андреевича Жовтобрюха (род. 1905), Виталия Макаровича Русановского (род. 1931) и др.

В Ленинграде главным славистическим центром в послевоенный период стал Ленинградский государственный университет. Достойным продолжателем славных славистических традиций был *Борис Александрович Ларин* (1893—1964) — филолог разносторонних интересов. Он показал значение для изучения истории русского языка старинных записей, сделанных иностранцами, предложил исследовать языковую жизнь города, составил проекты диалектологических атласов и древнерусского словаря, выступил инициатором издающихся ныне полного сло-

варя произведений А. М. Горького и Псковского областного словаря, изучал литовские диалекты и санскритские гимны, редактировал русский перевод этимологического словаря М. Фасмера и выступил с большой серией этимологических этюдов по славянской, и прежде всего русской, лексике. Хотя не все задуманное Лариным осуществилось, но и сделанного им достаточно для того, чтобы имя его вошло и в историю Ленинградского университета вместе со словарным кабинетом, созданным им и названным его именем, и в историю отечественной филологической науки. В Ленинградском университете работает видный специалист по древней славянской письменности Никита Александрович Мещерский (род. 1906), крупный советский славист Ю. С. Маслов, специалисты по сербскохорватскому синтаксису Петр Андреевич Дмитриев (род. 1928), по славянской фразеологии Валерий Михайлович Мокиенко (род. 1940), богемист-лексиколог Галина Алексеевна Лилич. Здесь же протекает деятельность индоевропеиста Ю. В. Откупщикова, русистов В. И. Кодухова, В. В. Колесова. Из ЛГУ вышел также А. В. Бондарко, занимающийся в основном проблемами общей и русской грамматики, но известный и своими славистическими исследованиями в области глагола. Людмила Степановна Ковтугн изучает древние славянские словари.

В Ленинграде проходила деятельность выдающегося специалиста по славянскому фольклору Владимира Яковлевича Проппа (1895—1970), крупнейшего специалиста по сравнительному литературоведению и германскому языкознанию, привлекавшего в своих сравнительно-литературоведческих работах славянский материал, Виктора Максимовича Жирмунского (1891—1971), историка русской литературы и ее зарубежных, в том числе и славянских, связей Павла Наумовича Беркова (1896—1969). Здесь работают видный советский историк древнерусской литературы и ее славянских связей Д. С. Лихачев, председатель Международного и Советского комитета славистов академик Михаил Павлович Алексеев (род. 1896), исследователь связей русской литературы с другими литературами, в том числе и со славянскими, проблематики древних учебных книг и словарей по русскому и славянским языкам и многих других вопросов славянской филологии.

В возникшей после второй мировой войны Народной Польше филологическая наука вообще, а языкознание в особенности получили небывалое развитие. Ежегодно появляются десятки монографий, выходят фундаментальнейшие собрания материалов по польскому и другим славянским языкам. Примером такого чрезвычайно важного в плане международной славистики издания является «Словарь славянских древностей» (издается на польском языке с 1961 г.), в котором помещаются тысячи статей, касающихся развития славянской материальной и духовной культуры до XII в. Первый том словаря редактировали историки В. Коваленко, Г. Лябуда и лингвист Т. Лер-Сплавинский; редакторами вышедшей в 1977 г. первой части шестого тома являлись Г. Лябуда и Э. Штибер. «Словарь славянских древностей» представляет собой энциклопедическое издание, в котором можно навести справки по различным проблемам древнеславянской культуры, получить сжатые фактические данные и библиографию. В Польше продолжают издаваться регулярно ежегодники «Rocznik slawistyczny», «Slavia Occidentalis», кварталник «Slavia Orientalis», содержательные тома сборника «Studia z filologii Polskiej i Słowiańskiej» (с 1955 г.), несколько серий монографий по различным славистическим профилям.

После войны продолжалась успешная деятельность таких крупных польских лингвистов, как К. Нитш, Е. Куртилович, Т. Лер-Сплавинский, В. Дорошевский, в послевоенный период развернулась работа С. Урбаньчика, В. Курашкевича.

Видным польским ученым-славистом, деятельность которого началась еще в 1929 г. исследованием словацкого говора, является *Эдвислав Штибер* (1903—1980). Штиберу принадлежит значительное число исследований по частным вопросам славянских языков, часть которых вошла в сборник «Языковой мир славян» (1974), сжатый (Штибер жаловался однажды, что не умеет писать длинно) «Очерк сравнительной грамматики славянских языков» в трех выпусках (1969—1973), Атлас лемковских говоров в восьми томах, книги по родственным отношениям лехитских языков, по межславянским переходным говорам, по западнославянской диалектологии, по исторической и современной фонологии польского

и чешского языков. Химик по первоначальному образованию, Штибер не только чрезвычайно сжато пишет, но и стремится к доказательности выдвигаемых точек зрения, к убедительности трактовок.

Из ученых старшего поколения следует назвать *Миколая Рудницкого* (1881—1978), опубликовавшего в послевоенные годы двухтомник «Праславянщина — Лехия — Польша» (1959—1961), в центре интересов которого были вопросы славянской прародины, истории праславянского языка позднего периода.

Франциск Славский (род. 1916) успешно занимается проблемами словообразования в славянских языках, славянской этимологии. Он выпускает «Этимологический словарь польского языка» (с 1952 г.), под его редакцией и руководством выходит коллективный «Праславянский словарь» (с 1974 г.), в котором, кроме многих словарных статей, редактор написал основательный очерк праславянского словообразования. Славский специально занимается вопросами южнославянских языков, особенно болгарского. Ему принадлежит «Очерк диалектологии южнославянских языков», а также ряд работ по истории и современному состоянию болгарского языка.

Для наиболее значительных работ полонистов послевоенного периода характерно обращение к сравнительному славянскому материалу, вообще широкий славистический подход. Поэтому работы *Зенона Клеменевича* (1891—1969), *Витольда Ташицкого* (1898—1979), *Станислава Иодловского* (1902—1979), *Станислава Роспонда* (род. 1906), *Станислава Скорупки* (род. 1906), *Кароля Дейны* (род. 1911), *Станислава Урбаньчика* и др. представляют собой определенный вклад в славистику. Славистические исследования продолжали публиковать *Генрик Улашин* (1875—1956), *Лешек Осовский* (род. 1905); славянский материал привлекает внимание специалиста по общему языкознанию *Тадеуша Милевского* (1906—1966), латиниста и индоевропеиста *Яна Сафаревича* (род. 1904). *Антонина Обрембска-Яблоньска* ведет научную работу в области восточнославянского языкознания. Большую организаторскую и научную работу вел ректор *Ягеллонского университета* в Кракове *Мечислав Карась* (1924—1977). Под его руководством был подготовлен «Малый атлас польских говоров» (1960—1970), на 650 картах которого отражено распро-

странение многих диалектных черт польского языка; начата подготовка нового словаря польских говоров. Значителен вклад *Карасы* в изучение славянской топонимики: здесь ему принадлежат монография о топонимах типа Подгора, Залес в славянских языках, работы о местных названиях в различных регионах Славии; он был редактором издающегося в Польше славистического журнала «Ономастика».

Бурный расцвет славистики в Народной Польше связан с притоком новых сил, научной молодежи. Диалектика развития нынешней славистики такова, что слависты широкого профиля вырастают как из числа специалистов по родному языку, так и из числа специалистов по другим славянским языкам. Пожалуй, именно в Польше и в Советском Союзе особенно существен этот второй источник развития славистических кадров. В Польше сложилась традиция подготовки высококвалифицированных специалистов по различным славянским языкам. Эта традиция поддерживается и в послевоенные годы. Успешно работают в Польше специалисты по западнославянским и южнославянским языкам, а также по старославянскому языку (например, *Вилим Франчич*, *Мария Хоновска*, *Лешек Мошиньский*, *Зузанна Тополиньска*, *Казимеж Полянський*, *Януш Сятковский*, *Станислав Стаховский*, *Барбара Цеглева*, *Мечислав Басай*, *Ханна Поповска-Таборска* и многие другие). В послевоенные годы произошло значительное развитие польской науки в области изучения восточнославянских языков (*Ян Янув*, *Михал Лесюв*, *Пржемыслав Зволинский*, *Анатоль Минович*, *Халина Сафаревичова*, *Мстислав Олехнович*, *Анджей Богуславский*, *Эльжбета Смуклова*, *Станислав Кароляк*, *Веслав Витковский*, *Лешек Шнайдер*, *Мариан Юрковский*, *Генрик Лиминг*, *Станислав Кохман*, *Тадеуш Зданцевич*, *Ирида Грек* и многие другие). Сотрудничество ученых старшего поколения и научной молодежи, наличие значительных резервов для развития науки в среде молодежи обеспечивает преемственность и успешную работу польских филологов в области славянской филологии. Работа языковедов-славистов при этом не изолирована, хотя и специализирована. В польской славистике имелись и имеются значительные силы в области литературоведения (*К. Выка*, *С. Пигонь*, *Ю. Кжижановский*, *М. Р. Маенова*,

Б. Бялокозович и др.); крупные успехи сделаны в изучении истории славянства, особенно в древнейший период, польскими историками (Г. Лябуда, К. Тыменецкий, Г. Ловмянский, А. Гейштор, В. Хенсель, В. Коваленко и др.).

Успешно развивается славянская филология в послевоенные годы в Чехословакии. Возобновляется издание славистических журналов, работа славистических организаций. Продолжают успешно работать Б. Гавранек, Й. Вайс, ряд ценных работ по славянскому синтаксису публикует Я. Бауэр. Специалисты по чешскому языку — в их числе Франтишек Травничек (1888—1961), Яромир Белич (1914—1977), Алоис Едличка (род. 1912), Вацлав Кржистек (1918—1979) и другие — широко обращаются к славянскому языковому материалу в своих исследованиях. Вацлав Махек (1894—1965) издает «Этимологический словарь чешского и словацкого языков» (1957; 2-е переработанное издание — 1971), в котором на основании значительных предварительных исследований представляет чешскую лексику с точки зрения ее происхождения. Словарь Махека — не только богатое собрание материалов, но и оригинальное решение некоторых этимологических вопросов с учетом исторических, диалектных, инославянских фактов.

Один из наиболее видных чехословацких славистов — Карел Горалек (род. 1908). Он пришел в филологию уже двадцатисемилетним, получившим философское образование. Вскоре после окончания филологической специализации, в 1939 г., когда чешские университеты были закрыты, Горалек попал в концлагерь в Ораниенбурге. После освобождения он приступает к своим славистическим исследованиям. Уже первые его публикации, появившиеся после войны, определяют основной круг интересов чешского слависта: старославянские памятники, стихосложение, славянское устное народное творчество. Широко известно «Введение в изучение славянских языков» Горалека (1955; 2-е изд. — 1962), содержащее разнообразные сведения для начинающих славистов. Горалек специально занимался теоретическими вопросами языка — как вопросами фонологии, так и проблемами семантики, стилистики, развития славянских литературных языков, изучал вопросы перевода и сопоставительного анализа языков. Горалек ведет большую научно-

организационную работу: он является директором Института языка Чехословацкой АН, редактором известного славистического издания — журнала «Slavia».

Йосеф Курц (1901—1972) — выдающийся чехословацкий специалист в области изучения старославянского языка. Под его редакцией был начат и до сих пор еще выходит большой чехословацкий «Словарь старославянского языка» (с 1958 г.), являющийся наиболее полным собранием старославянского лексического материала, представленного очень основательно и тщательно. Курц совместно с Й. Вайсом осуществил издание Ассеманиева кодекса, он является автором содержательного учебника старославянского языка и множества научных статей. Но Курц не ограничивается исследованием старославянского языка. Им опубликованы работы сравнительно-исторического характера по славянскому синтаксису, по вопросу о славянском артикле, а также о развитии полных прилагательных. Кроме того, Курц специально занимался вопросами истории славяноведения.

В области старославянского языка — и шире — системы праславянского языка, привлекая и разнообразный славистический материал, работает Франтишек Вацлав Мареш (род. 1922), один из редакторов старославянского словаря. Среди сотрудников старославянского словаря Чехословацкой АН следует назвать Радослава Вечерку, Зою Гауптову, Эмилию Благову, Марту Бауэрову, Станислава Геродеса и др. Старославянский словарь ЧСАН явится фундаментальным справочным пособием.

Другое крупное словарное предприятие, осуществляемое Чехословацкой АН, — Этимологический словарь славянских языков, составляемый, в отличие от аналогичных словарей в СССР и в Польше, с большим уклоном к анализу изменений в современных славянских языках; кроме того, он выпускается по тематически-грамматическим группам слов (предлоги, частицы, местоимения и т. п. выделяются в отдельные тома или разделы). Франтишек Копечный (род. 1909), автор ряда грамматических работ по чешскому языку, вместе с Й. Голубом составил чешский этимологический словарь (1952), а теперь работает над этимологическим словарем славянских языков, издал том, посвященный предлогам и конечным частицам (1973). Над этим словарем теперь успешно

работают более молодые чехословацкие этимологи: Владимир Шаур, Эва Гавлова и др. Славянский языковой материал, естественно, широко привлекается в работах чешских топонимистов, диалектологов, в частности Владимира Шмилауэра (1895—1970), Славомира Утешеного; к нему обращаются и общие языковеды — Владимир Скаличка (род. 1903), Петр Сталл (род. 1926), специалисты по индоевропеистике, например Павел Трост (род. 1907). В послевоенные годы получило большое развитие изучение восточнославянских языков; среди специалистов в этой области должны быть названы Леонтий Васильевич Копецкий (1894—1976), Иван Панькевич (1887—1957), Гелена Кржижкова, Владимир Барнет (род. 1924), Микулаш Затовканюк (род. 1919), Милослав Кубик (род. 1926), Зденек Ф. Оливериус (1927—1978) и др. Продолжается исследование южных и западных славянских языков, которое осуществляют Антонин Фринта (род. 1884), Иосеф Вашица (1884—1968), Ян Петр (род. 1931), Вацлав Важный (1892—1966) и др. Изучение славянских литератур всегда было и остается в центре внимания чехословацких филологов. Наиболее значительные достижения в этой области принадлежат Франку Вольману (1888—1969), Карелу Крейчи (1904—1979), Яну Мукаржовскому (1891—1975), Юлиусу Доланскому (род. 1903), Славомиру Вольману (род. 1925) и ряду других ученых-литературоведов.

В Словакии в послевоенные годы первоочередное внимание уделялось филологами исследованиям в области словацкого языка и литературы. Славянистическая проблематика затрагивалась в основном в связи с исследованием словацкого. Крупнейший словацкий языковед Ян Станислав (1904—1977) получил солидную славянистическую подготовку и первые свои работы посвятил вопросам старославянского языка: дательному самостоятельному и кирилло-мефодиевской проблематике. В рукописном остался учебник старославянского языка. Фундаментальный труд Станислава — пятитомная «История словацкого языка» (1956—1973), в которой на широком славянском фоне раскрываются различные аспекты развития словацкого языка. Станислав занимался также изучением словацких диалектов, а также вопросами культуры и нормы словацкого языка. Извест-

ным словацким славистом-этимологом является Шимон Ондруш (род. 1924). Им опубликовано значительное количество этимологий словацких и, шире, славянских слов, а также словацкое пособие «Введение в славистику». Рудольф Крайчович (род. 1927), занимаясь как вопросами истории словацкого языка, так и проблематикой праславянского языка, специальное внимание уделяет отражениям праславянских явлений в словацком, в частности в книге «Словацкий и другие славянские языки. Праславянский генезис словацкого» (1974). Ян Доруля изучает языковые контакты, в которых участвовали словаки. Славянистические материалы, параллели из других славянских языков в той или иной мере используют видные специалисты по словацкому языку Стефан Пецнар (род. 1912), Эуген Паулини (род. 1912), Ян Горецкий (род. 1920), Эуген Йона (род. 1909), Винцент Бланар (род. 1920), Й. Мистрик, П. Ондрус, Й. Орловский и др. Сопоставительная грамматика русского и словацкого языков была опубликована А. В. Исаченко (1910—1978), работавшим последние годы в Австрии.

В Болгарии славянская филология в научном отношении развивалась первое послевоенное тридцатилетие главным образом в связи с изучением проблем болгарского языка. Славянистические материалы широко привлекал в своих исследованиях болгарских диалектов и фонетики болгарского языка Стойко Стойков (1912—1969). Стойков издал выходявшие неоднократно пособия по болгарской фонетике и диалектологии, он был секретарем международного комитета славистов в период подготовки и проведения славянистического конгресса в Болгарии, большим другом нашей страны. Стойков — создатель еще не законченного, но продолжаемого созданным им коллективом Болгарского диалектологического атласа (т. 1 — 1964, т. 2 — 1966). Как диалектологу Стойкову много приходилось общаться с крестьянами. Друг и коллега Стойкова советский профессор С. Б. Бернштейн вспоминает: однажды во время диалектологической экспедиции молодой парень, только что вернувшийся с военной службы, увидев, как ведется запись местной речи на магнитофон, вдруг заявил, что его разложский говор — это испорченный болгарский язык и ценности никакой не представляет. И зачем только серьезные люди тратят время на его изучение?

Стойков не растерялся. Он прочитал наизусть несколько стихотворений болгарских поэтов и показал, что поэты использовали в них диалектные слова, а значит, нет какой-то стены между диалектной и литературной речью. Человек очень демократичный, Стойков прекрасно знал, чем живут его собеседники, мог нередко хорошо говорить на их родном диалекте, а потому ему легко было найти ключ к своим информантам и его Банатский словарь — один из лучших диалектных словарей не только в болгарской, но и вообще в славянской науке. Начав еще в 30-х гг. свою трудовую деятельность с работы в Свиштовской гимназии, Стойков выступал со статьями по вопросам методики, писал школьные учебники. Ученый большого кругозора и энергии, он участвовал и в работе над общеславянским лингвистическим атласом и во многих других коллективных славистических научных предприятиях.

Кирилл Мирчев (1902—1975) был крупнейшим специалистом по истории болгарского языка. Мирчев много и специально занимался вопросами староболгарского языка, изучал кирилло-мефодиевскую проблему, выступал с исследованиями по диалектологии. Ему принадлежат учебники староболгарского языка, истории болгарского языка, исследования по вопросам исторической лексикологии; вместе со своими учениками он готовил староболгарский словарь, участвовал в издании новооткрытого старославянского (староболгарского) памятника — «Энинского апостола» (1965).

Любомир Андрейчин (1910—1975) — специалист в области современного болгарского литературного языка и его истории. Но в своих трудах он постоянно проявлял интерес и к славистическим проблемам. Так, к примеру, одна из последних работ ученого — статья о произношении и написании по-болгарски белорусских собственных имен. Андрейчин принимал активное участие в славистических научных конференциях, съездах, стремясь к тому, чтобы болгарский языковой материал стал общеславистическим достоянием.

Традиции этих ученых, привлекавших славянский материал для своих болгаристических построений, продолжают и такие болгарские специалисты по современному языку, его истории, диалектологии, как Константин Попов, Кристалина Чолакова, Петр Пашов, Мирослав

Янакиев, Максим Младенов, Дора Иванова-Мирчева и многие другие. В Болгарии послевоенного времени выросла немалая группа исследователей русского языка: Кирилл Бабов, Блажо Блажев, Иванка Васева-Кадынкoва, Н. М. Дилевский, Румяна Павлова, Константин Г. Попов, Мария Леонидова, Галина Тагамлицкая и многие другие. Славянский материал привлекали болгарские специалисты по общему языкознанию и другим индоевропейским языкам: Димитр Дечев, Александр Людсков и др.

Ряд видных болгарских языковедов послевоенного периода занимается специально славянскими языками. В послевоенный период продолжается и успешно развивается деятельность Ивана Лекова. Он публикует серию исследований, в которых осуществляется типологическое сопоставление и анализируется развитие лексики, грамматики, фонологической системы, синтаксиса, словообразования славянских языков. Для ученого характерно стремление через типологическое сопоставление выявить своеобразие в развитии отдельных языков и показать общность не только в статике, но и в движении, в развитии славянских языков.

Владимир Георгиев (род. 1908) — выдающийся современный болгарский ученый-языковед. В довоенный период занимался прежде всего проблемой древних индоевропейских языков Балканского полуострова. Известно его фундаментальное исследование, подводящее итоги изысканиям той поры, — «Догреческое языкознание». Продолжая и в дальнейшем заниматься этой проблематикой (новая книга о фракийском языке вышла в 1977 г.), а также более широкой проблематикой индоевропейских языков («Исследования по сравнительно-историческому языкознанию» вышли в СССР в 1958 г.), в послевоенные годы Георгиев уделяет все больше внимания славистике и болгарскому языкознанию. Под руководством и редакцией В. Георгиева издается «Болгарский этимологический словарь» (т. 1—1971). Дважды в неделю в большом кабинете Георгиева в Академии наук Болгарии собираются непосредственные авторы и участники составления этимологического словаря. Слово получает автор-составитель очередных словарных статей. Каждая статья сразу же обсуждается. Высказываются сомнения, предложения, дополнения. Академик кратко суммирует ска-

занное, нередко предлагает свои существенные дополнения. Коллектив переходит к обсуждению следующей статьи... Георгиевым написан ряд книг по этимологии, в том числе — этимологии топонимов, а также по сравнительно-историческому анализу славянской фонетики и морфологии. Среди авторов «Болгарского этимологического словаря» был Иван Гылыбов (1918—1978), исследовавший славяно-романские связи на Балканах, ономастику, древние болгарские письменные памятники и другие славистические проблемы. Иван Дуриданов (род. 1920) специально занимается вопросами происхождения аналитизма в болгарском языке, древними балканскими языками, их наследием в славянских языках.

Ведущим современным болгарским славистом является *Светомир Иванчев* (род. 1920). Ученый широких славистических интересов, он известен своими исследованиями по славянскому глаголу, работами по славянскому словообразованию, сопоставительно-типологическому анализу славянских языков. Иванчев организовал ряд встреч, на которых обсуждались болгарско-чешские, болгарско-польские, болгарско-белорусские языковые параллели; им создан бюллетень по сопоставительным исследованиям, который теперь превратился в журнал «Сопоставительно езиковзнание». Иванчев интересуется и проблемами ономастики, и другими вопросами славистической лингвистики. Вместе с тем он не чужд и литературных интересов; ему принадлежит болгарский перевод «Приключений бравого солдата Швейка» Гашека, перевод трудный, но, как считают болгары, хороший. И поэтому неудивительно, что Иванчев — один из составителей «Болгарского словаря рифм» (1967).

Многое делается болгарскими учеными в области кирилло-мефодиевской проблематики, исследования староболгарского языка, публикации памятников, установления их связей с другими литературными явлениями. В этой области следует указать на труды Эмила Георгиева (род. 1910), Ивана Дуйчева (род. 1907), Ивана Гошева (1886—1965), Христо Кодова (род. 1901). С 1977 г. издается журнал «Старобългаристика». Сопоставительное исследование славянских литератур различных эпох, от глубокой древности до нашего времени, проводилось в работах Куйо Куева (род. 1909), Боню Ст.

Ангелова (род. 1915), Симеона Русакиева (род. 1910), Велчо Велчева (род. 1907), Петра Динекова (род. 1910).

Послевоенные годы в Югославии ознаменовались значительным подъемом славистических исследований, в первую очередь направленных на изучение актуальных проблем сербскохорватского, словенского и македонского языков, их истории, их норм. Продолжалась деятельность А. Белича. *Петар Скок* (1881—1956), получивший образование по индоевропеистике, романистике и германистике, занимался вопросами романского языкознания, связями славян и носителей романских языков на Балканах. Но делом его жизни стал посмертно изданный «Этимологический словарь хорватского или сербского языка» в 4-х томах (1971—1974). 10 000 страниц рукописи, написанных частично стенографически, остались после смерти Скока. Бывший ассистент Скока Валентин Путанец провел огромную работу, в результате которой удалось издать этот первый сербскохорватский этимологический словарь. Между тем в Любляне началась реализация замысла видного словенского ученого, автора основополагающих работ по словенской диалектологии и истории словенского языка *Франа Рамовша* (1890—1952). Рамовш привлек к составлению словенского этимологического словаря *Франце Безлая* (род. 1910). Первый том этого словаря вышел в 1976 г. Перед изданием словаря Безлай подготовил двухтомный этимологический анализ гидронимии Словении (1956—1961).

Безлай занимался различными вопросами словенского языка: им написан и учебник фонетики, и работы по грамматике, и топонимические исследования. Этимологические исследования, требующие больших знаний, опыта, исследовательского таланта, увлекли ученого. В 1963 г. был издан маленький экспериментальный выпуск словаря, затем последовали многочисленные работы по этимологиям отдельных слов и их серий. В заполненном до потолка книгами кабинете профессора Безлая в Люблянском университетском пахнет кофе. И он, и его ассистент Аленка Шивиц мастерски варят этот напиток в маленькой боснийской джезве на специальной спиртовке. И вот за чашкой кофе идет разговор. Разговор о судьбах слов, за которыми судьбы людей и народов. В мийском музее профессор услышал, рассматривая примитивное металлообрабатывающее устройство, что по-

белорусски — как и по словенски! — обгоревшие бесформенные остатки металла называют *жуэаль*. Ведь за этим — общность древних промыслов, общность материальной культуры, близость народов... Этимологический словарь Безлая написан кратко, скупно, чего-то в нем можно и не найти, такого, что есть во многих словарях, но зато богато представлена специфическая словенская лексика, те слова, которым Безлай нашел свое особенное объяснение.

В Загребе создан специальный Старославянский институт; югославские филологи основательно изучают старославянские памятники, издают посвященный старославянскому языку ежегодник «Слово». Старославянским языком и связанными с этим проблемами занимались в Югославии Владимир Мошин, Йосип Хамм (последние годы работает в Вене), Франц Гривец, Франц Томшич, Миловой Павлович, Харлампие Поленакевич, Йоже Погачник, Янез Зор и многие другие. Значительное внимание уделялось в Югославии и другим славянским языкам, главным образом в сопоставительном и сравнительном плане. Так, Далибор Брозович, разрабатывая свою концепцию «стандартных» (литературных) языков, значительное внимание обращает на характер развития славянских литературных языков, изучает общие и особенные явления в их развитии. Как и некоторые другие югославские русисты, Франц Якопин рассматривает русскую грамматику сквозь призму словенского языка; ему принадлежат также статьи по отдельным проблемам славянского языкознания.

Югославские специалисты по родным языкам, как и многие другие славянские языковеды, довольно широко обращаются к славянскому материалу при рассмотрении проблематики своих языков, подходят к анализу своих языков со славистических позиций.

Такой славистический подход проявляется и в описательных работах по языкам народов Югославии, например в работах сербскохорватских лингвистов Михайла Стевановича, Радована Лалича, Мате Храсте, Людевита Йонке, словенских грамматистов Антона Баеца, Бреды Погорелец и Йоже Топоришича, лексикографов Янко Юранчица, Стане Сухадолника, македонских языковедов Рады Угриновой, Божидара Видоеского, Блаже Корубина и др. Но особенно четко славистический под-

ход проявляется в исследованиях конкретных проблем истории и диалектологии южнославянских языков, в исследовании отдельных проблем современного состояния этих языков не с нормативных позиций, а в плане выявления их механизмов и динамики. Это характерно для грамматических работ специалиста по сербскохорватскому языку Милки Ивич, диалектологических, лексикографических, фонологических исследований Павле Ивича, историко-лексикографических и топонимических разысканий Велемира Михайловича, работ Ирены Грицкат, Ивана Поповича и других ученых. Привлекает славянский материал в своих исследованиях македонский академик Блаже Конески. Постоянно обращаются к славянскому материалу словенские диалектологи Тине Логар и Якоб Риглер. Тине Логар, исходивший чуть не всю Словению и способный подробно рассказать об особенностях говоров населения любой деревни, подходит к анализу диалектных особенностей словенских наречий со славистических позиций. В работах по истории словенского языка Мартини Орожен и Янеза Дулара также чувствуется стремление учесть славянский языковой материал.

Вполне естествен интерес, проявляемый к славянскому материалу со стороны югославских специалистов в области сравнительного индоевропейского языкознания. Он отразился и в работах словенских индоевропеистов Станко Шкерля (1893—1975), Карла Оштира (1888—1973), ныне здравствующего компаративиста, автора оригинальных и содержательных этимологий Бояна Чопа, в работах Хенрика Барича и др.

Статьи славистической направленности публикуют такие журналы, как «Јужнословенски филолог» (Белград, с 1913 г.), «Slavistična revija» (Любляна, с 1948 г.), «Linguistica» (Любляна, с 1955 г.), «Jezik in slovstvo» (Любляна, с 1955 г.), «Наш језик» (Белград, с 1933 г.), «Jezik» (Загреб, с 1952 г.), «Македонски јазик» (Скопье, с 1950 г.), «Opomastica Jugoslavica» (Любляна, с 1969 г.), «Прилози проучавању језика» (Нови Сад, с 1965 г.), «Slovo» (Загреб, с 1952 г.) и др.

Славистический подход характерен и для многих югославских литературоведов (Йосип Бадалич, Братко Крефт, Антон Слудняк, Борис Марков, Борис Патерну), фольклористов, этнографов (Милко Матичетов, Оливера Младенович и др.).

Изучение славянских языков и литератур в послевоенный период значительно усиливается в неславянских странах. Первостепенное значение изучению славянских языков придается в братских социалистических странах. В ГДР издается журнал «Zeitschrift für Slavistik» (с 1956 г.). В университетах Лейпцига, Берлина, Йены, Грейфсвальда осуществляется изучение различных славянских языков и литератур, прежде всего русского языка и литературы. Много внимания уделяется исследованиям в области серболужицкого языка. Ганс Гольм Бильфельдт (род. 1907) занимается главным образом славяно-германскими языковыми отношениями: немецкими заимствованиями в серболужицком (1933), русско-немецкими словарями (1956 и др.), старыми славянскими заимствованиями в немецких говорах и литературном языке, проблемами полабистики. Гинц Шустер-Шевц (род. 1927) является ведущим серболужицким лингвистом; им написаны двухтомная грамматика верхнелужицкого языка (1968—1976), изданы памятники серболужицкого языка и начато издание «Историко-этимологического словаря верхне- и нижнелужицкого языка» (с 1978 г., на нем. яз.). Следует назвать и других специалистов по серболужицкому языку в ГДР: Фридо Михалка, Гельмута Фаску и др. Карл Гутшмидт — один из славистов ГДР, наиболее широко привлекающих к исследованию разные славянские языки: в поле его зрения прежде всего южнославянские языки, в частности болгарский, но он имеет и работы по вопросам белорусского, серболужицкого языков, участвует в работах по изучению карпатского языкового ареала. Рудольф Ружичка исследует славянские, а прежде всего русский язык с позиций структурной лингвистики, хотя ранние его работы были выдержаны в более традиционном плане (ср. капитальное исследование о старославянских причастиях в их соотношениях с греческим — 1963). Эрнст Эйхлер много занимается исследованием славянской ономастики в Германии, Райнер Эккерт — балто-славянской проблематикой и древнеславянским склонением, Хассо Бауманн — историей ранней немецкой славистики, Фридрих Гинце — кашубским и полабским языком (он, в частности, продолжает начатый Ф. Лоренцом «Поморский словарь»), Клаус Мюллер — различными лексикологическими вопросами, Рональд Леч, Курт Габка, Карл

Буттке — грамматическими вопросами русского и других славянских языков.

Значительно оживилась в послевоенные годы венгерская славистика. До войны венгерское славяноведение было представлено профессором Яношем Мелихом (1878—1963). Значительную роль в развитии послевоенного венгерского славяноведения сыграл Иштван (Степан Петрович, как он предлагал называть себя русским коллегой) Кнежа (1898—1965). Кнежа подготовил капитальное исследование о славянских элементах в венгерском языке (1955), а также ряд работ по топонимике, кирилло-мефодиевскому вопросу, языку словацких поселений в Венгрии и др. В Венгрии успешно работают специалисты в области русского, украинского, словацкого и других славянских языков — Петер Кирай, Эмиль Балецкий, Ласло Хадрович, Ласло Гальди, Ференц Папп, Имре Тот, Миклош Фогараш и др. Издается журнал «Studia Slavica» (с 1955 г.) в Будапеште и ежегодники «Slavica» в Дебрецене и «Dissertationes Slavicae» в Сегеде.

Усилилась также работа в области славяноведения в Румынии. Здесь выходит ежегодник «Romanoslavica». Традиционно румынские лингвисты много занимаются румыно-славянскими связями: Эмиль Петрович (1899—1968) изучил славянскую топонимику в Румынии, Александру Росетти (род. 1895) в цикле своих исследований по балканистике охватил и славянские языки, Дамиан Богдан изучал славяно-румынские грамоты XIV в. и опубликовал солидные работы по палеографии, Екатерина Фодор опубликовала ряд исследований по русскому и польскому языкам и литературам, Георге Михале выступил с рядом этимологических работ; усилились исследования в области русского языка, а также других проблем славянского языкознания (Аритон Врачу, Виктор Васченко, Эмиль Врабие и др.).

Славистика, естественно, продолжает развиваться в западноевропейских странах, где у нее уже были исторические корни. В Федеративной Республике Германии и в Западном Берлине в последние десятилетия славистика развивается как в области изучения отдельных славянских языков и литератур, в частности русского языка и литературы, так и в области изучения славянских языков и литератур в сравнительном плане. Славистика

развивается в ряде университетов (Гёттинген, Мюнхен, Кёльн, Гейдельберг и др.), продолжает издаваться «Zeitschrift für slavische Philologie», основанный еще М. Фасмером в 1925 г., выходит журнал «Die Welt der Slaven» (с 1956 г.), издается ряд серий славистических монографий и словарей. В 50-х гг. здесь работали еще такие слависты, как Макс Фасмер, Пауль Дильс. Эрвин Кошмидер исследовал грамматическую структуру, в частности вид, славянского глагола, а также вопросы славянской звуковой системы; специальное внимание в последние десятилетия он уделил изданию и расшифровке древнеславянских памятников музыкальной литературы, в которых указаны так называемые «певческие крюки», т. е. старые славянские ноты. Максимилиан Браун занимается славянским фольклором. Рейнгольд Олеш изучает полабские и старинные кашубские памятники, а также вопросы русского языка. Эрнст Френкель (1881—1957) опубликовал «Литовский этимологический словарь», в котором значительное внимание уделено балто-славянской проблематике. Хотя Вена и не занимает теперь такого места в развитии славистики, какое принадлежало ей при Миклошиче и Ягиче, австрийское славяноведение имеет на своем счету ряд значительных достижений. Линда Садник и Роберт Аитцетмюллер издали краткий старославянский словарь (1955), а потом приступили к чрезвычайно широко задуманному «Сравнительному словарю славянских языков» (с 1963 г.; 1-й том, включающий буквы А—В, завершён лишь в 1975 г.). Рудольф Ягодич изучал проблемы древнерусской литературы. Здесь работают также И. Хамм, Ф. В. Мареш и др. С 1950 г. выходит ежегодник «Wiener slavistisches Jahrbuch».

Во Франции в послевоенные годы продолжали работать А. Вайан, А. Мазон. Ученик Вайана Жак Леписье (1925—1971) исследовал древнеславянские тексты. Этьенн Деко (1926—1976) специально изучал применение в разных славянских языках шрифта для слепых, изобретенного Брайлем, был специалистом в области польского языка. Леон Больо (1876—1965) и Роже Бернар (род. 1908) изучали болгарский язык. Поль Гард исследует славянскую акцентуацию, Ив Милле, Марк Вей, Жак Вейран, Рене Эрмитт, Жан Жоанне и другие слависты изучают различные проблемы грамматики

славянских языков. Анри Гранжар является ведущим французским специалистом по русской литературе.

Продолжается изучение славянской филологии в скандинавских странах. С 1955 г. скандинавские слависты издают ежегодник «Scando-Slavica». В Норвегии работал известный норвежский славист и балтист Христиан Станг (1900—1977). Первые его работы появились еще в 20-х гг. и касались главным образом частных вопросов баллистики. В 1935 и 1939 гг. Станг опубликовал значительные работы, посвященные западнорусской деловой речи в Великом княжестве Литовском, имеющие принципиальное значение для изучения истории белорусского языка. Позже в 1953 г. подобное тщательное исследование Станг посвятил русской печатной книге «Учение и хитрость ратного строения» (1647). Между тем продолжали выходить статьи по отдельным вопросам баллистики, а также славистики и индоевропеистики, в частности книга о славянском и балтийском глаголе. В 1966 г. вышла фундаментальная «Сравнительная грамматика балтийских языков», а в 1972 г. работа по лексическим соответствиям славянских, германских и балтийских языков. Эти работы Станга имеют непреходящее значение для развития славянского языкознания. Арне Галлис исследует некоторые грамматические проблемы сербско-хорватского и русского языков.

В Швеции действует теперь довольно значительная группа славистов в ряде университетов (Стокгольм, Лунд, Уппсала, Гётеборг). Рихард Экблом (1874—1959) занимался многими фонетическими проблемами, в частности перестановкой плавных в сочетаниях, соответствующих русским полногласным группам, балто-славянскими отношениями, которые, как и славяно-германские, традиционно относятся к кругу интересов многих скандинавских славистов. Гуннар Якобссон является одним из крупнейших славянских этимологов. Он изучает также другие проблемы истории и современного состояния славянских языков, в частности русского. Андерс Шёберг изучает проблемы старославянской грамматики, письменные памятники восточнославянских языков. Различные вопросы славянской филологии изучались Гуннаром Гуннарсоном, Юзефом Трыпуцькой, Кнутом-Олафом Фальком, Нильсом Аке Нильссоном.

Ученым широкого профиля, языковедом, историком литературы и культуры был датский славист Адольф Стендер-Петерсен (1893—1963); известны, в частности, его исследования по славянской этимологии и германо-славянским связям. Гуннар Сване, Кристине Хельтберг, Кнуд Йордаль и другие датские слависты анализируют различные проблемы русского, польского и других славянских языков.

В Финляндии исследования славянских языков, а в частности русского, получили значительное развитие. Эйно Ниеминен (1891—1962) исследовал индоевропейское происхождение отдельных славянских морфологических явлений, вопросы истории славянских языков. Петер Арумаа занимался вопросами балто-славянских связей, выпустил «Праславянскую грамматику» (1964) и ряд других работ, в которых славянский материал получает широкое сравнительное освещение. Валентин Кипарский (род. 1904) изучает балто-славянские и германо-славянские языковые связи, проблемы славянской этимологии, русскую акцентологию. Игорь Вахрос известен своими историко-этимологическими исследованиями, а также работами по русской литературе. Мария Виднэс (1903—1972) изучала древнерусскую литературу и язык древнерусских памятников письменности.

Появляются славистические (русистские) кафедры и ведутся соответствующие исследования и в других странах. В Великобритании в Оксфорде долгое время работал Б. О. Унбегаун. Заменявший его Роберт Оти (1914—1978) изучал славянские литературные языки. Работающий теперь в Новой Зеландии Реджинальд Де Брей опубликовал обзор славянских языков. Генри Лиминг изучает межславянские лексические заимствования и т. д.

В Италии также проявляется интерес к изучению славянских языков. Известный индоевропеист Витторе Пизани ставит вопрос о балто-славяно-иранских соответствиях, предлагает этимологии ряда славянских слов. Сравнительно-сопоставительные исследования славянских грамматических явлений ведет Нулло Минисси. Бруно Мериджи выступает по вопросам славянской народной словесности. Бельгиец Клод Баквис занимается исследованием славянских литератур.

Ведутся славистические исследования и за пределами Европы: в Австралии, Канаде, Израиле и в других странах. Активизировалось в послевоенные годы изучение славянских языков и литератур в Соединенных Штатах Америки. Здесь работали и работают многие слависты из европейских стран: Р. Якобсон, Б. Унбегаун, Генрик Бирнбаум, Корнелиус ван Схонефельдт, Збигнев Голомб, Генри Кучера и др. Дин С. Уорт занимается анализом грамматической системы, Эдвард Станкевич изучает звуковую сторону языка — фонематические славянские системы и ударение, Хорейс Г. Лант занимался изучением македонского языка, памятников старославянской письменности. Ведутся славистические исследования и многими другими специалистами. Здесь находится редакция издающегося в Голландии журнала «International Journal of Slavic Linguistics and Poetics» (с. 1959 г.).

В организационном плане славистические исследования на Западе ведутся большей частью в университетах, хотя имеются и академические организации, занимающиеся славяноведением. Полезную роль играют некоторые издательства, уже в течение десятилетий систематически выпускающие славистическую литературу, нередко объединяемую в серии, например «Университетское издательство Карл Винтер», «Гаррасовиц», «Бёлау», «Мутон», «Клинксъек», «Пергамон» и некоторые другие. Следует разграничивать действительно научные исследования, ведущиеся в западных странах по вопросам славистики, от псевдонаучных спекуляций, которыми занимаются сплошь и рядом буржуазные «советологи» и им подобные деятели. Особенно много таких деятелей подвизается в области изучения литературы и истории славянских стран; при этом они не останавливаются ни перед извращением фактов, ни перед прямой клеветой на социализм. Подлинная наука, в том числе и славистическая, не имеет ничего общего с фальсификацией науки, с недобросовестным применением ее достижений.

Путь, пройденный славяноведением, славянским языкознанием, — это нелегкий и сложный путь формирования науки, накопления и систематизации знаний, проникновения в существо фактов и раскрытия их места в общем комплексе сведений о славянских языках и народах, это путь созидания славистики как комплекса наук о славя-

нах. Наука строится людьми и для людей. И потому, хотя весьма плодотворен, особенно когда идет речь о более узких областях, подход к истории науки как к истории идей, в этом кратком очерке речь шла о людях науки. Представлялось, что, лишь имея хотя бы самое общее представление о деятелях науки, лучше можно будет разобраться в развитии идей нашей гуманной гуманитарной науки. Говоря о прошлом, приходилось отбирать лишь самые значительные фигуры ученых, внесших вклад в развитие славистики как комплексной дисциплины. Говоря о современниках, необходимо было тоже останавливаться лишь на тех ученых, которые работают в областях, являющихся ключевыми с точки зрения автора для развития славистики в целом. При этом неизбежны пропуски, хотя они не должны, как представляется, нарушить общую картину развития славистики.

Здание науки создается коллективными усилиями многих тружеников. Есть среди них и талантливые архитекторы и скромные каменщики. Труд тех и других необходим. Меры талантливости архитектора нет и не может быть, так как талант в том и состоит, что он не поддается измерению. История науки показывает, однако, что ее движение вперед осуществляется только благодаря усилиям тех, кто думает о людях, для которых нужна наука, и о науке, которая нужна людям. В истории науки нет места для бездушных регистраторов и нет места для негодяев. И те и другие не могут творить, так как нет у них подлинной цели нашей гуманитарной науки — человека.

История славистики показывает, как постепенно из незнания рождается знание, как раскрываются новые горизонты, как расширяется поле деятельности ученых, как новые грани предмета науки представляются их взору, как становится ясной неисчерпаемость этого замечательного предмета — жизни славянских языков и жизни народов, творцов и носителей этих языков. Труд ученых-славистов является их вкладом в общечеловеческую сокровищницу знаний.

В развитие науки вкладывается много упорного, казалось бы, будничного труда. Как и в поэзии, приходится изводить «единого грамма ради тысячи тонн словесной руды». Чтобы появилась небольшая, но хорошая статья, необходимо подчас работать год, а вкладывать опыт всей жизни. Чтобы читатель прочитал десяток страниц, при-

ходится прочитать перед этим тысячи или десятки тысяч страниц и исписать сотни или даже тысячи страниц. Но у настоящего ученого труд — это радость. Праздник мысли — не тогда, когда присваивают степени, выходят книги или вручаются премии. Во всяком случае — не только тогда. Праздник науки — когда за рабочим столом вдруг прорезается из кипы материала, из груды мыслей кусочек истины. Быть может, такой маленький, что потом он затеряется среди других, более мощных и более значимых. Праздник мысли — тогда, когда идет поиск этого фрагмента истины, потому что нет ничего прекраснее поиска. В науке нет места скуке. Наука — это праздник, который всегда с тобой. Но наука — это и труд, труд мысли, труд преодоления, труд поиска. Труд постоянный и напряженный. Труд для людей.

Литература

- Ягич И. В. История славянской филологии. — Спб., 1910.
Ягич И. В. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке. — Спб., 1895.
Кравчук Р. В. З історії слов'янського мовознавства. (Видатні славісти-мовознавці). — Київ: Радянська школа, 1961.
Березин Ф. М. Русское языкознание конца XIX — начала XX в. — М.: Наука, 1976.
Советское языкознание за 50 лет. — М.: Наука, 1967.
Амирова Т. А., Ольховиков Б. А., Рождественский Ю. В. Очерки по истории лингвистики. — М.: Наука, 1975.
Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь. — М.: Наука, 1979.
Булахов М. Г. Восточнославянские языковеды. Библиографический словарь. В 3-х т. — Минск: Изд-во Белорус. ун-та, 1976—1978.
Русское и славянское языкознание в России середины XVIII—XIX вв. (в биографических очерках и воспоминаниях современников). — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1980.
Českoslavenké práce o jazyce, dějinách a kultuře slovanských národů od r. 1760. Biograficko-bibliografický slovník. — Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1972.

АКТУАЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ СЛАВИСТИКИ

За последние десятилетия резко выросло значение славянских народов в мировом историческом процессе. Все они встали на путь социалистического развития. Этим обусловлен подъем интереса к культуре и языкам славянских народов, развертывание славистических исследований во всем мире. Внимание исследователей привлекают как вопросы развития отдельных славянских народов, культур, языков, так и общеславянские (касающиеся всех славян), а также межславянские (касающиеся отношений между отдельными славянскими народами и их культурами) проблемы. Широкая проблематика славистики может решаться лишь совместными усилиями ученых разных специальностей, выработавших системы исследовательских приемов, подходов к изучаемым явлениям, вытекающие из специфики каждого из объектов. Особо выделяются лингвистические, литературоведческие, этнографические, исторические проблемы; некоторые актуальные славистические проблемы относятся к стыкам наук, некоторые требуют комплексного подхода.

1. В основе общности славянских народов — близость и общее происхождение их языков. Поэтому общеславистические проблемы имеют прежде всего языковой характер. Всестороннее изучение каждого из славянских языков является залогом глубокого проникновения в их общие и специфические черты, выявляемые при сравнении. Углубленный анализ каждого из славянских языков и диалектов, больших и малых, имеющих мировое распространение и неизвестных за пределами одной деревни, языков, на которых созданы великие творения мировой литературы, и говоров, не зафиксированных на письме, необходим для полного и правдивого воссоздания целостной картины славянского языкового мира в

его неповторимом своеобразии, делающем его составной частью мировой культуры.

2. Построение широкой и полной картины эволюции праславянского языка является необходимым звеном в раскрытии языковой истории Славии. Особенно важно восстановление картины изменений морфологии и лексики, связей морфологических и звуковых явлений. Сравнительно-исторический метод позволил восстановить звуки и формы праславянского языка, хотя некоторые частные вопросы и не имеют еще убедительных решений. Так, например, не закрыт еще вопрос о праславянских предпосылках возникновения аканья, о происхождении славянского *x*, о генезисе (т. е. происхождении и развитии) ряда именных и глагольных форм и категорий, о составе и структуре праславянского словаря на разных этапах. Признание принципа системности языка позволяет опереться на метод внутренней реконструкции, а также учитывать относительную хронологию исследуемых явлений. Получение ряда срезов, отражающих этапы эволюции системы праславянского языка, существенно для полного представления его истории.

3. Выявление общих, присущих различным славянским языкам черт, установление типов звуковой системы, грамматического строя, лексикона каждого из языков, а также славянских языков в целом позволит раскрыть как многообразие современной славянской языковой общности, так и своеобразие ее эволюции. Можно при этом обнаружить не только тип современного состояния славянских языков, но и тип динамики, развития системы языка в целом и ее отдельных фрагментов. Решению этой задачи служит применение сравнительно-типологического анализа славянских языков, строящегося на сравнении между собой систем языков. Обращение к типологическим аналогиям неславянских языков позволяет вскрыть с определенной долей вероятности такие неясные черты славянских языков, которые обнаруживаются на фоне других языков. Это дает возможность более четко и разносторонне определить место славянских языков среди языков мира.

4. Выявление специфики способов выражения языковых значений в каждом из славянских языков, раскрытие существенных черт в способах передачи одного и того же содержания на разных славянских языках, как

общих, так и специфических, необходимо и в теоретическом плане, поскольку оно дополняет необходимым образом типологическую характеристику, и в прикладном отношении, поскольку такие данные важны и для преподавания языков, и для разработки проблем перевода. Для выполнения такого рода исследований разработан контрастивно-сопоставительный метод, в основе которого — сопоставление текстов, считающихся идентичными обычно в двух языках. Близкое родство славянских языков нередко отражается в совпадении основных содержательных характеристик при различии частных особенностей в плане выражения, что и раскрывается в процессе контрастивно-сопоставительного анализа.

5. Актуальной и не терпящей отлагательства является задача исследования славянских диалектов. В наше время диалекты европейских языков подвергнуты быстрым, значительным и необратимым переменам. С годами многие диалектные явления могут быть безвозвратно утрачены. Поэтому совершенно своевременной является работа над общеславянским лингвистическим атласом (ОЛА), в ходе которой по единой программе были обследованы самые различные говоры всех славянских языков. Издание ОЛА, а также издание или завершение издания национальных диалектологических атласов славянских языков — насущная задача. Знание географического распределения языковых фактов не только позволяет лучше разобраться в их истории, но и дает важные сведения о путях становления отдельных славянских языков. Высококачественная работа по сбору и описанию фактов базируется на осмыслении уже собранного, проанализированного, на тщательных монографических описаниях отдельных говоров и на теоретической разработке проблем диалектографии (описания диалектов).

6. Углубленное проникновение в звуковую строй славянских языков предполагает решение некоторых еще не решенных проблем истории фонетической системы праславянского языка, таких, как причины возникновения тенденции к консолидации слога в праславянском языке и противоречия в его развитии. Для современного этапа важно точное инструментальное исследование звукового строя отдельных славянских языков, сопоставление результатов в этой области, полученных по отдельным языкам, поиски общего и специфического. Очень важно

сочетание фонетических фактов, в которых бы отразилась живая (литературная и диалектная) славянская речь нашей и последующих эпох. Даже записи начала века оказываются теперь ценными источниками сведений по истории орфоэпии и фонетики, а с годами ценность таких записей только возрастет. Необходимо не только ведение национальной работы в этой области, но и организация планомерной работы по созданию и обработке фонографических архивов во всех славянских странах по единому плану.

7. Среди проблем сравнительно-исторической грамматики существенное место стал занимать вопрос о семантике грамматических категорий, об их содержательной стороне. С одной стороны, изучение ее представляет самостоятельный интерес, потому что позволяет лучше понять содержательную сторону языка и ее изменение, включая отражение тех или иных элементов познания мира в грамматике. С другой стороны, понимание содержательной стороны, семантических отношений важно для установления путей возникновения формальных различий, а следовательно, кристаллизации грамматических категорий как единства семантических и формальных свойств. Так, перед славянским языкознанием стоит задача выяснения истории становления системы частей речи, содержания грамматических категорий, их формирования. Решение этих проблем возможно на основе системно-семантического подхода.

8. Актуальной задачей сравнительной грамматики славянских языков является анализ синтаксических явлений. За последние годы собран значительный материал по историческому синтаксису отдельных славянских языков, неоднократно ставился вопрос о саморазвитии и внешних влияниях в эволюции синтаксического строя. При этом важны и вопросы предложения, и вопросы словосочетания. Особого внимания заслуживает проблема формирования сложного и осложненного предложения. Здесь важен системный подход, обеспечивающий разносторонность в понимании и интерпретации синтаксических фактов.

9. Выявление причин различий в эволюции единого исходного грамматического материала представляет значительный интерес для славянского языкознания. Дело в том, что одни и те же праславянские факты по-разному

развивались в разных славянских языках. Так, в болгарском и македонском утрачено склонение, в русском и польском значительно преобразовано спряжение. Не исключая элемента случайности, необходимо вместе с тем сосредоточить внимание на поиске закономерностей в плане развития систем грамматических и звуковых явлений, поскольку именно системный анализ позволяет четче вскрыть взаимозависимости, а следовательно, и закономерности языкового развития.

10. Подготовка различного рода словарей — одна из наиболее актуальных задач специалистов по отдельным славянским языкам. Имеющиеся словари не всегда удовлетворяют высоким требованиям, их количество, если сравнить, например, с англоязычной лексикографией, невелико. Недостаточно специализированных словарей, например синонимических, обратных (инверсионных), частотных, фразеологических, ономастических, тематических, ассоциативных и прочих. Не все славянские языки имеют завершённые толковые словари. Далеко не все пары славянских языков обеспечены переводными словарями. Подготовка словарей — задача не только собственно научная, но и задача громадной практической ценности. Словари — один из главных результатов, которым лингвистика непосредственно служит обществу.

11. Одной из первейших задач современной лингвистической науки является создание системных описаний лексики различных языков. Естественно, что системное описание возможно на базе высококачественных словарей и мощной теории. Вопрос о системности лексики долго попросту не возникал, лексикон понимался как беспорядочный набор отдельных слов, в котором в лучшем случае обнаруживалось наличие стилистического расплывания и группировка слов по синонимическим, антонимическим связям, по омонимии. Очередной задачей системной лексикологии является выработка системы приемов, которые бы позволили объективно, систематически и разносторонне описать лексику.

12. Весьма актуальной задачей является сбор и сведение в единые своды материалов по диалектной лексике. В настоящее время ни один славянский язык не располагает полным диалектным словарем. Имеющиеся польский и русский словари устарели, для других славянских языков в качестве диалектных приходится исполь-

зовать словари более общего назначения; словари отдельных говоров большей частью труднодоступны. Начатое издание «Словаря русских народных говоров», а также соответствующие работы в других славянских странах, в частности в Польше, показывают, что полные своды диалектной лексики могут дать чрезвычайно много для познания лексической системы в ее истории.

13. Актуальной является и работа по созданию исторических словарей славянских языков. В настоящее время славистика располагает несколькими старославянскими словарями и «Материалами для словаря древнерусского языка» Срезневского. Для остальных славянских языков исторические словари не завершены или касаются отдельных этапов истории. Без фундаментальных лексических собраний по письменным памятникам всех славянских языков славянская историческая лексикология не может успешно развиваться. Составление таких собраний необходимо для создания полной научной истории славянских языков.

14. Почти для всех славянских языков созданы или создаются этимологические словари. Составление новых этимологических словарей продолжает оставаться актуальным в силу того, что они отражают новые материалы, новые исследовательские методики, новые подходы к фактам, результаты изучения других языков. Вместе с тем актуально и создание этимологических словарей общеславянского характера. Темпы создания этимологических словарей, требующих большой эрудиции и огромного труда, пока, к сожалению, низки. Наряду с разработкой праславянской лексики в этимологических словарях необходима также системная ее реконструкция, включающая как материальное восстановление ее элементов, так и характеристику отношений между ними.

15. Было бы важно и полезно получить общие типологические характеристики лексики языков, выработать понятие лексического типа, выяснить существенные его черты. Это позволило бы эффективнее оценивать соотношение лексических систем языков между собой. Но и до этого продуктивно сопоставление отдельных фрагментов лексикона, выявление материальных и семантических сходжений и расхождений в лексике славянских языков, использование типологических исследований для семан-

тической реконструкции праславянского лексикона и его дальнейшего развития.

16. Изучение фразеологии стало отдельной дисциплиной в послевоенные годы, хотя различного рода фразеологические собрания издавались еще в прошлом веке. Наряду с анализом фразеологии отдельных славянских языков за последние годы осуществляется сравнение славянской фразеологии как в типологическом, так и в историко-генетическом аспектах. Выявляются древние праславянские фразеологизмы, общие элементы, возникшие в результате параллельного развития, а также в процессе межславянских влияний. Реконструкция праславянской фразеологической системы и создание сопоставительных и типологических характеристик фразеологии современных славянских языков, важное для раскрытия их специфики, относится к числу очередных задач славистики.

17. На базе реконструкции звуковой, грамматической, лексической, фразеологической систем праславянского языка возможна постановка проблемы реконструкции праславянского текста как экспериментального воплощения функционирования указанных систем. Главными трудностями в решении этой проблемы являются, с одной стороны, трудности восстановления плана содержания, а с другой стороны, трудности совмещения на одном хронологическом срезе одновременных праславянских языковых фактов. Восстановление содержания требует комплексного филологического, этнографического, исторического анализа; необходимо восстановить модель мышления, порождающего соответствующее содержание. Реконструкция формы соотносима с построением истории праславянского языка как последовательного ряда синхронических срезов. Ценность решения задачи реконструкции праславянского текста в том, что оно покажет эффективность сравнительного изучения славянских языков и позволит на модели текста, синтагматической по своей природе, проверить взаимодействие элементов реконструируемой системы, парадигматической по сути, осуществить «наладку» системы на основании ее экспериментального функционирования.

18. Продуктивное понятие языковой ситуации, занимающее в последнее время немалое место в социолингвистических исследованиях, целесообразно применить

к одновременному и разноязычному славянскому материалу. Нужно выяснить типовые языковые ситуации в славянских языковых сообществах, чтобы разобраться в функционировании славянских языков на разных этапах развития, в их отношениях между собой и в их отношениях с другими языками на разных этапах развития, чтобы глубже понять культурную роль славянских языков и их общественные функции теперь и в прошлом.

19. Понятие литературного (стандартного) языка до сих пор еще является дискуссионным применительно к ранним этапам развития; решение проблемы состоит в исследовании формирования общезыковых норм, соотношения устной и письменной речи на разных этапах развития не только по функциям, но и по особенностям их структуры. Ясно, что у разных славянских народов в этом отношении судьбы не одинаковы, но ясно и то, что имеется немало схождений в общих путях становления и развития нормализованных национальных языков (а также литературных «микроязыков»), а потому возможно построение истории всех отдельных славянских литературных языков на единой теоретической базе с перспективой выявления типологических свойств отдельных языков, их становления и развития.

20. Описание стилистических систем славянских языков и их сопоставительная характеристика важны и в практическом, и в теоретическом плане. Производство различных функциональных разновидностей текстов с использованием различных языковых средств обеспечивается стилистическим разграничением этих средств. В современных славянских языках функционируют различные стилистические системы, в которых отразились особенности их формирования. Соотношение книжно-литературных, с одной стороны, и народно-разговорных средств, с другой, значительно различается по языкам, а потому малопродуктивны попытки перенесения стилистических характеристик с одних языков на другие, несмотря на близость славянских языков. Это, в конечном счете, является одной из фундаментальных трудностей межславянского художественного перевода.

21. Стилистическая характеристика художественных текстов является комплексной задачей как языковедов, так и литературоведов. В художественном тексте соединяются различные стилистические средства, используют-

ся различные функциональные стили, отражается творческая индивидуальность автора; в известном отношении это приводит к «внестилевому» положению художественной прозы. Вместе с тем художественный текст примечателен приемами особого художественного воздействия на читателя; он не только передает информацию как текст делового характера, но и является носителем эстетически значимой информации, служит целям вызова у читателя особого эффекта сопереживания. Все это обуславливает требование особого подхода к стилистике художественной речи, непосредственно связывающей лингвистический и литературоведческий подход к анализу текста. Вместе с тем поэтические приемы теснейшим образом связаны с использованием языковых средств, поэтика невозможна поэтому без лингвистического аспекта.

22. Комплексной проблемой славянской филологии является работа по дальнейшему сбору, описанию, публикации и монографическому изучению письменных памятников. Находки последних десятилетий (среди них — берестяные грамоты, Энинский апостол, Букварь Ивана Федорова) показывают, что в этой области сделано далеко не все. В различных хранилищах, а подчас и в частных руках еще могут быть обнаружены неизвестные науке ценные письменные памятники. Их поиск может быть организованным, направленным на разыскание тех памятников, находка которых предсказуема, на тщательный (в том числе экспедиционный) поиск в местах наиболее вероятного сохранения памятников; не исключены и случайные находки ценнейших письменных источников. Необходимо и продолжение описания многих памятников, хранящихся в архивах, но пока еще не ставших достоянием науки. Чрезвычайно важно продолжить издание ценных письменных памятников, которое доносило бы до читателей все существенное, что есть в оригиналах.

23. Одной из задач славянской филологии недалекого будущего станет отбор и подготовка текстов и прочих словесных материалов для хранения и обработки в машинной памяти. Часть работы по классификации таких материалов уже в течение ближайших десятилетий возможно передать машинам. Но было бы наивно думать, что такая передача станет возможной без огромной предварительной человеческой работы по оценке и обработке

таких материалов, а в дальнейшем без работы по интерпретации получаемых результатов. Машинной славистики пока нет. Но уже сейчас важно решить, какие задачи целесообразно перед ней поставить, какие материалы надо ввести в память электронно-вычислительных устройств, какие методы славистики можно преобразовать в машинные и каков путь развития этих методов.

24. В области славянского литературоведения важно решение задачи сравнительного анализа славянского фольклора и древнейших славянских художественных текстов, направленное на выявление древнейших славянских сходжений в словесном художественном творчестве. Здесь возможна и реконструкция древнейшей системы художественных средств и приемов, и поиск древних общеславянских сюжетов, и анализ черт древнейших героев славянского словесного творчества. Вполне правомерно и выявление различий, отражающих специфику истории народа, являющегося творцом новых или преобразователем унаследованных сокровищ словесного творчества.

25. В области изучения художественных литератур славянских народов за последнее время значительное внимание справедливо уделяется типологическим сходствам в развитии соотносимых явлений в литературах, в отражении тех или иных тем, в возникновении тех или иных направлений, в формировании художественных подсистем. Сходные и различные черты в общественном развитии славянских народов нашли своеобразное преломление в литературном процессе, в литературном творчестве, типологический анализ которого представляет немалый интерес.

26. Близость языков, переплетенность исторических судеб обусловили многочисленные и разнообразные взаимные влияния славянских литератур друг на друга, изучение которых продолжает оставаться актуальной проблемой литературоведения; решение этой проблемы помогает раскрыть конкретное содержание понятия «славянское культурное братство». В пору возникновения письменности и последующие века бесспорно огромное влияние болгарской, а затем южнославянской письменности на восточнославянскую. В XIX—XX вв. колоссальное воздействие на все славянские литературы оказывала русская литература. Весьма значительны влияния в

определенные периоды чешской и польской литератур на литературы других славянских народов. Особо стоит вопрос о творческом взаимодействии между отдельными писателями, о влиянии одного славянского писателя на другого. Одной из важных форм литературного взаимодействия является межславянский художественный перевод, изучение которого с различных сторон — одна из актуальных задач славянской филологии.

27. Для истории славян важна проблема этногенеза отдельных славянских народов, а также славян в целом, их древнейшей прародины и дальнейших переселений, их взаимосвязей с другими индоевропейскими и неиндоевропейскими народами в древнейший период; особое место занимают здесь славяно-балтийские связи. Процесс формирования этнических групп неотделим от процесса формирования языков, поэтому решение этногенетических вопросов может быть успешным при условии комплексного анализа всей совокупности соответствующих фактов — исторических, археологических, этнографических, лингвистических. С этногенетическими проблемами переплетается сложная проблема изучения древнейших археологических культур на славянских землях, увязки их с тем или иным этносом (племенем или группой племен), с носителями того или иного языка.

28. Несмотря на наличие немалого фонда исследований славянской народной духовной культуры, обычаев и суеверий, обрядов и верований славян, несмотря на наличие обобщающих работ в этой области, дальнейший сбор, анализ, обобщение и интерпретация фактов в этой области, как и в области материальной культуры, относятся к числу наиболее актуальных задач славянской этнографии. Соединение этих данных с данными о словесном творчестве дает возможность глубже понять древнюю жизнь славян, становление и развитие их культуры, литературы, языка.

29. В собственно исторической проблематике на первое место выдвигаются для историков-славистов проблемы исторического взаимодействия славянских народов, их совместной борьбы с общими врагами, сложных взаимоотношений между славянскими странами. Эти проблемы относятся к различным периодам исторического развития от древнейших времен до наших дней, когда славянские страны в составе мирового социалистическо-

го сообщества строят взаимоотношения между собой на принципиально новой основе. Определенное место в исследованиях историков-славистов занимают некоторые этапы в развитии славянских народов, характеризующиеся общими чертами, которые вызваны не взаимовлияниями, а сходством исторических закономерностей и близостью условий, в которых они действовали.

30. Как бы стремительно ни развивалась наука, каких бы выдающихся результатов она ни достигала, она всегда опирается на опыт предшествующих поколений ученых. В любом открытии — не только гениальное прозрение, но и кропотливый труд множества предшественников и современников открывателя. История славистики как история становления современных идей, как история неустанного научного поиска является важным разделом славистики. Обращение к истории науки обеспечивает не только преемственность, но и прогресс в развитии современного славяноведения.

* * *

Названные здесь проблемы отнюдь не исчерпывают всей той многообразной проблематики, которая охватывается исследованиями филологов-славистов, а тем более задач, стоящих перед славистами — историками, этнографами, археологами и т. д. Они лишь указывают на некоторые магистральные направления научного поиска современных славистов. Совместные усилия славистов разных стран позволят найти оптимальные решения стоящих перед нашей наукой задач и откроют пути к дальнейшему еще более глубокому познанию славянских языков, славянских литератур, славянских культур. Славянская филология — это комплекс наук, которые через анализ текстов на славянских языках и систем, при помощи которых порождаются эти тексты, стремятся познать духовную жизнь славян как составной части человечества.

Ц
 Цамблак Г. 278, 279
 Цанкар Н. 133
 Цеглева Б. 383
 Цейнова Ф. 80
 Цейлин Р. М. 33, 376
 Цесарец А. 126
 Цонев Б. 113, 333
 Цыбенко Е. З. 377
 Цыхун Г. А. 46

Ч
 Чапек К. 92, 293
 Чекановский Я. 237, 351
 Челаковский Ф. 91, 300, 301, 318
 Черных П. Я. 57, 253, 254
 Чернышев В. И. 344
 Чернышевский Н. Г. 55, 296, 302
 Чехов А. П. 54, 293, 324
 Чечот Я. 44
 Чешко Е. В. 376
 Чолакова К. 116, 388
 Чоп Б. 135, 393
 Чопич Б. 127
 Чорный К. 45
 Чукалов С. К. 116

Ш
 Шакур Л. М. 46, 51, 163
 Шаллер Г. В. 108
 Шанский Н. М. 57
 Шаур В. 386
 Шафарик П. Я. 10, 14, 18, 32, 97, 168, 171, 173, 301, 305
 Шахматов А. А. 40, 41, 55, 65, 174, 237, 307, 308, 312, 314, 319, 323—326, 329, 334, 339, 347, 370, 371
 Шведова Н. Ю. 57
 Шевченко Т. Г. 64, 293, 319
 Шенов А. 126
 Шептунов И. М. 377
 Шерлаимова С. В. 377
 Шёберг А. 33, 397
 Шиллер Ф. 319
 Широкова А. Г. 72, 95, 108, 376
 Шишков А. С. 301
 Шкерль С. 393
 Шкловский В. 311
 Шлейхер А. 22, 32, 103, 304—306, 309, 314, 318
 Шмиллауэр В. 386
 Шнайдер Л. 383
 Шобер С. 81
 Шопов А. 119
 Штаден Г. 264

ПОРТРЕТЫ СЛАВИСТОВ

Посеф Добровский 298
 Александр Христофорович Востоков 300
 Павел Йозеф Шафарик 301
 Александр Афанасьевич Потебня 302
 Август Шлейхер 304
 Франц Миклошич 305
 Ватрослав (Игнатий Викентьевич) Ягич 306
 Ян (Иван Александрович) Бодуэн де Куртенэ 309

Штибер Э. 22, 28, 72, 76, 353, 381, 382
 Штитный Т. 89
 Штольц Р. 99
 Штур Л. 97
 Шуба П. П. 46, 364
 Шульце Я. П. 99—101, 103, 105, 287, 331
 Шустер-Шевц Г. 85, 87, 394

Ш
 Щелкин В. Н. 32, 41, 284, 320
 Щерба Л. В. 56, 84, 87, 312, 343, 367, 370, 371

Э
 Эйхлер Э. 394
 Экблом Р. 397
 Эккерт Р. 394
 Эндзелли Я. (И. М.) 347, 378
 Энгельс Ф. З. 218, 229, 305
 Эрмитт Р. 396
 Эрну А. 338

Ю
 Юглер П. Г. 103, 105
 Юнгманн И. 91, 315
 Юранчич Я. 135, 392
 Юревич А. К. 51
 Юрковский М. 383
 Юрченко Г. Ф. 46

Я
 Яворов П. 113
 Ягич В. (И. В.) 18, 32, 125, 173, 254, 256, 278, 284, 301, 306—309, 316, 319, 323, 328, 334, 336, 338, 339, 357—359, 396, 401
 Ягодич Р. 396
 Якобсон Р. 22, 312, 354—356, 367, 399
 Якобссон Г. 397
 Якопин Ф. 135, 392
 Якубинский Л. П. 41, 312
 Якубица М. 83
 Янакиев М. 388, 389
 Яваш П. 87
 Ян Благослав 90, 97
 Яневски С. 119
 Янни В. Л. 266
 Янковский Ф. М. 46, 51, 363
 Янович Е. И. 51
 Янув Я. 383
 Ясеньский Б. 76
 Яфет Я. 282

Филипп Федорович Фортунатов 312
 Евфимий Федорович Карский 321
 Алексей Александрович Шахматов 323
 Антуан Меффе 337
 Леонид Арсеньевич Булаховский 347
 Стефан Младенов 351
 Тадеуш Лер-Сплавинский 352
 Виктор Владимирович Виноградов 370

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
РАЗДЕЛ I. СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ	
Общие сведения	6
Праславянский язык	19
Старославянский язык	28
Восточнославянские языки <i>в. 14</i>	33
Древнерусский язык	37
Белорусский язык <i>в. 9</i>	41
Русский язык <i>в. 7</i>	51
Украинский язык <i>в. 8, 15</i>	60
Западнославянские языки	69
Польский язык <i>10</i>	72
Серболужицкие языки <i>12</i>	81
Чешский язык <i>11</i>	87
Словацкий язык <i>11</i>	95
Полабский язык <i>12</i>	99
Южнославянские языки <i>15</i>	105
Болгарский язык <i>20</i>	109
Македонский язык <i>19</i>	116
Сербскохорватский язык <i>18</i>	121
Словенский язык <i>19</i>	130
Русинский язык	137
РАЗДЕЛ II. СЛАВЯНЕ В ДРЕВНОСТИ	
Источники	140
Из «Повести временных лет»	—
Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей	149
Восточные авторы о славянах	156
Материалы	161
Л. Нидерле. О жизни славян в древности	—
А. А. Шахматов. Славянская прародина	174
А. М. Селищев. О жизни древних славян по данным языка	179
Л. Нидерле. Одежда древних славян	183
Б. Д. Греков. Сельское хозяйство древней Руси	190
П. Н. Третьяков. Охота, рыболовство, бортничество	194
Н. Н. Воронин. Пища и утварь	198
Б. А. Рыбаков. Гончарное дело	209
З. Неудлы. Век металла. От матриархата к патриархату	215
А. В. Арциховский. Древнерусское оружие	220
Н. Ф. Лавров. Религия древних славян	224
РАЗДЕЛ III. ВОЗНИКНОВЕНИЕ СЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ	
Источники	238
Из Жития Константина Философа	—
Из Жития Мефодия	241
«О письменехъ» черноризца Храбра	—

Материалы	246
<i>А. М. Селищев</i> . Начало славянской письменности	—
<i>С. Б. Бернштейн</i> . О происхождении славянской письменности	253
<i>И. В. Ягич</i> . Из истории изучения глаголизма	256
<i>М. Н. Тихомиров, А. В. Муравьев</i> . Русская палеография	259
<i>В. Л. Янин</i> . Самые древние новгородские грамоты	268
<i>Н. И. Толстой</i> . Роль кирилло-мефодиевской традиции в истории восточно- и южнославянской письменности	273
РАЗДЕЛ IV. ИЗ ИСТОРИИ СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ	285
ЗАКЛЮЧЕНИЕ. АКТУАЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ СЛАВИСТИКИ	402
Текст для анализа на славянских языках	414
Указатель имен	423

Карта 2 (Народы Восточной Европы в середине IX в.) воспроизводится из кн.: Повесть временных лет, Ч. 2. Приложения. Статьи и комментарии Д. С. Лихачева. /Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. — М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1950. При подготовке карт славянских языков и диалектов использованы диалектологические очерки и обзоры, указанные в соответствующих параграфах пособия, и имеющиеся в них карты.

На форзацах помещены изображения деревянной дощечки с азбукой XIII в., найденной в Новгороде; камня с надгробной надписью преславского чергубила Мостича (до 969 г.), обнаруженной в Болгарии; фрагмента рукописного глаголического миссала князя Новака (1368 г.) из Хорватии; фрагмента рукописного старопольского молитвенника Вацлава (XV в.).

АДАМ ЕВГЕНЬЕВИЧ СУПРУН
АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ КАЛЮТА
ВВЕДЕНИЕ В СЛАВЯНСКУЮ ФИЛОЛОГИЮ

Редактор С. Г. Левина
Обложка В. В. Бессонова
Худож. редактор Я. П. Зельская
Техн. редактор М. Н. Кислякова
Корректор Н. Б. Назарева

ИБ 952

Сдано в набор 07.01.80. Подписано в печать 24.02.81. АТ 18027. Формат 84×108²/₁₆. Бумага типогр. № 1. Гарнитура литературная. Высокая печать. Усл. печ. л. 22,68+0,125 форз. Усл. кр. отт. 22,89. Уч.-изд. л. 24,35. Тираж 8000 экз. Зак. 393. Цена 1 р. 10 к.

Издательство «Высшая школа» Государственного комитета БССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 220048. Минск, проспект Машерова, 11.

Полиграфический комбинат им. Я. Коласа. 220005, Минск, ул. Красная, 23.